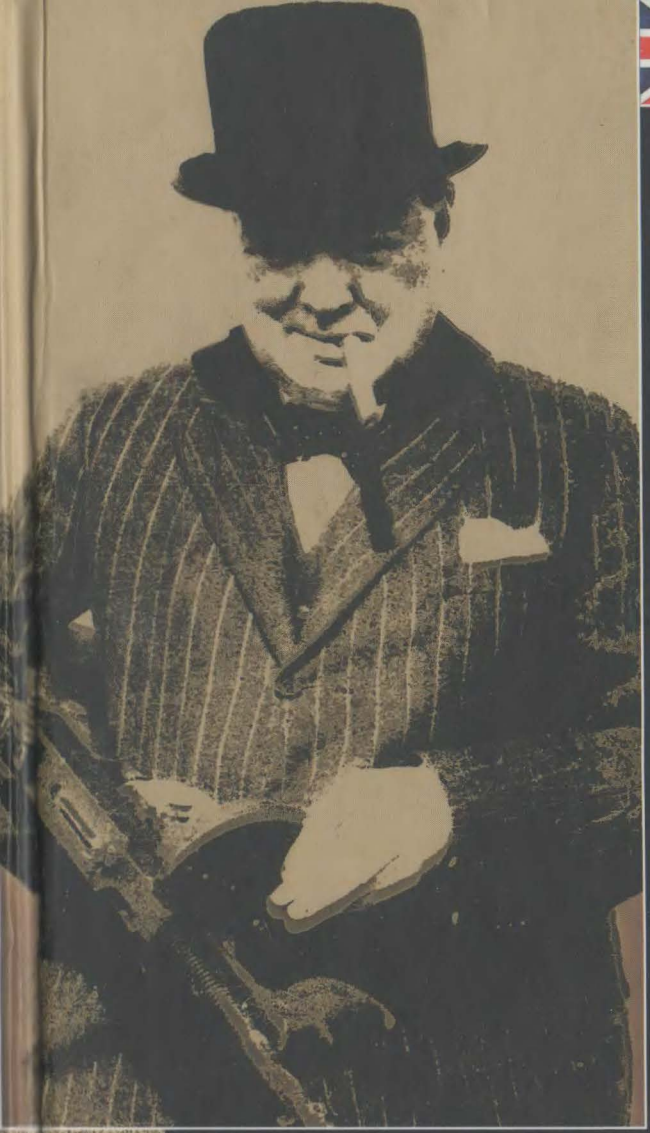

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1

Надвигающаяся буря

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997

УДК 930.9
ББК 63(0)62
Ч-50

Перевод с английского под редакцией
А. ОРЛОВА

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Черчилль У. С.

Ч-50 Вторая мировая война: В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. — 336 с.

ISBN 5-300-01537-7 (т. 1)
ISBN 5-300-01536-9

«Вторая мировая война» — главный литературный труд крупнейшего политического и государственного деятеля Великобритании XX века Уинстона Спенсера Черчилля (1874—1965). Над этими мемуарами, содержащими богатейший фактический материал, автор работал с 1945 по 1954 г.

В первый том — «Надвигающаяся буря» — вошли первая («От войны к войне») и вторая («Сумерки войны») части книги, посвященные соответственно периодам с 1919 по 1939 г. и с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г.

УДК 930.9
ББК 63(0)62

ISBN 5-300-01537-7 (т. 1)
ISBN 5-300-01536-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

В ваших руках самые фундаментальные мемуары о второй мировой войне. Их автор — внук седьмого герцога Мальборо Уинстон Спенсер Черчилль, крупнейший политический и государственный деятель Великобритании XX века. «Из всех деятелей прошлого, перед которыми наша нация в огромном долгу за руководство и сохранение нашей независимости в опасные времена, — таких, как Елизавета I, Дрейк, Кромвель, Мальборо, Старший и Младший Питты, Нельсон — мы всего больше в долгу перед Черчиллем. Потому что мы никогда не находились в таком опасном положении, как в 1940 году», — пишет английский историк А. Л. Раус.

Нет смысла в краткой вступительной статье даже пытаться проанализировать роль Черчилля во второй мировой войне, не говоря уж об истории XX века. Интересующихся отсылаем к наиболее полной и обстоятельной биографии Черчилля советского историка В. Г. Трухановского.

Враг молодой советской республики с первых же дней ее существования, Черчилль оказался способным провозгласить, что уже с началом второй мировой войны гитлеровская Германия стала средоточием мирового зла, для борьбы с которым оправдан союз с СССР. Вместе со Сталиным и Рузвельтом он стоял у колыбели зарождения антигитлеровской коалиции.

Сотни книг дают богатую информацию о взаимоотношениях союзников. Споры о том, мог бы СССР выиграть войну в одиночку или справились бы Великобритания и США с Гитлером без содействия Красной Армии, стихли за бессмысленностью. Войну выиграла коалиция; этого не отменишь и не переделаешь.

...На первых послевоенных парламентских выборах лейбористы одержали победу, и Черчилля на Потсдамской конференции трех держав сменил Клемент Эттли. Черчилль воспринял известие внешне спокойно и... засел писать мемуары. Он всегда много писал. Ему было что сказать своим читателям. «Лорд Рандольф Черчилль» (1938 г.), «Мировой кризис» (1931 г.), «Мальборо, его жизнь и время» (1938 г.), «История народов, говорящих на английском языке» (1958 г.)...

Но, конечно же, его основным трудом является «Вторая мировая война», над которой он активно работал с 1945 и по 1954 год. Черчилль собрал вокруг себя группу экспертов, в которую входили военные специалисты, историки и литераторы, и группу опытных секретарей, работавших в две смены по восемь часов. В задачу экспертов входила проверка фактов, отбор материалов, подготовка записок, а секретари, меняясь, записывали за Черчиллем, затем расшифровывали надиктованное им, редактировали и т. д. За две смены Черчилль надиктовывал до девяти тысяч слов! Позже возникла третья группа. В ее задачу входила рекламная кампания будущего издания.

Успех был ошеломляющим! «Санди таймс» писала в 1965 году: «Очень немногие авторы в XX столетии получили больше денег от продажи своих книг, чем сэр Уинстон Черчилль!» И Нобелевскую премию по литературе Черчилль получил в первую очередь за труд «Вторая мировая война».

Охват событий в книге огромен. Она содержит богатейший материал, без которого сегодня не может обойтись ни один историк-исследователь. Работая над своими воспоминаниями, Черчилль надеялся, что «они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества».

МОРАЛЬ ЭТОГО ТРУДА

В ВОЙНЕ — РЕШИТЕЛЬНОСТЬ
В ПОРАЖЕНИИ — МУЖЕСТВО
В ПОБЕДЕ — ВЕЛИКОДУШИЕ
В МИРЕ — ДОБРАЯ ВОЛЯ

Надвигающаяся буря

ТЕМА ДАННОГО ТОМА

КАК НАРОДЫ, ГОВОРЯЩИЕ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ,
ИЗ-ЗА СВОЕГО
НЕБЛАГОРАЗУМИЯ,
ЛЕГКОМЫСЛИЯ И
ДОБРОДУШИЯ ПОЗВОЛИЛИ
ВНОВЬ ВООРУЖИТЬСЯ
СИЛАМ ЗЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я рассматриваю тома настоящего труда «Вторая мировая война» как продолжение истории первой мировой войны, изложенной мною в книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «Последствия». Если данный труд будет завершен, вместе они составят летопись новой Тридцатилетней войны.

Как и в предыдущих томах, я по возможности придерживался метода Дефо, автора «Записок кавалера», где рассказ о событиях его личной жизни служит той нитью, на которую нанизываются факты истории и рассуждения по поводу важных военных и политических событий. Я являюсь, пожалуй, единственным человеком, который занимал видное место в правительстве во время обоих величайших катаклизмов, известных истории. При этом если во время первой мировой войны я занимал хотя и ответственные, но все же подчиненные посты, то во время второй битвы с Германией я пять с лишним лет был главой правительства его величества. Поэтому в настоящей работе я оцениваю события с иной точки зрения и с большим авторитетом, чем это возможно было в более ранних моих книгах.

Почти всю свою официальную работу я выполнял, диктуя секретарям. Меморандумы, директивы, личные телеграммы, памятные записки, составленные мною за то время, что я был премьер-министром, насчитывают в общей сложности около миллиона слов. Эти документы, составлявшиеся изо дня в день под влиянием событий и на основе сведений, имевшихся лишь в тот момент, несомненно, окажутся во многих отношениях несовершенными. Тем не менее в совокупности они дают представление об этих грандиозных событиях в свете их тогдашней оценки человеком, который нес главную ответственность за ведение войны и за политику Британского Содружества наций и империи. Я сомневаюсь, чтобы где-либо и когда-либо существовала другая подобная летопись повседневного руководства войной и государственными делами. Я не называю ее историей: это задача другого поколения. Но я с уверенностью могу утверждать, что это вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем.

Эти тридцать лет практической деятельности и пропаганды моих взглядов составляют дело моей жизни, служат его выражением, и я согласен, чтобы обо мне судили по ним. Я придерживался своего правила — никогда не критиковать задним числом какое бы то ни было военное или политическое мероприятие, если только я ранее не высказывал публично или официально своего мнения о нем, либо предостережения. Во многих случаях я даже смягчил резкость споров, имевших место в свое время. Мне не хотелось писать об этих разногласиях со столь многими людьми, которым я симпатизировал или которых уважал, но было бы неправильным лишать будущее уроков прошлого. На этих благородных, преисполненных добрых намерений людей, действия которых запечатлены на страницах данной книги, никто не должен смотреть свысока, не заглянув прежде в свое собственное сердце, не дав себе отчета в выполнении собственного общественного долга и не применив к собственному поведению в будущем уроков прошлого.

Не следует думать, что я ожидаю, чтобы все согласились с высказываемыми мною взглядами, и тем более, что я пишу в расчете на популярность. Выступая со своим свидетельством, я руководствуюсь теми принципами, которые исповедую. Мною было сделано все возможное для проверки фактов, однако из захваченных документов и других появляющихся материалов постоянно выявляется многое, что может представить в новом свете выводы, к которым я пришел. Вот почему важно опираться на подлинные записи соответствующего периода и на высказывания, которые делались в ту пору, когда все еще было неясным.

Президент Рузвельт сказал мне однажды, что он публично просил вносить предложения относительно названия, которое должно быть присвоено этой войне. Я тотчас же предложил свое: «Ненужная война». Войну, которая совсем недавно разрушила то немногое, что уцелело от мира после предыдущей битвы, легче было остановить, чем любую другую. Несмотря на все усилия и жертвы, принесенные сотнями миллионов людей, несмотря на победу правого дела, мы все еще не обрели мира и безопасности, и нам грозят опасности, большие чем те, которые мы преодолели. В этом высшая точка трагедии человечества. Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

Чартуэлл
Уэстерхэм,
Кент.
Март 1948 г.

Уинстон Спенсер Черчилль

Часть первая
ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ (1919—1939 гг.)

Глава первая

БЕЗРАССУДСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. Это сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие. Фраза «война за прекращение войн» была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность. Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций овладела умами. Английская делегация в Версале воплотила его идеи в форму документа, который навсегда останется вехой на трудном пути человечества. Победоносные союзники были в то время всемогущими, поскольку речь шла об их внешних врагах. Им приходилось, правда, сталкиваться с серьезными внутренними трудностями и многочисленными проблемами, на которые у них не было ответа, но на громадном пространстве Центральной Европы тевтонские державы, вызвавшие во всем мире смуту, лежали поверженные перед ними, а Россия, уже измолоченная германским цепом, сотрясалась гражданской войной и все больше подпадала под власть большевистской, или коммунистической, партии.

* * *

Летом 1919 года союзные армии стояли вдоль Рейна, а их плацдармы вдавались далеко в глубь побежденной, разоруженной и голодающей Германии. В Париже руководители держав-победительниц вели споры и дискуссии относительно будущего. Перед ними лежала карта Европы, которую им предстояло перекроить по своему усмотрению. После 52 месяцев отчаянной борьбы, полной опасностей, судьба тевтонской коалиции зависела от милости победителей, и ни один из ее четырех участников не мог оказать ни малейшего сопротивления их воле. Германия, главарь и предводитель преступных сил, которую считали главной виновницей катастрофы, обрушившейся на весь мир, находилась во власти победивших государств, которые и сами едва держались на ногах после пережитых ими му-

чений. К тому же закончившаяся война была войной народов, а не правительств. Жизненная энергия величайших наций вся без остатка излилась в гневе и кровавой бойне. Военных руководителей, собравшихся в Париже, вынесла туда на своем гребне самая мощная и самая яростная волна, когда-либо вздымавшаяся в истории человечества. Давно миновали времена Утрехтского и Венского договоров, когда аристократические государственные деятели и дипломаты — как победители, так и побежденные — собирались для вежливых и учтивых споров и, не ведая трескотни и разноголосицы демократии, могли перекраивать политические системы на основе принципов, разделявшихся всеми ими. Ныне руководителей обступали народы, десятки миллионов людей, доведенных до исступления страданиями и увлеченных различными доктринами, рассчитанными на массы. Они требовали, чтобы возмездие было осуществлено в полной мере. И горе руководителям, вознесенным ныне своим триумфом на головокружительные вершины, если за столом конференции они откажутся от того, что было завоевано солдатами на сотнях кровавых полей сражений!

Франция играла ведущую роль, на что ей давали право как ее усилия, так и понесенные ею потери. Около полутора миллионов французов погибло, защищая землю Франции от вторгнувшегося врага. Колокольни собора Парижской Богоматери пять раз на протяжении ста лет — в 1814, 1815, 1870, 1914, 1918 годах — видели пламя, вырывавшееся из жерл прусских пушек, и слышали грохот их канонады. В течение ужасных четырех лет тринадцать провинций Франции находились в жестоких тисках прусского военного управления. Обширные районы систематически опустошались врагом либо покрывались развалинами в результате столкновения армий. От Вердена до Тулона не было такого дома, такой семьи, где бы не оплакивали своих погибших или не имели своих калек. Французам, которые сражались и страдали в 1870 году, — а таких в высших сферах было много, — казалось почти чудом, что Франция вышла победительницей из несравненно более страшной борьбы, которая только что закончилась. Всю свою жизнь они пребывали в страхе перед Германской империей. Они помнили превентивную войну, которую Бисмарк стремился развязать в 1875 году; они помнили грубые угрозы, вынудившие Делькассе уйти со своего поста в 1905 году; в 1906 году их потрясла марокканская угроза, в 1908 году — боснийский конфликт и в 1911 году — агадирский кризис. В Англии и Америке могли смеяться над «бронированным кулаком» кайзера и его речами о «сверкающем оружии», но в сердцах французов они звучали зловещим предвестником ужасных реальных событий. В страхе перед германским оружием они прожили почти пятьдесят лет. И вот ценой своей крови они сбросили с себя давно давившую их тяжесть. Наконец-то обретены мир и без-

опасность. В едином страстном порыве французский народ воскликнул: «Никогда больше!»

Однако будущее внушало мрачные предчувствия. Население Франции составляло менее двух третей населения Германии. При этом численность французского населения оставалась постоянной, в то время как германское население росло. Через десять лет, а быть может, и раньше, Германия должна была располагать вдвое большим, чем Франция, ежегодным контингентом молодежи призывного возраста. Германия почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила. Люди, осведомленные больше других, отлично знали, что исход великой войны не раз был под вопросом, и лишь разного рода случайности перевесили роковую чашу весов. Какие имелись шансы на то, что в будущем на полях Франции или на Востоке снова появятся миллионные армии великих союзников? Разорение и потрясение, пережитые Россией, сделали ее совершенно непохожей на прежнюю. Италия могла оказаться на стороне противника. Великобритания и Соединенные Штаты были отделены от Европы морями и океанами. Франция, истощенная, с поредевшим населением, но чувствовавшая себя бесспорной госпожой момента, вглядывалась в будущее со смешанным чувством благодарного удивления и гнетущего страха. Где же была та безопасность, без которой все, что было завоевано, теряло свою ценность и сама жизнь даже в разгар победных торжеств становилась едва выносимой? Жизненной необходимостью была безопасность — безопасность любой ценой, любыми средствами, как бы ни были они суровы или даже жестоки.

* * *

В день перемирия германские армии в полном порядке начали отход на родину. Увенчанный лаврами генералиссимус союзных армий маршал Фош, повинуясь чувствам солдата, заявил: «Они хорошо сражались. Оставим им их оружие». Однако он потребовал, чтобы французская граница отныне проходила по Рейну. Германия могла быть разоружена, ее военная система полностью разбита, а ее крепости срыты; Германию можно разорить, ее можно обложить неограниченной контрибуцией; она может стать жертвой внутренних распрей — но все это минует через десять или двадцать лет. И тогда снова воспрянет несокрушимая мощь «всех германских племен», вновь запылают неугасимые огни воинственной Пруссии. Но Рейн, широкий, глубокий и быстро текущий Рейн, укрепленный и находящийся в руках французской армии, явится барьером и щитом, под прикрытием которого многие поколения французов смогут жить спокойно. Совершенно иными, однако, были настроения и взгляды стран английского языка, без помощи которых Франция была бы

побеждена[1]. Территориальные статьи Версальского договора оставляли Германию фактически нетронутой. Она по-прежнему оставалась крупнейшим однородным национальным массивом в Европе. Маршал Фош, услыхав о подписании Версальского мирного договора, удивительно верно сказал: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет».

* * *

Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. В этом диктате нашли свое отражение гнев держав-победительниц, а также вера их народов, что побежденную страну или какое-либо сообщество людей можно обложить такой данью, которая способна возместить стоимость современной войны.

В действительности, однако, эти статьи не были выполнены. Напротив, в то время как общая сумма германских активов, захваченных странами-победительницами, составляла около одного миллиарда фунтов стерлингов, Германии было предоставлено несколько лет спустя, главным образом Соединенными Штатами и Великобританией, более полутора миллиардов фунтов, что дало ей возможность быстро ликвидировать разрушения, причиненные войной. Но так как эти по видимости великодушные действия все еще сопровождались механически повторяемыми воплями несчастного и озлобленного населения стран-победительниц и заверениями их правителей, что Германию заставят

[1] Автор умалчивает о роли России в оказании помощи западным союзникам, и в частности Франции. Восточно-Прусская операция русской армии, проведенная в августе—сентябре 1914 г., хотя и окончилась неудачей, имела важные стратегические результаты для стран Антанты. Немцы были вынуждены перебросить с французского фронта в Восточную Пруссию два корпуса и дивизию. Еще один корпус был выведен из сражения и подготовлен к отправке. Все это ослабило немецкую группировку на западе и явилось одной из причин поражения германской армии в сражении на р. Марна в начале сентября 1914 г. Был сорван план немецкого командования бить союзников поодиночке.

В кампании 1915 г. центр борьбы переместился на русско-германский фронт, где действовало 107 немецких дивизий (в 1914 г. — 52). Это обеспечило Франции и Англии передышку для мобилизации экономики на нужды войны.

В 1916 г. наступление Юго-Западного фронта русской армии (Брусиловский прорыв) вынудило немцев перебросить на Восточный фронт с Западного и итальянского фронтов 30 пехотных и три кавалерийские дивизии. Оно облегчило положение французов у Вердена и заставило немцев прекратить наступательную Трентинскую операцию, способствовало ускорению распада Австро-Венгрии и выступлению Румынии на стороне Антанты. Русское наступление наряду с наступлением союзников на р. Сомма положило начало перелому в пользу Антанты в ходе первой мировой войны. — *Здесь и далее комментарии и сноски, кроме специально оговоренных, кандидата исторических наук А. С. Орлова.*

заплатить «все до последнего гроша», нечего было ожидать со стороны немцев благодарности или доброжелательности.

Германия уплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее — в особенности. В течение трех лет, с 1926 по 1929 год, США получили отовсюду в виде взносов в погашение долгов всего лишь около одной пятой той суммы, которую они предоставили Германии без всякой надежды на возврат. Ложные представления относительно помощи побежденной стране в сочетании с выгодной процентной ставкой по займам побудили и английских вкладчиков принять в них участие, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем американских. Таким образом, Германия получила в виде займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, выплаченных ею в той или иной форме путем передачи своих активов или валютных ресурсов в иностранных государствах или путем ловких манипуляций с колоссальными американскими займами.

Такова печальная история этой идиотской путаницы, на которую было затрачено столько труда и сил.

* * *

Другой важнейшей трагедией был полный развал Австро-Венгерской империи в результате заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров. На протяжении многих столетий это уцелевшее воплощение «Священной Римской империи» давало возможность совместно жить, пользуясь преимуществами торговли и безопасности, большому числу народов, из которых в наше время ни один не обладал достаточной силой или жизнеспособностью, чтобы в одиночку противостоять давлению со стороны возрожденной Германии или России. Все эти народы хотели вырваться из рамок федерации или империи, и поощрение их в этом стремлении считалось либеральным политическим курсом. Происходила быстрая балканизация Юго-Восточной Европы, что имело своим следствием относительное усиление германского рейха, который несмотря на усталость от войны и причиненные ею разрушения оставался в целости и располагал в этом районе подавляющей мощью.

Каждый народ, каждая провинция из тех, что составляли когда-то империю Габсбургов, заплатили за свою независимость такими мучениями, которые у древних поэтов и богословов считались уделом лишь обреченных на вечное проклятие.

Вена, эта благородная столица, очаг так долго защищавшейся культуры и традиций, центр столь многих шоссейных, речных и железнодорожных путей, была оставлена коченеть

от холода и голодать, подобно торговому центру в разоренном районе, покинутом большинством жителей.

Победители навязали немцам все то, что было идеалом, к которому издавна стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени обязательной воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. Наконец, несмотря на то что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, соответствовавшая всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императоров избраны были ничтожества. Под этим тонким покровом бушевали страсти могучей, побежденной, но в основном оставшейся целой германской нации. Предубеждение американцев против монархии, которое Ллойд Джордж не пытался рассеять, ясно показало поверженной империи, что в качестве республики она сможет рассчитывать на лучшее обращение со стороны союзников, нежели в качестве монархии. Если бы мы придерживались мудрой политики, мы увенчали бы и укрепили Веймарскую республику конституционным монархом в лице малолетнего внука кайзера, поставив над ним регентский совет. Вместо этого в национальной жизни германского народа образовалась зияющая пустота. Все сильные элементы как военные, так и феодальные, которые могли бы объединиться для поддержки конституционной монархии и ради нее стали бы уважать и соблюдать новые демократические и парламентарные порядки, оказались на время выбитыми из колеи. Веймарская республика при всех ее достоинствах и совершенствах рассматривалась как нечто навязанное врагом. Она не сумела завоевать преданность или захватить воображение германского народа. Одно время он пытался в отчаянии ухватиться за престарелого маршала Гинденбурга. Затем мощные силы устремились по воле волн. Пустота раскрылась, и через некоторое время в эту пустоту вступил неукротимый маньяк, носитель и выразитель самых злобных чувств, когда-либо разъедавших человеческое сердце, — ефрейтор Гитлер.

* * *

Франция была обескровлена войной. Поколение французов, с 1870 года мечтавшее о реванше, добилось триумфа, но гибельной для национального организма ценой. Зарю победы Франция встретила изможденной. Глубокий страх перед Германией обуял французский народ на другой же день после его ослепительного успеха. Именно этот страх побудил маршала Фоша требовать, чтобы граница Франции проходила по Рейну для обеспечения ее безопасности от гораздо более сильного соседа. Однако английские и американские государственные деятели считали, что

включение во французскую территорию районов с немецким населением противоречило бы Четырнадцати пунктам, а также принципам национализма и самоопределения, на которых должен был основываться мирный договор. Поэтому они выступали против требований Фоша и Франции. Они заручились поддержкой Клемансо, пообещав ему, во-первых, совместную англо-американскую гарантию обороны Франции, во-вторых, демилитаризованную зону и, в-третьих, полное и длительное разоружение Германии. Клемансо согласился на это, невзирая на протесты Фоша и вопреки собственному чутью. Таким образом, Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо подписали гарантийный договор. Сенат Соединенных Штатов отказался ратифицировать договор[1]. Он не посчитался с подписью Вильсона. Нам, так считавшимся с мнениями и желаниями Вильсона во всем, что касалось установления мира, без особых церемоний было заявлено, что мы должны были бы лучше знать американскую конституцию. Французский народ, объятый страхом, гневом и смятением, тотчас же отказался от услуг Клемансо, этого сурового, властного человека с его мировым авторитетом и исключительными связями в английских и американских кругах. «Неблагодарность по отношению к своим великим людям, — говорит Плутарх, — есть характерная черта сильных народов». Однако со стороны Франции неблагоразумно было проявлять эту черту теперь, когда она была так прискорбно ослаблена. Восстановлению ее сил очень мало способствовало возобновление интриг между различными группировками и непрерывная смена правительств и министров, столь характерные для Третьей республики, — сколь бы выгодными или занятными эти интриги ни казались их участникам.

Пуанкаре, сильнейший из преемников Клемансо, пытался создать независимое Рейнское государство под покровительством и контролем Франции. Эта затея не имела ни малейших шансов на успех. Пытаясь принудить Германию к выплате репараций, он не поколебался с этой целью вторгнуться в Рурскую область. Эта мера, конечно, вынуждала Германию к соблюдению договорных обязательств, но она была сурово осуждена английским и американским общественным мнением.

Озлобление англичан против Германии, столь сильное вначале, очень скоро уступило место столь же сильному противоположному чувству. Возник разлад между Ллойд Джорджем и Пуанкаре, неуживчивый характер которого служил помехой его

[1] Сенат США отказался ратифицировать Версальский мирный договор из-за нежелания связывать США участием в Лиге Наций, устав которой был составной частью договора. Причиной тому было преобладание в Лиге Наций влияния Англии и Франции, что не устраивало правящие круги США. Отказавшись от ратификации Версальского договора, США заключили с Германией в августе 1921 г. отдельный договор, почти идентичный Версальскому, но не содержавший статей о Лиге Наций.

твердой и дальновидной политике. Обе страны разошлись как во взглядах, так и в действиях, и англичане стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею.

* * *

Едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отреклись от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 года.

На другой же день после победы республиканцев по ту сторону Атлантики восторжествовали изоляционистские идеи. Согласно этим идеям Европе надо предоставить возможность вариться в собственном соку, и пусть она платит свои долги, как положено по закону.

На Вашингтонской конференции 1921 года Соединенные Штаты внесли далеко идущие предложения по морскому разоружению, и английское и американское правительства рьяно начали топить свои линкоры и разрушать свои военные базы. Все это делалось на основе довольно странной логики, согласно которой аморально разоружать побежденных, если и победители в свою очередь не лишат себя оружия. Англия и Соединенные Штаты осуждали Францию, которая была лишена и границы по Рейну, и гарантийного договора за то, что она сохранила, хотя и в сильно сокращенном размере, свою армию на основе всеобщей воинской повинности.

Соединенные Штаты дали понять Англии, что сохранение ее союза с Японией, который японцы так щепетильно соблюдали, будет служить помехой в англо-американских отношениях. В связи с этим союз был аннулирован. Этот акт произвел глубокое впечатление в Японии и был расценен как пощечина азиатской державе со стороны западного мира. Тем самым были порваны многие связи, которые в дальнейшем могли оказаться чрезвычайно ценными для сохранения мира. Таким образом, как в Европе, так и в Азии победоносные союзники быстро создавали обстановку, при которой во имя мира расчищался путь для новой войны.

Пока под неумолчный аккомпанемент благонамеренных банальностей, повторявшихся по обе стороны океана, происходили все эти досадные события, в Европе появился новый источник распри, более серьезный, чем империализм царей и кайзеров. Гражданская война в России завершилась полной победой большевистской революции. Правда, советские армии, двинувшиеся на покорение Польши, были отражены в битве под Варшавой, но Германия и Италия едва не стали жертвой коммунистических замыслов и пропаганды, а Венгрия действительно подпала времен-

но под власть коммунистического диктатора Белы Куна. Хотя, по справедливому замечанию Фоша, «большевизм никогда не пересекал границ победителей», все же в первые послевоенные годы сотрясался весь фундамент европейской цивилизации. Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма[1]. В то же самое время, когда ефрейтор Гитлер оказывал услугу немецкому офицерству в Мюнхене, возбуждая у солдат и рабочих лютую ненависть к евреям и коммунистам, на которых он возлагал вину за поражение Германии, другой авантюрист — Бенито Муссолини предложил Италии новую форму правления, которая под предлогом спасения итальянского народа от коммунизма обеспечивала самому Муссолини диктаторскую власть. Так были поставлены на ноги эти родственные движения, коим суждено было в скором времени ввергнуть весь мир в еще более ужасную битву, которую никто не назовет окончившейся даже после их сокрушения.

* * *

Тем не менее оставалась еще прочная гарантия мира. Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и иное оружие были уничтожены. Ее флот был уже потоплен в Скапа-Флоу самими немцами. Ее огромная армия была распущена. По Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую 100 тысяч человек, с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы. Теперь не было ежегодных очередных наборов рекрутов, которые проходили бы военное обучение; кадровый личный состав армии был распущен. Прилагались все усилия к тому, чтобы свести численность офицерского корпуса к минимуму. Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию. Запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн. Советская Россия была отгорожена от Западной Европы кордоном неистово ненавидевших большевизм государств, которые порвали с бывшей империей царей, принявшей теперь новую, еще более ужасную форму. Польша и Чехословакия, гордо подняв голову, провозгласили независимость, и их позиции в Центральной Европе казались прочны-

[1] Автор рассматривает фашизм как политическое течение в капиталистических странах, порожденное победой революции под руководством коммунистов в России, как реакцию капиталистической системы на прокатившуюся по миру после первой мировой войны революционную волну, в которой немалую роль играли коммунистические партии. Отсюда и «детище коммунизма».

ми. Увенчанная лаврами французская армия была самой могучей военной силой в Европе, с которой никто не мог равняться; на протяжении нескольких лет считалось также, что и французская авиация является первоклассной.

Вплоть до 1934 года могущество победителей никем не оспаривалось в Европе да, собственно говоря, и во всем мире. На протяжении всех этих шестнадцати лет не было такого момента, когда бы три бывших союзника или хотя бы Англия с Францией и их друзья в Европе не были бы в состоянии простым усилием воли держать в границах вооруженную мощь Германии, выступая от имени Лиги Наций и используя ее международный авторитет. Вместо этого вплоть до 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточивали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю. Поскольку эти платежи могли производиться лишь благодаря гораздо более крупным американским займам, вся эта процедура сводилась к полнейшему абсурду. Единственным ее плодом было чувство вражды.

С другой стороны, строгое соблюдение статей мирного договора о разоружении в любой период до 1934 года обеспечило бы на неограниченный срок без всякого насилия и кровопролития мир и безопасность человечества. Однако пока нарушения оставались мелкими, этим пренебрегали, когда же они стали серьезными, от этого начали уклоняться. Так была отброшена последняя гарантия длительного мира. Преступления побежденных находят свое объяснение, но, конечно, отнюдь не оправдание, в безрассудстве победителей. Если бы не это безрассудство, не было бы ни соблазна, ни возможностей для преступления.

* * *

На этих страницах я пытаюсь воспроизвести некоторые из событий и впечатлений, из которых в моем сознании складывается история самой страшной трагедии, когда-либо обрушивавшейся на человечество за всю его бурную историю. Она проявилась не только в уничтожении жизней и материальных ценностей, неотделимом от войны.

Во второй мировой войне всякие связывавшие людей узы исчезли. Немцы совершили под гитлеровским владычеством, на которое они сами позволили себя обречь, такие преступления, которые во всей истории человечества не имеют себе равных по масштабам и злобности. Массовое и систематическое истребление шести или семи миллионов мужчин, женщин и детей в немецких лагерях смерти затмевает своей чудовищностью резню, наспех учинявшуюся Чингисханом, масштабы этой последней кажутся сравнительно ничтожными. Отврати-

тельные бомбардировки немцами открытых городов с воздуха вызвали двадцатикратный по своей мощи ответ со стороны все возраставших воздушных сил союзников. Он достиг своего кульминационного пункта в применении атомных бомб, которые стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки.

И вот мы наконец миновали период такого материального разрушения и упадка морали, какие в прежние века нельзя было себе даже и представить. Но после всего пережитого и достигнутого нами мы все еще стоим перед проблемами и опасностями ничуть не менее, а несравненно более грозными, чем те, с которыми мы с таким трудом справились.

Как один из тех, кто жил и действовал в те дни, я ставлю своей целью показать прежде всего, как легко можно было бы предотвратить трагедию мировой войны; как злонамеренность порочных была подкреплена слабостью добродетельных; как в структуре и обычаях демократических государств, если только они не сольются в более крупные организмы, отсутствуют те элементы устойчивости и убежденности, которые только и могут обеспечить безопасность простым людям. Мы увидим, как призывы к благоразумию и сдержанности могут стать главным источником смертельной опасности; как средний курс, избранный под влиянием стремления к безопасности и спокойной жизни, может оказаться ведущим к катастрофе. Мы увидим абсолютную необходимость широких международных действий, постоянно совместно осуществляемых многими государствами, независимо от каких-либо перемен в их внутренней политике.

Не трудно было сохранить Германию в течение тридцати лет разоруженной, а победителей — должным образом вооруженными. Тем временем, даже если бы не удалось достигнуть примирения с Германией, следовало создавать и всемерно укреплять подлинную Лигу Наций, способную обеспечить соблюдение договоров, с тем чтобы они могли изменяться лишь на основе обсуждения и соглашения. Когда три или четыре могущественных правительства, выступая совместно, потребовали самых страшных жертв от своих народов, и эти жертвы были добровольно принесены ради общего дела, когда наконец долгожданный результат был достигнут, казалось разумным ожидать, что согласованность действий будет сохранена, хотя бы в наиболее существенном. Однако победители не смогли выполнить этого скромного требования, несмотря на всю свою мощь, цивилизацию, знания и науку. Они жили сегодняшним днем, без уверенности в будущем и от одних выборов до других, пока через каких-нибудь двадцать лет не прозвучал страшный сигнал, оповестивший о второй мировой войне.

Глава вторая

МИР В СВОЕМ ЗЕНИТЕ (1922—1931 гг.)

В 1922 году в Англии появился новый лидер. В годы мировой драмы Стенли Болдуин не был известен и не привлекал к себе внимания. Во внутренних делах его роль также в то время была скромной. Во время войны он был начальником одного из управлений в министерстве финансов, а в описываемый период — министром торговли. Руководящее положение в английской политике он стал занимать с октября 1922 года, когда вытеснил Ллойд Джорджа, и до мая 1937 года, когда, осыпанный почестями и окруженный всеобщим уважением, он сложил с себя тяжкое бремя своих обязанностей и с достоинством молча удалился в свою усадьбу в Вустершире.

В начале 1923 года Бонар Лоу отказался от поста премьер-министра, удалился от дел и вскоре скончался, сраженный жестоким недугом. Его преемником на посту премьера стал Болдуин.

Так начался четырнадцатилетний период, который можно назвать «правлением Болдуина—Макдональда». В течение всего этого времени Болдуин был если не официально, то фактически либо главой правительства, либо лидером оппозиции. Поскольку же Макдональд никогда не располагал достаточным большинством, Болдуин в обеих своих ролях — в правительстве или в оппозиции — являлся руководящей политической фигурой в Англии. Эти два государственных деятеля управляли страной вначале поочередно, а затем в политическом содружестве.

Около пяти лет я жил рядом с Болдуином, на Даунинг-стрит, 11. Почти каждое утро, направляясь в министерство финансов, я заглядывал к нему, чтобы потолковать несколько минут. Поскольку я был одним из его ближайших коллег, я нес свою долю ответственности за все, что произошло в тот период. Эти пять лет были ознаменованы весьма значительным восстановлением экономики страны. Это был период деятельности умелого, уравновешенного правительства, которое из года в год постепенно добивалось заметного улучшения.

Особенно отличилось наше правительство в Европе.

* * *

В Германии пришел теперь к власти Гинденбург. Фридрих Эберт лидер германской социал-демократической партии до войны и первый после поражения президент Германской республики, умер в конце февраля 1925 года. Предстояли выборы

нового президента. Народ был измучен и сбит с толку всем тем, что ему пришлось пережить, а многочисленные партии и группы боролись друг с другом за власть и влияние.

Вся эта смута породила сильное желание обратиться за помощью к старому фельдмаршалу фон Гинденбургу, проживавшему в достойном уединении. Гинденбург оставался верен изгнанному императору и был сторонником восстановления монархии «по английскому образцу».

Соперниками Гинденбурга на выборах выступали кандидат партии католического центра Маркс и коммунист Тельман. В воскресенье 26 апреля вся Германия голосовала. Разница между числом голосов, собранных первыми двумя кандидатами, неожиданно оказалась незначительной:

Гинденбург — 14 655 760
Маркс — 13 751 615
Тельман — 1 931 151

Несмотря на то что просдавленное имя Гинденбурга, его нежелание выставлять свою кандидатуру и незаинтересованность в победе на выборах давали ему огромные преимущества перед его соперниками, он был избран большинством менее чем в миллион голосов, не получив абсолютного большинства. Когда сын Оскар разбудил его в 7 часов утра, чтобы сообщить об избрании, он с упреком сказал ему: «Зачем тебе понадобилось будить меня на целый час раньше? Ведь ничего бы не изменилось и в 8 часов». С этими словами он вновь уснул и проспал до обычного своего часа пробуждения.

Во Франции избрание Гинденбурга расценили вначале как возрождение германской угрозы. В Англии реакция была более спокойной. Я всегда желал, чтобы Германия восстановила свою репутацию и чувство собственного достоинства, чтобы улеглось озлобление, порожденное войной, и поэтому отнюдь не был огорчен этой новостью. «Он весьма здравомыслящий старик», — сказал мне Ллойд Джордж при следующей нашей встрече. Таким он и был в действительности, пока не покинули его силы. Даже некоторые из наиболее непримиримых его противников были вынуждены признать: «Лучше ничтожество, чем Нерон»[1]. Однако Гинденбургу было уже 77 лет, а срок его полномочий исчислялся в семь лет. Мало кто ожидал, что он снова будет избран. Он всячески старался сохранять беспристрастность по отношению к различным партиям, и годы его президентства, несомненно, дали Германии возможность обрести умеренную силу и спокойствие, не создав какой-либо угрозы для ее соседей.

[1] Слова Теодора Лессинга, убитого нацистами в сентябре 1933 г. — *Примеч. авт.*

* * *

В феврале 1925 года германское правительство направило меморандум тогдашнему премьер-министру Франции Эррио. В этом меморандуме выражалась готовность Германии принять такой пакт, по которому державы, имеющие интересы на Рейне, прежде всего Англия, Франция, Италия и Германия, взяли бы на себя на длительный срок торжественное обязательство не вести войны против стран — участниц пакта. Роль гаранта должно было взять на себя правительство Соединенных Штатов. Кроме того, для Германии был бы приемлемым пакт, ясно гарантирующий сохранение существующего территориального положения на Рейне. В августе французы в полном согласии с Великобританией дали Германии официальный ответ. В качестве первого и необходимого шага Германия должна была безоговорочно вступить в Лигу Наций. Германское правительство приняло это условие. Это означало, что положения договоров оставались в силе, если только (или до тех пор пока) они не будут изменены по взаимному соглашению, и что не давалось никаких определенных обязательств относительно сокращения вооружений союзников.

На этой основе 4 октября была создана конференция в Локарно. На берегу тихого озера собрались делегаты Англии, Франции, Германии, Бельгии и Италии. Результаты конференции были таковы: во-первых, общий гарантийный договор между пятью державами; во-вторых, германо-французский, германо-бельгийский, германо-польский и германо-чехословацкий арбитражные договоры; в-третьих, специальные соглашения между Францией и Польшей и между Францией и Чехословакией, в силу которых Франция обязывалась оказать им помощь, если вслед за нарушением Западного пакта[1] они подвергнутся неспровоцированному вооруженному нападению. Таким образом, западноевропейские демократии согласились при всех обстоятельствах поддерживать мир между собой и сплоченно выступать против любого из них, кто нарушит договор и совершит агрессию против братской страны.

Что же касается Франции и Германии, то Великобритания торжественно обязалась прийти на помощь тому из этих двух государств, которое станет объектом неспровоцированной агрессии. Это далеко идущее военное обязательство было принято парламентом и горячо одобрено народом. Обязательство это не имеет себе подобных в истории.

Вопрос о том, брали ли Франция или Англия на себя какое-либо обязательство по разоружению вообще или же разоружению до какого-то определенного уровня, не был затронут.

[1] Имеется в виду Локарнский договор.

Я в качестве министра финансов был привлечен к обсуждению всех этих вопросов еще на ранней стадии. Мое личное мнение относительно этой двусторонней гарантии сводилось к следующему: пока Франция остается вооруженной, а Германия разоруженной, Германия не может напасть на нее; Франция никогда не совершит нападения на Германию, если это автоматически повлечет за собой превращение Англии в союзницу Германии. Таким образом, хотя этот план и казался опасным (ибо он фактически обязывал нас принять участие на стороне той или другой державы в любой могущей возникнуть франко-германской войне), вероятность подобной катастрофы была очень невелика и во всяком случае это был самый хороший способ предотвратить ее. Было очевидно, что создалась бы опасность, если бы Германия когда-нибудь более или менее догнала Францию по вооружениям и тем более если бы она стала сильнее Франции. Но все это как будто исключалось торжественными обязательствами договора.

* * *

Локарнский пакт касался лишь обеспечения мира на Западе, но имелась надежда, что продолжением его явится, по тогдашнему выражению, «восточное Локарно». Мы были бы очень рады, если бы оказалось возможным ограничить опасность возникновения когда-либо в будущем войны между Германией и Россией в соответствии с теми же принципами и с помощью тех же средств, что и возможность войны между Германией и Францией. Но даже штреземановская Германия не была склонна окончательно отказаться от своих притязаний на Востоке или согласиться с территориальными положениями мирного договора, касающимися Польши, Данцига, Польского коридора и Верхней Силезии. Хотя мы продолжали свои усилия, никакого прогресса на Востоке достигнуто не было. После заключения нашего Локарнского договора и эвакуации Рейнской области, осуществленной французской армией и контингентами союзных войск раньше срока, предписанного в Версале, установилось дружественное отношение к Германии. Новая Германия заняла свое место в Лиге Наций. Под плодотворным влиянием американских и английских займов восстановление Германии шло очень быстро. Ее торговля расширялась с невероятной быстротой, повышалось внутреннее благосостояние страны. Франция с ее системой союзов тоже, казалось, занимала в Европе надежные позиции. Статьи Версальского договора, касающиеся разоружения, не были открыто нарушены. Германского военно-морского флота не существовало. Германская авиация находилась под запретом и еще не родилась. В Германии имелись многочисленные круги, решительно отвергавшие, хотя бы только по соображениям бла-

горазумия, идею войны, а германское верховное командование не могло и думать о том, что союзники позволят немцам перевооружиться.

1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания, особенно в Соединенных Штатах. Чрезвычайный оптимизм породил настоящую оргию спекуляций. Были написаны книги, в которых доказывалось, что наука и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы знали их прежде», — заявил в сентябре президент нью-йоркской биржи. А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий ураган.

Все богатство, так быстро накопленное в предшествующие годы в виде бумажных ценностей, исчезло. Процветание миллионов американских семей, выросшее на гигантском фундаменте раздутого кредита, внезапно оказалось иллюзорным. Мощные промышленные предприятия оказались выбитыми из колеи и парализованными. За биржевым крахом, в период между 1929 и 1932 годами, последовало непрерывное падение цен и как следствие этого сокращение производства, вызвавшее широкую безработицу.

Последствия этого расстройства экономической жизни затронули весь мир. В связи с безработицей и сокращением производства произошло свертывание торговли. С целью защиты внутренних рынков были введены тарифные ограничения ввоза. Всеобщий кризис повлек за собой острые денежные затруднения и парализовал внутренний кредит. А это в свою очередь привело к тому, что разорение и безработица широко распространились по всему миру. Последствием этого явились бедствия, обрушившиеся на Германию и другие европейские страны.

Глава третья

ПОДСТЕРЕГАЮЩАЯ ОПАСНОСТЬ

В моей книге «Последствия» я суммировал некоторые впечатления тех четырех лет, что протекли между перемирием и сменой правительства в Англии в конце 1922 года. Эта книга писалась в 1928 году, когда я глубоко ощущал надвигавшуюся катастрофу.

«Война начала вступать в свои права потенциального истребителя рода человеческого лишь на заре двадцатого столетия христианской эры. Объединение человечества в крупные госу-

дарства и империи и пробуждение у народов коллективного самосознания позволили планировать и осуществлять кровопролитие в таких масштабах и с таким упорством, о которых раньше не имели даже представления. Все благороднейшие качества отдельных личностей были собраны воедино ради усиления разрушительной мощи массы. Надежные финансы, возможности, предоставляемые всемирным кредитом и торговлей, накопление крупных резервов капитала — все это позволяло на длительные периоды переключать энергию целых народов на дело разрушения. Демократические институты создали средства для выражения воли миллионов. Образование не только позволяло всякому разбираться в ходе конфликта, но и сделало каждую отдельную личность подготовленной к выполнению стоящей задачи. Печать явилась средством объединения и взаимного возбуждения. Религия, благоразумно не касаясь основных причин конфликта, беспристрастно предлагала всем воюющим сторонам свою поддержку и утешение во всех известных ей формах. Наконец, наука в ответ на неистовые домогательства людей раскрыла перед ними свои сокровища и тайны и вложила в их руки средства почти предельного совершенства.

В связи с этим появились многочисленные новшества. Вместо того чтобы брать измором укрепленные города, стали методически ослаблять или пытаться ослаблять с помощью голода целые государства. Все население так или иначе принимало участие в войне, и все в равной мере стали объектом нападения. В небе открылись пути, по которым смерть и ужас могли обрушиваться далеко за линиями фронтов на женщин, детей, стариков и больных — на тех, кого в прежних войнах щадили по необходимости. Великолепная организация железных дорог, пароходного сообщения и автомобильного транспорта позволяла доставлять в нужные пункты и постоянно использовать в деле десятки миллионов людей. Медицинский уход и хирургия, достигшие блестящего развития, снова и снова возвращали людей в строй для участия в бойне. Ничто не расточалось из того, что могло содействовать процессу расточения. Последний вздох умирающего — и тот обращался на цели войны.

Война прекратилась столь же внезапно и повсеместно, как и началась. Человечество подняло голову, окинуло взором зрелище разрушения, и как победители, так и побежденные перевели дух. В сотнях лабораторий, в тысячах арсеналов, заводов и всевозможных бюро люди, резко затормозив, прекратили работу, которой были поглощены. Их проекты были отложены в сторону, не доведенные до конца, неосуществленные, но их знания сохранялись. Военные ведомства во всех странах поспешно собрали полученные ими данные, их вычисления и открытия в папки с надписью «для последующего рассмотрения».

В этих-то условиях мы и вступили в тот период истощения, которому было присвоено наименование «мир». Он дает нам по крайней мере возможность оценить общую обстановку. При этом вырисовывается ряд печальных фактов, таких же твердых и неотвратимых, как горы, очертания которых проступают сквозь туман. Установлено, что отныне в войнах будут участвовать целые народы: все будут прилагать максимум усилий, все будут испытывать на себе ярость врага. Установлено, что народы, считающие, что на карту поставлено их существование, не остановятся перед применением любых средств ради своего спасения. Вполне вероятно, более того, несомненно, что среди орудий, которыми они будут располагать в следующей войне, окажутся средства и методы массового неограниченного разрушения, которые, будучи применены, могут выйти из-под контроля.

Человечество никогда ранее не находилось в подобном положении. Не достигнув заметных успехов в моральном совершенствовании и не обретя более мудрого руководства, оно впервые получило в руки орудия, могущие послужить ему вернейшим средством самоистребления. Таков тот конечный пункт в истории судеб человечества, которого люди достигли. Им следовало бы остановиться и поразмыслить над своей новой ответственностью. Смерть застыла навытяжку, послушная, выжидающая, готовая к услугам, готовая массами косить людей, готовая по первому знаку сокрушать — без надежды на восстановление — то, что уцелело от цивилизации. Она ждет только слова команды. Она ждет их от слабого, сбитого с толку существа — давней своей жертвы, а ныне, в этом единственном случае, — своего хозяина».

* * *

Все это было опубликовано 1 января 1929 года. Я не мог бы написать иначе и в день Нового года теперь, восемнадцать лет спустя.

* * *

Еще ранее, в 1925 году, я записал некоторые мысли и вопросы технического характера, о которых было бы неправильно не напомнить сегодня:

«Не существует ли несравненно более действенных способов использования энергии взрыва, нежели все те, что были открыты до сих пор? Нельзя ли создать бомбу величиной не более апельсина, которая обладала бы таинственной способностью разрушать сразу целые кварталы домов или даже сосредоточивала бы в себе разрушительную силу тысяч тонн пороха, так, чтобы одним ударом сметать целые селения? Нельзя ли

бомбы, хотя бы и существующих типов, сбрасывать автоматически с самолетов, которые управлялись бы по радио или с помощью каких-либо лучей, без пилота, и которые могли бы бесконечной вереницей посылаться на бомбежку вражеского города, арсенала, лагеря или верфи?

Что же касается отравляющих газов и химической войны во всех ее формах, то пока что написана лишь первая глава этой ужасной книги. Нет сомнения, что каждое из этих новых средств разрушения изучается по обе стороны Рейна со всей научной тщательностью и терпением, на которые только способен человек. И почему мы должны полагать, что эти средства ограничиваются областью неорганической химии? В лабораториях многих больших государств, без сомнения, разрабатываются способы методически вызывать эпидемии различных болезней и сознательно насылать их на людей и животных. Ржа, губящая посевы, сибирская язва, уносящая людей и скот, чума, поражающая не только армии, но и целые районы, — вот над чем работает военная наука, безжалостно продвигаясь вперед».

Все это было написано почти четверть века назад.

* * *

Вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться.

Ввиду этого на победителей ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего поверженного противника разоруженным. Для этого они должны проводить двоякую политику. Во-первых, оставаясь сами достаточно хорошо вооруженными, они должны с неустанной бдительностью и твердостью проводить в жизнь статьи мирного договора, запрещающие возрождение военной мощи своего недавнего противника. Во-вторых, они должны сделать все, что только возможно, чтобы примирить побежденный народ с его участью, помогая своими благожелательными действиями побежденной стране достигнуть максимального благоденствия, а также всеми средствами стремиться заложить фундамент подлинной дружбы и общности интересов, дабы все меньше оставалось побудительных мотивов вновь обращаться к силе оружия.

* * *

Создание армии, охватывающей все мужское население большой страны, — это задача гигантских масштабов. Победоносные союзники, по предложению Ллойд Джорджа, установили для германской армии предельную численность в сто тысяч человек и воспретили всеобщую воинскую повинность. Поэтому

эта армия стала тем ядром, из которого предстояло при благоприятном случае вновь сформировать многомиллионную армию. Сто тысяч бойцов представляли собой сто тысяч командиров. Как только было бы принято решение о расширении армии, рядовые могли стать сержантами, а сержанты офицерами. Никакая иностранная инспекция не могла в мирный период установить, каковы были качества тех ста тысяч человек, которые составляли разрешенную Германии армию. Но дело было не в этом. Только для охраны германских границ требовалось от трех до четырех миллионов обученных солдат. Для того чтобы создать национальную армию, которая могла бы сравниться с французской армией, а тем более превзойти ее, нужно было не только готовить командные кадры и восстановить старые полки и другие воинские формирования, но и ввести по всей стране обязательную воинскую повинность для всех мужчин, достигающих призывного возраста. Добровольческие отряды, молодежные организации, различные разновидности полиции и жандармерии, ассоциации ветеранов — все эти неофициальные и по существу нелегальные организации могли играть свою роль в промежуточный период. Но без всеобщей воинской повинности скелет не мог обрасти мясом и мускулами.

Таким образом, Германия лишена была возможности, не прибегая в течение нескольких лет к всеобщей воинской повинности, создать армию, способную противостоять французской армии. Это была черта, которую нельзя было перешагнуть без явного, вопиющего нарушения Версальского договора. Все эти годы германская армии могла поддерживать и лелеять свой боевой дух и традиции, но она не могла даже мечтать о том, чтобы вступить в состязание с вооруженной, обученной и организованной людской силой, которая естественно и непрерывно рождалась французской военной системой.

* * *

Создателем ядра и структуры будущей германской армии был генерал фон Сект. Уже в 1921 году Сект был занят разработкой как тайных, так и явных планов создания большой германской армии и вел почтительные споры с Межсоюзнической военной контрольной комиссией по поводу различных своих мероприятий. В триумфальные дни 1940 года его биограф генерал фон Рабенау писал: «Было бы трудно провести ту работу, которая была осуществлена в период 1935—1939 годов, если бы с 1920 до 1934 года руководящий центр оставался соответствующим нуждам маленькой армии». Так, например, мирный договор требовал сокращения численности офицерского корпуса с 34 тысяч до четырех тысяч человек. Все средства были пущены в ход для преодоления этого рокового барьера, и, невзирая на все усилия

Союзной контрольной комиссии, разработка планов возрождения германской армии продолжалась.

В Берлине под вывеской департаментов реконструкции, науки и культуры сосредоточились несколько тысяч штабных офицеров, переодетых в штатское, которые вместе со своими помощниками были поглощены тщательным обдумыванием прошлого и будущего.

Рабенау дает по этому поводу следующие разъяснения:

«Без Секта сегодня (1940 год) не существовало бы генерального штаба в его немецком понимании — генерального штаба, который является детищем многих поколений и который не может быть создан в один день, какими бы талантами и трудолюбием ни отличались офицеры. Преемственность концепции необходима, чтобы сохранить руководства, невзирая на волнующие испытания действительности. Знания и способности отдельных личностей недостаточны. В войне нужны получившие органическое развитие способности большинства, а для этого требуются десятилетия... Если мы не хотели, чтобы при наличии у нас маленькой стотысячной армии и генералы наши были маленькими, необходимо было дать большой простор теоретической мысли. С этой целью начали проводиться в широких масштабах практические учения или военные игры... не столько для тренировки генерального штаба, сколько для создания контингента высших командиров».

Эти последние должны были уметь мыслить подлинно военными категориями.

Сект настаивал на том, чтобы избегать ложных доктрин, внушенных чьим-либо личным опытом периода великой войны. Все уроки этой войны тщательно и систематически изучались. Были приняты новые принципы обучения и введены самые разнообразные учебные курсы. Все существующие военные наставления были переписаны заново — не для стотысячной армии, а для вооруженных сил германского рейха. Для того чтобы сбить с толку назойливо любопытных союзников, публиковались целые разделы этих наставлений. Те же, что предназначались для внутреннего употребления, оставались тайными. В качестве основного принципа утверждалась необходимость теснейшего взаимодействия всех важнейших родов войск.

В течение нескольких лет практиковалось в небольших масштабах краткосрочное обучение солдат неофициальным порядком. Солдат, проходивших такое обучение, называли «черными», то есть нелегальными. Начиная с 1925 года, работа по подготовке «черных» была передана в ведение министерства рейхсвера и финансировалась из государственных средств. Разработанный генеральным штабом в 1925 году план качественного совершенствования армии и увеличения ее численности сверх предела, установленного мирным договором, предусматривал,

что число существовавших в то время пехотных дивизий — легально их было семь — должно быть сначала удвоено, а затем утроено. Однако конечной целью Секта было иметь минимум 63 дивизии. Факт превышения стотысячного предела, установленного для германской армии, был официально признан только в апреле 1933 года, хотя ее численность уже давно превзошла эту цифру и продолжала неуклонно возрастать.

* * *

Мирный договор запрещал Германии иметь военную авиацию, и в мае 1920 года она была официально распущена. В своем прощальном приказе Сект выражал надежду, что она снова воспрянет и что до тех пор будет сохранен ее дух. Этому он всячески способствовал. Первым его шагом было создание в министерстве рейхсвера особой группы опытных бывших офицеров авиации, существование которой скрывалось от Союзной контрольной комиссии и которая всячески ограждалась от своего собственного правительства. Эта группа постепенно расширялась, пока «авиационные ячейки» не были созданы в различных управлениях и инспекционных органах министерства, а служащие военно-воздушных сил не оказались весьма широко представленными в армии. Во главе департамента гражданской авиации стоял офицер с большим военным опытом, ставленник Секта, заботившийся о том, чтобы контроль над гражданской авиацией и ее развитие осуществлялись в соответствии с военными нуждами. Штат этого департамента так же, как штат управления гражданского авиатранспорта и различных других замаскированных организаций военной и морской авиации, в основном состоял из бывших офицеров военно-воздушных сил, не имевших представления о коммерческой авиации.

Еще до 1924 года в Германии появилась в зачаточной форме сеть аэродромов и заводов гражданского самолетостроения, и немцы приступили к подготовке пилотов и обучению технике пассивной противовоздушной обороны. Коммерческая авиация демонстрировала уже изрядные успехи, а создание сети планерных клубов содействовало распространению тяги к летному делу как среди мужчин, так и среди женщин. На бумаге численность персонала, пользовавшегося правом летать, была строго ограничена. Однако эти постановления наряду со многими другими были обойдены Сектом, которому удалось при потворстве германского министерства транспорта заложить прочный фундамент хорошо налаженной авиационной промышленности и будущих военно-воздушных сил.

В вопросах, касавшихся военно-морского флота, немцы прибегали к подобным же увертками. По Версальскому договору Германии было разрешено сохранить лишь небольшие военно-

морские силы, личный состав которых не должен был превышать 15 тысяч человек. Для увеличения его немцы прибегали к всевозможным ухищрениям. В состав гражданских министерств были тайно включены военно-морские организации. Армейские береговые укрепления на острове Гельголанд и в других местах не были разрушены, как это предписывалось мирным договором, и в скором времени ими завладела германская морская артиллерия. Немцы незаконно строили подводные лодки и обучали в других странах их будущих командиров и матросов. Делалось все, чтобы сохранить кайзеровский военно-морской флот и подготовиться к тому дню, когда он сможет снова открыто занять свое место среди других флотов.

Серьезный прогресс был достигнут и в другой решающе важной области. Ратенау в 1919 году, будучи министром восстановления, положил начало основательной реконструкции германской военной промышленности. «Они уничтожили ваше оружие, — говорил он генералам. — Но это оружие так или иначе устарело бы еще до начала следующей войны. В этой войне будет применено совершенно новое оружие, и та армия, которая в наименьшей степени будет скована устаревшим вооружением, будет обладать огромным преимуществом». Большая изобретательность была проявлена, чтобы обеспечить страну оборудованием, необходимым для производства в будущем военных материалов. Станки, которые были установлены для производства военной продукции и вновь могли быть приспособлены для тех же целей, были сохранены на гражданских предприятиях в гораздо большем количестве, чем этого требовали обычные производственные нужды. Государственные арсеналы, построенные для войны, не были закрыты, как это предписывалось мирным договором.

Таким образом, был приведен в действие план, согласно которому все новые промышленные предприятия, а также многие из старых — тех, что были построены с помощью американских и английских займов, предоставленных на нужды восстановления, — с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство. Таким образом, в то время как победители полагались на имевшиеся в их распоряжении массы устаревшего вооружения, в Германии год за годом создавался огромный промышленный потенциал для производства новых видов вооружений.

* * *

Все это время союзники располагали реальной возможностью и правом помешать всякому зримому или осязаемому перевооружению Германии. И Германия должна была бы подчиниться решительному и единодушному требованию Англии,

Франции и Италии и сообразовать свои действия с предписаниями мирных договоров. Обозревая вновь историю этих восьми лет, с 1930 по 1938 год, мы видим, как много времени было в нашем распоряжении. По крайней мере до 1934 года перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью. Дело было не в отсутствии времени.

Глава четвертая

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

В октябре 1918 года, во время английской газовой атаки под Комином, один немецкий ефрейтор от хлора на время потерял зрение. Пока он лежал в госпитале в Померании, на Германию обрушились поражение и революция. Сын незаметного австрийского таможенного чиновника, он в юности лелеял мечту стать великим художником. После неудачных попыток поступить в Академию художеств в Вене он жил в бедности сначала в австрийской столице, а затем в Мюнхене. Иногда работая маляром, а часто выполняя любую случайную работу, он испытывал материальные лишения и копил в себе жестокую, хотя и скрытую обиду на мир, закрывший ему путь к преуспеянию. Но личные невзгоды не привели его в ряды коммунистов. В этом отношении его реакция представляла собой некую благородную аномалию: он еще больше проникся непомерно сильным чувством верности своей расе, пылким и мистическим преклонением перед Германией и германским народом. Когда началась война, он со страстной готовностью схватился за оружие и прослужил четыре года в баварском полку, на Западном фронте. Таково было начало карьеры Адольфа Гитлера.

Когда зимой 1918 года, беспомощный, лишенный зрения, он лежал в госпитале, его личные неудачи представлялись ему частью катастрофы, обрушившейся на весь германский народ. Потрясение военного поражения, крушение законности и порядка, торжество французов — все это причиняло выздоравливающему ефрейтору острую боль, которая пронизывала все его существо и рождала те невероятные, безмерные силы духа, которые способны привести и к спасению, и к гибели человечества. Ему казалось, что падение Германии не может быть объяснено обычными причинами. Где-то должно было скрываться гигантское и чудовищное предательство. Одинокий, замкнувшийся в себе маленький солдат размышлял и раздумывал над возможными причинами катастрофы, руководимый лишь своим узким личным опытом. В Вене он вращался среди членов крайних германских националистических групп. От них-то он и услышал о

зловредных подрывных действиях другой расы, врагов и эксплуататоров нордического мира — евреев. Его патриотический гнев и зависть к богатым и преуспевающим слились в единое чувство всеподавляющей ненависти.

Наконец этот ничем не примечательный пациент, по-прежнему одетый в военную форму, которой он почти по-мальчишески гордился, был выписан из госпиталя. Какое же зрелище представилось его исцеленным глазам? Конвульсии, вызываемые поражением, были ужасны. В окружавшей его атмосфере отчаяния и безумия ясно выступали очертания красной революции. По улицам Мюнхена стремительно носились бронеавтомобили, осыпавшие торопливых прохожих листовками или пулями. Его собственные товарищи, нацепив вызывающие красные повязки на рукава своих военных мундиров, выкрикивали лозунги, яростно проклинавшие все то, что было дорого ему. Внезапно, как это бывает во сне, все стало совершенно ясно. Германии нанесли удар в спину, и теперь ее терзали евреи, спекулянты и интриганы, скрывавшиеся в тылу, ненавистные большевики, организаторы международного заговора еврейских интеллигентов. Он ясно видел свой долг: спасти Германию от этих бичей, отомстить за причиненное ей зло и повести высшую германскую расу по пути, предназначенному ей судьбой.

Офицеры его полка, глубоко встревоженные мятежными и революционными настроениями своих солдат, были очень рады, что нашелся хоть один человек, сохранивший в душе какие-то устои. Ефрейтор Гитлер пожелал остаться на военной службе и нашел себе работу в качестве «инструктора по политическому просвещению», или агента. Прикрываясь этим званием, он занимался сбором информации о деятельности мятежных и подрывных элементов. Офицер органов безопасности, на которого он работал, поручил ему посещать собрания местных политических партий всех оттенков. Как-то вечером, в сентябре 1919 года, ефрейтор отправился на митинг германской рабочей партии, проходивший в одной из мюнхенских пивных. Здесь он впервые услышал выступления против евреев, спекулянтов и «ноябрьских преступников», заведших Германию в пропасть, — выступления, совпадавшие с его собственными тайными убеждениями. 16 сентября он вступил в эту партию, а вскоре после этого в соответствии со своими военными функциями взял на себя руководство партийной пропагандой. В феврале 1920 года в Мюнхене состоялся первый массовый митинг германской рабочей партии, на котором руководящую роль играл уже сам Адольф Гитлер, изложивший в 25 пунктах программу партии. Он стал теперь политическим деятелем и начал свою борьбу за спасение нации.

В апреле он был демобилизован и весь отдался делу расширения рядов партии. К середине следующего года он вытеснил первоначальных лидеров и, загипнотизировав своим

темпераментом и духом массу рядовых членов партии, подчинил партию своему личному контролю. Его уже называли фюрером. Партия купила газету «Фёлькишер беобахтер» и сделала ее своим центральным органом.

Коммунисты очень скоро распознали своего врага. Они пытались срывать гитлеровские митинги, и в конце 1921 года он организовал свои первые штурмовые отряды. До тех пор все движение ограничивалось местными рамками Баварии. Но в тех бедственных условиях, которые существовали в Германии в эти первые послевоенные годы, многие немцы в самых различных уголках рейха начинали прислушиваться к речам нового проповедника. Горячее возмущение, вызванное во всей Германии французской оккупацией Рура в 1923 году, обеспечило гитлеровской партии, которая именовалась теперь национал-социалистской партией, массу сторонников. Падение марки разрушило основы благополучия германской средней буржуазии, многие представители которой в своем отчаянии стали сторонниками новой партии и находили облегчение своему горю в ненависти, мести и патриотическом угаре.

Гитлер с самого начала дал ясно понять, что путь к власти лежит через агрессию и насилие против Веймарской республики, рожденной позором поражения. К ноябрю 1923 года фюрер имел вокруг себя группу решительных сторонников, среди которых наиболее видными были Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Люди действия, они решили, что наступил момент попытаться захватить власть в Баварии. Генерал фон Людендорф своим участием в путче дал возможность организаторам этой авантюры использовать военный престиж своего имени. До войны принято было говорить: «В Германии революции не будет, ибо все революции в Германии строго запрещены». В данном случае эта формула была возрождена местными мюнхенскими властями. Полиция открыла стрельбу по демонстрантам, тщательно избегая генерала, который продолжал идти вперед, пока не оказался среди полицейских, встретивших его весьма почтительно. Около двадцати демонстрантов было убито. Гитлер во время стрельбы бросился на землю, а затем исчез вместе с другими партийными лидерами. В апреле 1924 года его приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Хотя германские власти поддержали порядок, а германский суд наказал виновных, среди немцев было широко распространено мнение, что наказуемые — это плоть от их собственной плоти и что власти играют на руку иностранцам, жертвуя самыми верными сынами Германии. Срок заключения Гитлера был сокращен с четырех лет до тринадцати месяцев. За эти месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, он успел в общих чертах закончить «Майн кампф» — трактат, излагавший его политическую философию. Он посвятил эту книгу

памяти павших в недавнем путче. Ни одна книга не заслуживала более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав в ту пору, когда Гитлер пришел в конце концов к власти. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистского государства, и утверждения о законном праве Германии на роль руководителя всего мира. Это был новый коран веры и войны — напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений.

Главный тезис, лежащий в основе «Майн кампф», очень прост: человек есть воинственное животное; отсюда нация, будучи сообществом борцов, представляет собой боевую единицу. Всякий живой организм, прекращающий борьбу за существование, обречен на уничтожение. Страна или раса, перестающие бороться, точно так же обречены на гибель. Боеспособность расы зависит от ее чистоты. Отсюда необходимость очищения ее от чуждых, загрязняющих ее элементов. Еврейская раса ввиду ее повсеместного распространения по необходимости является пацифистской и интернационалистской. Пацифизм же — это страшнейший из грехов, ибо он означает отказ расы от борьбы за существование. Поэтому первый долг всякого государства состоит в том, чтобы привить массам националистические чувства. Для отдельной личности не имеет первостепенного значения уровень ее интеллектуального развития: сила воли и решительность — вот важнейшие качества, которые от нее требуются. Человек, обладающий врожденной способностью командовать другими, представляет гораздо большую ценность, чем многие тысячи людей, склонных покорно повиноваться чужой воле. Только грубая сила обеспечивает выживание расы. Отсюда необходимость военной организации. Раса должна бороться: если она бездействует, она покрывается ржавчиной и погибает. Если бы германская раса была своевременно объединена, она уже теперь была бы повелительницей всего земного шара.

Новый рейх должен объединить все до тех пор распыленные германские элементы Европы. Раса, потерпевшая поражение, может быть спасена, если она восстановит веру в свои силы. Прежде всего надлежит научить армию верить в свою непобедимость. Чтобы восстановить германскую нацию, необходимо убедить народ в том, что вернуть себе свободу силой оружия вполне возможно. Принцип аристократизма является здравым в своей основе. Интеллектуализм нежелателен. Конечная цель образования — воспитать немца, который требовал бы минимального обучения для превращения его в солдата. Величайшие перевороты в истории были бы немыслимы, если бы движущей силой их не являлись фанатические и истерические страсти. С помощью буржуазных добродетелей — мира и порядка — ничего достиг-

нуть бы не удалось. Мир находится сейчас на пути к такому перевороту, и новое германское государство должно позаботиться о том, чтобы раса была подготовлена к предстоящим последним и величайшим решениям на нашей земле.

Внешняя политика может быть неразборчивой в средствах. Дипломатия не должна предоставлять стране героически гибнуть, напротив, она должна заботиться о том, чтобы страна могла выжить и процветать. Двумя единственно возможными союзниками Германии являются Англия и Италия. Ни одна страна не вступит в союз с трусливым пацифистским государством, управляемым демократами и марксистами. Если Германия сама не позаботится о себе, никто о ней не позаботится. Ни торжественные обращения к небесам, ни благочестивые надежды на Лигу Наций не вернут ей утраченных территорий. Они могут быть возвращены лишь силой оружия. Германия не должна повторять старую ошибку — бороться со всеми своими врагами сразу. Она должна выбрать самого опасного из них и атаковать его всеми своими силами. Мир перестанет быть антигерманским только тогда, когда Германия вернет себе равенство прав и снова займет свое место под солнцем. Во внешней политике Германии не следует проявлять никакой сентиментальности. Совершить нападение на Францию исключительно по эмоциональным мотивам было бы глупо. В чем Германия нуждается — это в расширении своей территории в Европе. Довоенная колониальная политика Германии была ошибочной, и от нее следует отказаться. В целях своего расширения Германия должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну вместе с Россией против Запада было бы преступно, ибо целью Советов является торжество международного иудаизма.

Таковы были «гранитные основы» его политики.

* * *

Победители, подавленные и поглощенные своими собственными заботами и межпартийными распрями, почти не обратили внимания на неустанную борьбу Адольфа Гитлера и его постепенное превращение в фигуру национального масштаба. Прошло много времени, прежде чем национал-социализм, или нацистская партия, как его стали именовать, приобрел столь сильное влияние на массы германского народа, на вооруженные силы, государственный аппарат и на массы промышленников, не без основания страшившихся коммунизма, что он стал такой силой в жизни Германии, с которой весь мир вынужден был считаться. Когда в конце 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать свое движение.

* * *

Одна из демократических статей Веймарской конституции предусматривала, что выборы в рейхстаг должны проводиться раз в два года. Предполагалось, что эта статья обеспечит массам германского народа возможность осуществлять полный и постоянный контроль над своим парламентом. На практике это лишь означало, что они постоянно жили в атмосфере лихорадочного политического возбуждения и непрерывных избирательных кампаний. Успехи Гитлера и его доктрин могут, таким образом, быть точно прослежены. В 1928 году он располагал всего 12 мандатами в рейхстаге. В 1930 году эта цифра увеличилась до 107, а в 1932-м — до 230. К тому времени влияние и дисциплина национал-социалистской партии давали себя чувствовать уже во всем строе Германии; всякого рода запугивания, оскорбления и зверства в отношении евреев приобрели широчайшее распространение.

За фасадом республиканских правительств и демократических институтов, навязанных победителями и потому ассоциировавшихся с поражением, действительной политической силой в Германии и устойчивым элементом государства в послевоенные годы являлся генеральный штаб рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. В лице маршала Гинденбурга он нашел символ своей власти и исполнителя своей воли. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени его характер стал портиться, а умственные способности ослабевать. Он становился все более дряхлым, а также все более пристрастным в своих суждениях и деспотичным. Генералам давно уже было ясно, что придется искать подходящего преемника престарелому маршалу. Однако к моменту начавшихся поисков нового человека подоспел бурный рост и укрепление национал-социалистского движения. После провала мюнхенского путча в 1923 году Гитлер провозгласил программу соблюдения строжайшей законности в рамках Веймарской республики. Однако в то же самое время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. Вначале очень малочисленные отряды СА, штурмовые отряды, или коричневорубашечники, с их небольшим дисциплинированным ядром СС достигли такой численности и силы, что деятельность их и потенциальная мощь стали внушать серьезную тревогу рейхсверу.

Всесторонне обдумав смысл происходящего в стране, рейхсвер при всем своем нежелании вынужден был признать, что в качестве военной касты и организации, стоящей в оппозиции к нацистскому движению, он уже не способен сохранять свой контроль над Германией. Общей для обеих групп чертой была их решимость вывести Германию из пропасти и отомстить за ее поражение. Но в то время как рейхсвер олицетворял собой регла-

ментированный строй кайзеровской империи и представлял интересы феодальных, аристократических, землевладельческих и других состоятельных классов германского общества, СА в значительной мере превратились в бунтарское движение, раздуваемое недовольством эмоционально возбудимых или озлобленных подрывных элементов и отчаянием разоренных людей.

Ссориться с нацистской партией означало бы для рейхсвера раздирать побежденную страну на части. В 1931 и 1932 годах руководители армии пришли к выводу, что им следует как в своих собственных интересах, так и в интересах страны объединить свои силы с теми самыми элементами, которым они до сих пор противостояли в вопросах внутренней политики со всей твердостью и суровостью, присущими немцам. Со своей стороны, Гитлер, хотя и готовый воспользоваться любым тараном, чтобы прорваться в цитадель власти, всегда считал за образец руководителей великой и блестящей Германии, внушавших ему чувство восхищения и преданности еще в юношеские годы. Таким образом, естественные предпосылки для соглашения между ним и рейхсвером имелись с обеих сторон. Руководители армии постепенно пришли к заключению, что влияние нацистской партии в стране столь сильно, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства. Гитлер, со своей стороны, понимал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера. Сделка была заключена, и руководители германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост канцлера рейха. Согласившись ограничить деятельность коричневорубашечников, подчинить их генеральному штабу, а со временем, если понадобится, то и вовсе их ликвидировать, Гитлер заручился поддержкой самых влиятельных сил в Германии, достиг вершины административной лестницы и добился явного перемещения центра верховной власти в германском государстве. Далеко продвинулся ефрейтор!

Глава пятая

ГОДЫ НАШЕСТВИЯ САРАНЧИ[1] (1931—1935 гг.)

Английское правительство, образованное в результате всеобщих выборов 1931 года, внешне казалось одним из сильнейших, а на деле было одним из слабейших в истории Англии. В атмос-

[1] Спустя четыре года сэр Томас Инскип, министр координации обороны, хорошо знающий Библию, применил к этому мрачному периоду, наследником которого ему довелось стать, образное библейское выражение: «Годы, которые пожирала саранча». — *Примеч. авт.*

фере сильнейшего ожесточения с обеих сторон Макдональд, премьер-министр, порвал с социалистической партией, создание которой было делом всей его жизни. С этого времени, возглавляя правительство, которое именовалось национальным, а в действительности было по преимуществу консервативным, он погрузился в угрюмую пассивность. Болдуин предпочитал суть власти ее форме и преспокойно правил, оставаясь в тени. Министерство иностранных дел возглавлял сэр Джон Саймон, один из лидеров либералов — участников коалиции. Основную работу правительства внутри страны исполнял Невилл Чемберлен, сменивший в скором времени Сноудена на посту министра финансов. Почти за пятилетний период пребывания у власти этого правительства — с января 1931 по ноябрь 1935 года — вся обстановка на Европейском континенте коренным образом изменилась.

* * *

Между тем вся Германия была в движении, в стране развертывались важные события.

В течение года, последовавшего за падением кабинета Брюнинга в мае 1932 года, произошло очень многое. Папен, сменивший Брюнинга на посту канцлера, надеялся, что ему удастся управлять страной, опираясь на поддержку со стороны окружения президента Гинденбурга и крайней националистической группы в рейхстаге. Решающий шаг был сделан 20 июля, когда было насильственно смещено социалистическое правительство в Пруссии. Когда прусский премьер-министр заявил, что он подчинится лишь физической силе, его спросили: «А какая сила вам требуется?» После чего его попросту вытащили из-за стола.

В августе 1932 года Гитлер прибыл в Берлин по личному вызову президента. Момент для решающего шага, казалось, наступил. За спиной фюрера стояли 13 миллионов германских избирателей. Он мог претендовать на важное место в правительстве. Его положение сейчас в известной мере напоминало положение Муссолини накануне похода на Рим. Но Папену не было никакого дела до новейшей истории Италии. Он пользовался поддержкой Гинденбурга и не собирался уходить в отставку. Старый маршал увидел Гитлера. Тот не произвел на него никакого впечатления. «Этого человека назначить канцлером? Я его сделаю почтмейстером — пусть лижет марки с моим изображением». В дворцовых кругах Гитлер не пользовался таким влиянием, как его соперники.

Громадные массы избирателей были охвачены тревогой и брожением. В ноябре 1932 года по всей Германии снова, в пятый раз за один год, состоялись выборы. Нацисты понесли урон, и их 230 мандатов сократились до 196 — разница досталась коммунистам. Тем самым позиции Гитлера были ос-

лаблены. 17 ноября Папен вышел в отставку, и канцлером вместо него стал Шлейхер. Гитлер вместе с Папеном и националистами объединились теперь против него, а коммунисты своей уличной борьбой с нацистами и своими антиправительственными забастовками содействовали тому, что дальнейшее его пребывание у власти стало невозможным. Папен решил воспользоваться своим личным влиянием на президента Гинденбурга. Не будет ли в конце концов наилучшим выходом из положения умилостивить Гитлера, взвалив на него всю ответственность и все бремя власти? Наконец Гинденбург с неохотой дал свое согласие. 30 января 1933 года Адольф Гитлер вступил на пост канцлера Германии.

Все, кто собирался или мог оказать сопротивление новому порядку, скоро почувствовали на себе руку хозяина. 2 февраля всякие митинги или демонстрации германской коммунистической партии были запрещены, и по всей Германии началось изъятие припрятанного оружия, принадлежащего коммунистам. Кульминационный момент наступил вечером 27 февраля 1933 года. В здании рейхстага вспыхнул пожар. Были вызваны отряды коричневорубашечников, чернорубашечников и их вспомогательные части. За одну ночь было арестовано четыре тысячи человек, в том числе члены Центрального комитета коммунистической партии. Проведение этих мероприятий было поручено Герингу, в то время министру внутренних дел Пруссии. Они служили подготовкой к предстоящим выборам и обеспечивали поражение коммунистов, самых грозных противников нового режима. За организацию избирательной кампании взялся Геббельс, которому не приходилось занимать ни ловкости, ни рвения.

Однако в Германии еще имелись многочисленные силы, не желавшие подчиниться, оказывавшие сопротивление или проявлявшие активную враждебность гитлеризму. Коммунисты и те многочисленные немцы, которые в своей растерянности голосовали вместе с ними, получили 81 мандат, социалисты — 118 и националисты Папена и Гугенберга — 52. Гитлер же получил 17 миллионов 300 тысяч голосов, поданных за нацистов, и 288 мандатов. Только так — всеми правдами и неправдами — удалось Гитлеру получить на выборах поддержку большинства германского народа. Он имел в рейхстаге 288 мандатов против 251 мандата остальных партий, большинство всего в 37 мандатов. При соблюдении обычной процедуры цивилизованного парламентарного правительства столь значительное меньшинство пользовалось бы большим влиянием и должным уважением в государстве. Но в новой нацистской Германии меньшинствам суждено было убедиться в том, что у них нет никаких прав.

21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме, близ гробницы Фридриха Великого, Гитлер открыл первый рейхстаг «Третьего рейха». В церкви сидели представители рейхсвера —

символ непреходящей германской мощи — и старшие офицеры штурмовых и охранных отрядов, новые представители возрождающейся Германии. 24 марта большинство рейхстага, подавив или запугав всех противников, 441 голосом против 94 приняло решение о предоставлении канцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий сроком на четыре года. Когда объявили результаты голосования, Гитлер обернулся к скамьям социалистов и крикнул: «А теперь вы мне больше не нужны!»

В обстановке всеобщего возбуждения, порожденного выборами, ликующие колонны членов национал-социалистской партии продефилировали мимо своего вождя по улицам Берлина в языческом факельном шествии. Их борьба была долгой. Смысл ее трудно постигнуть иностранцам, в особенности тем, которые не испытали боли поражения. И вот наконец явился Адольф Гитлер. Но он был не один. Он вызвал из глубин поражения темные первобытные страсти, скрытые в самом многочисленном, самом крепком, жестоком, противоречивом и злополучном народе Европы. Он магически воскресил страшного идола, всепожирающего Молоха, став одновременно его жрецом и воплощением.

В мою задачу не входит описание невероятной жестокости и подлости, с помощью которых создавался этот аппарат ненависти и тирании, подлежавший теперь дальнейшему совершенствованию. Для целей настоящего повествования необходимо лишь указать читателю на новый и страшный факт, перед лицом которого очутился все еще ничего не подозревавший мир: *Германия была под властью Гитлера, и Германия вооружалась.*

* * *

В то время как в Германии совершались все эти страшные перемены, правительство Макдональда—Болдуина считало себя обязанным в течение некоторого времени продолжать навязанную финансовым кризисом политику резкого сокращения и ограничения наших и без того скромных вооружений и упорно закрывало глаза на тревожные симптомы в Европе.

Французы, хотя их политическая жизнь по-прежнему отличалась текучестью и непрерывными изменениями, не имевшими, впрочем, сколько-нибудь существенного значения, упорно цеплялись за свою армию, видя в ней центр и главную жизненную опору Франции и всех ее союзов. Эта позиция вызвала по их адресу нарекания как со стороны Англии, так и со стороны Соединенных Штатов. Мнения печати и общественности основывались отнюдь не на действительном положении вещей, но враждебные настроения были сильны.

Когда в мае 1932 года все партии превозносили в палате общин достоинства разоружения, министр иностранных дел

предложил новый принцип классификации видов оружия, употребление которых должно быть разрешено или осуждено. Он назвал это качественным разоружением. Разоблачить ошибку было легче, чем убедить депутатов. В своем выступлении я заявил:

«Министр иностранных дел сказал нам, что трудно подразделить оружие на категории наступательного и оборонительного оружия. Это действительно так, ибо почти любое оружие может быть использовано как для обороны, так и для наступления, как агрессором, так и его невинной жертвой. Чтобы затруднить действия захватчика, тяжелые орудия, танки и отравляющие вещества предполагается отнести к зловредной категории наступательного оружия. Но германское вторжение во Францию в 1914 году достигло своего наивысшего размаха без применения какого-либо из указанных видов оружия. Тяжелое орудие предлагается считать наступательным оружием. Оно допустимо в крепости: там оно добродетельно и миролюбиво по своему характеру. Но выдвиньте его в поле, а в случае необходимости это, конечно, будет делаться, — и оно тотчас же становится гадким, преступным, милитаристским и подлежит запрету в цивилизованном обществе. Возьмем теперь танк. Немцы, вторгшись во Францию, закрепились там и за каких-нибудь пару лет уничтожили 1 миллион 500 тысяч французских и английских солдат, пытавшихся освободить французскую землю. Танк был изобретен для того, чтобы подавить огонь пулеметов, благодаря которым немцы держались во Франции, и он спас огромное множество жизней при очищении французской территории от захватчиков. Теперь, по-видимому, пулемет, являвшийся тем оружием, с помощью которого немцы удерживали тринадцать французских провинций, будет считаться добродетельным и оборонительным оружием, а танк, послуживший средством спасения жизни союзных солдат, должен всеми справедливыми и праведными людьми быть предан позору и поношению...

Более правильной классификацией явилось бы запрещение оружия массового уничтожения, применение которого несет смерть и ранения не только солдатам на фронте, но и гражданскому населению — мужчинам, женщинам и детям, находящимся далеко от этих районов. Вот в каком направлении объединенные нации, собравшиеся в Женеве, могли бы, мне кажется, действительно надеяться продвинуться вперед...»

В конце своего выступления я сделал свое первое официальное предостережение относительно надвигающейся войны:

«Я весьма сожалел бы, если бы увидел, что военная мощь Германии и Франции в какой-либо мере уравновешивается. Тот, кто говорит об этом, как о чем-то справедливом, или даже видит в этом проявление честности, совершенно недооценивает серьезности обстановки в Европе».

* * *

В период пребывания у власти так называемого национального правительства английское общественное мнение все более склонялось к тому, чтобы отбросить в сторону всякие заботы относительно Германии. Тем не менее, когда в 1932 году германская делегация на Конференции по разоружению категорически потребовала отменить всякие ограничения ее прав на перевооружение, она встретила серьезную поддержку в английской печати. «Таймс» писала о «своевременном устранении неравенства», а «Нью стейтсмен» — о «безоговорочном признании принципа равенства государств». Это означало, что 70 миллионам немцев следовало разрешить перевооружиться и готовиться к войне, в то время как страны, вышедшие победителями из недавней ужасной битвы, не имели даже права что-либо возразить против этого. Равенство статуса победителей и побежденных, равенство между Францией с населением в 39 миллионов человек и Германией, население которой почти вдвое больше!

Правительство его величества опубликовало 16 марта 1933 года документ, получивший по имени своего автора и вдохновителя название «план Макдональда». Исходным пунктом плана было принятие французской концепции армий с кратким сроком службы — в данном случае он определялся в восемь месяцев, после чего устанавливалась точная численность войск для каждой страны. Численность французской армии, составлявшая в мирное время 500 тысяч человек, сокращалась до 200 тысяч, а германской — соответственно увеличивалась до такого же размера. К этому времени германские вооруженные силы, хотя и не располагавшие еще массовыми обученными резервами, которые может дать лишь систематическое обучение новых контингентов рекрутов в течение ряда лет, по всей вероятности, уже насчитывали более миллиона ревностных добровольцев, отчасти уже вооруженных. При этом заводы, поддающиеся конверсии и частично уже переведенные на выпуск военной продукции, производили для этих добровольцев многие виды новейшего вооружения.

К концу первой мировой войны Франция, как и Великобритания, располагала огромным количеством тяжелых артиллерийских орудий, в то время как орудия германской армии были уничтожены, как того требовал мирный договор. Макдональд стремился ликвидировать это явное неравенство, предлагая с этой целью установить для орудий подвижной артиллерии предельный калибр в 105 миллиметров, или 4,2 дюйма. Существующие орудия калибром до 6 дюймов могли быть сохранены, но при замене старых орудий новыми допу-

скался калибр не свыше 4,2 дюйма. Собственно британские интересы, отличные от интересов Франции, ограждались сохранением до 1935 года ограничений военно-морских вооружений Германии, установленных мирным договором, по истечении же этого срока предлагалось созвать новую морскую конференцию. Германии запрещалось иметь военную авиацию на период действия соглашения, но три союзные державы должны были сократить свои собственные военно-воздушные силы до 500 самолетов каждая.

Я с величайшим возмущением наблюдал за этой атакой на французские вооруженные силы и за попытками установить равенство между Германией и Францией.

Однако французы имели мужество настоять на том, чтобы уничтожение их тяжелого вооружения было отсрочено на четыре года. Английское правительство приняло эту поправку с условием, что согласие Франции на уничтожение ее артиллерии будет зафиксировано в специальном документе, который должен быть подписан немедленно. Франция подчинилась этому требованию, и 12 октября 1933 года сэр Джон Саймон, посетовав на то, что Германия изменила за последние недели свою позицию, представил проект этих предложений на рассмотрение Конференции по разоружению.

Результат был совершенно неожиданным. Гитлер, ныне канцлер и хозяин всей Германии, со дня своего прихода к власти отдал приказ решительно развертывать по всей стране подготовку к войне как в учебных лагерях, так и на предприятиях и теперь ощущал свою силу. Он не потрудился даже принять те донкихотские предложения, которые ему навязывали. С презрительным жестом он приказал германским представительствам покинуть и Конференцию по разоружению, и Лигу Наций. Такова была судьба «плана Макдональда».

Читатель, надеюсь, простит, если я позволю себе личное отступление менее серьезного характера.

Летом 1932 года в связи с работой над моей книгой «Жизнь Мальборо» я посетил его старые поля сражений в Нидерландах и Германии. Наша семейная экспедиция совершила приятную поездку по маршруту знаменитого похода Голландия—Дунай, проделанного Мальборо в 1705 году. Мы переправились через Рейн у Кобленца. Пока мы продвигались по этим красивым местам от одного знаменитого древнего города к другому, я, естественно, расспрашивал о гитлеровском движении и убедился, что это — главный предмет размышлений каждого немца. Я, так сказать, ощутил атмосферу гитлеризма. Проведя день на поле битвы в Бленхейме, я отправился в Мюнхен и прожил там несколько дней.

В отеле «Регина» один джентльмен представился кому-то из моих спутников. Фамилия его была Ганфштенгль. Он много говорил о фюрере, с которым, по-видимому, был весьма близок. Так как он показался мне веселым и разговорчивым человеком и к тому же прекрасно говорил по-английски, я пригласил его к обеду. Он чрезвычайно интересно рассказывал о деятельности Гитлера и о его взглядах. Чувствовалось, что он совсем им очарован. По всей вероятности, ему было поручено войти в контакт со мной, и он явно старался произвести приятное впечатление. После обеда он сел за рояль и так хорошо исполнил множество пьес и песен, что мы получили огромное удовольствие. Он, казалось, знал все мои любимые английские песни. Он прекрасно умел развлечь общество. Как оказалось, в то время он был любимцем фюрера. Он сказал, что мне следовало бы встретиться с Гитлером и что устроить это нет ничего легче. Гитлер ежедневно приходит в этот отель около пяти часов дня и будет очень рад увидеться со мной.

В то время у меня не было какого-либо национального предубеждения против Гитлера. Я мало знал о его доктрине и о его прошлом и совсем ничего не знал о его личных качествах. Я восхищаюсь людьми, которые встают на защиту своей потерпевшей поражение родины, даже если сам нахожусь на другой стороне. Он имел полное право быть германским патриотом, если он желал этого. Я всегда хотел, чтобы Англия, Германия и Франция были друзьями. Однако в разговоре с Ганфштенглем я, между прочим, спросил: «Почему ваш вождь так жестоко ненавидит евреев? Я могу понять ожесточение против евреев, которые в чем-нибудь провинились или выступают против своей страны, мне понятно также, когда противодействуют их попыткам захватить господствующее положение в какой бы то ни было области. Но как можно быть против человека только потому, что он от рождения принадлежит к той или другой нации? Разве человек властен над своим рождением?» По-видимому, он все это пересказал Гитлеру, так как уже на следующий день, около полудня, явился с весьма серьезным видом и сообщил, что мое свидание с Гитлером, о котором он со мной договорился, не состоится, так как в этот день фюрер в отель не придет. Больше мне не пришлось видеться с Путци (это было его ласкательное имя), несмотря на то, что мы прожили в этом отеле еще несколько дней. Так Гитлер упустил единственный представлявшийся ему случай встретиться со мной. Впоследствии, когда он был уже на вершине своего могущества, мне довелось получить от него несколько приглашений. Однако к тому времени многое изменилось, и я уклонился от них.

* * *

Пока в Европе совершались эти угрожающие изменения в соотношении военной мощи победителей и побежденных, на Дальнем Востоке также выявилось полнейшее отсутствие согласия между неагрессивными миролюбивыми странами. События здесь приняли точно такой же катастрофический оборот, как и в Европе, и причиной этого послужил все тот же паралич мысли и действий, поразивший руководителей бывших и будущих союзников.

Экономический шквал 1929—1931 годов затронул Японию не меньше, чем весь остальной мир. За период с 1914 года ее население увеличилось с 50 миллионов до 70 миллионов человек. Число металлургических заводов возросло с 50 до 148. Стоимость жизни непрерывно повышалась. Производство риса в стране оставалось на неизменном уровне, а импорт его обходился дорого. Потребность в сырье и во внешних рынках была настоятельной. В условиях жестокой депрессии Англия и сорок других стран ощущали с течением времени все бóльшую необходимость применять ограничения или устанавливать высокие тарифы на ввоз японских товаров, производившихся на фабриках с такими условиями труда, которые не могли идти ни в какое сравнение с европейскими или американскими нормами. Китай в большей, чем когда-либо, мере являлся для Японии главным рынком сбыта текстильных и других изделий и почти единственным ее источником угля и железной руды. Поэтому утверждение контроля над Китаем стало главной задачей японской политики.

В сентябре 1931 года под предлогом местных беспорядков японцы оккупировали Мукден и зону Южно-Маньчжурской железной дороги. В январе 1932 года они потребовали роспуска всех китайских организаций антияпонского характера. Китайское правительство ответило отказом. Тогда японцы высадились 28 января в северной части международного сеттльмента в Шанхае. Китайцы мужественно сопротивлялись. Несмотря на то что у них не было самолетов, противотанковых орудий и другого современного вооружения, они более месяца оказывали сопротивление. В конце февраля, понеся чрезвычайно тяжелые потери, они были вынуждены отойти со своих фортов в заливе Усун и занять позиции примерно на расстоянии 12 миль от побережья. В начале 1932 года японцы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го. Через год к нему была присоединена захваченная японцами китайская провинция Жэхэ, а в марте 1933 года японские войска, проникшие далеко в глубь беззащитных районов, достигли Великой Китайской стены. В этой агрессивной акции нашли свое выражение возросшая мощь Японии на Дальнем Востоке и изменившийся уровень ее военно-морских сил.

В феврале 1933 года Лига Наций заявила, что государство Маньчжоу-Го не может быть признано. Хотя на Японию не было наложено санкций, равно как не было принято каких-либо других мер в отношении нее, 27 марта 1933 года Япония вышла из Лиги Наций. Во время войны Германия и Япония находились в противоположных лагерях, теперь же они смотрели друг на друга уже совсем по-иному. В то самое время, когда от Лиги Наций особенно требовались активность и сила, обнаружилось, что ее моральный авторитет не имеет какой-либо физической опоры.

Глава шестая

АТМОСФЕРА СГУЩАЕТСЯ (1934 г.)

В Риме без восторга отнеслись к вступлению Гитлера в 1933 году на пост канцлера Германии. Нацизм рассматривали там как грубую и крайнюю версию фашизма. Притязания великой Германии в отношении Австрии и в Юго-Восточной Европе были общеизвестны. Муссолини предвидел, что ни в одном из этих районов итальянские интересы не будут совпадать с интересами новой Германии. И ему не пришлось долго ждать подтверждений этому.

* * *

Присоединение Австрии к Германии составляло одну из самых заветных целей Гитлера. На первой же странице «Майн кампф» говорится: «Германская Австрия должна возвратиться в лоно своей великой германской родины». Поэтому нацистское правительство Германии с момента прихода к власти в январе 1933 года посматривало в сторону Вены. Гитлер еще не мог позволить себе вступить в конфликт с Муссолини, который громко возвестил о своей заинтересованности в Австрии. Даже при просачивании в эту страну, а также в своей подпольной деятельности в Австрии тогда еще слабая в военном отношении Германия должна была соблюдать осторожность. Однако нажим на Австрию начал сказываться с первых же месяцев. Австрийскому правительству непрестанно предъявлялись требования о включении членов австрийской нацистской партии — сателлита Германии — в состав кабинета и о назначении их на важнейшие посты в правительстве. Австрийские нацисты проходили обучение в специальном австрийском легионе, организованном в Баварии. Взрывы бомб на железных дорогах и в туристских центрах, немецкие самолеты, сбрасывавшие дождь листовок на Зальцбург и

Инсбрук, — все это нарушало мирную жизнь республики. Позициям австрийского канцлера Дольфуса в равной мере угрожали давление социалистов в стране и германские покушения на независимость Австрии. Но это была не единственная угроза, нависшая над австрийским государством. Следуя дурному примеру своих германских соседей, австрийские социалисты создали собственную армию, которая должна была дать им возможность попирать волю избирателей. Все эти опасности вырисовывались перед Дольфусом в 1933 году. Единственной страной, к которой он мог обратиться за защитой и от которой он уже получил заверения в поддержке, была фашистская Италия. В августе 1933 года Дольфус встретился с Муссолини в Риччионе. Между ними было достигнуто тесное личное и политическое взаимопонимание.

* * *

До середины 1934 года правительство его величества в основном могло еще управлять ходом событий, не рискуя войной. Оно могло в любое время, действуя в согласии с Францией и через посредство Лиги Наций, оказать сильнейший нажим на гитлеровское движение, которое вызывало глубокий раскол среди немцев. Это не привело бы к кровопролитию. Но благоприятный момент уже подходил к концу. На горизонте все яснее вырисовывалась вооруженная Германия, подчиненная нацистскому контролю. И все же, сколь ни покажется это невероятным, даже на протяжении значительной части этого решающего года Макдональд, опираясь на политический авторитет Болдуина, продолжал прилагать усилия к разоружению Франции. Я могу лишь процитировать бесплодный протест, с которым я выступил в парламенте 7 февраля:

«А что, если после того как мы уравняем французскую армию с германской и сократим ее до размеров последней, после того как мы добьемся равенства для Германии и эти перемены вызовут соответствующую реакцию в Европе, что, если Германия заявит нам тогда: "Как вы можете держать великую страну с 70-миллионным населением в таком положении, при котором она лишена права иметь военно-морской флот, равный по силе крупнейшим флотам мира?" Вы скажете на это: "Нет, мы не согласны. Армии — дело других народов, флоты же — это вопрос, затрагивающий интересы Англии, и мы вынуждены сказать — нет. Но каким образом сможем мы сказать это "нет"?.. Никогда мы не были столь уязвимы, как сейчас. До войны я часто слышал критические замечания по адресу либерального правительства... Гораздо большая ответственность ляжет на тех, кто ныне стоит у власти, если вопреки нашим желаниям и надеждам беда все же случится.

Ни один из уроков прошлого не усвоен, ни один из них не учтен в нашей практике, между тем как положение теперь несравненно опаснее. Тогда у нас был флот и не было никакой угрозы с воздуха. Тогда флот являлся надежным щитом Британии... Теперь мы не можем этого сказать. Это проклятое, дьявольское изобретение и усовершенствование методов войны с воздуха коренным образом изменили наше положение. Мы уже не та страна, какой мы были всего двадцать лет назад, когда мы были островом».

Затем я потребовал, чтобы были приняты три следующих определенных решения. В отношении армии: в Англии, как и во всей Европе, должна быть начата реорганизация наших гражданских предприятий с тем, чтобы они могли быть быстро переключены на обслуживание военных нужд. В отношении флота: мы должны вернуть себе свободу в области проектирования. Мы должны освободиться от Лондонского договора, который ограничивает Англию в строительстве желательных для нее типов судов. Далее, авиация. Мы должны располагать авиацией столь же мощной, как авиация Франции или Германии, в зависимости от того, какая из них сильнее.

Правительство имело подавляющее большинство в обеих палатах парламента, и ему не было бы отказано ни в чем. Ему надо было лишь с верой и убежденностью внести свои предложения по обеспечению безопасности страны, и соотечественники поддержали бы его.

* * *

В этот момент перед лицом германской угрозы появился некоторый проблеск европейского единства. 17 февраля 1934 года английское, французское и итальянское правительства опубликовали совместную декларацию в поддержку независимости Австрии. 17 марта Италия, Венгрия и Австрия подписали так называемые Римские протоколы, предусматривавшие взаимные консультации в случае возникновения угрозы какой-либо из трех договаривающихся сторон. Но Гитлер становился все сильнее, и в течение мая и июня подрывная деятельность на всей территории Австрии усилилась. Дольфус немедленно направил сообщение об этих террористических актах главному советнику Муссолини по иностранным делам Сувичу вместе с нотой, выражавшей сожаление по поводу неблагоприятного действия, оказываемого ими на австрийскую торговлю и на туристов.

С этими материалами в руках Муссолини отправился 14 июня в Венецию, чтобы впервые встретиться с Гитлером. Германский канцлер, в коричневом макинтоше и фетровой шляпе, сошел с самолета и очутился среди сверкающих мундиров фашистов, предводительствуемых блистательным и до-

родным дуче. Увидев своего гостя, Муссолини шепнул адъютанту: «Он мне не нравится».

Во время этой странной встречи состоялся лишь общий обмен мнениями, сопровождавшийся взаимными поучениями относительно достоинств диктатуры германского и итальянского образца. Муссолини был явно удручен как обликом своего гостя, так и его манерой выражаться. Общее свое впечатление он выразил двумя словами: «болтливый монах». Ему удалось, однако, вырвать у Гитлера кое-какие заверения в том, что германский нажим на Дольфуса будет ослаблен. После этой встречи Чиано заявил журналистам: «Вот увидите — теперь ничего больше не произойдет».

Однако наступивший затем перерыв в деятельности немцев не был результатом призывов Муссолини, а объяснялся тем, что Гитлер был поглощен в то время своими внутренними делами.

* * *

С приходом Гитлера к власти вскрылись глубокие расхождения между фюрером и многими из тех, кому он был обязан своим выдвижением. Штурмовые отряды, руководимые Ремом, все в большей степени становились представителями более революционных элементов партии. Среди старых членов партии имелись горячие сторонники социальной революции, такие, как Грегор Штрассер. Они боялись, что Гитлер, достигнув первой ступени, будет попросту перетянут на свою сторону существующей иерархией — рейхсвером, банкирами и промышленниками. Он был бы не первым революционным вождем, отталкивающим ногой ту самую лестницу, по которой он взобрался на головокружительные вершины. В представлении рядовых членов СА (коричневорубашечников) январский триумф 1933 года должен был принести им свободу грабить не только евреев и спекулянтов, но и все состоятельные классы общества. В некоторых партийных кругах вскоре начали распространяться слухи о величайшем предательстве вождя. Под их влиянием начальник штаба Рем принял энергичные меры. В январе 1933 года отряды СА насчитывали 400 тысяч человек. К весне 1934 года Рем завербовал и организовал около трех миллионов человек. Гитлер в своем теперешнем новом положении был обеспокоен ростом этой гигантской машины, которая, хотя и заявляла о своей горячей преданности его имени и в большей своей части действительно была глубоко предана ему, начинала тем не менее ускользать из-под его личного контроля. До тех пор он обладал личной армией. Теперь у него была государственная армия. Однако он не желал менять одну на другую. Он хотел иметь обе, с тем чтобы в случае

надобности использовать одну для контроля над другой. Поэтому ему приходилось вступать теперь в борьбу с Ремом. «Я полон решимости, — заявил он в те дни руководителям СА, — жестоко подавить всякую попытку низвергнуть существующий строй. Я буду самым решительным образом препятствовать возникновению второй революционной волны, ибо она неизбежно породила бы хаос. Всякий, кто осмелится выступить против установленной государственной власти, будет сурово наказан, какое бы положение он ни занимал».

При всех его дурных предчувствиях, однако, Гитлера нелегко было убедить в вероломстве его товарища по мюнхенскому путчу, на протяжении последних семи лет являвшегося начальником штаба его армии коричневорубашечников. Когда в декабре 1933 года было провозглашено единство партии и государства, Рем стал членом германского кабинета. Одним из следствий объединения партии с государством должно было явиться слияние отрядов коричневорубашечников с рейхсвером. Ввиду быстрых темпов перевооружения страны вопрос о контроле над всеми германскими вооруженными силами и об их статусе становился одним из самых актуальных вопросов политики. В феврале 1934 года в Берлин прибыл Иден. В ходе переговоров Гитлер согласился дать определенные временные гарантии относительно невоенного характера отрядов СА. В то время уже происходили постоянные трения между Ремом и начальником генерального штаба фон Бломбергом.

В течение апреля и мая Бломберг непрестанно жаловался Гитлеру на действия СА и на их наглость. Фюрер вынужден был выбирать между генералами, которые его ненавидели, и головорезами-коричневорубашечниками, которым он был столь многим обязан. Он выбрал генералов. В начале июня Гитлер имел пятичасовой разговор с Ремом, во время которого он сделал последнюю попытку примириться и договориться с ним. Но с этим ненормальным фанатиком, пожираемым честолюбием, невозможен был никакой компромисс. Мистическая иерархическая великая Германия, о которой мечтал Гитлер, и пролетарская республика народной армии, к которой стремился Рем, были разделены непроходимой пропастью.

В рамках штурмовых отрядов были образованы немногочисленные, прекрасно обученные отборные части, бойцы которых носили черные мундиры. Они именовались СС, а впоследствии чернорубашечниками. Эти части предназначались для личной охраны фюрера и для выполнения специальных и конфиденциальных заданий. Ими командовал бывший неудачливый владелец птицефермы Генрих Гиммлер. Предвидя предстоящее столкновение между Гитлером и армией, с одной стороны, и Ремом с его коричневорубашечниками — с другой, Гиммлер позаботился о том, чтобы СС оказались в

лагере Гитлера. С другой стороны, Рем имел в партии весьма влиятельных сторонников, которые, подобно Грегору Штрассеру, видели, что их жестокие планы социальной революции отбрасываются в сторону. В рейхсвере также были свои бунтовщики. Бывший канцлер фон Шлейхер не простил позора, пережитого им в январе 1933 года, а также того, что руководители армии не избрали его в преемники Гинденбурга. В столкновении между Ремом и Гитлером Шлейхер видел благоприятные возможности для себя.

События теперь развертывались с огромной быстротой. 25 июня рейхсверу был отдан приказ не покидать казарм, а чернорубашечникам были выданы патроны. В свою очередь коричневорубашечники получили приказ быть наготове, и Рем с согласия Гитлера назначил на 30 июня в Висзее, на Баварских озерах, собрание всех старших руководителей этих отрядов. Гитлер был предупрежден о серьезной опасности 29 июня. Он вылетел в Годесберг, где к нему присоединился Геббельс, привезший с собой тревожные вести о предстоящем мятеже в Берлине. По словам Геббельса, адъютант Рема Карл Эрнст получил приказ попытаться организовать восстание. Это представляется маловероятным. Эрнст находился в то время в Бремене и готовился отплыть в свадебное путешествие.

Получив это сообщение, неизвестно, правдивое или ложное, Гитлер немедленно принял решение. Он приказал Герингу овладеть положением в Берлине. Сам же он вылетел в Мюнхен, намереваясь лично арестовать своих главных противников. В напряженный момент, когда решался вопрос о жизни или смерти, он показал себя страшным человеком. Всю дорогу он просидел рядом с пилотом, погруженный в мрачные мысли. Самолет приземлился на аэродроме близ Мюнхена 30 июня в 4 часа утра. Гитлера сопровождали, кроме Геббельса, около десятка личных телохранителей. Он направился в «коричневый дом» в Мюнхене, вызвал к себе руководителей местных отрядов СА и арестовал их. В 6 часов утра, только с Геббельсом и своей маленькой свитой, он отправился на автомобиле в Висзее.

Летом 1934 года Рем заболел и поехал в Висзее лечиться. Он устроился на маленькой даче, принадлежавшей его лечащему врачу. Трудно было подыскать менее подходящий штаб для организации немедленного восстания. Дача стояла в конце узкого тупика. Каждого входящего в дом или выходящего оттуда легко было проследить. Помещения, которое могло бы вместить всех участников предполагаемого собрания руководителей штурмовых отрядов, здесь не было. В доме был всего один телефон. Все это плохо вяжется с версией о непосредственной угрозе восстания. Если Рем и его сторонники действительно готовились поднять мятеж, то они проявили явную беспечность.

В 7 часов утра вереница автомобилей фюрера остановилась перед домиком Рема. Один, невооруженный, Гитлер поднялся по ступеням и вошел в спальню Рема. Что произошло между ними, никто никогда не узнает. Рем был застигнут врасплох, и арест его и его личного штаба произошел без всяких инцидентов. Вслед за тем небольшая компания вместе со своими пленниками выехала по дороге на Мюнхен. Случилось так, что вскоре им повстречалась колонна грузовиков с вооруженными коричневорубашечниками, которые направлялись приветствовать Рема на конференции, назначенной в Висзее на 12 часов дня. Гитлер вышел из машины, вызвал командира и властным тоном приказал ему увезти своих солдат обратно. Ему тотчас же повиновались. Если бы он проезжал часом позже или они часом раньше, великие события могли бы принять иной оборот.

По прибытии в Мюнхен Рем и его приближенные были посажены в ту самую тюрьму, в которой он и Гитлер десять лет назад месте отбывали заключение. Днем начались казни. В камеру к Рему был подложен револьвер, но так как он пренебрег этим приглашением к самоубийству, через несколько минут дверь камеры открылась, и он был изрешечен пулями. Казни в Мюнхене продолжались в течение всего дня, с короткими перерывами. Команды из восьми человек, наряженные для расстрела, приходилось время от времени сменять, так как психика бойцов не выдерживала напряжения. Но в течение нескольких часов залпы раздавались регулярно почти каждые десять минут.

Тем временем в Берлине Геринг, получив сигнал от Гитлера, повторил ту же процедуру. Однако здесь, в столице, убийцы не ограничивались при выборе жертв иерархией СА. Так, например, были застрелены в своем доме Шлейхер и его жена, которая хотела прикрыть его своим телом. Грегор Штрассер был арестован и умерщвлен. Личный секретарь Папена и другие близкие к нему лица также были расстреляны, однако по какой-то неизвестной причине его самого пощадили. Карл Эрнст, которого схватили в Бремене, нашел свой конец в казармах Лихтефельде, в Берлине. Здесь, как и в Мюнхене, залпы карательных команд слышались весь день. В эти сутки по всей Германии исчезло множество людей, не имевших никакого отношения к заговору Рема и оказавшихся жертвами личной мести, иногда за очень старые обиды. Так, например, Отто фон Кар, который в бытность свою главой баварского правительства подавил путч 1923 года, был найден мертвым в лесу около Мюнхена. Общее число ликвидированных лиц оценивается различно — от пяти до семи тысяч.

К концу этого кровавого дня Гитлер вернулся на самолете в Берлин. Пора было положить конец резне, принимавшей с

каждой минутой все более широкие масштабы. В тот же вечер несколько эсэсовцев, которые от избытка усердия зашли далеко в расправах с заключенными, сами были казнены. Около часу ночи 1 июля грохот выстрелов смолк. Днем фюрер вышел на балкон имперской канцелярии принять приветствия собравшихся толп берлинцев, из которых многие думали, что он сам оказался жертвой. Одни говорят, что он выглядел измученным, другие — торжествующим. Вполне возможно, что он был и измученным, и торжествующим одновременно. Быстрота и жестокость, с которой он действовал, спасли его планы и, без сомнения, его жизнь. В эту «ночь длинных ножей», как стали ее называть, было сохранено единство национал-социалистской Германии, явившейся впоследствии бичом для всего мира.

Эта резня, хотя ее и можно было объяснить действием пришедших в движение страшных сил, показала, что новый хозяин Германии не остановится ни перед чем и что обстановка в Германии лишает ее всякого сходства с цивилизованным государством. Перед миром предстала диктатура, основанная на терроре, пропитанная кровью. В стране царил жестокий, разнузданный антисемитизм и уже действовала вовсю система концентрационных лагерей для всех нежелательных или политически инакомыслящих слоев населения.

* * *

В первой половине июля 1934 года на горных тропах, ведущих из Баварии на австрийскую территорию, наблюдалось усиленное движение. В конце июля в руки австрийской пограничной полиции попался германский курьер. При нем были найдены различные документы, и в том числе шифровальные коды, которые показывали, что план восстания был близок к осуществлению. Организатором государственного переворота должен был явиться Антон фон Ринтелен, в то время занимавший пост австрийского посланника в Италии. Дольфус и его министры не сразу реагировали на предостережения относительно приближающегося кризиса и на признаки предстоящего мятежа, ставшие вполне очевидными уже рано утром 25 июля. Утром приверженцы нацистов в Вене привели себя в состояние боевой готовности. Около часу дня в канцелярию вошла группа вооруженных мятежников, и Дольфус, простреленный двумя пулями, остался лежать, истекая кровью. Другой отряд нацистов захватил радиостанцию и объявил об отставке правительства Дольфуса и о приходе к власти Ринтелена.

Однако остальные члены кабинета Дольфуса проявили твердость и энергию. Президент Миклас издал официальный приказ восстановить порядок любой ценой. Правительство воз-

главил министр юстиции Шушниг. Большая часть австрийской армии и полиции сплотилась вокруг его правительства. Они осадили здание канцелярии, где, окруженный небольшой группой мятежников, умирал Дольфус. Мятежи возникли также в провинциях, и отдельные подразделения австрийского легиона перешли границу Австрии из Баварии. К этому времени весть о случившемся уже дошла до Муссолини. Он тотчас же послал главе австрийского хеймвера князю Штарембергу телеграмму, в которой говорилось, что Италия поддержит независимость Австрии. Дуче специально вылетел в Венецию, чтобы принять вдову Дольфуса и выразить ей с подобающими церемониями свое соболезнование. В то же самое время три итальянские дивизии были направлены к Бреннерскому перевалу. Это заставило Гитлера, который знал пределы своей мощи, отступить. Германский посланник в Вене Рит и другие германские чиновники, причастные к мятежу, были отозваны либо смещены. Попытка не удалась. Требовался более длительный процесс. Папен, лишь недавно избегнувший кровавой бойни, был назначен германским посланником в Вену с заданием действовать более тонкими методами.

Папен был назначен германским посланником в Вену с явной целью организовать свержение Австрийской Республики. Перед ним стояла двойная задача: поддерживать подпольную австрийскую нацистскую партию, которой с этого момента выплачивалась ежемесячная субсидия в 200 тысяч марок, и подрывать силы или завоевывать на свою сторону ведущих политических деятелей Австрии.

В разгар всех этих трагедий и тревог скончался престарелый фельдмаршал Гинденбург, который совсем уже одряхлел за последние месяцы, а потому более чем когда-либо превратился в орудие в руках рейхсвера. Гитлер стал главой германского государства, сохранив также пост канцлера. Он стал теперь властелином Германии. Его сделка с рейхсвером была скреплена и подтверждена кровавой чисткой. Коричневорубашечники были принуждены к повиновению, и они вновь подтвердили свою верность фюреру. Все враги и потенциальные соперники были удалены из их рядов. С этого времени они утратили свое влияние и превратились в нечто вроде особой полиции, к услугам которой прибегали при отправлении различных церемоний. С другой стороны, отряды чернорубашечников, выросшие численно и окрепшие благодаря установленной дисциплине, а также предоставленным им привилегиям, превратились под руководством Гиммлера в преторианскую гвардию при особе фюрера в противовес лидерам армии и военной касте, а также в политические войска, значительная военная мощь которых служила опорой деятельности расширявшейся тайной полиции, или гестапо.

* * *

События в Австрии сблизили Францию и Италию, а потрясение, вызванное убийством Дольфуса, имело своим следствием установление контакта между генеральными штабами обеих стран. Угроза независимости Австрии способствовала пересмотру франко-итальянских отношений, который касался не только вопроса о равновесии сил в бассейне Средиземного моря и в Северной Африке, но и позиций Франции и Италии в Юго-Восточной Европе. Однако Муссолини стремился не только укрепить позиции Италии в Европе против потенциальной германской угрозы, но и обеспечить будущность ее империи в Африке. Французское правительство, одержимое страхом перед германской опасностью, было готово пойти на серьезные уступки ради того, чтобы завоевать на свою сторону Италию. В январе 1935 года Лаваль[1] отправился в Рим, где подписал ряд соглашений, целью которых было устранить основные помехи во взаимоотношениях обеих стран. Оба правительства единодушно считали перевооружение Германии противозаконным. Они договорились консультироваться друг с другом в случае возникновения в будущем новой угрозы независимости Австрии. В колониальной сфере Франция пошла на уступки в вопросе о статусе итальянцев, проживающих в Тунисе, а также передала Италии некоторые участки территории, тянущиеся полосой вдоль границ Ливии и Сомали, и 20 процентов акций железной дороги Джибути—Аддис-Абеба. Эти переговоры должны были подготовить почву для более официального обсуждения между Францией, Италией и Великобританией вопроса о создании общего фронта против растущей германской угрозы. В последующие месяцы все это было перечеркнуто, однако, агрессией Италии в Абиссинии.

* * *

В декабре 1934 года произошло столкновение между итальянскими и абиссинскими солдатами возле колодца Уал-Уал, на границе между Абиссинией и Итальянским Сомали. Оно было использовано Италией в качестве предлога для заявления перед всем миром своих притязаний на Эфиопскую империю. Таким образом, в дальнейшем проблема обуздания Германии в Европе была осложнена и запутана судьбой Абиссинии.

* * *

В этой связи следует остановиться еще на одном событии. По условиям Версальского договора население Саарской обла-

[1] В то время министр иностранных дел Франции.

сти, этого маленького клочка германской территории, обладающего богатыми угольными месторождениями и важными металлургическими заводами, должно было по истечении 15-летнего срока решить путем плебисцита, желает ли оно возвратиться в лоно Германии или нет. Плебисцит был назначен на январь 1935 года. В исходе его сомневаться не приходилось. Большинство, безусловно, должно было проголосовать за возвращение Саара в лоно германского отечества. Несомненность такого исхода подкреплялась еще и тем фактом, что Саарская область, хотя она и управлялась номинально комиссией Лиги Наций, на деле находилась под контролем местного центра нацистской партии.

Плебисцит состоялся 13 января 1935 года под наблюдением международной комиссии, в которой были и английские представители. 90,3 процента населения этого маленького клочка земли, вклинившегося между чужими владениями и являвшегося единственной, если не считать Данцига, территорией, находившейся под суверенитетом Лиги Наций, проголосовало за возвращение в лоно Германии. Этот моральный триумф национал-социализма, хотя и явившийся результатом нормальной и неизбежной процедуры, еще более поднял престиж Гитлера и, казалось, освятил его власть искренней демонстрацией воли германского народа.

Однако доказательства беспристрастности и справедливости Лиги Наций отнюдь не умиротворили Гитлера и не произвели на него решительно никакого впечатления. Несомненно, они лишь подтверждали его мнение, что союзники — это вырождающиеся глупцы. Со своей стороны, он продолжал сосредоточивать свое внимание на главной цели — расширении германских вооруженных сил.

Глава седьмая

РАВЕНСТВО В ВОЗДУХЕ УТРАЧЕНО (1934—1935 гг.)

Германский генеральный штаб считал, что создание и развертывание германской армии, которая превосходила бы по своим масштабам французскую армию и была бы должным образом обеспечена в материально-техническом плане, удастся завершить не ранее 1943 года. Былая мощь германского военно-морского флота, если не считать подводных лодок, могла быть восстановлена не ранее чем через двенадцать или пятнадцать лет, причем этот процесс восстановления сильно затруднил бы осуществление всех прочих замыслов. Однако вместе со злосчастными открытиями, сделанными незрелой

еще цивилизацией — двигателем внутреннего сгорания и летным искусством, — на сцене появилось новое орудие соперничества между народами, позволявшее гораздо быстрее изменять соотношение военной мощи государств. Для великого государства, имеющего доступ к постоянно увеличивающейся сокровищнице человеческих знаний и к достижениям науки, для государства, посвятившего себя этой задаче, потребовалось бы всего четыре-пять лет, чтобы создать мощную, а быть может, и самую мощную в мире авиацию. В воздухе, и только в воздухе Гитлеру предоставлялась возможность сократить путь — сначала к достижению равенства с Францией и Англией, а затем и превосходства над ними в жизненно важной военной области. Но что предпримут Франция и Англия?

Было бы неверно при оценке политики английского правительства не учитывать того страстного стремления к миру, которым было проникнуто пребывавшее в неведении, дезинформированное большинство английского народа, — стремления, казалось, грозившего политическим уничтожением всякой партии или политического деятеля, которые осмелились бы проводить какую-либо иную линию. Это, конечно, не оправдывает политических руководителей, оказывающихся не на высоте своего долга. Для партии или политических деятелей гораздо лучше лишиться власти, нежели поставить под угрозу жизнь нации. К тому же наша история не знает случая, чтобы какое-либо правительство, требовавшее согласия парламента и народа на проведение необходимых оборонительных мероприятий, получило бы отказ. Но все же тем, кто своими запугиваниями сбил с пути робкое правительство Макдональда—Болдуина, следовало бы по крайней мере помалкивать.

Бюджетные ассигнования на авиацию, обсуждавшиеся в марте 1934 года, составляли всего 20 миллионов фунтов стерлингов и предусматривали создание четырех новых эскадрилий, что увеличивало число наших самолетов первой линии с 850 до 890. Общие затраты в течение первого года равнялись всего 130 тысячам фунтов стерлингов.

По этому поводу я сказал:

«Установлено, что мы являемся всего лишь пятой по значению авиационной державой, и то — в лучшем случае. По своей мощи наша авиация равна лишь половине авиации Франции, нашего ближайшего соседа. Германия вооружается очень быстро, и никто не собирается ей в этом препятствовать.

Я страшусь того дня, когда в руках нынешних правителей Германии очутится оружие, позволяющее угрожать самому сердцу Британской империи. Нужны меры, которые позволили бы нам достигнуть равенства в воздухе. Ни одно государство, играющее в мире такую роль, какую играем мы и хотим играть

в будущем, не может позволить себе находиться в таком положении, при котором его можно было бы шантажировать...»

Я обратил свой призыв к Болдуину как к человеку, облеченному необходимой властью, чтобы действовать. В его руках была власть, на него ложилась и ответственность. В своем ответе Болдуин сказал:

«Если все наши усилия достигнуть соглашения потерпят неудачу и если окажется невозможным достигнуть этого равенства в указанных мною областях, тогда любое правительство нашей страны, а тем более национальное правительство, данное правительство, позаботится о том, чтобы в отношении численности и мощи военно-воздушных сил наша страна не уступала ни одной стране, находящейся от нас в радиусе действия авиации».

Это было торжественное и вполне определенное обещание, которое было дано в такой момент, когда оно почти наверняка могло быть осуществлено, если бы меры были энергичными и проводились в широких масштабах.

* * *

Тем не менее, когда 20 июля 1934 года правительство внесло несколько запоздалых и неудовлетворительных предложений об увеличении английских военно-воздушных сил на 41 эскадрилью, или примерно на 820 самолетов, *причем строительство их должно было быть завершено лишь через пять лет*, лейбористская партия, поддержанная либералами, выступила в палате общин против этого.

В обоснование полнейшего отказа оппозиции принять какие-либо меры для укрепления нашей авиации Эттли, выступавший от ее имени, заявил следующее: «Мы отрицаем необходимость увеличения наших воздушных сил... Мы не согласны с утверждением, будто усиление английской авиации будет содействовать сохранению мира во всем мире, и мы полностью отвергаем всякие претензии на равенство». Либеральная партия поддержала эту резолюцию о вотуме недоверия.

Если мы вспомним, что все это говорили, тщательно взвесив свои слова, ответственные руководители партий, становится очевидной опасность, грозившая нашей стране. Это было время, когда все находилось еще только в стадии формирования и когда ценой крайнего напряжения наших усилий мы еще могли сохранить свою военно-воздушную мощь, от которой зависела наша свобода действий. Если бы Великобритания и Франция сохранили каждая количественное равенство с Германией в области авиации, то вместе они были бы вдвое сильнее ее и могли бы пресечь карьеру Гитлера, эту карьеру насилий, в самом ее начале, не пожертвовав ни

единой жизнью. Когда же этот момент миновал, было уже слишком поздно...

* * *

Я мог настаивать на перевооружении, выступая как сторонник правительства. Поэтому консервативная партия выслушала меня с необычной для нее благосклонностью.

«Для врага мы легкая и богатая добыча. Ни одна страна не является столь уязвимой, как наша, и ни одна не сулит грабителю большей поживы... Мы — *с нашей огромной столицей, этой величайшей мишенью в мире, напоминающей как бы огромную, жирную, дорогую корову, привязанную для приманки хищников*, — находимся в таком положении, в каком мы никогда не были в прошлом и в каком ни одна другая страна не находится в настоящее время.

Мы должны запомнить: наша слабость затрагивает не только нас самих; наша слабость затрагивает также стабильность Европы».

Далее я доказывал, что Германия уже приближается к равенству с Англией в области авиации.

«Во-первых, я утверждаю, что Германия в нарушение мирного договора уже создала *военную авиацию, равную по своей мощи почти двум третям нынешних оборонительных воздушных сил нашей метрополии*. Во-вторых, я утверждаю, что Германия быстро расширяет эту авиацию. *К концу 1935 года германская авиация будет почти равна по числу самолетов и по своей боеспособности оборонительным воздушным силам нашей метрополии, даже если к тому времени нынешние предложения правительства будут осуществлены*. В-третьих, я утверждаю, что если Германия будет продолжать расширение своей авиации, а мы будем продолжать осуществление наших программ, то примерно в 1936 году Германия, безусловно, будет обладать значительно большей воздушной мощью, чем Великобритания. В-четвертых, я хочу обратить внимание на обстоятельство, которое особенно внушает тревогу: если только они опередят нас, мы уже никогда не сможем их догнать».

* * *

Рассказывая обо всем этом, нельзя не упомянуть об основных вехах пройденного нами длинного пути от безопасности прямо в когти смерти. Оглядываясь назад, я поражаюсь, как много времени было в нашем распоряжении. Англия могла еще в 1933 или даже в 1934 году создать авиацию, которая поставила бы границы честолюбивым притязаниям Гитлера или, быть может, позволила бы военным руководителям Гер-

мании сдерживать его неистовые выходки. Прежде чем мы очутились перед лицом величайшего испытания, суждено было пройти еще долгим пяти с лишним годам. Если хотя бы в тот момент мы действовали с должной предусмотрительностью и энергией, это испытание могло миновать нас. Опираясь на превосходящую авиацию, Англия и Франция могли спокойно обратиться за помощью к Лиге Наций, и все государства Европы объединились бы вокруг них. Лига впервые получила бы в свои руки орудие утверждения своей власти. В конце марта (1935 год) министр иностранных дел и Иден нанесли визит Гитлеру в Германии и в ходе весьма важного разговора, который был запротоколирован, услышали из его собственных уст, что германская авиация уже достигла равенства с английской[1]. Этот факт был сообщен правительством 3 апреля. В начале мая премьер-министр напечатал в своем органе «Ньюс леттер» статью, в которой подчеркивал опасность перевооружения Германии почти в тех же выражениях, которые я так часто использовал, начиная с 1932 года.

* * *

Мой родственник и друг детства лорд Лондондерри возглавлял министерство авиации. Когда министр иностранных дел вернулся из Берлина, чрезвычайно пораженный утверждением Гитлера, что его авиация равна по мощи английской авиации, весь кабинет проникся глубокой тревогой. Правительство и не подозревало, что Англию догнали в области авиации. Как обычно бывает в таких случаях, оно устремило инквизиторский взгляд на министерство, ведавшее этой областью, и на его руководителя.

Министерство авиации не отдавало себе отчета в том, что времена изменились. Оковы казначейства были сброшены. Ему достаточно было просто потребовать большего. Однако вместо этого министерство занялось тем, что решительно выступило против претензий Гитлера на равенство в воздухе. Лондондерри, выступавший как представитель министерства, утверждал, что *«когда Саймон и Иден отправились в Берлин, Германия располагала одной-единственной боевой эскадрильей. Немцы рассчитывали сформировать к концу месяца из учебных команд от 15 до 20 эскадрилий»*. Министерство авиации втянуло своего начальника в пространные оправдания своей собственной линии поведения в прошлом. В результате его позиция оказалась в полнейшей дисгармонии с новыми настроениями правительства и народа, которые были по-настоящему встревожены. Долгое

[1] Министром иностранных дел в то время был Джон Саймон, а Иден был лордом—хранителем печати.

время скрывавшаяся мощная германская авиация, по меньшей мере равная нашей собственной, наконец появилась на свет совершенно открыто. Ввиду этого уход Рамсея Макдональда с поста премьер-министра, последовавший спустя некоторое время в том же году, послужил также поводом для назначения министром авиации сэра Филиппа Канлифф-Листера, тогдашнего министра колоний. Это было частью новой политики энергичного расширения военно-воздушных сил.

Крупнейшим достижением периода пребывания Лондондерри в министерстве авиации явилось создание и усовершенствование прославленных истребителей «харрикейн» и «спитфайр». Первые образцы этих самолетов прошли летные испытания — один в ноябре 1935 года и другой в марте 1936 года. Лондондерри не упоминает об этом в свою защиту, хотя он мог бы это сделать, поскольку принял на себя вину за многое, в чем был неповинен. Новый министр, пользуясь благоприятной обстановкой, распорядился о немедленном массовом производстве этих самолетов, и некоторое количество их было произведено, хотя и не слишком скоро.

* * *

Величайшее бедствие постигло нас. Гитлер уже добился равенства с Великобританией. Отныне ему оставалось только пустить на полный ход свои заводы и летные школы, чтобы не только сохранить превосходство в воздухе, но и неуклонно увеличивать его. Все те неизвестные и неизмеримые опасности, которыми грозило Лондону нападение с воздуха, становились отныне определенным, неотвратимым фактором, подлежавшим учету во всех наших решениях. К тому же мы уже не в состоянии были догнать Германию, или по крайней мере правительство не сумело этого сделать. В течение последующих четырех лет английское правительство приложило весьма серьезные усилия, и мы, бесспорно, добились превосходства в качестве авиации. Однако в отношении количества мы уже ничего не могли поделать. Когда началась война, численность нашей авиации едва достигала половины германской.

Глава восьмая

ВЫЗОВ И РЕАКЦИЯ НА НЕГО (1935 г.)

Годы тайных подкопов, секретных или замаскированных приготовлений были теперь позади, и Гитлер наконец почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить миру свой

первый открытый вызов. 9 марта 1935 года было объявлено об официальном существовании германской авиации, а 16 марта — что германская армия будет впредь базироваться на всеобщей обязательной воинской повинности. В скором времени были приняты соответствующие законы, требовавшиеся для осуществления этих решений, но практические мероприятия были начаты заблаговременно. Французское правительство, хорошо информированное о том, что должно было произойти, в тот же знаменательный день, но на два часа раньше, объявило об удлинении ввиду сложившихся обстоятельств срока службы во французской армии до двух лет. Германская акция представляла собой открытый, официальный выпад против мирных договоров, лежавших в основе Лиги Наций. Пока нарушения носили характер различных уверток или же маскировались другими названиями, ответственным за соблюдение этих договоров державам-победительницам, одержимым пацифизмом и занятым своими внутренними политическими проблемами, было легко избегать обязывающей констатации того факта, что мирный договор нарушается или же отвергается. Теперь этот вопрос встал со всей остротой.

Почти в тот же самый день правительство Абиссинии обратилось к Лиге Наций с протестом против угрожающих требований Италии. Когда на фоне всех этих событий сэр Джон Саймон и лорд—хранитель печати Иден посетили 24 марта по приглашению Гитлера Берлин, французское правительство сочло, что момент для этого выбран неудачно. Франции пришлось теперь срочно заняться не сокращением своей армии, чего так настойчиво от нее требовал за год до этого Макдональд, а увеличением срока обязательной воинской повинности с одного года до двух. При господствовавшем в то время настроении общественности это было трудной задачей.

Соединенные Штаты, поскольку дело касалось Европы, полностью умыли руки и лишь всем желали добра. Они были уверены, что им никогда больше не придется беспокоиться о европейских делах. Но Франция, Великобритания и, безусловно, также Италия, несмотря на все разногласия между ними, считали необходимым выступить против этого явного нарушения мирного договора со стороны Гитлера. В Стрезе была созвана под эгидой Лиги Наций конференция бывших главных союзников, на которой были обсуждены все эти вопросы.

* * *

Антони Иден на протяжении примерно десяти лет почти всецело был поглощен изучением вопросов внешней политики. В коалиционном правительстве Макдональда—Болдуина, сформированном в 1931 году, он был назначен заместителем министра

иностранных дел сэра Джона Саймона. Внешнеполитический курс сэра Джона Саймона в 1935 году не встречал одобрения ни у оппозиции, ни у влиятельных кругов консервативной партии. Поэтому Иден с его знаниями и исключительными способностями стал все более выдвигаться. Вот почему, будучи с конца 1934 года лордом—хранителем печати, он, по желанию кабинета, продолжал поддерживать неофициальную, но тесную связь с министерством иностранных дел и был приглашен сопровождать своего бывшего шефа сэра Джона Саймона в его несвоевременной, но не безрезультатной поездке в Берлин. Вслед за тем Иден был послан в Москву, где он установил контакт со Сталиным — контакт, который предстояло спустя несколько лет с успехом восстановить. На обратном пути его самолет был застигнут жестокой и длительной грозой. Когда они приземлились наконец после этого опасного полета, Иден находился в состоянии почти полного изнеможения. Врачи объявили, что он не может по состоянию здоровья сопровождать Саймона на конференцию в Стрезе, и действительно, в течение нескольких месяцев он был инвалидом. Ввиду этого премьер-министр решил сам сопутствовать министру иностранных дел, хотя в это время его собственное здоровье, зрение и ясность мысли явно начинали ему изменять. Таким образом, Великобритания была слабо представлена на этом важнейшем совещании, на котором от Франции присутствовали Фланден и Лаваль, а от Италии — Муссолини и Сувич.

Все были единодушны в том, что открытое нарушение торжественных договоров, ради которых миллионы людей отдали свои жизни, не может быть терпимо. Однако английские представители с самого начала дали понять, что они не считают возможным применение санкций в случае нарушения договора. Это, естественно, свело конференцию к одним словопрениям. Единогласно была принята резолюция, в которой говорилось, что с односторонними нарушениями договоров нельзя мириться. Резолюция призывала Совет Лиги Наций высказаться по поводу сложившейся ситуации. На второй день работы конференции Муссолини решительно поддержал это решение и весьма энергично высказался против агрессии какой-либо одной державы в отношении другой.

Заключительная декларация конференции гласила:

«Три державы, целью политики которых является коллективное поддержание мира в рамках Лиги Наций, единодушно признают необходимым противодействовать всеми возможными средствами всякому одностороннему отказу от договоров, который может поставить под угрозу мир в Европе, и будут с этой целью действовать в тесном и сердечном сотрудничестве».

Итальянский диктатор подчеркнул в своей речи слова «*мир в Европе*» и выдержал многозначительную паузу после слов

«в Европе». Это ударение на *«Европе»* тотчас же привлекло внимание представителей английского министерства иностранных дел. Они навострили уши, отлично понимая, что, хотя Муссолини готов действовать заодно с Францией и Англией, чтобы помешать Германии перевооружиться, он оставляет за собой свободу действий в Африке, где может впоследствии предпринять любое выступление против Абиссинии, какое только ему заблагорассудится. Следует ли поднять этот вопрос? Об этом спорили в тот вечер чиновники министерства иностранных дел. Все так стремились заручиться поддержкой Муссолини против Германии, что было признано нежелательным делать ему в этот момент какие-либо предостережения относительно Абиссинии, которые, несомненно, вызвали бы у него сильнейшее раздражение. Поэтому этот вопрос не был поднят, он был обойден, и Муссолини решил — в известном смысле не без оснований, — что союзники молчаливо согласились с его заявлением и готовы предоставить ему свободу действий в отношении Абиссинии. Французы по этому поводу не высказались, и участники конференции разъехались.

15—17 апреля Совет Лиги Наций рассмотрел заявление о нарушении Германией Версальского договора, выразившемся во введении всеобщей обязательной воинской повинности. В Совете были представлены следующие державы: Аргентина, Австрия, Великобритания, Чили, Чехословакия, Дания, Франция, Германия, Италия, Мексика, Польша, Португалия, Испания, Турция и СССР. Все эти державы голосовали за поддержку того принципа, что договоры не должны нарушаться путем односторонней акции. Решено было передать вопрос на обсуждение пленарного заседания ассамблеи Лиги. В то же самое время министры иностранных дел трех Скандинавских стран — Швеции, Норвегии, Дании — и Голландии, глубоко обеспокоенные вопросом о равновесии военно-морских сил в районе Балтики, также собрались и заявили о своей поддержке указанного принципа. Официальный протест против действий Германии заявили в общей сложности 19 государств. Но какую цену имели все их резолюции, если они не были подкреплены готовностью хотя бы одной из держав или какой-либо группы держав прибегнуть к силе даже в качестве самого крайнего средства!

* * *

Лаваль не был склонен подходить к России с непоколебимым духом Барту. Однако Франция испытывала сейчас острую нужду в одном. Тем, кто принимал близко к сердцу жизнь Франции, казалось необходимым добиться прежде всего единодушной поддержки народом закона о двухгодичной воинской повинности, который был принят в марте лишь незначитель-

ным большинством. Только Советское правительство могло дать значительной части французов, питавших к нему чувство верности, разрешение оказать поддержку этому закону. Кроме того, во Франции ощущалось всеобщее стремление к возрождению старого союза или чего-нибудь вроде этого. 2 мая французское правительство поставило свою подпись под франко-советским пактом. Это был расплывчатый документ, гарантировавший взаимную помощь в случае возникновения агрессии. Срок действия пакта был определен в пять лет.

Чтобы добиться осязаемых политических результатов в стране, Лаваль нанес трехдневный визит в Москву, где был радушно принят Сталиным. Они вели долгие переговоры, из которых можно здесь воспроизвести один отрывок, нигде до сих пор не опубликованный. Сталин и Молотов, конечно, стремились прежде всего выяснить, какова будет численность французской армии на Западном фронте, сколько дивизий, каков срок службы. После того как с вопросами такого характера было покончено, Лаваль спросил: «Не можете ли вы сделать что-нибудь дли поощрения религии и католиков в России? Это бы так помогло мне в делах с папой». «Ого! — воскликнул Сталин. — Папа! А у него сколько дивизий?» Мне не передавали, что ответил на это Лаваль, но он мог бы, конечно, упомянуть о тех легионах, которые не всегда можно узреть на парадах. Лаваль отнюдь не собирался связать Францию какими-либо точно сформулированными обязательствами, на которых Советы имеют обыкновение настаивать. И все же он добился того, что 15 мая было опубликовано заявление Сталина, в котором одобрялась политика национальной обороны, проводимая Францией с целью поддержания ее вооруженных сил на уровне, обеспечивающем ее безопасность. Франко-советский пакт, не связывавший ту или другую из договаривающихся сторон какими-либо обязательствами на случай германской агрессии, как фактор европейской безопасности имел лишь ограниченное значение. Франция не достигла настоящего союза с Россией. К тому же на обратном пути французский министр иностранных дел остановился в Кракове, чтобы присутствовать на похоронах маршала Пилсудского. Там он встретил Геринга, с которым вел самые сердечные беседы. Его высказывания, выражавшие недоверие и неприязнь к Советам, были неукоснительно доведены через немецкие каналы до сведения Москвы.

Здоровье и силы Макдональда ослабли до такой степени, что дальнейшее пребывание его премьер-министром стало уже невозможным. Поэтому, когда 7 июня было объявлено, что Макдональд и Болдуин поменялись постами в правительстве и что Болдуин в третий раз стал премьер-министром, это ни для кого не явилось неожиданностью. Министерство иностранных дел также перешло в другие руки. Сэр Джон Саймон был

теперь переведен в министерство внутренних дел, с кругом деятельности которого он был хорошо знаком, а сэр Сэмюэль Хор стал министром иностранных дел.

Одновременно Болдуин применил одно нововведение. Он назначил Идена, престиж которого неуклонно повышался и здоровье которого к этому времени восстановилось, министром по делам Лиги Наций. Иден получил равный статус с министром иностранных дел.

* * *

В описанных выше обстоятельствах английское правительство предприняло совершенно неожиданный шаг. Инициатива, по крайней мере отчасти, исходила от военно-морского министерства. Между английским и германским военно-морскими министерствами с некоторых пор велись переговоры о соотношении флотов обеих стран. По Версальскому договору немцы имели право построить не более четырех линкоров водоизмещением 10 тысяч тонн каждый в дополнение к шести крейсерам также водоизмещением 10 тысяч тонн. Однако английское адмиралтейство недавно обнаружило, что два последних из строящихся карманных линкоров — «Шарнхорст» и «Гнейзенау» — гораздо больше по своим размерам, чем это разрешено договором, и совершенно иного типа. В действительности это были легкие линейные крейсера водоизмещением 26 тысяч тонн.

В связи с этим наглым и мошенническим нарушением мирного договора, тщательно подготовленным и начатым по меньшей мере двумя годами раньше (в 1933 году), адмиралтейство сочло целесообразным заключить англо-германское морское соглашение. Правительство его величества сделало это, не проконсультировавшись со своим французским союзником и не поставив в известность Лигу Наций. Обращаясь к Лиге и заручаясь поддержкой ее членов для выражения протеста против нарушения Гитлером военных статей мирного договора, оно одновременно уничтожало с помощью частного соглашения морские статьи того же договора.

Главной чертой соглашения было условие, чтобы германский военно-морской флот не превышал одной трети английского флота. Это очень прельщало военно-морское министерство, которое оглядывалось на те дни перед великой войной, когда мы довольствовались соотношением 16:10. Ради этой перспективы и принимая заверения немцев за чистую монету, наше министерство соглашалось признать за Германией право на строительство подводных лодок, что категорически запрещалось мирным договором. Германии разрешалось построить такое количество подводных лодок, которое составило бы 60 процентов от числа английских подводных лодок, в случае же исключительных, по

ее мнению, обстоятельств она могла построить и все 100 процентов. Немцы, конечно, дали заверения, что их подводные лодки никогда не будут использованы для борьбы против торговых судов. Для чего же в таком случае они предназначались? Ведь ясно, что, если бы остальная часть соглашения была соблюдена, они не могли оказать влияния на исход морских операций, поскольку это касалось военных кораблей.

Установление для германского флота предельных размеров, равных одной трети английского, означало, что Германии разрешалась такая судостроительная программа, которая должна была до предела загрузить ее верфи по меньшей мере на десять лет. Таким образом, расширение германских военно-морских сил практически ничем не ограничивалось и не сдерживалось. Немцы могли строить новые корабли так быстро, как это позволяли физические возможности. Установленная английским проектом для Германии квота судов была даже гораздо щедрее той, которую Германия считала целесообразным использовать. Отчасти это, несомненно, объяснялось тем, что ей приходилось считаться с конкуренцией между танковой и судостроительной промышленностью из-за получения бронеплит. Немцам было разрешено построить 5 линкоров, 2 авианосца, 21 крейсер и 64 эсминца. Фактически же они имели к началу войны готовыми или близящимися к окончанию строительства: 2 линкора, 11 крейсеров, 25 эсминцев и ни одного авианосца — то есть значительно меньше половины того, что мы так благодушно разрешили им построить. Сконцентрировав все свои наличные ресурсы на строительстве крейсеров и эсминцев за счет линкоров, они могли поставить себя в более выгодное положение на случай войны с Англией в 1939 или 1940 году. Как мы теперь знаем, Гитлер уведомил адмирала Редера, что война с Англией едва ли начнется ранее 1944 или 1945 года. Таким образом, планы расширения германского военно-морского флота были рассчитаны на длительный срок. Немцы достигли максимально установленного для них предела только в строительстве подводных лодок. Как только они оказались в силах превысить 60-процентный лимит, они воспользовались той статьей соглашения, которая разрешала им довести строительство до 100 процентов, так что к началу войны ими было построено 57 подводных лодок.

В проектировании новых линкоров преимущество немцев состояло в том, что они не были участниками Вашингтонского морского соглашения или Лондонской конференции. Они немедленно заложили «Бисмарк» и «Тирпиц». И в то время как Англия, Франция и Соединенные Штаты были связаны пределом в 35 тысяч тонн, эти два огромных корабля должны были иметь водоизмещение свыше 45 тысяч тонн, так что, когда строительство их было закончено, они оказались самыми мощными кораблями в мире.

С дипломатической точки зрения Гитлеру было также весьма выгодно в тот момент расколоть союзников, добиться того, что один из них готов был простить нарушения Версальского договора, и заключением соглашения с Англией санкционировать восстановление для Германии полной свободы перевооружения. Сообщение об этом соглашении явилось новым ударом по Лиге Наций. Французы имели все основания жаловаться, что разрешение на строительство подводных лодок, данное немцам Великобританией, затрагивает жизненные интересы Франции. Муссолини усмотрел в этом факте свидетельство того, что Великобритания недобросовестно ведет себя в отношении своих союзников и что при условии обеспечения ее специфических интересов, как морской державы, она готова идти на любые сделки с Германией, какой бы ущерб они ни наносили дружественным державам, находящимся под угрозой в связи с ростом германских наземных сил. Выглядевшая циничной и эгоистичной позиция Великобритании поощрила Муссолини к более энергичному осуществлению своих планов в отношении Абиссинии. Скандинавские страны, которые всего за две недели до этого мужественно поддержали протест против введения Гитлером обязательной воинской повинности в германской армии, обнаружили теперь, что Великобритания за кулисами санкционировала создание германского военно-морского флота. Правда, он должен был равняться лишь одной трети английского, но и в этих пределах он становился хозяином Балтики.

Соглашение это не только не являлось шагом по пути к разоружению, но, напротив, в случае осуществления его на протяжении нескольких лет оно неизбежно привело бы к развертыванию строительства новых военных кораблей во всем мире. Потребовалась бы реконструкция всего французского военно-морского флота, если не считать его новейших судов. Это в свою очередь оказало бы воздействие на Италию. Что касается нас самих, то было очевидно, что для сохранения нашего тройного превосходства над немцами в современных кораблях мы должны провести весьма значительную реконструкцию английского флота. Возможно, что формула, согласно которой германский флот должен был равняться одной трети английского, истолковывалась нашим морским министерством в том смысле, что английский флот должен быть в три раза больше германского. Это, пожалуй, могло бы расчистить путь для разумной и давно уже требовавшейся перестройки нашего флота.

В действительности же было достигнуто только то, что Германии было позволено в течение пяти или шести последующих лет развернуть строительство новых военных кораблей в таких размерах, какие только позволяли ее физические возможности.

* * *

В военной области официальное введение 16 марта 1935 года воинской повинности в Германии означало серьезный вызов Версалю. Однако методы, применявшиеся ныне для расширения и реорганизации германской армии, представляют не только технический интерес. Надо было дать определение тем функциям, которые отводятся армии в национал-социалистском государстве. Целью закона от 21 мая 1935 года было расширить избранный круг прошедших тайную подготовку технических специалистов путем вооружения всей нации. Наименование «рейхсвер» было заменено на «вермахт». Армия подчинялась верховному руководству фюрера. Каждый солдат приносил теперь присягу не конституции, а лично Адольфу Гитлеру. Военное министерство было поставлено в непосредственное подчинение фюреру. Военная служба была объявлена важнейшим гражданским долгом, и в задачу армии вменялось просветить население рейха и объединить его раз и навсегда. Вторая статья закона гласила: «Вермахт есть вооруженные силы и школа военного обучения германского народа».

В этом законе нашли свое официальное юридическое воплощение следующие слова из гитлеровской «Майн кампф»:

«Грядущее национал-социалистское государство не должно впадать в ошибку прошлого и приписывать армии задачи, которых у нее нет и быть не может. Германская армия не должна быть школой сохранения племенных особенностей, напротив, она должна быть школой, учащей всех немцев взаимному приспособлению и взаимопониманию. Все, что в жизни нации разъединяет, армия должна объединить. Кроме того, она должна поднять каждого юношу выше узких интересов его родной округи, заставить его ощутить свою связь с германской нацией в целом. Он должен научиться уважать не границы своего родного местечка, а границы своего отечества, ибо и ему придется их со временем защищать».

На основе этих идеологических принципов законом устанавливалась также новая территориальная структура. Армия отныне делилась на три зоны со штабами в Берлине, Касселе и Дрездене. Каждая из них подразделялась на 10 (впоследствии на 12) военных округов. Каждый военный округ включал один армейский корпус, состоящий из трех дивизий. Кроме того, было запланировано создание воинских формирований нового вида — бронетанковых дивизий. Три такие дивизии были действительно созданы в скором времени.

Порядок прохождения военной службы был также разработан во всех деталях. Новый режим ставил своей главной задачей подчинение германской молодежи строгой регламентации. Немецкие мальчики зачислялись сначала в организа-

цию «гитлеровской молодежи», а по достижении 18-летнего возраста на добровольных началах вступали на два года в отряды СА. По закону от 26 июня 1935 года каждый немец, достигший двадцатилетнего возраста, должен был в принудительном порядке отслужить свой срок в рабочих батальонах. Он должен был шесть месяцев служить родине, прокладывая дороги, строя казармы или осушая болота и подготавливая себя таким образом физически и морально к выполнению наивысшего долга германского гражданина — службе в вооруженных силах. В рабочих батальонах главный упор делался на ликвидацию классовых различий и подчеркивание социального единства германского народа, а в армии — на дисциплину и территориальное единство страны.

Теперь приступили к осуществлению гигантской задачи обучения новой армии и расширения ее кадров в соответствии с технической концепцией Секта. 15 октября 1935 года, опять-таки в нарушение Версальского договора, вновь была открыта германская академия генерального штаба. На официальной церемонии присутствовали Гитлер и представители верховного командования. Это была вершина той пирамиды, основанием которой служили бесчисленные рабочие батальоны. 7 ноября 1935 года был призван в армию первый класс рекрутов 1914 года рождения — 596 тысяч юношей, которые должны были пройти обучение военному ремеслу. Таким образом, численность германской армии единым росчерком пера была доведена, по крайней мере на бумаге, почти до 700 тысяч бойцов.

Помимо задачи обучения возникли проблемы финансирования перевооружения и расширения германской промышленности для удовлетворения нужд новой национальной армии. Секретным приказом Шахт был назначен фактическим экономическим диктатором Германии. Результаты подготовительной работы, проведенной в свое время Сектом, подверглись теперь решающему испытанию. Наибольшие трудности представляло, во-первых, расширение офицерского корпуса и, во-вторых, создание специализированных частей — артиллерии, инженерных войск и войск связи. К октябрю 1935 года было закончено формирование 10 армейских корпусов, еще два были созданы год спустя и 13-й корпус — в октябре 1937 года. Полицейские части также были включены в состав вооруженных сил.

Было известно, что после первого призыва рекрутов 1914 года рождения последующие годы как в Германии, так и во Франции дадут меньшее число рекрутов в связи с сокращением рождаемости в период мировой войны. Поэтому в августе 1936 года срок действительной военной службы в Германии был увеличен до двух лет.

Следующие цифры, которые довольно точно были предугаданы статистиками, говорят сами за себя:

Сравнительная численность рекрутов 1914—1920 гг. рождения, призывавшихся с 1934 по 1940 гг. во Франции и Германии

Год рождения	Германия	Франция
1914	596 000	279 000
1915	464 000	184 000
1916	351 000	165 000
1917	314 000	171 000
1918	326 000	197 000
1919	485 000	218 000
1920	636 000	360 000
Итого...	3 172 000	1 574 000

Эти цифры казались лишь предостерегающей тенью, пока с течением времени они не стали фактом. Все то, что было создано немцами вплоть до 1935 года, уступало по численности и мощи французской армии с ее огромными резервами, не говоря уже о ее многочисленных и сильных союзниках. Даже и теперь еще твердое решение, опирающееся на авторитет Лиги Наций, поддержкой которой легко было заручиться, могло бы приостановить весь этот процесс. Германию можно было призвать к ответу в Женеве и предложить ей дать исчерпывающие объяснения и потребовать, чтобы она разрешила межсоюзническим расследовательским миссиям ознакомиться с состоянием ее вооружений и с теми воинскими формированиями, которые были ею созданы в нарушение мирного договора. Или же, в случае ее отказа, предмостные укрепления на Рейне могли быть вновь оккупированы до тех пор, пока не было бы обеспечено выполнение мирного договора. При этом исключалась всякая возможность эффективного сопротивления со стороны Германии и было маловероятно, чтобы эта операция привела к кровопролитию. Действуя таким образом, можно было предотвратить вторую мировую войну или по крайней мере оттянуть ее возникновение на неопределенно долгий срок. Многие факты и общая тенденция их развития хорошо были известны французскому и английскому генеральным штабам, но правительства не столь ясно их сознавали. Французское правительство, находившееся в результате увлечения партий политической игрой в состоянии вечной неустойчивости, и английское правительство, оказавшееся жертвой тех же пороков в итоге противоположной общей склонности к покою, были одинаково неспособны на какие-либо радикальные и четкие действия, сколько бы эти последние ни оправдывались мирным договором и здравым смыслом. Французское правительство не согласилось осуществить все то сокращение своих вооруженных сил, на котором настаивал его союзник, но, подобно своим английским коллегам, оно было неспо-

собно оказать сколько-нибудь эффективное сопротивление тому, что Сект в свое время назвал «воскрешением военной мощи Германии»[1].

Глава девятая

ВОЗДУШНЫЕ И МОРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ (1935—1939 гг.)

Теперь необходимо остановиться на решениях технического характера, имевших важное значение для нашей будущей безопасности. В этой главе целесообразно охватить все четыре года, непосредственно предшествовавшие войне.

После утраты равенства в воздухе мы оказались уязвимы для гитлеровского шантажа. Если бы мы своевременно приняли меры к тому, чтобы создать воздушные силы вдвое более мощные, нежели те, которые Германия могла создать в нарушение мирного договора, мы сохранили бы за собой контроль в будущем. Но даже простое равенство в воздухе, которое никто бы не мог расценить как проявление агрессивности, в значительной мере дало бы нам в эти критические годы уверенность в своих оборонительных возможностях, а также могло бы послужить основой для нашей дипломатии и способствовало бы дальнейшему расширению наших военно-воздушных сил. Но равенство в воздухе было утрачено, и все попытки восстановить его оказывались тщетными. Мы вступили в такой период, когда оружие, игравшее значительную роль в прошлой войне, всецело овладело умами и превратилось в важнейший военный фактор. Министры рисовали себе самые страшные картины разрушения и кровопролития в Лондоне, которые могли явиться результатом нашей ссоры с германским диктатором. Хотя соображения такого рода не были специфическими для Великобритании, они отражались на нашей политике, а следовательно, и на всем мире.

Летом 1934 года профессор Линдеман обратился в «Таймс» с письмом, в котором указывал, что исследовательская работа в

[1] «Воскрешение военной мощи Германии» было следствием не только «игры» партий Франции и Англии и их стремления «к покою», но и плодом целенаправленной политики, имевшей целью возродить военную мощь Германии и направить ее экспансию на Восток против СССР. Эта линия, начиная с Локарнской конференции (октябрь 1925 г.), через попытку заключить «пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция) в 1933-м, через политику «невмешательства» в войну в Испании (1936—1939 гг.) и «умиротворения» достигла апогея в Мюнхенском соглашении Германии, Италии, Англии и Франции и проводилась (с некоторыми отклонениями) вплоть до начала второй мировой войны. Эта политика попустительства агрессору стала одной из важнейших причин возрождения германского милитаризма и возникновения второй мировой войны.

области противовоздушной обороны может дать важнейшие научные результаты. В августе мы попытались привлечь к этому вопросу внимание не только чиновников министерства авиации, которые уже пришли в движение, но и их руководителей в правительстве. Мы считали, что этот вопрос должен быть передан из ведения министерства авиации в ведение Комитета имперской обороны, где руководители правительства, наиболее влиятельные политические деятели страны, имели возможность осуществлять наблюдение и контроль за его действиями, а также обеспечить выделение надлежащих финансовых средств. Министерство авиации, со своей стороны, с негодованием возражало против того, чтобы какой-либо посторонний или вышестоящий орган вмешивался в его специальную область. В результате в течение некоторого времени дело не двигалось с мертвой точки.

Поэтому 7 июня 1935 года я заговорил об этом в парламенте: «Данный вопрос носит ограниченный и в большей мере научный характер. Речь идет о тех методах, которые могут быть изобретены, применены или открыты, с тем чтобы можно было с земли контролировать воздух, чтобы дать наземным оборонительным силам возможность осуществлять контроль или даже господство над самолетами, находящимися на большой высоте... Мой опыт подсказывает мне, что в таких случаях, когда военные и политические власти исчерпывающим образом разъяснят, в чем именно ощущается потребность, наука всегда оказывается в силах каким-то образом на это откликнуться.

Отвратительная идея — принуждать государства к капитуляции посредством запугивания беспомощного гражданского населения и уничтожения женщин и детей — получила признание и одобрение только в двадцатом столетии. Это вопрос, который касается не какой-либо одной страны. Если было бы установлено, что самолет-бомбардировщик оказался во власти приборов, находящихся на земле, все страны почувствовали бы себя в большей безопасности, и навязчивые страхи и подозрения, ныне толкающие государства все ближе и ближе к новой катастрофе, утихли бы... Нам приходится опасаться не только налетов на наши крупные города с их гражданским населением — в этом отношении мы более уязвимы, чем какая-либо другая страна в мире, — но также налетов на доки и другие технические сооружения, без которых наш флот, все еще являющийся существенным фактором нашей обороны, может оказаться парализованным или даже уничтоженным. Поэтому этот вопрос должен привлечь к себе самое пристальное внимание крупнейших деятелей страны и правительства, и для его разрешения должны быть мобилизованы все средства, которыми располагает английская наука, и все материальные ресурсы, которые в состоянии выделить страна. Это необходимо не только для того, чтобы избавить мир от одной из главных

причин взаимных подозрений и войн, но и для того, чтобы вернуть былую безопасность нашему острову — Великобритании».

Буквально на следующий день произошли те перемещения в правительстве, о которых было упомянуто в предыдущей главе, и Болдуин стал премьер-министром. Сэр Филипп Канлифф-Листер, вскоре получивший титул лорда Суинтона, сменил лорда Лондондерри на посту министра авиации. Как-то месяц спустя, когда я находился в курительной комнате палаты общин, туда вошел Болдуин. Он сел рядом со мной и сразу же начал: «У меня есть к вам одно предложение. Филипп очень хочет, чтобы вы приняли участие в только что образованном Комитете имперской обороны, ведающем исследовательской работой в области противовоздушной обороны, и я надеюсь, что вы согласитесь войти в него». Я ответил, что я критически оцениваю наши приготовления в области авиации и что я намерен сохранить за собой свободу действий. На это он заявил: «Это само собой разумеется. Конечно, вы сохраните полную свободу во всем, исключая секретные вопросы, о которых вы узнаете только в комитете».

* * *

Работа комитета проходила в обстановке секретности, и никто никогда не упоминал о моих связях с правительством, которое я продолжал все более резко критиковать по другим поводам, также касавшимся состояния нашей авиации.

Опытным политическим деятелям в Англии часто удается сочетать оба рода деятельности. Самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений.

* * *

Мысль о возможности использования радиоволн, отражаемых самолетами и другими металлическими предметами, в тридцатых годах пришла в голову, по-видимому, очень многим в Англии, Америке, Германии и Франции. Мы называли это радиолокацией, а аппаратуру радиолокации — радаром.

В феврале 1935 года профессор Уотсон-Уотт, сотрудник правительственной научно-исследовательской организации, впервые объяснил технической подкомиссии, что обнаружение местонахождения самолета по отражаемым им радиоволнам может оказаться возможным, и предложил провести соответствующее испытание. Была учреждена специальная организация и создана для экспериментальных целей цепь радиолокационных станций в районе Дувра, Орфорднеса.

К 1939 году министерство авиации, используя сравнительно длинные радиоволны (10 метров), построило так называемую береговую цепь радарных станций, которая позволяла обнаруживать самолеты, приближающиеся со стороны моря, на расстоянии до 60 миль. Под руководством маршала авиации Даудинга (истребительная авиация) была создана широко разветвленная телефонная сеть, связывавшая все эти станции с центральной станцией в Аксбридже, где движение всех обнаруженных самолетов отмечалось на больших картах, что давало возможность управлять боевыми действиями наших военно-воздушных сил. Был также изобретен прибор, получивший название IFF (Identification Friend or Foe — «опознаватель друга или врага»), который позволял береговой цепи радарных станций отличать английские самолеты, имевшие на борту эти приборы, от вражеских самолетов.

Однако одного только обнаружения приближающегося вражеского самолета над морем было еще недостаточно, хотя мы и получали предостережение по меньшей мере за 15—20 минут. Мы должны стремиться к тому, чтобы направить наши самолеты навстречу атакующим, с тем чтобы перехватить их над сушей. С этой целью сооружалось несколько станций, оборудованных установками под названием CHL (Chain Stations Home Service Low Cover — наземное управление истребителями-перехватчиками). Однако к началу войны все это находилось еще в зачаточном состоянии.

* * *

Немцы также проявляли большую активность. Весной 1939 года «Граф Цеппелин» совершил полет над восточным побережьем Англии. Начальник главного управления связи немецкой военной авиации генерал Мартини распорядился поместить на борту «цеппелина» специальную радиоаппаратуру для обнаружения английских радарных радиопередатчиков, если таковые имеются. Попытка окончилась неудачно, но если бы его аппаратура работала исправно, «Граф Цеппелин», несомненно, смог бы доставить в Германию весть о том, что у нас имеется радар, ибо наши радарные станции не только работали в тот момент, но и следили за движением «цеппелина» и догадались о его намерениях. Немцы не были бы удивлены, если бы им удалось перехватить наши радарные сигналы, ибо сами они успели создать весьма совершенную в техническом отношении систему радара, которая в некоторых отношениях превосходила нашу. Но что бы их удивило — это масштабы, в каких мы сумели применить наши открытия на практике и включить их в систему противовоздушной обороны. В этом отношении мы опередили весь мир. Главное достижение заключалось не

столько в новизне самого оборудования, сколько в эффективности его использования.

Заключительное заседание исследовательского комитета по вопросам противовоздушной обороны состоялось 11 июля 1939 года. К этому времени между Портсмутом и Скапа-Флоу имелось 20 радарных станций, которые могли обнаруживать самолет, летящий на высоте свыше 10 тысяч футов, на расстоянии от 50 до 120 миль. У нас уже производились приборы, позволяющие успешно бороться с вражескими радиопомехами, и упрощенной конструкции приборы IFF (опознаватели принадлежности самолета).

* * *

В эти годы я поддерживал постоянные и тесные связи также с военно-морским министерством. Летом 1936 года военно-морским министром стал сэр Сэмюэль Хор, который разрешил своим подчиненным свободно обсуждать со мной любые вопросы, входившие в компетенцию министерства. Поскольку я питал глубокий интерес к военно-морскому флоту, я использовал эти возможности в полной мере. Я знал начальника военно-морского штаба адмирала Чэтфилда с 1914 года, а моя переписка с ним по военно-морским проблемам началась в 1936 году.

* * *

15 июня 1938 года начальник военно-морского штаба взял меня с собой в Портленд, чтобы показать мне «Асдик». Так называлась система нащупывания под водой подводных лодок с помощью звуковых волн, проходящих сквозь воду и отражающихся от любой стальной конструкции, встреченной ими на пути. По этому отражению можно было довольно точно определять местонахождение подводной лодки. Мы были на пороге этого открытия уже к концу первой мировой войны. Это было ценнейшее достижение морского министерства, над развитием которого оно неустанно трудилось на протяжении жизни целого поколения.

Я писал Чэтфилду:

«Что меня поразило, это ясность и отчетливость показаний («Асдик»). Я ожидал, что это будет нечто едва различимое и уж во всяком случае расплывчатое и сомнительное. Я не думал, что мне доведется услышать, как эти твари сами просят, чтобы их уничтожили. Это великолепная система и крупнейшее достижение».

«Асдик» не победил подводную лодку, но без «Асдика» подводная лодка не могла быть побеждена.

Глава десятая

САНКЦИИ ПРОТИВ ИТАЛИИ (1935 г.)

Миру во всем мире был нанесен второй тяжелый удар. За утратой Англией равенства в воздухе последовал переход Италии на сторону Германии. Оба эти события, вместе взятые, позволили Гитлеру пойти дальше по избранному им смертоносному пути. Мы видели, какую помощь при защите независимости Австрии оказал Муссолини и что это означало для Центральной и Юго-Восточной Европы. Теперь он решил перейти в противоположный лагерь. Нацистская Германия уже не будет одинока. Один из главных союзников в первой мировой войне вскоре присоединится к ней. Меня угнетала мысль о серьезности этого неблагоприятного для дела безопасности поворота.

Замыслы Муссолини в отношении Абиссинии шли вразрез с моралью двадцатого века. От них веяло той мрачной эпохой, когда белые люди считали себя вправе покорять желтокожих, коричневокожих, чернокожих или краснокожих и подчинять их себе огнем и мечом. В наш просвещенный век, когда совершаются такие преступления, от которых в ужасе отшатнулись бы или на которые во всяком случае были бы неспособны дикари прошлого, такое поведение не соответствовало духу времени и было достойно порицания. К тому же Абиссиния была членом Лиги Наций. По странному капризу судьбы именно Италия настаивала в 1923 году на ее приеме, а Англия возражала. Англичане считали, что характер правительства Эфиопии и положение, существовавшее в этой дикой стране тирании, рабства и племенных войн, было несовместимо с ее членством в Лиге. Но итальянцы настояли на своем, и Абиссиния стала членом Лиги, пользуясь всеми правами и гарантиями безопасности, которые могла дать Лига. Вот, кстати, был удобный случай для проверки действенности орудия мирового правительства, на которое возлагали надежды все люди доброй воли.

Итальянский диктатор руководствовался не только желанием захватить новую территорию. Его власть, его безопасность зависели от престижа. Казалось, для Муссолини не было иного, более легкого, более дешевого и менее рискованного способа укрепить свою власть или, как он считал, поднять авторитет Италии в Европе, чем присоединить Абиссинию к недавно созданной итальянской империи.

Я очень не хотел, чтобы в этой грозной борьбе против перевооружающейся нацистской Германии, которая, как я чувствовал, неумолимо приближалась, Италия отошла от нас и даже перешла в противоположный лагерь. Не могло быть сомнений, что, если нападение одного члена Лиги Наций на

другого в этот критический момент не вызовет негодования, это в конечном счете разрушит Лигу как фактор, сплачивающий силы, которые одни только способны были удержать в узде мощь возрождающейся Германии и ужасную угрозу Гитлера. Все то, что могла бы дать или отнять Италия, не стоило того, что могло бы принести восстановленное величие Лиги Наций. Поэтому, если Лига готова была применить объединенные силы всех своих членов для обуздания политики Муссолини, нашим священным долгом было принять участие в этом и сыграть достойную роль.

* * *

Уже со времени конференции в Стрезе стало ясно, что Муссолини готовится захватить Абиссинию. Было очевидно, что английское общественное мнение враждебно отнесется к такому акту итальянской агрессии. Те из нас, кто видел в гитлеровской Германии угрозу не только для мира, но и для нашего существования, страшились этого перехода державы первого ранга, какой в то время считалась Италия, с нашей стороны на противоположную.

* * *

С наступлением лета началось непрерывное движение итальянских воинских транспортов через Суэцкий канал, и в результате на восточной границе Абиссинии были сосредоточены крупные силы и большое количество военного снаряжения. 24 августа кабинет принял решение и объявил, что Англия выполнит свои обязательства, вытекающие из заключенных ею договоров и устава Лиги Наций. Это немедленно вызвало кризис в районе Средиземного моря.

* * *

К этому времени министр по делам Лиги Наций Антони Иден, который занимал положение, почти равное положению министра иностранных дел, уже в течение нескольких недель находился в Женеве, где ему удалось убедить ассамблею в необходимости санкций против Италии в случае ее вторжения в Абиссинию. Санкции означали лишение Италии всякой финансовой помощи и товарных поставок и оказание всей финансово-экономической помощи Абиссинии. Для такой страны, как Италия, которая по многим видам материалов, необходимых для войны, зависела от беспрепятственного импорта из заморских стран, это было действительно колоссальной помехой. Рвение, проявленное Иденом, его выступление, про-

возглашенные им принципы привлекли основное внимание ассамблеи. Министр иностранных дел сэр Сэмюэль Хор, прибыв 11 сентября в Женеву, сам обратился к ассамблее:

«Прежде всего я хочу подтвердить поддержку Лиги правительством, которое я представляю, и интерес английского народа к коллективной безопасности... В соответствии со своими точными и ясно выраженными обязательствами Лига и вместе с ней моя страна стоят за коллективные меры по поддержанию устава во всей его полноте и, в частности, за неуклонное и коллективное сопротивление всем актам неспровоцированной агрессии».

Я вспоминаю, что несмотря на мою озабоченность германской проблемой и несмотря на то, что мне не очень нравилось, как велись в то время наши дела, эта речь произвела на меня огромное впечатление, когда я прочел ее под лучами солнца Ривьеры. Она всех взволновала и вызвала широкие отклики в Соединенных Штатах. Она сплотила в Англии всех, кто выступал за неустрашимое сочетание справедливости и силы. Это по крайней мере была политика. Если бы оратор понимал, какие колоссальные возможности открылись в этот момент перед ним, он, может быть, действительно смог бы в течение некоторого времени вести за собой мир.

Вескость этих заявлений проистекала из того факта, что за ними, как и во многих случаях в прошлом, имевших жизненно важное значение для прогресса и свободы человечества, стоял британский флот. Первый и последний раз Лига Наций, по-видимому, имела в своем распоряжении реальную силу. Это были международные полицейские силы, опираясь на которые можно было применить всевозможные методы дипломатического и экономического нажима и убеждения. 12 сентября, то есть на следующий день, когда линейные крейсера «Худ» и «Ринаун», сопровождаемые 2-й эскадрой крейсеров и отрядом эсминцев, прибыли в Гибралтар, всюду царило убеждение, что Англия подкрепит свои слова делом. Подавляющая часть общественности Англии немедленно выступила с поддержкой действенной политики. Считалось само собой разумеющимся, что это заявление и переброска военных кораблей не могли быть сделаны, если бы специалисты военно-морского министерства не произвели тщательных расчетов, какие силы флота потребуются на Средиземном море для успешного выполнения наших задач.

* * *

В октябре Муссолини, не встретив помех со стороны английского флота, переброска которого запоздала, бросил итальянские армии против Абиссинии и начал вторжение. 10 октября ассамблея Лиги пятьюдесятью голосами суверенных государств против одного постановила принять коллективные меры против Италии,

и был создан «комитет восемнадцати», который должен был предпринять дальнейшие попытки добиться мирного урегулирования. Оказавшись перед лицом таких обстоятельств, Муссолини выступил с недвусмысленным заявлением, свидетельствовавшим о его глубокой проницательности. Вместо того чтобы сказать: «Италия ответит на санкции войной», он сказал: «Италия ответит на них дисциплиной, умеренностью и готовностью пойти на жертвы». В то же время, однако, намекнул, что *не потерпит применения таких санкций, которые помешают его вторжению в Абиссинию*. Если его действия окажутся под угрозой, он начнет войну против всякого, кто будет стоять на его пути.

«Пятьдесят стран! — сказал он. — Пятьдесят стран, предводительствуемых одной!» Такова была обстановка в период, предшествовавший роспуску парламента и всеобщим выборам в Англии, которые согласно конституции должны были состояться в это время.

* * *

Кровопролитие в Абиссинии, чувство ненависти к фашизму и призыв Лиги к применению санкций вызвали потрясение в английской лейбористской партии. Профсоюзные деятели, особенно Эрнест Бевин, по своему темпераменту отнюдь не были пацифистами. Решительный класс трудящихся был охвачен сильным стремлением драться с итальянским диктатором, осуществить энергичные санкции и в случае необходимости пустить в ход британский флот. На митингах, происходивших в атмосфере возбуждения, произносились резкие и горячие речи.

* * *

Однако такое пробуждение страны не отвечало ни взглядам, ни намерениям Болдуина. И только спустя несколько месяцев после выборов я начал понимать, на каких принципах строились санкции. Премьер-министр заявил, что, во-первых, санкции означают войну; во-вторых, что он твердо решил не допустить войны; и, в-третьих, что он решил осуществить санкции. Эти три условия были явно несовместимы. Под руководством Англии и под давлением со стороны Лаваля комитет Лиги Наций, которому поручили разработать программу санкций, воздерживался от таких санкций, которые могли бы спровоцировать войну. Поставки многих товаров, в том числе и военных материалов, в Италию были запрещены, и был составлен внушительный план. Но нефть, без которой абиссинская кампания не могла бы продолжаться, свободно поступала, так как все понимали, что приостановить поставку ее означало развязать войну. В этом вопросе позиция Соединенных Штатов, не члена Лиги Наций, но глав-

ного в мире поставщика нефти, хотя и благожелательная, все же не была ясна. Кроме того, прекращение поставок нефти Италии требовало прекращения таких поставок и Германии. Экспорт алюминия в Италию был строжайше запрещен; но алюминий был почти единственным металлом, производившимся Италией в количестве, превышавшем ее потребности. Ввоз в Италию железного лома и железной руды был также категорически запрещен во имя общественной справедливости. Но, поскольку итальянская металлургическая промышленность мало использовала их и поскольку это запрещение не распространялось на стальные болванки и чугун, Италия не испытывала никаких затруднений. Таким образом, меры, на проведении которых столь шумно настаивали, не были реальными санкциями, способными сковать агрессора. Это были лишь такие нерешительные санкции, которые агрессор стал бы терпеть, ибо они, хотя и создавали затруднения, на деле разжигали воинственные настроения итальянцев. Поэтому Лига Наций взялась за спасение Абиссинии, заранее убежденная в том, что ничем нельзя помешать вторгшимся итальянским армиям. Во время выборов все эти факты не были известны английской общественности. Англичане искренне поддерживали политику санкций и полагали, что это верный способ положить конец действиям Италии против Абиссинии.

Еще в меньшей степени правительство его величества намерено было использовать флот. Рассказывали всевозможные басни об итальянских эскадрильях пикирующих бомбардировщиков, пилотируемых летчиками-смертниками, готовыми обрушиться на палубы наших кораблей и взорвать их. Британский флот, находившийся в Александрии, получил теперь подкрепление. Одним жестом он мог бы заставить итальянские транспорты повернуть обратно и уйти из Суэцкого канала, и в результате ему пришлось бы вызвать итальянский флот на бой. Нам говорили, что он неспособен противостоять такому противнику. Я с самого начала поднял этот вопрос, но меня тогда успокоили. Наши линкоры, конечно, были старые, а теперь оказалось, что у нас нет и самолетов для прикрытия с воздуха и что у нас очень мало боеприпасов для зенитной артиллерии. Однако, как выяснилось, адмирал — командующий флотом был возмущен, что ему приписывали утверждение, будто он не располагает достаточными силами для боевых действий. Прежде чем принять свое первое решение оказать сопротивление итальянской агрессии, правительству его величества, видимо, следовало тщательно изучить все возможности и составить определенное мнение.

Учитывая то, что нам известно теперь, можно не сомневаться, что смелое решение позволило бы перерезать итальянские коммуникации с Эфиопией, и любое морское сражение, которое могло бы последовать в результате такого шага, было бы успеш-

ным для нас. Я никогда не был сторонником изолированных действий со стороны Великобритании, однако после того как мы зашли уже так далеко, отступление было достойно сожаления. Кроме того, Муссолини никогда не посмел бы схватиться с решительно действующим английским правительством. Против Муссолини был почти весь мир, следовательно, ему пришлось бы рисковать своим режимом, вступая в единоборство с Англией, — единоборство, в котором морские операции на Средиземном море явились бы быстрой и решающей проверкой сил. Да и каким образом могла бы Италия вести такую войну? Не считая весьма незначительного преимущества в современных легких крейсерах, ее флот был вчетверо меньше английского. Ее хваленая многомиллионная армия, которую якобы можно было собрать по мобилизации, не могла бы вступить в дело. Ее авиация как в количественном, так и в качественном отношении намного уступала даже нашим скромным военно-воздушным силам. Италия оказалась бы блокированной с первого же дня войны. Итальянские армии в Абиссинии очутились бы на голодном пайке и в отношении провианта, и в отношении боеприпасов. Германия еще не могла оказать действенной помощи. Именно тогда представлялась превосходная возможность нанести решающий удар во имя благородного дела, и притом с минимальным риском. Тот факт, что мужество изменило английскому правительству в этой обстановке, можно оправдать только его искренним миролюбием. По сути дела, это миролюбие было одной из причин, приведших к бесконечно более ужасной войне. Муссолини удался его блеф, и из этого факта один важный наблюдатель сделал для себя далеко идущие выводы. Гитлер уже давно принял решение начать войну за расширение владений Германии. Теперь же у него сложилось мнение о вырождении Великобритании, и этим взглядам суждено было измениться слишком поздно для дела мира и слишком поздно для судьбы самого Гитлера. В Японии также внимательно наблюдали за развитием событий. Я все те годы не стремился занять какой-либо государственный пост, ибо уже достаточно побыл на таких должностях. Рост германской угрозы вызвал во мне желание взять в свои руки нашу военную машину. К этому времени я очень отчетливо представлял себе, что нам предстоит. Растерявшаяся Франция и робкая, миролюбивая Англия вскоре окажутся перед лицом бросивших им вызов европейских диктаторов. Я сочувствовал перемене настроений лейбористской партии. Возникла благоприятная возможность создать подлинно национальный кабинет. Насколько было известно, открылся вакантный пост в военно-морском министерстве, и мне очень хотелось занять его в случае победы консерваторов на выборах. Я, конечно, отлично понимал, что моего желания не разделяет ряд ближайших коллег Болдуина. Я олицетворял собой определенную политику, причем было общеизвестно, что я

буду бороться за эту политику независимо от того, войду ли я в состав правительства или нет. Они, конечно, были бы весьма рады обойтись без меня. В известной мере решение этого вопроса зависело от большинства, которое им удалось бы получить на выборах.

Я одержал победу на выборах в избирательном округе Эппинг, отстаивая необходимость перевооружения и строгого и добросовестного проведения политики санкций. В общем я поддерживал правительство и, хотя многие из моих друзей-консерваторов были оскорблены моей почти непрекращавшейся критикой мероприятий, проводимых правительством, я был избран значительным большинством.

* * *

Повсюду шли разговоры о том, что меня нужно ввести в правительство в качестве морского министра. Но как только были объявлены цифры, характеризовавшие масштабы победы Болдуина, последний, не теряя ни минуты, заявил через центральный совет[1], что не было ни малейшего намерения включать меня в состав правительства. Этим путем он в какой-то мере оплатил свой долг пацифистской депутации, которую принимал за несколько дней до выборов. В печати было немало насмешек по поводу того, что меня не включили в состав правительства.

Министр иностранных дел сэр Сэмюэль Хор проездом через Париж в Швейцарию, куда он направился на вполне заслуженный зимний отдых, беседовал с Лавалем, тогда еще французским министром иностранных дел. Результатом этих переговоров явился пакт Хора—Лаваля от 9 декабря. Стоит несколько остановиться на обстоятельствах, предшествовавших этому примечательному событию.

Мысль о том, что Англия возглавляет Лигу Наций в ее борьбе против фашистского вторжения Муссолини в Абиссинию, вызвала в стране небывалый подъем. Но как только выборы прошли и министры увидели, что они располагают большинством, которое даст им возможность в течение пяти лет руководить государством, пришлось столкнуться с некоторыми неприятными последствиями. Причиной их были заявления Болдуина: «Войны не должно быть» и «Не должно быть широкого перевооружения». Этот замечательный лидер партии, одержав на выборах победу под лозунгом руководства миром против агрессии, был глубоко убежден, что мы должны сохранить мир любой ценой. Англия твердо заявила, что ни при каких обстоятельствах не станет воевать из-за Абиссинии. О этот честный Болдуин! Полная победа на выборах; прочное

[1] Руководящий орган консервативной партии.

консервативное большинство еще на пять лет; всемерное проявление праведного возмущения, но только не война, только не воевать! Ввиду этого французы твердо решили, что они не должны позволить втянуть себя в постоянную вражду с Италией только из-за той острой неприязни, которая неожиданно вспыхнула в Англии против Муссолини. Французы особенно укрепились в своем решении, вспомнив, как Англия отступила перед вызовом, брошенным ее флоту на Средиземном море Италией, и учитывая, что в случае если бы Германия вторглась в пределы Франции, мы смогли бы послать ей на помощь в начальный период войны всего лишь две дивизии. Нетрудно понять позицию Лаваля в этот момент.

Наступил декабрь, и возник ряд новых обстоятельств. Муссолини, испытывая большие затруднения в результате применения санкций и оказавшись перед лицом весьма серьезной угрозы со стороны «пятидесяти наций, предводительствуемых одной», был готов, как ходили слухи, пойти на компромисс в вопросе об Абиссинии. Хотя применение отравляющих веществ против туземного населения Эфиопии могло быть успешным, оно, конечно, не возвеличило бы Италию. Абиссинцы терпели поражение. Говорили, что они не собирались пойти на большие уступки и отдать значительную часть своей территории. Нельзя ли было заключить мир, который дал бы Италии то, что она агрессивно требовала, и оставил бы Абиссинии четыре пятых ее империи?

Но в Англии время от времени возникают боевые настроения. Реже, чем какая-либо другая страна в мире, она проявляет готовность бороться за какое-то дело или за какую-то идею, ибо в глубине души убеждена, что не сможет извлечь из конфликта никаких материальных выгод. Болдуин и его министры, оказывая в Женеве сопротивление Муссолини, вызвали большой подъем в Англии. Они зашли настолько далеко, что могли спасти себя в глазах истории, лишь пойдя на все. Если они не собирались подкрепить свои слова и жесты действиями, то, быть может, лучше было, подобно Соединенным Штатам, вообще держаться в стороне, дать событиям развиваться своим чередом и посмотреть, к чему это приведет. Это был возможный план. Но они приняли иной. Они воззвали к миллионам, и невооруженные, остававшиеся до сих пор равнодушными миллионы ответили громкими возгласами, заглушившими все другие крики: «Да, мы выступим против зла, и выступим теперь же. Дайте нам оружие».

Новый состав палаты общин оказался энергичным. Это качество было весьма нужно палате, учитывая то, что ей предстояло в ближайшее десятилетие. Поэтому, еще не остыв от возбуждения, вызванного выборами, палата была страшно потрясена, услышав весть о компромиссе по поводу Абиссинии, заключенном сэром Сэмюэлем Хором и Лавалем.

9 декабря кабинет одобрил план Хора—Лаваля[1] о разделе Абиссинии между Италией и императором. 13 декабря Лиге Наций был представлен полный текст предложений Хора—Лаваля, что привело к отставке сэра Сэмюэля Хора. Иден был вызван премьер-министром на Даунинг-стрит, 10[2], чтобы обсудить положение, создавшееся в связи с отставкой сэра Сэмюэля Хора. 22 декабря Иден стал министром иностранных дел.

* * *

Крах сопротивления Абиссинии и аннексия Италией всей страны произвели большое впечатление на германское общественное мнение. Даже те элементы, которые не одобряли политику или действия Муссолини, восхищались тем, как быстро, удачно и безжалостно, казалось, была проведена эта кампания. По общему мнению, Великобритания оказалась в результате основательно ослабленной. Она заслужила вечную ненависть Италии, а утрата ею престижа в мире находилась в приятном контрасте с ростом силы и репутации новой Германии. «Я поражен, — писал один из наших представителей в Баварии, — с каким презрением говорят во многих кругах об Англии... Следует опасаться, что сочтут необходимым для Германии проявить более твердую позицию при переговорах об урегулировании дел в Западной Европе и более общем урегулировании европейских и неевропейских проблем».

Статья в «Мюнхнер цайтунг» (16 мая 1936 г.) содержит некоторые места, проливающие свет в этом отношении:

«Англичане любят жить в хороших условиях по сравнению с нашими германскими условиями. Это, конечно, вовсе не означает, что они неспособны на длительные усилия, но они избегают их насколько возможно, если при этом не страдает их личная безопасность или безопасность их страны. Они имеют также в своем распоряжении средства и ресурсы, которые позволяли им, в отличие от нас, на протяжении примерно столетия более или менее автоматически увеличивать свой капитал... после войны, во время которой англичане, действуя вначале несколько нерешительно, проявили затем, бесспорно, поразительную энергию. Британские хозяева мира считали, что они заслужили наконец небольшой отдых. Они разоружились по всем линиям — в гражданских областях даже

[1] План Хора—Лаваля предусматривал передачу Италии эфиопских провинций Огаден и Тигре, а также области Данакиль. Еще большая территория стала бы «зоной экономической экспансии Италии» с правом контроля этой территории от имени Лиги Наций. Однако Италия не остановилась на этом и захватила всю Эфиопию.

[2] Официальная резиденция английского премьер-министра.

больше, чем на суше и море. Они примирились с отказом от принципа двойного превосходства (на море) по сравнению с любой другой державой и согласились на паритет с Америкой...

Политика, которая хочет добиться успеха путем отсрочки решений, вряд ли может рассчитывать сегодня на то, что ей удастся выдержать вихрь, сотрясающий Европу, да и весь мир.

Сегодня вся Абиссиния окончательно, целиком и полностью принадлежит одной Италии. Поскольку это так, ни Женева, ни Лондон не могут сомневаться в том, что вытеснить итальянцев из Абиссинии можно, лишь применив чрезвычайную силу. Но для применения силы нет ни энергии, ни мужества».

Все это было, увы, справедливо. Правительство его величества неосторожно выступило в роли защитника великого дела международного значения. Своими смелыми речами оно повело за собой пятьдесят стран. Оказавшись перед лицом грубых фактов, Болдуин отступил. Длительное время цель политики правительства состояла в том, чтобы удовлетворять желаниям влиятельных кругов общественного мнения Англии, а не в том, чтобы учитывать реальные факты положения в Европе. Вызвав враждебность Италии, оно нарушило всю систему равновесия в Европе и ничего не добилось для Абиссинии. Оно довело Лигу Наций до полного фиаско, которое сильно повредило ей, а быть может, и нанесло пагубный ущерб ее действенности.

Глава одиннадцатая

ГИТЛЕР НАНОСИТ УДАР (1936 г.)

Как только гитлеровской Германии позволили перевооружиться без активного противодействия со стороны союзников, возникновение второй мировой войны стало почти неизбежным. Чем дальше будет откладываться решающая проверка сил, тем меньше у нас будет шансов остановить Гитлера без серьезной борьбы, а затем, после тяжкого испытания, одержать победу. Летом 1935 года Германия в нарушение договоров восстановила обязательную воинскую повинность. Великобритания простила это, а заключив с ней сепаратное соглашение, позволила ей восстановить флот, и если бы та пожелала, строить подводные лодки в одинаковом количестве с Англией. Нацистская Германия тайно и незаконно создала военно-воздушные силы, которые к весне 1935 года открыто претендовали на равенство с английской авиацией. Она уже второй год после длительной тайной подготовки усиленно производила вооружение. Великобритания и вся Европа, а также далекая, как в то время считали, Америка оказались перед лицом организованной мощи и воли к войне самой боеспо-

собной 70-миллионной нации Европы, жаждавшей вернуть себе свою национальную славу. А если бы она заколебалась, безжалостный военный, социальный и партийный режим погнал бы ее вперед.

Гитлер имел теперь полную возможность нанести удар. Ряд его последовательных шагов не встретил сколько-нибудь действенного сопротивления со стороны двух европейских либеральных демократий и, если не считать дальновидного президента Соединенных Штатов, лишь постепенно возбудил внимание этой страны. Таким образом, битва за мир, которую в 1935 году можно было выиграть, была теперь почти наверняка проиграна. Муссолини одержал победу в Абиссинии и бросил успешный вызов Лиге Наций и особенно Великобритании. Теперь он находился в жестокой вражде с нами и объединился с Гитлером. Возникла ось Берлин—Рим. Как оказалось, теперь осталось мало надежд на предотвращение войны или отсрочку ее путем такой проверки сил, которая была бы равносильна войне. У Франции и Англии почти не оставалось иного выбора, как ждать того момента, когда будет брошен вызов, и тогда сделать все возможное.

Быть может, еще было время отстоять систему коллективной безопасности на основе открыто выраженной готовности всех членов, которых это касалось, с оружием в руках осуществить решения Лиги Наций. Демократические страны и связанные с ними государства реально и потенциально все еще были значительно сильнее их противников, но положение их по сравнению с противниками не было и наполовину таким благоприятным, каким оно было год назад. Добронамеренность, сдерживаемая инертностью и робостью, не может противостоять вооруженной и объятой решимостью безнравственности. Искренняя любовь к миру не может служить оправданием для втягивания сотен миллионов простых людей в тотальную войну. Ободряющие голоса слабых, добронамеренных ассамблей вскоре перестанут находить отклик и приниматься в расчет. Роковой день приближается.

* * *

На протяжении 1935 года Германия отвергала и саботировала все попытки западных держав начать переговоры о восточном Локарно. В этот момент новый рейх провозгласил себя оплотом против большевизма и заявил, что для него не может быть и речи о сотрудничестве с Советами. 18 декабря Гитлер сказал польскому послу в Берлине, что «он решительно выступает против всякого сотрудничества Запада с Россией». Придерживаясь таких взглядов, он пытался помешать и сорвать французские попытки достигнуть прямого соглашения с

Москвой. Франко-советский пакт был подписан в мае, но не был ратифицирован ни одной из сторон. Помешать ратификации стало главной целью германской дипломатии. Берлин предупредил Лаваля, что если этот шаг будет сделан, то не может быть никакой надежды на дальнейшее франко-германское сближение. С этого времени стало отчетливым его нежелание настаивать на этом; но это не повлияло на развитие событий.

В январе 1936 года новый французский министр иностранных дел Фланден приехал в Лондон на похороны короля Георга V. Вечером, в день своего приезда, он обедал на Даунинг-стрит с Болдуином и Иденом. Разговор зашел о будущей позиции Франции и Англии в случае нарушения Германией Локарнского договора. Считали возможным, что Гитлер сделает такой шаг, поскольку французское правительство намеревалось теперь ратифицировать франко-советский пакт. Фланден обещал выяснить официальную точку зрения французского кабинета и генерального штаба. В феврале, по его словам, он сообщил Идену в Женеве, что вооруженные силы Франции будут предоставлены в распоряжение Лиги, в случае если Германия нарушит договор, и просил английского министра об условленной помощи Великобритании в соответствии со статьями Локарнского договора.

28 февраля французская палата ратифицировала франко-советский пакт, а на следующий день французский посол в Берлине получил инструкции обратиться к германскому правительству и выяснить, на какой основе могут быть начаты общие переговоры о франко-германском соглашении. Гитлер попросил несколько дней для размышлений. 7 марта в 10 часов утра германский министр иностранных дел фон Нейрат вызвал на Вильгельмштрассе[1] английского, французского, бельгийского и итальянского послов и объявил им о предложении заключить пакт сроком на 25 лет, провести демилитаризацию обеих сторон рейнской границы, заключить пакт, ограничивающий военно-воздушные силы, а также пакты о ненападении с восточными и западными соседями.

* * *

Демилитаризованная зона в Рейнской области была создана в соответствии со статьями 42, 43 и 44 Версальского договора. В этих статьях указывалось, что Германия не должна иметь или создавать укрепления на левом берегу Рейна и в пределах пятидесяти километров от его правого берега. Германия не должна была также держать в этой зоне какие-либо вооруженные силы,

[1] Улица в Берлине, на которой размещалось германское министерство иностранных дел.

проводить там военные маневры или иметь там средства для проведения военной мобилизации. Все это венчал Локарнский договор, свободно заключенный обеими сторонами. По этому договору подписавшие его державы гарантировали каждая в отдельности и все коллективно неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ. Статья 2 Локарнского договора обещала, что Германия, Франция и Бельгия никогда не предпримут вторжения или нападения через эти границы. Если, однако, статьи 42 и 43 Версальского договора будут нарушены, это будет означать «неспровоцированный акт агрессии», и державы — участницы договора, пострадавшие вследствие сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, должны будут предпринять немедленные действия. О таком нарушении должно быть немедленно доведено до сведения Лиги Наций, а последняя, установив факт нарушении, должна затем сообщить державам — участницам договора, что они обязаны оказать военную помощь пострадавшей державе.

* * *

В тот же день, 7 марта 1936 года, спустя два часа после того, как было сделано предложение о заключении пакта сроком на 25 лет, Гитлер в полдень заявил в рейхстаге, что он намерен вернуть Германии Рейнскую область, и, пока он говорил, немецкие войска общей численностью приблизительно в 35 тысяч хлынули через границу и заняли все основные немецкие города. Повсюду их встречали с радостью, несколько охлаждавшейся страхом перед возможными действиями союзников. Одновременно, чтобы сбить с толку английское и американское общественное мнение, Гитлер заявил, что оккупация носит чисто символический характер. Германский посол в Лондоне вручил Идену предложения, подобные тем, которые Нейрат передал утром в Берлине послам других держав — участниц Локарнского договора. Это было утешением для тех по обеим сторонам Атлантики, кто хотел быть одураченным. Иден дал послу решительный ответ. Теперь нам известно, что эти примирительные предложения были сделаны Гитлером в соответствии с его планами и служили лишь маскировкой для совершенного им насильственного акта, успех которого имел важное значение для его престижа, а тем самым и для следующего шага, предусматривавшегося его программой.

Это было не только нарушение обязательства, вырванного силой оружия в войне, а также Локарнского договора, свободно подписанного в условиях мира, но и использование факта дружественного ухода союзников из Рейнской области за несколько лет до истечения установленного срока. Весть об этом вызвала сенсацию во всем мире. Французское правительство во главе с Сарро и с Фланденом в качестве министра иностранных дел вы-

ступило с громогласной гневной отповедью, взывая ко всем своим союзникам и к Лиге Наций. В ту пору Франция имела на своей стороне Малую Антанту, состоявшую из Чехословакии, Югославии и Румынии. Прибалтийские государства и Польша также входили во французскую систему. Но, что важнее всего, Франция имела полное основание рассчитывать на Великобританию, памятуя о той гарантии, которую мы дали в отношении французских границ на случай немецкой агрессии, и о том давлении, которое мы оказали на Францию, настаивая на скорейшем выводе войск из Рейнской области. Это был явный случай нарушения не только мирного договора, но и Локарнского договора; это был случай, предусмотренный обязательствами, принятыми на себя всеми заинтересованными державами.

* * *

Для Франции это было страшным ударом. Сарро и Фланден были склонны немедленно объявить всеобщую мобилизацию. Если бы они были в состоянии справиться со своей задачей, они бы так и поступили и тем самым заставили бы других последовать их примеру. Для Франции это был жизненно важный вопрос. Но она, по-видимому, не могла действовать без согласия Англии. Впрочем, это объяснение, но отнюдь не оправдание. Вопрос этот имел жизненное значение для Франции, и всякое французское правительство, достойное этого названия, должно было принять определенные решения и остаться верным обязательствам, взятым на основе договора. Не раз в эти неустойчивые годы французские министры, входившие в состав бесконечно сменявшихся правительств, довольствовались тем, что находили в английском пацифизме оправдание для своего собственного пацифизма. Во всяком случае в своем намерении оказать сопротивление германской агрессии они не встретили поощрения со стороны англичан. Наоборот, если они колебались предпринять действия, то их английские союзники, не колеблясь, стали отговаривать их. Все воскресенье происходили взволнованные телефонные переговоры между Лондоном и Парижем. Правительство его величества советовало французам подождать, с тем чтобы обе страны могли предпринять совместные действия после всестороннего рассмотрения вопроса. Благовидный предлог для отступления! Британский кабинет, стремясь идти по линии наименьшего сопротивления, счел, что самый легкий путь — это заставить Францию еще раз обратиться к Лиге Наций.

* * *

Во Франции также наблюдался сильный разброд. Политические деятели желали мобилизовать армию и предъявить уль-

тиматум Гитлеру, а генералы, подобно их германским коллегам, взывали к спокойствию, терпению и отсрочкам. Теперь мы знаем, что в этот момент между Гитлером и германским верховным командованием возникли разногласия. Если бы французское правительство мобилизовало французскую армию, насчитывавшую около ста дивизий, а также свои военно-воздушные силы (которые в то время ошибочно считались сильнейшими в Европе), германский генеральный штаб, несомненно, заставил бы Гитлера отступить, и удалось бы обуздать его притязания. Это, возможно, оказалось бы роковым для его правления. Следует помнить, что в то время Франция была достаточно сильна, чтобы самостоятельно вытеснить немцев из Рейнской области, даже без помощи Великобритании, которая, несомненно, вынуждена была бы оказать помощь, если бы Франция начала действовать или если бы был применен Локарнский договор. На деле же Франция осталась абсолютно инертной и парализованной и тем самым безвозвратно утратила последний шанс остановить без серьезной войны обуреваемого честолюбивыми стремлениями Гитлера. Между тем Англия убеждала французское правительство переложить свое бремя на Лигу Наций, к тому времени уже ослабленную и приведенную в уныние провалом санкций и англо-германским морским соглашением, заключенным в предыдущем году.

В среду 11 марта в Лондон прибыл Фланден и в четверг, примерно в 8 часов 30 минут утра, посетил меня в моей квартире на Морпетменшенс. Он рассказал мне, что намерен потребовать от английского правительства одновременной мобилизации сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил обеих стран и что он получил заверения о поддержке от всех стран Малой Антанты, а также от других государств. Он зачитал мне внушительный перечень полученных им ответов. Не было никакого сомнения в том, что на стороне союзников по прошлой войне оставалось превосходство сил. Чтобы победить, им надлежало лишь действовать. С кем бы Фланден ни встречался, он всем говорил следующее: «Весь мир и в особенности малые страны обращают сегодня свои взоры на Англию. Если Англия будет сейчас действовать, она сможет повести за собой Европу. Если у вас будет определенная политика, весь мир пойдет за вами и, таким образом, вы предотвратите войну. Это ваш последний шанс. Если вы не остановите Германию теперь же, все будет кончено. Франция уже не сможет больше обеспечивать гарантии Чехословакии, ибо это окажется невозможным с географической точки зрения. Если вы не поддержите Локарнский договор, вам останется лишь ждать перевооружения Германии, помешать которому Франция не в силах. Если вы не остановите сегодня Германию силой, война неизбежна, если даже вы установите временную дружбу с Германией. Что касается меня, то я не думаю, чтобы

дружба между Францией и Германией была возможна. Отношения между этими двумя странами всегда будут напряженными. Тем не менее, если вы откажетесь от Локарно, я изменю свою политику, ибо ничего другого не останется». То были смелые слова. Но действия прозвучали бы громче.

Лорд Лотиан сказал: «В конце концов они просто вступают в свои собственные владения». Такая точка зрения была характерной для англичан.

Собрав своих генералов после успешной оккупации Рейнской области, Гитлер смог показать необоснованность их страхов и доказать, насколько его суждение или «интуиция» выше суждений заурядных военных. Генералы подчинились. Как добрые немцы, они были рады, что их страна так быстро завоевывает позиции в Европе, в то время как ее бывшие противники столь разобщены. Несомненно, что престиж и авторитет Гитлера в высших кругах, которым принадлежала власть в Германии, был поднят на небывалую высоту, что поощрило его и позволило ему приняться уже за более крупные дела. Миру он объявил: «Все территориальные притязания Германии удовлетворены».

Франция была в смятении. Преобладали страх перед войной и чувство облегчения, вызванное тем, что войны удалось избежать. Рядовая английская печать убеждала рядовых англичан утешаться мыслью, что «в конце концов немцы лишь возвратились в свою собственную страну. Что бы мы чувствовали, если бы нас не пускали в течение десяти или пятнадцати лет ну, скажем, в Йоркшир?» Никто даже не отметил, что исходные рубежи, откуда германская армия могла начать вторжение во Францию, оказались теперь вынесенными вперед на сотню миль. Факты, показывающие всем странам Малой Антанты и всей Европе, что Франция не будет сражаться и что Англия будет удерживать ее даже в том случае, если Франция захочет вступить в борьбу, ни у кого не вызвали беспокойства. Этот эпизод укрепил власть Гитлера над рейхом, поставил в смешное положение генералов, которые до тех пор старались сдерживать его, и бросил в то же время позорящую тень на их патриотизм.

* * *

Я все еще надеялся, что обращение Франции к Лиге Наций приведет к международному нажиму на Германию, с тем чтобы она выполнила решения Лиги.

«Франция, — писал я 13 марта 1936 года, — обратилась к международному суду и требует справедливости. Если суд сочтет ее жалобу справедливой, но не сможет дать ей удовлетворение, окажется, что устав Лиги Наций — это обман, а коллективная безопасность — фикция. Если нельзя будет обеспечить законного удовлетворения обиженной стороны, вся доктрина междуна-

родного права и сотрудничества, на которой основаны надежды на будущее, позорным образом рухнет. Она немедленно будет заменена системой союзов и группировок стран, лишенных всяких гарантий, помимо тех, которые может обеспечить им их сила. Если же Лига Наций могла бы заставить одну из самых могущественных стран в мире, которая оказалась агрессором, выполнить свои решения, тогда авторитет Лиги был бы поднят на такую высоту, что впредь Лига признавалась бы всеми верховной властью, способной разрешать и регулировать все споры между народами. В этом случае мы могли бы разом добиться осуществления наших самых сокровенных мечтаний». Можно не сомневаться, что, если бы правительство его величества решило действовать твердо и смело через Лигу Наций, оно могло бы повести за собой объединенную Англию на решающую попытку предотвратить войну.

* * *

Вопрос об оккупации Рейнской области не обсуждался вплоть до 26 марта. Промежуток был частично заполнен сессией Совета Лиги Наций, проходившей в Лондоне. В результате Германии предложили обратиться в Гаагский международный суд и изложить свои доводы против франко-советского пакта, на который жаловался Гитлер, а также дать обещание не увеличивать свои войска в Рейнской области в ожидании дальнейших переговоров. Если Германия откажется выполнить эту последнюю просьбу, английское и итальянское правительства обязуются принять меры, вытекающие из их обязательств на основе Локарнского договора. Обещанию Италии нельзя было придавать большого значения. Муссолини уже установил тесный контакт с Гитлером. Германия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы отвергнуть всякие условия, ограничивающие ее вооруженные силы в Рейнской области. Поэтому Иден настаивал на переговорах штабов Великобритании, Франции и Бельгии для того, чтобы изучить и заранее разработать любые совместные действия, которые могли бы оказаться необходимыми в будущем в соответствии с Локарнским договором. Молодой министр иностранных дел произнес смелую речь и увлек за собой палату. Сэр Остин Чемберлен и я пространно выступили в его поддержку.

В своей речи я сказал:

«Занятие Рейнской области имеет серьезное значение, поскольку это создает угрозу для Голландии, Бельгии и Франции. Я с тревогой слушал выступление министра иностранных дел, сообщившего, что немцы отказались даже воздержаться от строительства укреплений на время переговоров. Когда будет создана линия укреплений — а я полагаю, что это про-

изойдет довольно скоро, — это бесспорно отразится на положении в Европе. *Будет создан барьер, прикрывающий парадную дверь Германии, и это даст Германии возможность предпринимать вылазки на Восток и на Юг через другие двери».*

Все эти предсказания быстро сбылись одно за другим.

* * *

После оккупации Рейнской области и создания линии укреплений против Франции стало ясно, что следующим шагом будет включение Австрии в состав германского рейха. История, начавшаяся с убийства канцлера Дольфуса в июле 1934 года, имела вскоре логическое продолжение. Как нам теперь известно, германский министр иностранных дел Нейрат с поразительной откровенностью заявил 18 мая 1936 года американскому послу в Москве Буллиту, что германское правительство не предусматривает никаких активных действий во внешней политике до тех пор, пока Рейнская область не будет освоена. Он заявил, *что, пока на французской и бельгийской границах не будет создана германская линия обороны*, германское правительство будет делать все возможное, чтобы предотвратить выступление нацистов в Австрии, и во всяком случае не будет это поощрять, и что оно будет вести себя спокойно в отношении Чехословакии. «*Как только будут возведены наши укрепления,* — сказал он, — *и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вторгнуться на германскую территорию, все эти страны начнут придерживаться совершенно иных взглядов на свою внешнюю политику*».

21 мая 1936 года Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что «у Германии нет никакого намерения или желания вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или заключить соглашение об аншлюсе». 11 июля 1936 года он подписал с австрийским правительством договор, обязавшись не оказывать никакого влияния на внутренние дела Австрии и, в частности, не оказывать активной поддержки австрийскому национал-социалистскому движению. Через пять дней после подписания этого соглашения национал-социалистской партии в Австрии были посланы секретные инструкции расширить и активизировать свою деятельность. Тем временем германский генеральный штаб, по приказу Гитлера, приступил к разработке военных планов оккупации Австрии, когда пробьет час.

Глава двенадцатая

НАПРЯЖЕННАЯ ПАУЗА — ИСПАНИЯ (1936—1937 гг.)

Здесь уместно изложить принципы английской политики в отношении Европы, которых я придерживался в течение многих лет и все еще продолжаю придерживаться. Я не мог лучше изложить их, чем я сделал это на заседании консервативных членов комиссии по иностранным делам, которые пригласили меня выступить перед ними на закрытом заседании в конце марта 1936 года.

«На протяжении четырехсот лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту четырехсотлетнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. При столкновениях с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV, с Наполеоном, а затем с Вильгельмом II ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и, таким образом, наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял.

Заметьте, что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, французская монархия, Французская империя, Германская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь; ее интересует лишь то, кто является самым сильным тираном или кто может превратиться в такого тирана.

В связи с этим встает вопрос: какая держава в Европе является сейчас сильнейшей и кто стремится установить свое деспотическое господство? Сегодня, в нынешнем году, по-видимому, на известный период 1937 года французская армия — сильнейшая в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что Франция хочет, чтобы ее не трогали, и что она стремится только к самосохранению. Все знают, что французы мирно настроены и охвачены страхом. В то же время это храбрые, решительные миролюбивые люди, которых гнетет чувство

тревоги. Это либеральная страна, имеющая свободные парламентские институты.

Германия же никого не боится. Она вооружается в масштабах, еще невиданных в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов. При правлении этих деспотов денег не хватает, недовольство растет. Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом или внутренним переворотом, с одной стороны, и войной, у которой не может быть иной цели и которая, если она успешно закончится, не может иметь иного результата, кроме германизации Европы под нацистским контролем, с другой. Поэтому мне кажется, что сейчас снова создались все прежние условия и что наше национальное спасение зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если необходимо, расстроить планы установления германского господства. Наш долг — в первую очередь заботиться о жизни и способности Британской империи к сопротивлению, а также о величии нашего острова и не предаваться иллюзиям, мечтая об идеальном мире, который означает лишь, что вместо нас контроль установила бы другая, худшая сила и что в будущем руководство принадлежало бы ей.

Мои три основных положения состоят в следующем. Во-первых, мы должны оказать сопротивление претенденту на роль властелина или потенциальному агрессору. Во-вторых, Германия при ее нынешнем нацистском режиме, с ее громадными вооружениями, созданными с такой быстротой, несомненно играет эту роль. В-третьих, Лига Наций самым действенным образом сплачивает многие страны и объединяет наш собственный народ, позволяя обуздать возможного агрессора. Прежде всего мы должны учитывать нашу действенную связь с Францией. Это не означает, что мы должны создать излишне враждебное отношение к Германии. Наш долг и наши интересы требуют, чтобы мы не допускали накаливания отношений между этими двумя странами. Нам это будет нетрудно в той мере, в какой это касается Франции. Подобно нам, это — парламентарная демократия, сильно настроенная против войны, и, подобно нам, сталкивающаяся с серьезными трудностями при подготовке своей обороны. Поэтому, говорю я, мы должны считать наш оборонительный союз с Францией основой всего. Все остальное мы должны подчинить этому факту теперь, когда наступили такие трудные и опасные времена. Самое главное — это решить, в каком направлении следует идти. Я лично стою за вооруженную Лигу всех наций или стольких наций, сколько удастся привлечь к этому, Лигу, противостоящую потенциальному агрессору, причем основой этой Лиги должны быть Англия и Франция».

Между занятием Гитлером Рейнской области в марте 1936 года и захватом им Австрии в марте 1938 года прошло целых

два года. Интервал оказался более продолжительным, чем я ожидал. Все произошло так, как предполагалось и указывалось, но промежуток между ударами, следовавшими друг за другом, был более длительным. В этот период Германия не теряла времени. Укрепление Рейнской области, или Западного вала, шло быстрыми темпами, и постепенно росла грандиозная линия постоянных и полупостоянных укреплений. Германская армия, методически пополнявшаяся теперь на основе обязательной воинской повинности и укрепленная за счет многочисленных добровольцев, с каждым месяцем становилась все сильнее как по своей численности, так и по боеспособности своих соединений. Германские военно-воздушные силы сохраняли и неуклонно увеличивали свое превосходство над Великобританией. Германские военные заводы работали с большой нагрузкой. В Германии день и ночь крутились колеса и били молоты. Вся промышленность Германии превращалась в арсенал, и все население сплачивалось в одну дисциплинированную военную машину. Осенью 1936 года Гитлер приступил к осуществлению четырехлетнего плана реорганизации германской экономики, с тем чтобы она была более самообеспеченной на случай войны. За границей он заключил тот «сильный союз», который, как он заявил в «Майн кампф», был необходим для внешней политики Германии. Он договорился с Муссолини, и была создана ось Рим—Берлин.

До середины 1936 года агрессивная политика Гитлера и нарушение им договора опирались не на силу Германии, а на разобщенность и робость Франции и Англии, а также на изоляцию Соединенных Штатов. Каждый из его предварительных шагов был рискованной игрой, и он знал, что в этой игре он не сможет преодолеть серьезного противодействия. Захват Рейнской области и ее последующее укрепление были самым рискованным ходом. Он увенчался блестящим успехом. Противники Гитлера были слишком нерешительными и не могли дать ему отпор. Когда в 1938 году он предпринял следующий шаг, его блеф уже не был блефом. Агрессия опиралась на силу, и, весьма возможно, на преобладающую силу. Когда правительства Франции и Англии поняли, какие ужасные изменения произошли, было уже слишком поздно.

В конце июля 1936 года все большее ослабление парламентарного режима в Испании и рост сил, выступавших за коммунистическую или анархистскую революцию, привели к уже давно подготовлявшемуся военному восстанию. В прошлом Испания не раз бывала свидетелем заговоров военных руководителей. Когда генерал Санхурхо погиб во время авиационной катастрофы, генерал Франко поднял знамя восстания и был поддержан всей армией, включая и солдат. Церковь, за примечательным исключением доминиканской церкви, и почти все

представители правого крыла и центра присоединились к нему, и он сразу же стал хозяином нескольких важных провинций. Испанские моряки, перебив своих офицеров, присоединились к тем, кого вскоре стали называть коммунистической стороной. Началась ожесточенная гражданская война. Франция предложила план невмешательства, на основе которого обеим сторонам предоставлено было вести войну без всякой помощи извне. Английское, германское, итальянское и русское правительства приняли этот план. В результате испанское правительство, оказавшееся теперь в руках самых крайних революционеров, было лишено права даже купить оружие, заказанное на золото, которым оно фактически владело. Соглашение это строго соблюдалось Великобританией; но Италия и Германия, с одной стороны, и Советская Россия, с другой, постоянно нарушали свои обязательства и вмешивались в борьбу одна против другой. Германия, в частности, применила свою авиацию, совершая такие ужасные эксперименты, как бомбардировка беззащитного городка Герника.

* * *

В это время произошло еще одно событие, о котором необходимо здесь упомянуть. 25 ноября 1936 года послы всех держав, аккредитованные в Берлине, были вызваны в министерство иностранных дел, где фон Нейрат сообщил им детали антикоминтерновского пакта, который был заключен с японским правительством. Целью пакта была совместная борьба с международной деятельностью Коминтерна как в пределах границ договаривающихся государств, так и вне их.

* * *

28 мая 1937 года, после коронации короля Георга VI, Болдуин вышел в отставку. Его долгая государственная служба была должным образом вознаграждена пожалованием ему графского титула и ордена Подвязки. Он сложил с себя свою огромную власть, которую так тщательно накапливал и сохранял, но использовал как можно меньше. Он ушел с поста в ореоле народной благодарности и уважения. Не было никаких сомнений в том, кто станет его преемником. На посту министра финансов Невилл Чемберлен не только выполнял в последние пять лет основную работу в правительстве, но и был самым способным и энергичным министром, человеком высокоталантливым и принадлежавшим к семье, прославленной в истории. За год до этого, выступая в Бирмингеме, я охарактеризовал его словами Шекспира, как «вьючную лошадь в наших великих делах», и он принял эту характеристику как комплимент. Наши отношения, как общественные, так и лич-

ные, продолжали оставаться холодными, но в то же время ровными и корректными.

* * *

Я позволю себе сделать отступление, чтобы сравнить двух премьер-министров — Болдуина и Чемберлена, которых я знал очень давно и при которых я служил или намеревался служить. Стенли Болдуин был более рассудительным человеком, обладал более широким кругозором, но неспособен был охватить организационные детали работы. Он был очень далек от вопросов внешней политики и военных дел. Он мало знал Европу, а то, что он знал о ней, ему не нравилось. Болдуин отлично разбирался в вопросах партийной политики в Англии и олицетворял собой, в широком смысле слова, и ту силу, и те слабости, которые присущи нашему островному народу. Как лидер консервативной партии он пять раз вел борьбу на всеобщих выборах и трижды вышел победителем. У него была необычайная способность выжидать развития событий и сохранять невозмутимость перед лицом враждебной критики. Он обладал исключительной способностью заставлять время работать на себя и вовремя пользоваться подходящей возможностью. Мне казалось, что в нем были воскрешены черты сэра Роберта Уолпола, но, конечно, без того разложения, которое было характерным для XVIII столетия. Болдуин почти столь же долго, как Уолпол, был властелином на английской политической арене.

Невилл Чемберлен, с другой стороны, был подвижным человеком, в высшей степени упрямым и самоуверенным. В отличие от Болдуина, он считал себя способным понять все проблемы Европы и даже всего мира. Вместо смутной, но тем не менее глубокой интуиции, присущей Болдуину, нашим премьер-министром стал человек очень деловитый и целеустремленный, но только в той мере, в какой это отвечало политическому курсу, в который он верил сам. Как министр финансов, а теперь и как премьер-министр Чемберлен строжайшим образом ограничивал расходы на военные цели. На протяжении всего этого периода он выступал решительным противником всевозможных чрезвычайных мероприятий. У него было свое законченное мнение обо всех политических деятелях того времени в Англии и в других странах, и он считал, что может иметь дело с любым из них. Но больше всего он надеялся войти в историю как «великий миротворец». Во имя этого он всегда был готов оспаривать очевидные факты и идти на огромный риск для себя лично и страны. К несчастью, на него обрушились волны, силу которых он не мог измерить, и ураган, перед которым он не согнулся, однако устоять против которого не смог. В последние перед войной годы мне легче

было бы работать с Болдуином, каким я его знал, чем с Чемберленом. Впрочем, ни один из них не пожелал бы работать со мной, пока не возникла в том крайняя необходимость.

* * *

Однажды в 1937 году я встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом. В одной из своих очередных статей, публиковавшихся два раза в месяц, я отметил, что одна из его речей была неправильно истолкована. Мы, конечно, и раньше встречались с ним несколько раз в обществе. Теперь он пригласил меня к себе в гости для беседы. Риббентроп принял меня в просторной комнате верхнего этажа здания германского посольства. Наша беседа продолжалась более двух часов. Риббентроп был чрезвычайно учтив, и мы прошлись с ним по всей европейской арене, обсуждая вопросы военного и политического характера. Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы с Англией. Он сказал мне, что ему предлагали пост министра иностранных дел Германии, но что он просил Гитлера отпустить его в Лондон, чтобы добиться англо-германского союза. Германия оберегала бы все величие Британской империи. Немцы, быть может, и попросят вернуть им немецкие колонии, но это, конечно, не кардинальный вопрос. Важнее было, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсраум, или жизненное пространство, для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов душ. На меньшее согласиться нельзя. Таким образом, единственное, чего немцы просили от Британского содружества и империи, — это не вмешиваться. На стене комнаты, в которой мы беседовали, висела большая карта, к которой посол несколько раз подводил меня, чтобы наглядно проиллюстрировать свои планы.

Выслушав все это, я сразу же выразил уверенность в том, что английское правительство не согласится предоставить Германии свободу рук в Восточной Европе. Хотя мы и в самом деле находились в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидели коммунизм не меньше, чем его ненавидел Гитлер, Риббентропу следует твердо знать, что, если бы даже Франция была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой. Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом

сказал: «В таком случае война неизбежна. Иного выхода нет. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит и ничто не остановит нас». Затем мы снова сели в кресла. Я был лишь рядовым членом парламента, но в известной мере видным человеком. Я счел необходимым заявить германскому послу следующее (я отлично помню слова, какие я произнес): «Когда вы говорите о войне, которая, несомненно, стала бы всеобщей войной, вы не должны недооценивать Англию. Это удивительная страна, и мало кто из иностранцев способен понять ее образ мышления. Не судите по настроениям нынешнего правительства. Достаточно призвать народ к защите великого дела, как само правительство и английский народ предпримут самые неожиданные действия». Я еще раз повторил: «Не следует недооценивать Англию. Она очень умна. Если вы ввергнете всех нас в новую великую войну, Англия сплотит весь мир против вас так же, как и в прошлый раз». Услышав эти слова, посол встал и раздраженно сказал: «Англия, быть может, очень умна, но на этот раз ей не удастся сплотить весь мир против Германии». Мы перешли на более безобидные темы, и больше ничего примечательного не произошло. Этот инцидент, однако, запечатлелся в моей памяти, и, поскольку я в свое время докладывал о нем министерству иностранных дел, я счел себя вправе воспроизвести эту беседу здесь.

Когда победители предали Риббентропа суду, грозя ему смертной казнью, он изложил эту беседу в извращенном виде и требовал, чтобы меня вызвали в качестве свидетеля. Если бы я был вызван, я рассказал бы об этом разговоре именно так, как изложено здесь.

Глава тринадцатая

ВООРУЖЕННАЯ ГЕРМАНИЯ (1936—1938 гг.)

В войне, как и во внешней политике и прочих делах, преимуществ добиваются, выбрав из многих привлекательных или непривлекательных возможностей самую главную. Американская военная мысль родила формулу «главной стратегической цели». Услышав о ней впервые, наши офицеры расхохотались, но впоследствии мудрость этой формулы стала очевидной и ее признали. Это, бесспорно, должно быть правилом, все же остальные большие дела должны быть соответствующим образом подчинены этому соображению. Несоблюдение этого простого правила приводит к путанице и к бесплодности действий, и впоследствии положение почти всегда оказывается значительно хуже, чем оно могло бы быть.

Лично мне не стоило особого труда придерживаться этого правила еще задолго до того, как оно было провозглашено. Я все время думал о той страшной Германии, которую я видел в действии в 1914—1918 годы и которая неожиданно вновь обрела свою военную мощь, тогда как союзники, едва уцелевшие в то время, ныне ошеломленно сидели, сложа руки. Поэтому я всеми способами и при любом удобном случае старался использовать свое влияние на палату общин, а также на отдельных министров, призывая активизировать наши военные приготовления и привлечь к себе союзников в интересах того, что вскоре должно было стать общим делом.

* * *

Разными способами я старался добиться ясного понимания соотношения английских и немецких вооружений. Я потребовал созыва специального закрытого заседания парламента. На это последовал отказ под тем предлогом, что это «вызвало бы излишнюю тревогу». Я почти не получил никакой поддержки. Печать всегда неприязненно относится к закрытым парламентским заседаниям. Затем 20 июля 1936 года я спросил премьер-министра, не согласится ли он принять делегацию членов Тайного совета и еще нескольких лиц, чтобы выслушать их мнение о сложившейся обстановке. Лорд Солсбери потребовал, чтобы на это совещание была также допущена делегация от палаты лордов. Согласие было получено. Хотя я лично обратился к Эттли и сэру Арчибальду Синклеру, лейбористская и либеральная партии отказались выделить своих представителей. 28 июля мы были приняты Болдуином, лордом Галифаксом и сэром Томасом Инскипом[1] в кабинете премьер-министра в здании палаты общин. Вместе со мной были видные деятели консервативной партии и беспартийные деятели. Нас представил сэр Остин Чемберлен. Наше совещание продолжалось два дня, по три-четыре часа в день. Я всегда говорил, что Болдуин умел хорошо слушать. Казалось, он слушал нас с величайшим интересом и вниманием. С ним было несколько членов Комитета имперской обороны. В первый день я открыл обсуждение, выступив с речью, продолжавшейся час с четвертью.

Закончил я следующими словами:

«Во-первых, мы стоим перед лицом величайшей опасности и самых критических обстоятельств за всю нашу историю. Во-вторых, мы можем надеяться разрешить нашу проблему, лишь действуя совместно с Французской Республикой. Союз британского флота и французской армии с их объединенными воз-

[1] Э. Галифакс в то время был лордом—председателем совета, а Т. Инскип — министром обороны.

душными силами, действующими с баз, расположенных вблизи французской и бельгийской границ, а также все то, за что стоят Англия и Франция, служит таким сдерживающим средством, от которого может зависеть спасение. Так или иначе, на это можно возлагать наибольшие надежды. Переходя к деталям, мы должны устранять все, что мешает росту наших сил. Мы, конечно, не можем предусмотреть все возможные опасности. Мы должны сосредоточить внимание на главном и пострадать в другом.

...Говоря еще более конкретно, мы должны ускорить развитие нашей авиации, оказывая ей предпочтение по сравнению со всем остальным. Любой ценой мы должны привлечь цвет нашей молодежи в авиацию, какие бы стимулы для этого ни потребовались. Мы должны использовать все источники, все средства. Мы должны ускорить и упростить наше производство самолетов, расширить его и, не колеблясь, заключить с Соединенными Штатами и другими странами контракты на возможно большее количество авиационных материалов и всевозможного оборудования. Нам грозит такая опасность, какой мы еще не знали до сих пор, — подобная опасность не грозила нам даже в разгар подводной войны (1917 год)...

Одна мысль угнетает меня: месяцы быстро текут. Если мы слишком долго будем откладывать мероприятия по укреплению нашей обороны большая сила может помешать нам завершить этот процесс».

* * *

Министры чрезвычайно внимательно отнеслись к нашим грозным предупреждениям, но только после парламентских каникул, 23 ноября 1936 года, Болдуин пригласил всех нас на совещание, где нам должны были сделать обоснованное заявление по поводу обстановки в целом. Сэр Томас Инскип выступил с откровенным и толковым сообщением, в котором не скрыл от нас серьезности положения. В сущности он сказал, что наши подсчеты и, в частности, мои заявления по этому поводу рисовали слишком мрачные перспективы. Он сказал также, что предпринимаются большие усилия (так это в действительности и было), дабы вернуть утраченные позиции, но нет причин, которые оправдывали бы принятие правительством чрезвычайных мер, и что подобные меры неизбежно нарушили бы всю промышленную жизнь страны, вызвали бы серьезную тревогу и вскрыли бы все существующие недостатки, но что в возможных пределах предпринимается все необходимое. В ответ на это сэр Остин Чемберлен выразил наше общее мнение, заявив, что наша тревога не исчезла и что мы отнюдь не удовлетворены. С этим мы и ушли.

Не могу спорить, можно ли было еще тогда, то есть в конце 1936 года, выправить положение. Однако можно и нужно было добиться гораздо большего ценой напряженных усилий. Нечего и говорить, что самый факт и последствия таких усилий оказали бы огромное воздействие на Германию, если не на самого Гитлера. Важнейший факт заключался в том, что немцы опередили нас как в авиации, так и в военном производстве, если даже учесть наши сравнительно меньшие военные потребности, а также то, что мы были вправе рассчитывать на Францию, на французскую армию и на французскую авиацию. Уже не в наших силах было опередить Гитлера или восстановить равенство в воздухе. Уже ничто не могло помешать немецкой армии и немецкой авиации стать сильнейшими в Европе. Мы лишь могли с помощью чрезвычайного напряжения сил, которое вывело бы нас из равновесия, улучшить положение, но полностью его выправить мы уже были не в состоянии.

Эти мрачные выводы, которые правительство не оспаривало всерьез, бесспорно, оказали влияние на его внешнюю политику. И, пытаясь составить определенное мнение о решениях, которые принял Чемберлен, став премьер-министром, в период, предшествовавший мюнхенскому кризису, и во время самого кризиса, следует полностью учитывать влияние их. В то время я был рядовым членом парламента и не занимал никакого официального поста. Я делал все, что было в моих силах, чтобы побудить правительство начать широкую и чрезвычайную подготовку, рискуя даже вызвать тревогу во всем мире. При этом я рисовал, несомненно, еще более мрачную картину, чем она была в действительности. Некоторые, возможно, считают, что упорное отстаивание мною мнения о том, что мы отстали на два года, никак не согласовалось с моим желанием схватиться с Гитлером в октябре 1938 года. Но я продолжаю считать, что поступал правильно, подстегивая всеми способами правительство, и что при всех обстоятельствах, которые будут описаны ниже, было бы лучше начать борьбу с Гитлером в 1938 году, чем тогда, когда мы наконец вынуждены были это сделать, — в сентябре 1939 года. Но об этом позднее.

* * *

Вплоть до заключения перемирия в июне 1940 года, в мирное время и во время войны, как частное лицо или как глава правительства, я всегда поддерживал тесные отношения с часто сменявшимися премьерами Французской Республики и со многими ее ведущими министрами. Мне очень хотелось узнать правду о перевооружении Германии и проверить свои выкладки с помощью данных, имевшихся в их распоряжении. Поэтому я написал Даладье, с которым был лично знаком.

Черчилль — Даладье 3 мая 1938 года

«Ваши предшественники Блюм и Фланден были столь любезны, что сообщили мне французские данные о состоянии германских военно-воздушных сил за последние годы. Я был бы весьма обязан, если бы Вы высказали мне, какова Ваша точка зрения сейчас. Я располагаю несколькими источниками информации, надежность которых была доказана в прошлом, но мне хотелось бы проверить эти сведения на основе данных, полученных из независимого источника».

В ответ Даладье прислал мне документ на семнадцати страницах, датированный 11 мая 1938 года. Он писал, что этот документ «был всесторонне продуман штабом французских военно-воздушных сил». Я показал этот важный документ моим друзьям, работавшим в непосредственно заинтересованных в этом вопросе английских министерствах. Французские выкладки о размерах германских военно-воздушных сил несколько превышали английские данные. В начале июня я смог написать Даладье, опираясь в значительной мере на авторитетное мнение.

Черчилль — Даладье 6 июня 1938 года

«Я весьма признателен Вам за исключительно ценную информацию, полученную мною через французского военного атташе. Можете не сомневаться, что я буду пользоваться ею крайне осторожно и только в наших общих интересах.

Общая оценка состояния германских воздушных сил в настоящее время совпадает с частным мнением, которое я смог составить по этому поводу. Склонен думать, однако, что германская авиационная промышленность выпускает несколько большее число самолетов, чем это полагают. Весьма вероятно, что к 1 апреля 1939 года германские военно-воздушные силы будут насчитывать 300 эскадрилий, а к 1 апреля 1940 года — 400 эскадрилий».

Я очень хотел также сопоставить находившиеся в моем распоряжении сведения о состоянии германской армии со сведениями, которые я смог получить из английских источников. Поэтому я добавил следующее:

«Осмелюсь приложить очень коротенькую записку информационного характера, содержащую сведения, которые мне удалось получить из различных источников по поводу нынешней и предполагаемой будущей мощи германской армии. Я бы хотел знать, согласуются ли эти сведения в общих чертах с данными, которыми Вы располагаете. Было бы вполне достаточно, если бы Вы отметили карандашом все те цифры, которые, по Вашему мнению, являются неправильными.

Памятная записка

По состоянию на 1 июня германская армия насчитывает 36 регулярных и 4 танковые дивизии, полностью укомплектованных по штатам военного времени. Нетанковые дивизии быстро приобретают способность утроиться, а в данное время могут быть удвоены. Артиллерии может хватить полностью лишь на 70 дивизий. Офицеров всех родов войск недостает. Тем не менее можно предполагать, что к 1 октября 1938 года у немцев будет не менее 56 дивизий плюс 4 танковые дивизии, то есть 60 полностью снаряженных и вооруженных соединений типа дивизии. Помимо этого имеются обученные кадры, достаточные для укомплектования еще примерно 36 дивизий, уже намеченных по плану. Для этих дивизий может быть выделено вооружение, стрелковое оружие и небольшое количество артиллерии, если для некоторой части действующей армии будут установлены более низкие нормы. При этом не учитываются людские резервы Австрии, которая могла бы выставить максимально 12 дивизий, готовых использовать вооружение и боевую технику германской военной промышленности. Помимо всего этого имеется некоторое число людей и частей, не сведенных в бригады, — войска пограничной охраны, дивизии ландвера и так далее, которые сравнительно плохо вооружены».

18 июня 1938 года Даладье написал мне:

«Мне было весьма приятно узнать, что сведения, приведенные в моем письме от 16 мая, соответствуют Вашим данным.

Я считаю абсолютно правильными все сведения, касающиеся германской армии, которые были приведены в памятной записке, приложенной к Вашему письму от 6 июня. Следует отметить, однако, что из 36 дивизий обычного типа, которыми уже располагает Германия, 4 полностью моторизованы, а 2 будут моторизованы в ближайшее время».

Сведения, полученные нами после войны из германских источников, показали, что эта схематическая картина состояния германской армии летом 1938 года была поразительно точной, учитывая, что составлена она была частным лицом.

На протяжении этого рассказа не раз упоминалось о французской авиации. Вплоть до 1933 года Франция занимала видное место среди европейских стран по размерам военно-воздушного флота. Но в тот самый год, когда Гитлер пришел к власти, выявилось роковое отсутствие интереса к авиации и поддержки ее. Деньги стали отпускаться неохотно, уменьшилась производственная мощность заводов, современные типы самолетов не создавались. Франция при своей сорокачасовой рабочей неделе не могла производить столько, сколько производила германская

промышленность, напряженно работавшая в условиях, приравненных к условиям военного времени. Все это произошло примерно тогда же, когда Англия утратила равенство в воздухе, о чем было так подробно рассказано. По существу западные союзники, имея право создать любые военно-воздушные силы, которые они сочли бы необходимыми для обеспечения своей безопасности, пренебрегли этим жизненно важным оружием, тогда как немцы, которым договор запрещал это, сделали это оружие острием своей дипломатии и в конечном счете нападения.

Французское правительство Народного фронта в 1936 году и позднее предприняло немало серьезных усилий по подготовке французской армии и французского военного флота к войне. В области авиации соответственных усилий предпринято не было. Лишь летом 1938 года, когда министром авиации стал Ги ла Шамбр, были предприняты энергичные меры с целью возрождения мощи французской авиации. Но тогда уже оставалось всего лишь 18 месяцев. Какие бы меры ни предприняла Франция, уже ничто не могло помешать росту германской армии, усиливавшейся с каждым годом и догнавшей, таким образом, французскую армию. Но вызывает удивление тот факт, что французская авиация была доведена до подобного плачевного состояния. Не мне судить об ответственности и вине министров дружественных и союзных стран, но когда во Франции начинают искать «виновных», то, по-видимому, именно в этой области поиски должны быть особенно тщательными.

* * *

Боевой дух английского народа и недавно избранного им парламента неуклонно рос по мере того как люди начинали сознавать германскую, а вскоре германо-итальянскую опасность. Английский народ теперь хотел и даже жаждал всевозможного рода мероприятий, которые могли бы положить конец его тревогам, если бы они были предприняты на два-три года раньше. Но если его настроение стало более правильным, то сила его противников, а также трудность его задачи возросли. Многие утверждают, что после того как мы покорно смирились с захватом Рейнской области, уже ничто, кроме войны, не могло бы остановить Гитлера. Окончательное суждение вынесут будущие поколения. Многое, однако, можно было сделать для того, чтобы мы были лучше подготовлены, и таким образом подстерегавшая нас опасность уменьшилась. А кто может сказать, как развивались бы в этом случае события?

Глава четырнадцатая

ИДЕН В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. ЕГО ОТСТАВКА

Министр иностранных дел занимает в британском кабинете особое положение. Он находится на высоком и ответственном посту, и к нему относятся с явным уважением, но обычно, если не весь кабинет, то по крайней мере его главные члены внимательно следят за тем, как он ведет дела. Он обязан обо всем информировать их. Как правило, он знакомит своих коллег со всеми деловыми телеграммами, отправляемыми и получаемыми им, с докладами наших посольств за границей, показывает им записи своих бесед с иностранными послами и другими высокопоставленными лицами. Так по крайней мере обстояло дело, когда я был членом кабинета. Такое тщательное наблюдение, конечно, в первую очередь осуществляет премьер-министр, который лично или через кабинет несет ответственность за контроль и имеет право контроля основной линии внешней политики. От него во всяком случае не должно быть никаких секретов. Ни один министр иностранных дел не может выполнять свои задачи, если он не пользуется постоянной поддержкой своего шефа. Для того чтобы все шло гладко, необходимо не только согласие между ними по основным принципам, но и полное единство взглядов и даже в известной мере сходство темпераментов. Это тем более важно, если премьер-министр сам уделяет особое внимание внешней политике.

Иден был министром иностранных дел Болдуина, стремление которого к миру и спокойной жизни было всем хорошо известно. Он не принимал активного участия в руководстве внешней политикой. Чемберлен же стремился осуществлять деспотический контроль за деятельностью многих министерств. У него были свои определенные взгляды на вопросы внешней политики, и с самого начала он утвердил свое бесспорное право обсуждать внешнеполитические проблемы с иностранными послами. Занятие им поста премьер-министра означало поэтому небольшое, но существенное изменение в положении министра иностранных дел.

К этому добавилось глубокое, хотя вначале и скрытое, различие в точках зрения и настроениях. Премьер-министр хотел поддерживать хорошие отношения с обоими европейскими диктаторами и считал, что лучший метод — это умиротворение и попытки избегать всего, что могло бы оскорбить их. Иден же прославился в Женеве, сплотив европейские страны против одного из диктаторов. Получив свободу рук, он, вполне вероятно, довел бы санкции до грани войны, а быть может, и дальше. Он был верным сторонником союза с Францией. Он только что настаивал

на «переговорах штабов». Он стремился установить более тесные отношения с Советской Россией. Он сознавал опасность, которую представлял собой Гитлер, и страшился ее. Его тревожила слабость наших вооружений и воздействие этого фактора на внешнюю политику. Можно сказать, что у нас с ним по существу не было серьезных расхождений во взглядах; правда, он был у власти. Поэтому мне с самого начала казалось, что между этими двумя ведущими членами кабинета несомненно возникнут расхождения по мере того как международная обстановка будет становиться все более напряженной.

* * *

Начиная с лета 1937 года и до конца этого года расхождения в методах и целях между премьер-министром и его министром иностранных дел все усиливались. События, приведшие к отставке Идена в феврале 1938 года, развивались логическим путем.

Прежде всего разногласия возникли в вопросе о наших отношениях с Германией и Италией. Чемберлен намерен был добиваться благосклонности обоих диктаторов. В июле 1937 года он пригласил на Даунинг-стрит итальянского посла графа Гранди. Беседа проходила с ведома Идена, но в его отсутствие. Чемберлен говорил о своем желании добиться улучшения отношений между Англией и Италией. Граф Гранди высказал предположение, что первым шагом могло бы явиться личное письменное обращение премьер-министра к Муссолини. Чемберлен тут же, во время беседы, сел и написал такое письмо. Он отправил письмо, не показав его министру иностранных дел, находившемуся в то время в министерстве иностранных дел, на расстоянии всего лишь нескольких ярдов. Письмо не дало никаких ощутимых результатов, и наши отношения с Италией ввиду усилившейся итальянской интервенции в Испании все ухудшались.

Чемберлен был проникнут сознанием своей особой личной миссии, состоявшей, по его мнению, в том, чтобы достигнуть дружеского соглашения с диктаторами Италии и Германии, и считал, что он сумеет этого добиться. В качестве предварительного шага к общему урегулированию разногласий с Муссолини он готов был признать захват Италией Абиссинии. Гитлеру он готов был предложить уступки в вопросе о колониях. В то же время он не был склонен уделить сколько-нибудь значительное внимание проблеме укрепления английских вооруженных сил или необходимости тесного сотрудничества с Францией как в военно-штабной, так и в политической областях. Иден же был убежден, что какое бы то ни было соглашение с Италией возможно лишь как часть общего урегулирования средиземноморских про-

блем, которое затрагивало бы и Испанию и было бы достигнуто в тесном взаимопонимании с Францией. Признание нами позиции Италии в Абиссинии было бы важным козырем в наших переговорах с Италией о таком урегулировании. Министр иностранных дел считал, что неправильно было бы отказываться от этого козыря на предварительной стадии и в то же время проявлять слишком большое желание начать переговоры.

Осенью 1937 года эти разногласия приобрели большую остроту. Чемберлен считал, что министерство иностранных дел мешает ему в его попытках начать переговоры с Германией и Италией, а Иден был того мнения, что его начальник проявляет чрезмерную поспешность в своем подходе к диктаторам, особенно в условиях, когда английские вооруженные силы так слабы. Таким образом, между ними существовали глубокие расхождения как практического, так и психологического порядка.

* * *

Несмотря на мои разногласия с правительством, я очень симпатизировал министру иностранных дел. Он казался мне самым решительным и смелым человеком в правительстве, и хотя как личный секретарь, а позднее как заместитель министра иностранных дел он вынужден был приноравливаться ко многим вещам, которые я критиковал и которые я все еще осуждаю, я был убежден, что мыслит он правильно и понимает суть дела. Со своей стороны, он считал себя обязанным приглашать меня на приемы в министерстве иностранных дел, и мы свободно общались с ним.

Осенью 1937 года, идя несколько разными путями, мы с Иденом пришли к одинаковому мнению о том, что нельзя допускать активного вмешательства держав оси в гражданскую войну в Испании. Я всегда поддерживал его в палате общин, когда он действовал решительно, хотя эти действия и были чрезвычайно ограничены по своему характеру. Я знал, как трудно ему иметь дело с некоторыми из его старших коллег по кабинету и с его непосредственным начальником. Я знал, что он действовал бы смелее, если бы не был связан по рукам и ногам. В конце августа мы часто виделись с ним в Канне, и однажды я пригласил его и Ллойд Джорджа на завтрак в ресторан, находившийся на полпути между Канном и Ниццей. Мы говорили на самые разнообразные темы: о борьбе в Испании, о постоянном вероломстве Муссолини и о его интервенции в Испании — и в конце затронули, конечно, вопрос о неуклонно растущей мощи Германии. Я полагал, что мы все придерживались, в общем, одинакового мнения. Министр иностранных дел, естественно, был весьма сдержан во всем, что касалось его отношений с его начальником и коллегами, и эта

деликатная тема не затрагивалась. Он держался исключительно корректно, но все же я был уверен, что он не чувствует себя счастливым на своем высоком посту.

* * *

Вскоре на Средиземном море возник кризис, с которым он твердо и умело справился, и в результате этот кризис был разрешен так, что это делало честь нашей политике. Ряд торговых судов был потоплен так называемыми испанскими подводными лодками. Не было ни малейшего сомнения, что лодки были не испанские, а итальянские. Это были явно пиратские действия, и они побудили к активности всех знавших о них. 10 сентября в Нионе собралась конференция средиземноморских держав. На конференцию поехал министр иностранных дел в сопровождении Ванситтарта и начальника военно-морского штаба Чэтфилда.

Черчилль — Идену 9 сентября 1937 года

«В своем последнем письме Вы указывали, что были бы весьма рады повидать перед отъездом из Женевы Ллойд Джорджа и меня. Сегодня мы встретились, и я осмелюсь изложить Вам наше мнение.

Настал момент призвать Италию выполнить свой международный долг. Необходимо положить конец пиратским действиям подводных лодок на Средиземном море и потоплению судов многих стран, когда ставится под угрозу жизнь членов команд этих судов. Для этого все средиземноморские державы должны договориться о том, чтобы держать свои подводные лодки вдали от определенных торговых путей. На этих торговых путях французские и английские военные корабли должны вести поиски подводных лодок, и обнаруженную с помощью гидролокатора подводную лодку необходимо преследовать и топить как пирата. Италию следует самым вежливым образом просить принять в этом участие. Если же она не пожелает, ей нужно заявить: «Вот что мы собираемся предпринять».

Прошу Вас, используйте это письмо частным образом или публично, как Вы сочтете это полезным в интересах Англии и дела мира.

P. S. Я прочел это письмо Ллойд Джорджу, который выразил свое полное согласие с ним».

Конференция в Нионе была непродолжительной и увенчалась успехом. Было решено создать англо-французские патрули по борьбе с подводными лодками. Задачи этих патрулей не оставляли сомнения в том, какая судьба будет ждать любую обнаруженную подводную лодку. Италия неохотно согласилась с этим, и преступные действия сразу же прекратились.

Нионская конференция, хотя это был лишь изолированный инцидент, показывает, какое сильное влияние на настроения и политику диктаторов могли бы совместно оказать Англия и Франция, если бы они твердо выразили свою готовность применить силу. Нельзя категорически утверждать, что подобная политика на данной стадии предотвратила бы войну. Она вполне могла бы отсрочить ее. Известно, что в то время как «умиротворение» во всех его формах лишь поощряло агрессию и усиливало власть диктаторов над их собственными народами, всякий признак позитивного контрнаступления западных демократий немедленно ослаблял напряжение. Так обстояло дело на протяжении всего 1937 года. Затем обстановка и условия изменились.

В начале октября 1937 года я был приглашен в министерство иностранных дел на обед в честь премьера Югославии Стоядиновича. После обеда, когда все мы встали из-за стола и я беседовал с Иденом, к нам подошел лорд Галифакс. Он весело сообщил, что Геринг пригласил его посетить Германию, чтобы поохотиться, и он надеялся, что ему, очевидно, удастся встретиться с Гитлером. Он сказал, что говорил об этом с премьер-министром, который полагал, что это будет очень хорошим делом, а поэтому он принял приглашение. Мне показалось, что Иден был удивлен и что ему это не понравилось. Но, в общем, все сошло благополучно. Галифакс отправился в Германию как «магистр по лисьей охоте». Нацистская печать приветствовала его, как «лорда Галалифакса». «Галали!» — таков был охотничий клич на континенте. После спортивных развлечений он действительно был приглашен в Берхтесгаден и имел неофициальную беседу с Гитлером, который держался с ним запросто. Беседа шла не слишком хорошо. Трудно себе представить двух людей, менее способных понять друг друга. С одной стороны, йоркширский аристократ, клерикал, ярый миролюбец, воспитанный в обстановке радушного благожелательства, которым была отмечена вся жизнь старой Англии, хорошо проявивший себя на войне как офицер. С другой — злой дух, поднявшийся из нищеты, пламенеющий при мысли о поражении, сжигаемый ненавистью и обуреваемый жаждой мщения, преисполненный намерения сделать германскую расу хозяйкой Европы, а быть может, и всего мира. Беседа оказалась лишь пустой болтовней и оставила чувство недоумения[1].

[1] Беседа не оказалась «пустой болтовней». В ходе этой беседы (19.11.37) Галифакс отметил заслуги Гитлера в «уничтожении коммунизма», сказал, что Германия по праву может считаться «бастионом Запада против большевизма», дал понять Гитлеру, что Англия готова предоставить ему свободу действий в Центральной и Восточной Европе, в частности в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига. Он, правда, сделал оговорку, что Германия должна осуществлять экспансию, не прибегая к вооруженной силе.

* * *

Здесь уместно упомянуть о том, что Риббентроп дважды приглашал меня посетить Гитлера. Задолго до этого, еще будучи заместителем министра колоний и майором Оксфордширского территориального кавалерийского полка, я, в качестве гостя кайзера, присутствовал на германских маневрах в 1907 и в 1909 годах. Но теперь было иное дело. Возник смертельный спор, и я принимал в нем участие. Я охотно встретился бы с Гитлером, если бы был уполномочен на то Англией. Но, отправившись туда как частное лицо, я поставил бы себя и свою страну в невыгодное положение. Если бы я согласился с пригласившим меня в гости диктатором, я ввел бы его в заблуждение. Если бы я не согласился с ним, он был бы оскорблен, и меня обвинили бы в том, что я испортил отношения между Англией и Германией. Поэтому я отклонил или скорее оставил без внимания оба приглашения. Англичане, посетившие в эти годы германского фюрера, оказались впоследствии в неудобном положении или были скомпрометированы. Но никто не был так сильно введен в заблуждение, как Ллойд Джордж, восторженные рассказы которого о его беседах с Гитлером сегодня странно читать. Гитлер, бесспорно, обладал даром зачаровывать людей, а сознание силы и власти может производить непомерно сильное впечатление на посетителя.

* * *

В те ноябрьские дни Иден испытывал все большее беспокойство по поводу медленных темпов нашего перевооружения.

11 ноября он встретился с премьер-министром и попытался поделиться с ним своими опасениями. Невилл Чемберлен не стал долго его слушать и посоветовал ему «пойти домой и принять таблетку аспирина». Возвратившись из Берлина, Галифакс сообщил о своей беседе с Гитлером. Тот заявил ему, что единственная нерешенная проблема в отношениях между Англией и Германией — это вопрос о колониях. По мнению Галифакса, немцы не спешили. Перспектив на немедленное установление мира не было. Его выводы были неблагоприятными, а настроение подавленным.

В феврале 1938 года министр иностранных дел убедился в том, что он почти полностью изолирован в кабинете, тогда как премьер-министр, возражавший против его взглядов, пользуется сильной поддержкой. Целая группа влиятельных министров считала политику министерства иностранных дел опасной и даже вызывающей. С другой стороны, более молодые министры готовы были понять точку зрения Идена. Некоторые из них позднее жаловались, что он не пожелал им довериться. Однако он не соби-

рался создавать какую-то группировку для борьбы со своим руководителем. Начальники штабов не могли оказать ему никакой помощи. Кстати, они занимали осторожную позицию и слишком акцентировали опасности создавшегося положения. Они не хотели чересчур сближаться с французами, опасаясь, что это вынудит нас взять на себя такие обязательства, выполнить которые мы окажемся не в состоянии. Они скептически оценивали военную мощь России после чистки, которая там была проведена. Они считали необходимым подходить к разрешению наших проблем так, как если бы у нас было три врага — Германия, Италия и Япония, которые могли напасть на нас одновременно, тогда как помочь нам мало кто мог. Мы могли бы просить предоставить в наше распоряжение воздушные базы во Франции, но мы были бы не в состоянии послать армию сразу же. Даже это скромное предложение натолкнулось в кабинете на сильное сопротивление.

* * *

Однако явный разрыв произошел в связи с новой и особой проблемой. Вечером 11 января 1938 года английского посла в Вашингтоне посетил заместитель американского государственного секретаря Сэмнер Уэллес с секретным и конфиденциальным письмом президента Рузвельта Чемберлену. В этом письме президент выражал глубокое беспокойство по поводу ухудшения международного положения и предлагал взять на себя инициативу встречи в Вашингтоне представителей некоторых правительств для обсуждения основных причин существующих разногласий. Однако прежде чем предпринять такой шаг, он хотел узнать мнение английского правительства об этом плане, оговорив, что ни одно другое правительство не должно быть осведомлено ни о характере этого предложения, ни о самом его существовании. Он просил ответа на это письмо не позднее 17 января и дал понять, что обратится к правительствам Франции, Германии и Италии только в том случае, если его предложение встретит «сердечную и полную поддержку правительства его величества». Это был исключительно важный и смелый шаг.

Препровождая это секретнейшее письмо в Лондон, английский посол сэр Рональд Линдсей писал, что, с его точки зрения, план, выдвинутый президентом, представляет собой подлинную попытку ослабить международное напряжение и что, если правительство его величества откажет ему в своей поддержке, это сведет на нет успехи англо-американского сотрудничества, достигнутые за последние два года. Самым настоятельным образом он рекомендовал английскому правительству принять это предложение. Министерство иностранных дел получило вашингтонскую телеграмму 12 января

и в тот же вечер послало копию ее премьер-министру, находившемуся в своей загородной резиденции. На следующее утро он прибыл в Лондон и по его указаниям был составлен ответ на письмо президента. В это время Иден проводил кратковременный отпуск на юге Франции. Ответ Чемберлена сводился к тому, что, хотя он ценит доверие президента Рузвельта, выразившееся в том, что тот проконсультировался с ним в связи с предлагаемым планом уменьшения напряжения, существующего в Европе, он хотел бы объяснить, в каком положении находятся его собственные попытки достичь соглашения с Германией и Италией, в особенности с последней. «Правительство его величества готово со своей стороны, по возможности с одобрения Лиги Наций, признать де-юре оккупацию Абиссинии Италией, если бы оно убедилось в том, что итальянское правительство со своей стороны обнаруживает признаки желания способствовать восстановлению доверия и дружественных отношений».

Премьер-министр упоминает об этих фактах, говорилось далее в письме, для того, чтобы президент мог судить о том, не помешает ли его предложение английским усилиям и не будет ли правильнее отложить осуществление американского плана.

Этот ответ несколько разочаровал президента. Он сообщил, что 17 января даст письменный ответ Чемберлену. Письмо президента пришло в Лондон утром 18 января. В этом письме он соглашался отложить осуществление своего предложения ввиду того, что английское правительство предполагало вести прямые переговоры, однако при этом он добавлял, что глубоко озабочен предположением о возможности признания правительством его величества позиции Италии в Абиссинии. Он считал, что это самым вредным образом отразилось бы на политике Японии на Дальнем Востоке и произвело бы неблагоприятное впечатление на американское общественное мнение.

Письмо президента рассматривалось на ряде заседаний комиссии кабинета по иностранным делам. Идену удалось добиться значительного изменения первоначальной позиции. Большинство министров считало, что он удовлетворен, а он не дал ясно понять, что это не так. После этих совещаний вечером 21 января в Вашингтон были отправлены два послания. Суть их заключалась в том, что премьер-министр горячо приветствует инициативу президента, но отнюдь не жаждет нести какую бы то ни было ответственность за ее неудачу, если бы американские предложения встретили плохой прием.

Таким образом, Чемберлен отверг предложение президента Рузвельта об использовании американского влияния для того, чтобы собрать ведущие европейские державы и обсудить с ними возможность общего урегулирования, для которого, конеч-

но, требовалась, хотя бы и условно, могучая сила Соединенных Штатов. Такая позиция четко выявила расхождения во взглядах между английским премьер-министром и его министром иностранных дел. В течение некоторого времени их расхождения не выходили за пределы кабинета, но это были коренные расхождения.

* * *

Было совершенно ясно, что отпор, который Чемберлен дал президенту, не может служить основанием для отставки министра иностранных дел. Рузвельт действительно шел на большой риск во внутриполитической области, сознательно толкая Соединенные Штаты на европейскую арену, над которой уже сгущались тучи. Если бы стало известно хоть что-нибудь о состоявшемся обмене мнений, это всколыхнуло бы все изоляционистские силы. С другой стороны, выступление Соединенных Штатов на раздираемой ненавистью и страхом европейской арене не больше чем что бы то ни было другое способно было отдалить, а быть может, и предотвратить войну. Для Англии это было почти вопросом жизни и смерти. Задним числом, конечно, трудно судить о том, какое влияние это могло бы оказать на ход событий в Австрии, а позднее в Мюнхене. Отказ от этого предложения — ибо по сути дела это был отказ — означал утрату последнего слабого шанса спасти мир от тирании каким бы то ни было иным способом, помимо войны. Даже сейчас нельзя прийти в себя от изумления, вспоминая, как Чемберлен с его ограниченным кругозором и неопытностью в европейских делах оказался настолько самодовольным, что отвел руку, протянутую ему через Атлантический океан. Этот эпизод продемонстрировал потрясающее отсутствие чувства меры и даже инстинкта самосохранения у этого честного, знающего, проникнутого самыми лучшими намерениями человека, которому вверены были судьбы нашей страны. В настоящий момент трудно даже представить себе то состояние ума, при котором был возможен такой жест.

* * *

Мне предстоит еще рассказать о том, какой прием встретили предложения о сотрудничестве, исходившие от русских накануне Мюнхена. Если бы только английский народ знал и понимал, что, пренебрегши своей обороной и пытаясь ослабить оборону Франции, мы порывали теперь с двумя могущественными нациями, величайшие усилия которых были необходимы для нашего и их собственного спасения, история, возможно, приняла бы иной оборот. Но тогда все шло так легко изо дня

в день. Пусть же теперь, десять лет спустя, уроки прошлого послужат нам путеводной нитью.

Отправляясь 25 января в Париж для консультации с французами, Иден вряд ли заглядывал в будущее с большой верой. Теперь все зависело от успеха переговоров с Италией, значение которых мы так подчеркивали в наших ответах президенту. Французские министры усиленно доказывали Идену необходимость включения Испании в общее соглашение с итальянцами. Впрочем, в этом вопросе его не приходилось особенно убеждать. 10 февраля премьер-министр и министр иностранных дел встретились с графом Гранди, который заявил, что итальянцы в принципе готовы начать обмен мнениями.

15 февраля стало известно, что австрийский канцлер Шушниг подчинился германскому требованию о включении в состав австрийского кабинета в качестве министра внутренних дел и начальника австрийской полиции главного нацистского агента Зейсс-Инкварта. Это мрачное событие не предотвратило кризис в отношениях между Чемберленом и Иденом. 18 февраля они снова встретились с графом Гранди. Это было в последний раз, когда они действовали совместно. Посол отказался обсуждать как позицию Италии по отношению к Австрии, так и английский план отвода добровольцев или так называемых добровольцев — в данном случае речь шла о пяти дивизиях итальянской регулярной армии — из Испании. Гранди предложил, однако, начать общие переговоры в Риме. Премьер-министр склонен был принять это предложение, в то время как министр иностранных дел решительно возражал против такого шага.

За этим последовали длительные беседы и заседания кабинета. Пока что единственный заслуживающий доверия рассказ об этих событиях приведен в биографии Чемберлена. К. Фейлинг[1] указывает, что премьер-министр «дал кабинету понять, что если Иден не уйдет в отставку, то уйдет он». Иден считал бесполезным продолжать поиски какого-то выхода и в полночь 20 февраля ушел в отставку. «Я считаю, что это делает ему честь», — отметил премьер-министр. Вместо него министром иностранных дел был немедленно назначен лорд Галифакс.

* * *

Поздно вечером 20 февраля я сидел в своей старой комнате в Чартуэлле (где я часто сижу и теперь), когда мне позвонили и сообщили, что Иден ушел в отставку. Признаюсь, что сердце мое упало и на некоторое время мрачные волны отчаяния захлестнули меня. За мою долгую жизнь у меня было немало

[1] Биограф Н. Чемберлена, автор книги «Жизнь Невилла Чемберлена». (Feiling Keith. Life of Nevill Chamberlain. London, 1946).

периодов подъема и упадка. В самые худшие времена начавшейся вскоре войны у меня всегда был прекрасный сон. В период кризиса 1940 года, когда на меня была возложена такая большая ответственность, а также во многие другие трудные и тревожные минуты последующих пяти лет я всегда мог, бросившись в постель после целого дня работы, спать до тех пор, пока меня не будили по какому-либо экстренному поводу. Я крепко спал и просыпался со свежими силами, не испытывая ничего, кроме желания взяться за разрешение любых проблем, которые приносила мне утренняя почта. Однако в ту ночь, 20 февраля 1938 года, сон бежал от меня. С полуночи до рассвета я лежал в постели, охваченный чувством горя и страха. Перед моими глазами стояла одинокая сильная, молодая фигура, боровшаяся против давних мрачных, ползучих течений самотека и капитуляции, неправильных расчетов и слабых импульсов. Кое в чем я лично действовал бы по-иному, но в тот момент мне казалось, что именно в этом человеке воплощены надежды английского народа, надежды великой старой английской нации, которая столько сделала для человечества и которая могла еще столько ему дать. Теперь он ушел. Я следил за тем, как дневной свет медленно вползает в окна, и перед моим мысленным взором вставало видение смерти.

Глава пятнадцатая

ЗАХВАТ АВСТРИИ
(Февраль 1938 г.)

В современную эпоху, когда государства оказываются разгромленными в войне, они обычно сохраняют свое устройство, свое лицо и тайну своих архивов. На этот раз, когда война была доведена до решительного конца, нам стала известна вся закулисная история деятельности противника. На основе материалов, оказавшихся в нашем полном распоряжении, удалось довольно точно установить правильность наших собственных сведений и представлений. Мы уже видели, как в июле 1936 года Гитлер дал указание германскому генеральному штабу разработать военные планы оккупации Австрии на тот случай, когда пробьет час. Эта операция получила название «Отто». Теперь, спустя год, 24 июня 1937 года, специальной директивой он скрепил эти планы. 5 ноября Гитлер раскрыл свои дальнейшие замыслы руководителям вооруженных сил. Германия должна получить большее «жизненное пространство». Скорее всего его можно было бы найти в Восточной Европе — в Польше, Белоруссии и на Украине. Но чтобы получить его, пришлось бы пойти на большую войну, а значит, и на уничтожение населения, про-

живающего в этих районах. Германии пришлось бы считаться с ее двумя «ненавистными врагами» — Англией и Францией, для которых «германский колосс в центре Европы был бы невыносим». Поэтому, дабы использовать преимущества, которые ей давали ее успехи в области военного производства, а также патриотический пыл, пробужденный нацистской партией и выражаемый ею, она должна при первой же благоприятной возможности начать войну и справиться со своими двумя противниками, пока они еще не готовы к борьбе.

Нейрат, Фрич и даже Бломберг, находившиеся под влиянием взглядов германского министерства иностранных дел, генерального штаба и офицерского корпуса, были встревожены этой политикой. Они считали, что риск будет слишком велик. Эти государственные деятели признавали, что благодаря дерзости фюрера Германия решительно опередила союзников во всех областях перевооружения. Армия крепла с каждым месяцем, внутренний упадок во Франции и отсутствие твердой воли в Англии были благоприятными факторами, которые, вполне возможно, и впредь будут оказывать влияние. Что значит год или два, когда все идет так хорошо? Чтобы завершить создание военной машины, им нужен какой-то срок, и если фюрер время от времени будет выступать с примирительными речами, эти ни на что не способные, вырождающиеся демократии будут ограничиваться болтовней. Но Гитлер не был убежден в этом. Его рассудок подсказывал ему, что в победе нельзя быть уверенным. Нужно идти на риск. Нужно сделать прыжок. Он был окрылен своими успехами — сперва перевооружение, затем обязательная воинская повинность, в-третьих, Рейнская область, в-четвертых, соглашение с Италией Муссолини.

Ждать, пока все будет готово, это значит ждать того времени, когда уже будет слишком поздно. Историкам и другим людям, которым не нужно действовать изо дня в день, легко говорить, что он мог бы вершить судьбами всего мира, если бы продолжал укрепление своих сил еще два-три года, прежде чем нанести удар. Но это не так. В жизни человека, так же как и в жизни государства, никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Гитлер решил поторопиться и начать войну, пока он еще был в расцвете сил.

4 февраля 1938 года он отстранил Фрича и взял в свои руки верховное командование вооруженными силами. Бломберг, престиж которого в офицерском корпусе был подорван в результате неподходящего брака, также пал. В той мере, в какой один человек, каким бы одаренным и могущественным он ни был, какие бы ужасные наказания он ни мог налагать, способен диктовать свою волю в столь обширных областях, фюрер установил прямой контроль не только над политикой государства, но и над военной машиной. В ту пору он обладал

почти такой же властью, какую имел Наполеон после Аустерлица и Йены. Правда, у него не было славы, которую приносят победы, одержанные в великих битвах благодаря личному руководству, но он уже добился триумфа в политической и дипломатической областях. Все его приближенные и приверженцы знали, что эти триумфы одержаны только им одним благодаря трезвости его суждений и смелости.

* * *

Помимо намерения включить все народы тевтонской расы в рейх, о котором столь откровенно говорится в «Майн кампф», у Гитлера имелись две причины, побуждавшие его добиваться присоединения Австрийской Республики. Австрия открывала Германии дверь в Чехословакию и широкие ворота в Юго-Восточную Европу. Со времени убийства канцлера Дольфуса австрийской организацией нацистской партии в июле 1934 года процесс подрыва независимого австрийского правительства с помощью денег, интриг и путем применения силы не прекращался. Нацистское движение в Австрии крепло с каждым успехом, где бы то ни было достигнутым Гитлером, будь то в Германии или в его борьбе с союзниками. Необходимо было действовать постепенно. Официально Папен получил указания поддерживать самые дружественные отношения с австрийским правительством и добиваться официального признания им австрийской нацистской партии как законной организации. В этот период позиция Муссолини вынуждала к некоторой сдержанности. После убийства Дольфуса итальянский диктатор вылетел в Венецию, чтобы встретить и успокоить его вдову, нашедшую там убежище, а на южной границе Австрии были сосредоточены значительные итальянские силы. Но теперь, в начале 1938 года, произошли решающие перемены в расстановке сил в Европе и переоценка ценностей. Франции противостояла линия Зигфрида, барьер из стали и бетона, становящийся все более грозным, и преодоление его, казалось, стоило бы французам огромных человеческих жертв. Дверь с Запада была закрыта. Муссолини был втянут в германскую систему в результате санкций, которые оказались настолько неэффективными, что они лишь вызвали его раздражение, не ослабив ни в малейшей степени его власти. Он, очевидно, с удовольствием вспоминал знаменитое изречение Макиавелли: «Люди мстят за мелкие обиды, но не за серьезные». Самое главное, западные демократии, по-видимому, не раз давали доказательство того, что они смирятся с любым насилием, пока они сами не подверглись прямому нападению. Папен искусно действовал внутри политической системы Австрии. Многие видные деятели Австрии уступили его нажиму и интригам.

Господствовавшая неуверенность неблагоприятно отражалась на туризме, имевшем столь важное значение для Вены. И все это происходило на фоне террористической деятельности и взрывов бомб, расшатывавших и без того непрочную основу Австрийской Республики.

Было решено, что пробил час захватить контроль над австрийской политикой, введя в состав венского кабинета руководителей незадолго до этого легализованной австрийской нацистской партии. 12 февраля 1938 года, через восемь дней после того как Гитлер взял в свои руки верховное командование, австрийский канцлер Шушниг был вызван в Берхтесгаден. Шушниг повиновался и выехал в сопровождении своего министра иностранных дел Гвидо Шмидта.

Теперь мы располагаем отчетом Шушнига, в котором приведен нижеследующий диалог. Гитлер упомянул об обороне австрийской границы. Там была создана оборонительная система, для преодоления которой потребовалось бы проведение военной операции, что в свою очередь подняло бы вопрос о мире и войне.

«*Гитлер.* Стоит мне только отдать приказ — и в одну ночь все ваши смехотворные пугала на границе будут сметены. Не думаете ли вы всерьез, что сможете задержать меня хоть на полчаса? Кто знает, быть может, в одно прекрасное утро я неожиданно появлюсь в Вене, подобно весенней грозе, а тогда вы действительно кое-что испытаете. Мне очень хотелось бы избавить Австрию от такой участи, ибо эта акция повлекла бы за собой много жертв. За армией вошли бы мои СА и легион! И никто бы не мог помешать им мстить, даже я. Не хотите ли вы превратить Австрию в новую Испанию? Я хотел бы, по возможности, избежать этого.

Шушниг. Я соберу необходимые сведения и приостановлю всякие оборонительные работы на германской границе. Я, конечно, понимаю, что вы можете вторгнуться в Австрию, но, господин рейхсканцлер, хотим мы этого или нет, это будет означать кровопролитие. Мы не одни в этом мире, и такой шаг, вероятно, будет означать войну.

Гитлер. Легко говорить о войне, сидя здесь, в этих удобных креслах. Но война означает бесконечные страдания для миллионов. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность, господин Шушниг? Не думайте, что кто-либо на земле может отвратить меня от моих решений! Италия? У меня с Муссолини одинаковые взгляды, и теснейшие узы дружбы связывают меня с Италией. Англия? Англия не пошевельнет ни одним пальцем ради Австрии... Франция? Два года назад, когда мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов, — в то

время я рисковал многим. Если бы Франция выступила тогда, нам пришлось бы отступить... Но сейчас для Франции слишком поздно!»[1]

Эта первая беседа состоялась в 11 часов утра. После официального завтрака австрийцы были вызваны в небольшую комнату, и там Риббентроп и Папен вручили им письменный ультиматум.

Условия не подлежали обсуждению. Они включали назначение в состав австрийского кабинета австрийского нациста Зейсс-Инкварта в качестве министра общественного порядка и безопасности, общую амнистию всем арестованным австрийским нацистам и официальное включение австрийской нацистской партии в Отечественный фронт, находившийся под покровительством правительства.

Позднее Гитлер принял австрийского канцлера. «Я повторяю, что это ваш последний шанс. Я жду, что через три дня это соглашение будет выполнено». В своем дневнике Йодль пишет: «На Шушнига и Гвидо Шмидта вновь оказан сильнейший политический и военный нажим. В 11 часов вечера Шушниг подписывает «протокол»[2]. Когда Папен вез Шушнига обратно на санях по заснеженным дорогам в Зальцбург, он сказал: «Вот каким бывает фюрер. Теперь вы испытали это на самом себе. Но в следующий раз вы проведете время гораздо приятнее. Фюрер может быть действительно обаятельным»[3].

20 февраля Гитлер сказал в рейхстаге:

«Я рад сообщить вам, господа, что за последние несколько дней было достигнуто большое взаимопонимание со страной, которая особенно близка нам по многим причинам. Рейх и германская Австрия связаны не только потому, что на их территории живет один и тот же народ, но и потому, что у этих стран общая долгая история и общая культура. Трудности, возникшие при выполнении соглашения от 11 июля 1936 года, вынудили нас предпринять попытку устранить непонимание и помехи, препятствовавшие окончательному примирению[4]. Если бы это не было сделано, то в один прекрасный день, умышленно или нет, несомненно, могло бы создаться невыносимое положение, а подобное положение могло бы привести к весьма серьезной катастрофе. Я рад заверить вас, что подобные со-

[1] Schuschnigg. Ein Reguiem in Rot-Weiss-Rat. S. 37.

[2] Nurnberg Documents (H. M. Stationery Office). Part 1. P. 249.

[3] Schuschnigg. Op.cit. S. 51—52.

[4] 11 июля 1936 г. Германия навязала Австрии соглашение, обязывающее австрийское правительство согласовывать с Германией внешнюю политику.

ображения отвечали взглядам австрийского канцлера, которого я пригласил к себе. Это было сделано с намерением добиться ослабления напряжения в наших отношениях путем предоставления при существующих законах таких же законных прав гражданам, придерживающимся национал-социалистских идей, какими пользуются другие граждане германской Австрии.

Наряду с этим практическим вкладом в дело мира явится общая амнистия и установление лучшего взаимопонимания между двумя государствами в результате еще более дружественного сотрудничества, насколько это возможно в самых различных областях — политической, личной и экономической. Все это явится дополнением к соглашению от 11 июля и не будет выходить за рамки этого соглашения. В этой связи я перед лицом германского народа выражаю свою искреннюю благодарность австрийскому канцлеру за его глубокое понимание и искреннюю готовность, с которыми он принял мое приглашение и работал вместе со мной. Мы смогли найти путь, отвечающий высшим интересам обеих стран, ибо, в конечном счете, это интересы всего германского народа, сыновьями которого все мы являемся, где бы мы ни родились»[1].

Вряд ли можно было бы найти для поучения англичан и американцев лучший образчик обмана и лицемерия. Я привожу это высказывание потому, что оно уникально в этом отношении. Поразительно, как эта речь могла вызвать у интеллигентных людей в свободных странах какие-то иные чувства, помимо презрения.

* * *

Драма на континенте развертывалась своим чередом. Муссолини направил теперь Шушнигу послание, указав, что он считает позицию, занятую Австрией в Берхтесгадене, правильной и находчивой. Он заверил его в неизменности позиции Италии в австрийском вопросе и в своей личной дружбе. 24 февраля австрийский канцлер выступил в австрийском парламенте, приветствуя урегулирование с Германией. Но с некоторой резкостью он подчеркнул, что Австрия никогда не пойдет дальше конкретных условий соглашения. 3 марта он через австрийского военного атташе в Риме послал конфиденциальное послание Муссолини, сообщая дуче о своем намерении укрепить политическое положение в Австрии путем проведения плебисцита. Спустя 24 часа он получил донесение от австрийского военного атташе в Риме, который описывал

[1] Hitler's Speeches (N. H. Baynes, Editor). Vol. 2. P. 1407—1408.

свою беседу с Муссолини. Дуче высказался оптимистически. Положение, сказал он, должно улучшиться. Немедленная разрядка в отношениях между Римом и Лондоном приведет к ослаблению существующего напряжения... Что касается плебисцита, то Муссолини сделал следующее предостережение:

«Это ошибка. Если результат будет удовлетворительным, народ скажет, что плебисцит был подтасован. Если результат будет плохим, положение правительства окажется невыносимым, а если он не даст определенных результатов, тогда он вообще бесполезен». Но Шушниг принял твердое решение. 9 марта он официально объявил, что в следующее воскресенье, 13 марта, по всей Австрии состоится плебисцит.

Вначале никаких событий не произошло. У Зейсс-Инкварта эта идея, казалось, не встретила возражений. Однако 11 марта в 5 часов 30 минут утра Шушнигу позвонили по телефону из полицейского управления в Вене и сообщили: «Час назад германская граница в Зальцбурге была закрыта. Германские таможенные работники отозваны. Железнодорожная связь прервана». Следующее донесение австрийский канцлер получил от своего генерального консула в Мюнхене. В нем говорилось, что германский армейский корпус в Мюнхене мобилизован. Предполагаемое направление — Австрия!

В то же утро, несколько позднее, Зейсс-Инкварт явился к Шушнигу и сообщил, что Геринг только что заявил ему по телефону, что плебисцит должен быть отменен и что решение необходимо принять в течение часа. Если за это время никакого ответа не последует, Геринг будет считать, что Зейсс-Инкварта не допускают к телефону, и примет соответствующие меры. Узнав от ответственных официальных лиц, что полиция и армия не вполне надежны, Шушниг информировал Зейсс-Инкварта, что плебисцит будет отложен. Спустя четверть часа последний вернулся с ответом от Геринга, второпях написанным на листке, вырванном из блокнота:

«Положение можно спасти только в том случае, если канцлер немедленно подаст в отставку и если через два часа Зейсс-Инкварт будет назначен канцлером. Если в течение этого времени ничего не будет сделано, начнется вторжение германских войск в Австрию»[1].

Шушниг отправился к президенту Миклясу и вручил ему прошение об отставке. Пока он находился в кабинете президента, ему подали расшифрованное послание итальянского правительства, которое сообщало, что оно не может дать никакого совета. Старый президент проявил упрямство: «Итак,

[1] Schuschnigg. Op. cit. S. 66—72.

в решающий час я остался один». Он упорно отказывался назначить канцлером нациста. Он твердо решил вынудить немцев пойти на позорные и насильственные действия. Но к этому они были хорошо подготовлены.

На следующий день, 11 марта, Гитлер отдал германским вооруженным силам приказ оккупировать Австрию. Операция «Отто», так долго обсуждавшаяся и так тщательно подготавливавшаяся, началась.

* * *

Триумфальное вступление в Вену было мечтой австрийского ефрейтора. В ночь на субботу 12 марта нацистская партия в столице намеревалась устроить факельное шествие в честь героя-победителя. Но никто не явился. Поэтому трех ошеломленных баварцев из интендантской службы, приехавших поездом, чтобы подготовить квартиры для постоя вторгающихся войск, с триумфом пронесли на руках по улицам города. О причине срыва этого плана стало известно не скоро. Германская военная машина тяжело прогромыхала через границу и застряла у Линца. Несмотря на превосходную погоду и хорошие условия, большая часть танков вышла из строя. Обнаружились дефекты тяжелой моторизованной артиллерии, и дорога от Линца до Вены оказалась забитой остановившимися тяжелыми машинами. Ответственность за затор, показавший, что на данном этапе своего восстановления германская армия еще не находится в полной готовности, была возложена на командующего 4-й группой армий фаворита Гитлера генерала фон Рейхенау.

Проезжая на машине через Линц, Гитлер увидел этот затор и пришел в бешенство. Легкие танки были выведены из колонны и в беспорядке вошли в Вену рано утром в воскресенье. Бронемашины и тяжелые моторизованные артиллерийские орудия были погружены на железнодорожные платформы и только благодаря этому успели к церемонии. Хорошо известны снимки, на которых показан Гитлер, едущий по улицам Вены среди ликующих или испуганных толп народа. Но этот момент мистической славы был омрачен элементом беспокойства. Фюрер был разъярен явными недостатками своей военной машины. Он обрушился на своих генералов, но и те не остались в долгу. Они напомнили ему о его нежелании прислушаться к Фричу и принять к сведению его предупреждение о том, что Германия не в состоянии пойти на риск большого конфликта. Но видимость была соблюдена. Состоялись официальные торжества и парады. В воскресенье, после того как германские войска и австрийские нацисты вступили во владение Веной, Гитлер провозгласил ликвидацию Австрийской Республики и присоединение ее территории к германскому рейху.

* * *

В тот момент Риббентроп собирался покинуть Лондон и занять пост министра иностранных дел Германии. Чемберлен дал в его честь прощальный завтрак на Даунинг-стрит, 10. Мы с женой приняли приглашение премьер-министра и поехали на завтрак. За столом было человек шестнадцать. Моя жена сидела возле сэра Александра Кадогана, на одном из концов стола. Примерно в середине завтрака курьер из министерства иностранных дел вручил ему пакет. Он вскрыл его и погрузился в чтение. Затем он встал, обошел вокруг стола, подошел к премьер-министру и передал ему полученную записку, и хотя, судя по поведению Кадогана, ничего особенного не произошло, я невольно обратил внимание на то, что премьер-министр глубоко задумался. Кадоган вернулся с бумагой к своему месту. Позднее мне сообщили содержание этой записки. В ней говорилось, что Гитлер вторгся в Австрию и что германские механизированные части быстро продвигаются к Вене. Завтрак продолжался своим чередом, однако вскоре госпожа Чемберлен, получив какой-то сигнал от своего супруга, поднялась и пригласила: «Пойдемте все в гостиную пить кофе». Мы направились туда, но мне и, быть может, кое-кому из других гостей было ясно, что супруги Чемберлен стремились поскорее закончить прием. Какое-то беспокойство охватило присутствовавших. Все стояли, готовясь проститься с почетными гостями.

Но Риббентроп и его жена, казалось, ничего не заметили. Напротив, они задержались почти на полчаса, занимая хозяина и хозяйку оживленной беседой. В один из этих моментов я подошел к госпоже Риббентроп и, прощаясь с ней, сказал: «Надеюсь, что Англия и Германия сохранят свои дружественные отношения». «Смотрите только не нарушайте их сами», — кокетливо ответила она. Я уверен, что оба они отлично понимали, что именно произошло, но считали ловким ходом подольше удерживать премьер-министра от его деловых обязанностей и телефона. Наконец Чемберлен обратился к послу: «Я должен извиниться, но я обязан заняться сейчас срочными делами», — и без дальнейших церемоний он вышел из гостиной. Риббентропы все еще задерживались, но большинство из нас под разными предлогами отправились по домам. Надо полагать, и они наконец откланялись. Это был последний раз, когда я видел Риббентропа — вплоть до того момента, когда его повесили.

* * *

Надругательство над Австрией и покорение прекрасной Вены со всей ее славой, культурой и ее вкладом в историю

Европы явились для меня большим ударом. На другой день после этих событий, 14 марта, я сказал в палате общин:

«Трудно преувеличить серьезность событий, произошедших 12 марта. Европа столкнулась с программой агрессии, хорошо спланированной и рассчитанной. Эта программа осуществляется этап за этапом, и не только для нас, но и для других стран выбор один — либо подчиниться, подобно Австрии, либо принять действенные меры, пока еще есть время отвратить опасность, а если отвратить ее нельзя, то справиться с ней. Сколько имеющихся сейчас ресурсов придется нам израсходовать для обеспечения нашей безопасности и для поддержания мира, если мы пассивно будем ожидать развития событий? Сколько друзей отвернется от нас, сколько потенциальных союзников один за другим окажутся втянутыми в этот ужасный водоворот? Сколько раз будет удаваться блеф, пока наконец непрерывно собираемые под прикрытием этого блефа силы действительно будут накоплены?.. *В каком положении мы окажемся, например, через два года, когда германская армия будет, конечно, значительно больше французской* и когда все малые страны сбегут из Женевы, чтобы выразить свое уважение все растущей мощи нацистской системы и договориться с нацистами на лучших для них условиях?»

И далее:

«Вена — центр коммуникаций всех стран, входивших в состав старой Австро-Венгерской империи, и стран, расположенных на юго-востоке Европы. Дунай на большом протяжении теперь в руках немцев. Овладев Веной, нацистская Германия получила возможность установить военный и экономический контроль над всеми коммуникациями Юго-Восточной Европы — шоссейными, речными и железнодорожными.

В настоящий момент Чехословакия изолирована как в экономическом, так и в военном отношении. Выход для ее торговли через Гамбург, предусмотренный мирным договором, конечно, может быть в любой момент закрыт. Ее железнодорожные и речные пути, идущие на юг и дальше на юго-восток, могут быть отрезаны в любой момент. Ее торговля может быть обложена непосильными для нее сборами. Это страна, которая некогда была крупнейшим промышленным районом старой Австро-Венгерской империи. Теперь она отрезана или может быть отрезана немедленно, если в результате происходящего сейчас обсуждения не будут приняты меры к охране коммуникаций Чехословакии. Она в мгновение ока может быть отрезана от своих источников сырья в Югославии и от естественных рынков, созданных ею там. Экономическая жизнь этого небольшого госу-

дарства может очень сильно пострадать в результате такого акта насилия, который был осуществлен в прошлую пятницу ночью».

* * *

На этот раз сигнал тревоги исходил от русских, которые 18 марта предложили созвать конференцию для обсуждения создавшегося положения. Они хотели обсудить, хотя бы в общих чертах, пути и способы претворения в жизнь франко-советского пакта в рамках действий Лиги Наций в случае серьезной угрозы миру со стороны Германии. Это предложение встретило прохладный прием в Париже и Лондоне. У французского правительства были другие заботы. На авиационных заводах происходили крупные забастовки, армии Франко глубоко вклинивались в территорию коммунистической Испании. Чемберлен был мрачен и полон скептицизма. Его оценка будущих опасностей и способов борьбы с ними коренным образом отличалась от моей. Я в то время настаивал на том, что только заключение франко-англо-русского союза даст надежду сдержать натиск нацистов.

Фейлинг рассказывает, что настроения премьер-министра нашли свое отражение в его письме сестре от 20 марта:

«План «Великого союза», как называет его Уинстон, приходил мне в голову задолго до того, как Уинстон упомянул о нем. Я беседовал по этому вопросу с Галифаксом, и мы передали этот план на рассмотрение начальников штабов и экспертов министерства иностранных дел. Это очень привлекательная идея. Действительно, многое можно сказать в ее защиту, пока не подойдешь к ней с точки зрения практической ее осуществимости. После этого ее привлекательность исчезает. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Франция и мы ничего не можем сделать для спасения Чехословакии от вторжения немцев, если бы последние решились на такой шаг... Поэтому я отказался от всякой мысли о предоставлении гарантий Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами перед этой страной»[1].

Во всяком случае это было какое-то определенное решение. Но оно было принято на основе неправильных предпосылок. В современных войнах между великими державами или союзами оборона тех или иных районов не может быть обеспечена только местными усилиями. Нужно принимать в расчет огромный баланс всего фронта военных действий. В еще большей мере это относится к политике в период, предшествующий войне, когда войну еще можно предотвратить. Начальникам штабов и экспер-

[1] Feiling. Op. cit. P. 347—348.

там министерства иностранных дел, конечно, не пришлось сильно напрягать свои умственные способности, для того чтобы иметь возможность сказать премьер-министру, что английский флот и французскую армию нельзя развернуть в горах Богемии как барьер между Чехословацкой Республикой и гитлеровской армией вторжения. Это было ясно при одном взгляде на карту. Однако даже в тот момент уверенность в том, что переход линии богемской границы повлечет за собой всеобщую войну в Европе, могла бы предотвратить или задержать следующий акт агрессии со стороны Гитлера. Как глубоко ошибался Чемберлен в своих личных выводах, видно, если учесть ту гарантию, которую он дал Польше через год после того как стратегическая ценность Чехословакии была уничтожена, а мощь и престиж Гитлера возросли чуть ли не вдвое!

* * *

24 марта 1938 года, выступая в палате общин, премьер-министр изложил нам свое мнение по поводу шага, предпринятого русскими:

«Правительство его величества считает, что косвенным, но отнюдь не менее неизбежным следствием действий, предлагаемых Советским правительством, явилось бы усиление тенденции к созданию замкнутых группировок стран, что, по мнению правительства его величества, было бы вредно для дела мира в Европе».

Однако премьер-министр не мог обойти молчанием тот неприятный факт, что «международное доверие сильно поколеблено» и что рано или поздно правительству придется определить обязательства Великобритании в Европе. Каковы будут наши обязательства в Центральной Европе? «Если вспыхнет война, она вряд ли затронет только тех, кто взял на себя законные обязательства. Немыслимо предугадать, где она закончится и какие правительства окажутся вовлеченными в нее». Далее следует отметить, что довод о вредности «замкнутых группировок стран» теряет свою ценность, если альтернативой оказывается захват агрессором одной страны за другой. При этом игнорируются также все вопросы справедливости в отношениях между странами. В конце концов ведь существовала Лига Наций и ее устав. Курс действий премьер-министра был теперь намечен: одновременный дипломатический нажим на Берлин и Прагу, умиротворение Италии и определение наших строго ограниченных обязательств перед Францией. Для осуществления двух первых мероприятий исключительно важно было тщательно и точно определить последние.

Глава шестнадцатая

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В течение нескольких лет казалось, что вопрос о том, умно или глупо Англия и Франция вели себя в мюнхенском деле, станет предметом долгих споров историков. Однако такие споры стали маловероятными благодаря новым сведениям, полученным из германских источников и в особенности на процессе в Нюрнберге. Главных спорных вопросов было два: во-первых, могли ли решительные действия Англии и Франции принудить Гитлера к отступлению или же привести к его свержению в результате военного заговора и, во-вторых, стало ли за год, прошедший от Мюнхена до начала войны, положение западных держав по сравнению с положением Германии лучше, чем в сентябре 1938 года.

Уже написано и будет еще написано много томов о кризисе, который закончился в Мюнхене принесением в жертву Чехословакии. Поэтому я намерен привести здесь лишь несколько основных фактов и установить масштабы событий. Они неизбежно вытекали из решимости Гитлера воссоединить всех немцев в великом рейхе и продолжать экспансию на Восток, а также из его убеждения, что руководители Франции и Англии не будут воевать, так как они миролюбивы и не хотят перевооружаться. К Чехословакии была применена обычная тактика. Были преувеличены и использованы имевшие некоторое основание жалобы судетских немцев. Кампания против Чехословакии была публично открыта выступлением Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 года. «Больше десяти миллионов немцев, — заявил он, — живут в двух сопредельных с нами государствах». Защита этих соотечественников и обеспечение им «свободы — общей, личной, политической и идеологической» — было долгом Германии.

Такое публичное заявление о намерении германского правительства проявить интерес к положению немцев в Австрии и Чехословакии было непосредственно связано с тайными планами политического наступления Германии в Европе. Нацистское правительство Германии открыто преследовало две цели: поглощение рейхом всех германских меньшинств за рубежом и расширение таким путем его жизненного пространства на Востоке. Менее рекламировавшаяся цель германской политики носила военный характер. Этой целью была ликвидация Чехословакии, имевшей потенциальное значение авиационной базы России и военного союзника англо-французов в случае войны. Еще в июне 1937 года германский генеральный штаб по указанию Гитлера активно составлял планы вторжения в чехословацкое государство и его уничтожения.

В одном из проектов говорилось:

«Целью и задачей такого внезапного наступления германских вооруженных сил должно быть устранение с самого начала и до конца войны угрозы операциям на Западе с тыла из Чехословакии и лишение русской авиации наиболее важных оперативных баз в Чехословакии»[1].

Тот факт, что западные демократии примирились с порабощением Австрии немцами, поощрил Гитлера, который стал более решительно осуществлять свои замыслы насчет Чехословакии. Установление военного контроля над Австрией, собственно говоря, рассматривалось как необходимая предпосылка к штурму богемского бастиона. В разгар вторжения в Австрию Гитлер сказал в автомобиле генералу Гальдеру: «Это будет большим неудобством для чехов». Гальдер сразу понял весь смысл этого замечания, которое осветило ему будущее. Оно показало ему намерения Гитлера и одновременно его военную безграмотность с точки зрения Гальдера. «Для германской армии, — объяснил Гальдер, — было практически невозможно напасть на Чехословакию с юга. Единственная железная дорога через Линц была совершенно неприкрыта, и о внезапности не могло быть и речи». Однако основная политико-стратегическая мысль Гитлера была правильной. Западный вал рос, и, далеко не будучи законченным, он уже навевал французской армии ужасные воспоминания о Сомме и Пашендейле. Гитлер был убежден, что ни Англия, ни Франция не будут воевать.

В день вступления германской армии в Австрию, согласно донесению посла Франции в Берлине, Геринг дал чехословацкому посланнику в Берлине торжественное заверение, что у Германии нет *«никаких злых умыслов в отношении Чехословакии»*. 14 марта французский премьер-министр Блюм торжественно заявил чехословацкому посланнику в Париже, что Франция безоговорочно выполнит обязательства в отношении Чехословакии. Эти дипломатические заверения не могли скрыть мрачной действительности. Изменилась вся стратегическая ситуация на континенте. Германия могла теперь сосредоточить как свои аргументы, так и армии непосредственно против западных границ Чехословакии. Пограничные районы этой страны были населены немцами, и там существовала агрессивная и активная партия германских националистов, которые были готовы сыграть роль «пятой колонны» в случае столкновения. 10 апреля французское правительство было реорганизовано. Премьером стал Даладье, а министром иностранных дел — Боннэ. Им двоим предстояло нести ответственность за политику Франции в ближайшие решающие месяцы.

[1] Nurnberg Documents. Part 2. P. 4.

В надежде удержать Германию от дальнейшей агрессии английское правительство в соответствии с решением Чемберлена стало искать соглашения с Италией по вопросу о районе Средиземного моря. Такое соглашение укрепило бы положение Франции и позволило бы как французам, так и англичанам сосредоточить внимание на событиях в Центральной Европе. Муссолини, в известной мере удовлетворенный падением Идена и чувствовавший силу своих позиций, не отверг раскаяния Англии; 16 апреля 1938 года было подписано англо-итальянское соглашение, которое фактически давало Италии свободу рук в Абиссинии и Испании в обмен на ее сомнительную доброжелательность в Центральной Европе.

Гитлер бдительно следил за обстановкой. Ему также было важно знать, на чью сторону встанет Италия в случае европейского кризиса. На совещании с начальниками штабов в конце апреля он обсуждал вопрос о том, как форсировать решение этого вопроса.

Муссолини хотел свободы рук в Абиссинии. Несмотря на согласие английского правительства, ему могла в конце концов понадобиться поддержка Германии в этой авантюре. В таком случае он примирился бы с действиями Германии против Чехословакии. Вопрос нужно поставить ребром, и при урегулировании чешского вопроса Италия будет на стороне Германии. Конечно, заявления английских и французских государственных деятелей изучались в Берлине. Там с удовлетворением отметили намерение этих западных держав убедить чехов проявить благоразумие в интересах мира в Европе. Нацистская партия Судетской области во главе с Генлейном сформулировала к этому времени свои требования автономии для граничивших с Германией районов Чехословакии. Эта программа была изложена 24 апреля в речи Генлейна в Карлсбаде. Английский и французский посланники в Праге вскоре после этого посетили министра иностранных дел Чехословакии, чтобы выразить надежду, что чешское правительство сделает все возможное для урегулирования этого вопроса.

17 мая начались переговоры по судетскому вопросу между чешским правительством и Генлейном, который на обратном пути посетил Гитлера. В Чехословакии предстояли муниципальные выборы, и в качестве подготовки к ним германское правительство начало войну нервов. Уже распространялись упорные слухи о передвижении германских войск к чешской границе. 20 мая сэру Невиллу Гендерсону предложили сделать на этот счет запрос в Берлине. Немецкие опровержения не успокоили чехов, которые в ночь на 21 мая отдали приказ о частичной мобилизации армии.

* * *

Теперь необходимо рассмотреть намерения немцев. Гитлер уже раньше пришел к убеждению, что ни Франция, ни Англия не станут сражаться за Чехословакию. 28 мая он созвал своих главных советников и отдал распоряжения о подготовке к нападению на Чехословакию. Позднее он рассказал об этом публично в выступлении в рейхстаге 30 января 1939 года:

«Ввиду этой невыносимой провокации... я решил урегулировать раз и навсегда, и на этот раз радикально, вопрос о судетских немцах. 28 мая я отдал приказ, во-первых, о подготовке ко 2 октября военной акции против этого государства и, во-вторых, об огромном и ускоренном расширении фронта нашей обороны на Западе»[1].

Военные советники Гитлера, однако, не разделяли единодушно его безграничной уверенности. Ввиду все еще огромного превосходства сил союзников (за исключением авиации) было невозможно убедить немецких генералов, что Англия и Франция не дадут отпора вызову фюрера. Для разгрома чехословацкой армии и для прорыва или обхода линии богемских крепостей понадобились бы практически 35 дивизий. Немецкие командующие вооруженными силами довели до сведения Гитлера, что чешскую армию нужно считать боеспособной и располагающей современным оружием и снаряжением. Хотя укрепления Западного вала, или линии Зигфрида, уже существовали в виде сооружений полевого типа, они были еще далеко не завершены. Таким образом, в момент нападения на чехов для защиты всей западной границы Германии против французской армии, которая могла мобилизовать 100 дивизий, немцы располагали бы всего 5 кадровыми и 8 резервными дивизиями. Генералы были в ужасе от подобного риска, зная, что, выждав несколько лет, германская армия могла бы вновь стать хозяином положения.

Хотя правильность политических расчетов Гитлера уже имела доказательства в виде пацифизма и слабости, проявленных союзниками при введении воинской повинности в Германии, а также по вопросу о Рейнской области и об Австрии, германское верховное командование не могло поверить, что блеф Гитлера увенчается успехом в четвертый раз. Разумным людям представлялось невероятным, чтобы великие нации-победительницы, обладавшие явным военным превосходством, еще раз свернули с пути, диктовавшегося им не только долгом и честью, но и здравым смыслом и осторожностью. Кроме всего этого, существовала Россия, связанная с Чехословакией узами славянства и занимав-

[1] Hitler's Speeches. Vol. 2. P. 1571.

шая в то время весьма угрожающую позицию в отношении Германии.

Отношения Советской России с Чехословакией как государством и лично с президентом Бенешем основывались на тесной и прочной дружбе. Это объяснялось известной расовой близостью, а также сравнительно недавними событиями, которые требуют краткого разъяснения. Президент Бенеш рассказал мне эту историю в Марракеше, где он посетил меня в январе 1944 года. В 1935 году Гитлер предложил Бенешу уважение целостности Чехословакии во всех отношениях в обмен на гарантию ее нейтралитета в случае франко-германской войны. Когда Бенеш указал на договорное обязательство действовать в подобных случаях совместно с Францией, германский посол ответил, что денонсировать договор нет необходимости. Будет достаточно нарушить его в надлежащий момент — если этот момент наступит — простым отказом от мобилизации и выступления. Маленькая республика не имела возможности возмущаться подобным предложением. Она и так уже очень боялась Германии, в особенности потому, что последняя могла в любой момент создать чрезвычайные затруднения и серьезную угрозу для Чехословакии, если бы она подняла и муссировала вопрос о судетских немцах. Поэтому чехи оставили предложение без комментариев, ничего не обещав, и больше года вопрос не поднимался.

Осенью 1936 года президент Бенеш получил от высокопоставленного военного лица в Германии уведомление, что, если он хочет воспользоваться предложением фюрера, ему следует поторопиться, так как в России в скором времени произойдут события, которые сделают любую возможную помощь Бенеша Германии ничтожной.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, ему стало известно, что через советское посольство в Праге осуществляется связь между высокопоставленными лицами в России и германским правительством. Это было одним из элементов так называемого заговора военных и старой гвардии коммунистов, стремившихся свергнуть Сталина и установить новый режим на основе прогерманской ориентации. Не теряя времени, президент Бенеш сообщил Сталину все, что он мог выяснить[1]. За этим по-

[1] Есть, однако, сведения, что полученная Бенешем информация была сообщена чешской полиции ОГПУ, которое хотело, чтобы Сталин получил эту информацию из дружественного иностранного источника. Эти сведения, впрочем, не умаляют услуги, оказанной Бенешем Сталину, и поэтому не имеют значения. — *Примеч. авт.*

Версия автора, высказанная в примечании, не подтверждается документами. Опубликованные в последние годы свидетельства по «делу Тухачевского» говорят о том, что это «дело» было сфабриковано в ведомстве Гиммлера и при посредничестве представителей Чехословакии (при участии Бенеша) передано в НКВД в 1937 г.

следовала беспощадная, но, возможно, небесполезная чистка военного и политического аппарата в Советской России и ряд процессов в январе 1937 года, на которых Вышинский столь блестяще выступал в роли государственного обвинителя.

Хотя в высшей степени маловероятно, чтобы коммунисты из старой гвардии присоединились к военным или наоборот, они, несомненно, были полны зависти к вытеснившему их Сталину. Поэтому могло оказаться удобным разделаться с ними одновременно в соответствии с обычаями тоталитарного государства. Были расстреляны Зиновьев, Бухарин, Радек и другие из числа первоначальных руководителей революции, маршал Тухачевский, который представлял Советский Союз на коронации короля Георга VI, и многие из высших офицеров армии. Чемберлену и генеральным штабам Англии и Франции чистка 1937 года казалась прежде всего внутренним разгромом русской армии. У них создалось представление, что яростная ненависть и мстительность раздирают Советский Союз. Это было, пожалуй, преувеличением: основанную на терроре систему правления вполне возможно укрепить беспощадным и успешным утверждением ее власти. Главное значение для нашего рассказа имеет тесная близость между Россией и Чехословакией, а также Сталиным и Бенешем.

Однако ни внутренние трения в Германии, ни связи между Сталиным и Бенешем не были известны внешнему миру и не получили должной оценки у английских и французских министров. Линия Зигфрида, пусть даже незавершенная, представлялась им страшным препятствием. Хотя германская армия возникла недавно, ее точная численность и боевая мощь не были известны и их, бесспорно, преувеличивали. Существовала, кроме того, неизведанная опасность нападения авиации на беззащитные города. И превыше всего была ненависть к войне во всех демократических странах.

Тем не менее 12 июня Даладье подтвердил обещание, данное 14 марта его предшественником, и заявил, что обязательства Франции по отношению к Чехословакии «священны и от выполнения их нельзя уклониться».

Однако Гитлер был убежден, что только его оценка положения была правильной. 18 июня он дал окончательную директиву о нападении на Чехословакию, причем попытался успокоить своих встревоженных генералов.

Гитлер — Кейтелю:

«Я приму решение о действиях против Чехословакии, только если буду твердо уверен, как это было в случае вступления в демилитаризованную зону и в Австрию, что Франция не выступит и что поэтому Англия не вмешается»[1].

[1] Nurnberg Documents. Part 2. P. 10.

Чтобы запутать дело, в начале июля Гитлер послал в Лондон своего личного адъютанта капитана Видемана. Лорд Галифакс принял этого эмиссара 18 июля, по-видимому, без ведома германского посольства. Во время этой беседы было сказано, что фюрер обижен тем, что мы не откликнулись на его прежние предложения. Может быть, английское правительство согласилось бы на приезд Геринга в Лондон для более детальных переговоров? При известных обстоятельствах немцы, возможно, согласились бы отложить на год действия против чехов.

Несколько дней спустя Чемберлен обсудил эту возможность с германским послом. Чтобы подготовить почву в Праге, английский премьер-министр уже предлагал чехам послать в Чехословакию представителя для расследования и для содействия дружественному компромиссу.

26 июля 1938 года Чемберлен объявил в парламенте о миссии лорда Ренсимена в Прагу с целью попытаться найти решение путем договоренности между чешским правительством и Генлейном. 3 августа лорд Ренсимен приехал в Прагу, и начались бесконечные и сложные переговоры с различными заинтересованными сторонами. Через две недели переговоры были прерваны. После этого события начали развиваться очень быстро.

В течение августа тревога продолжала нарастать. 27 августа я заявил своим избирателям:

«В этом древнем лесу Тейдон-Бойс, само название которого напоминает нам об эпохе норманнов, в самом сердце мирной, живущей под властью законов Англии, нам трудно осознать ярость страстей, бушующих в Европе. За этот тревожный месяц вы, несомненно, читали в газетах одну неделю хорошие сообщения, другую неделю плохие; сегодня лучше, завтра хуже. Однако я обязан сказать вам, что вся Европа и весь мир неуклонно идут к кризису, который невозможно оттянуть надолго.

Войны, бесспорно, можно избежать. Однако угроза миру не будет устранена до тех пор, пока не будут расформированы призванные под ружье германские армии. Ибо, когда страна, которой никто не угрожает, которой некого бояться, приводит в боевую готовность полтора миллиона солдат, она делает очень серьезный шаг... Мне кажется, и я обязан ясно сказать вам об этом, что эти огромные силы приведены в боевую готовность не без намерения достигнуть решающих результатов в весьма ограниченный отрезок времени...»

* * *

2 сентября после полудня я получил от советского посла извещение о том, что он хотел бы приехать в Чартуэлл и немедленно переговорить со мной по срочному делу. Уже довольно

давно я поддерживал дружеские личные отношения с Майским, который часто встречался с моим сыном Рандольфом. Поэтому я принял посла, и после нескольких вступительных слов он рассказал мне со всеми точными и официальными подробностями историю, изложенную ниже. Вскоре после начала его рассказа я понял, что он делает это заявление мне — частному лицу — потому, что Советское правительство предпочитает такой путь непосредственному обращению в министерство иностранных дел, где оно могло бы натолкнуться на резкий отпор. Заявление посла было сделано с вполне очевидной целью — чтобы я передал все услышанное правительству его величества. Посол не сказал этого прямо, но это было ясно, потому что он не просил сохранить разговор в тайне. Поскольку дело сразу же показалось мне исключительно важным, я старался не вызвать предубеждения у Галифакса и Чемберлена и поэтому не высказал своего мнения и не употребил выражений, которые могли бы вызвать разногласия между нами.

Черчилль — лорду Галифаксу 3 сентября 1938 года

«Я получил неофициально из абсолютно надежного источника следующие сведения, которые я считаю своим долгом передать Вам, хотя меня об этом не просили.

Вчера, 2 сентября, французский поверенный в делах в Москве (сам посол в отпуске) посетил Литвинова и спросил его от имени французского правительства, какую помощь Россия окажет Чехословакии в случае нападения Германии, учитывая в особенности затруднения, которые могут возникнуть в связи с нейтралитетом Польши и Румынии. Литвинов, со своей стороны, спросил о намерениях самих французов, указав, что у Франции есть прямые обязательства, тогда как обязательство России стоит в зависимости от действий Франции. Французский поверенный в делах не ответил на этот вопрос. Тем не менее Литвинов заявил ему, во-первых, что Советский Союз решил выполнить свои обязательства. Он признал трудности, связанные с позицией Польши и Румынии, но высказал мнение, что в отношении Румынии их можно преодолеть.

За последние месяцы правительство Румынии подчеркнуто дружественно относилось к России, и их взаимоотношения значительно улучшились. По мнению Литвинова, преодолеть возражения Румынии было бы легче всего через Лигу Наций. Если бы, например, Лига Наций решила, что Чехословакия — жертва агрессии и что агрессор — Германия, это, вероятно, определило бы позицию Румынии в вопросе о пропуске через ее территорию русских войск и авиации.

Французский поверенный в делах заметил, что Совет Лиги может не проявить единодушия. Он получил ответ, что, по мнению Литвинова, было бы достаточно решения большинст-

вом голосов и что Румыния, вероятно, присоединилась бы к большинству в Совете. Поэтому Литвинов рекомендовал, чтобы Совет Лиги был созван на основании статьи 11 в связи с тем, что существует угроза войны и необходимы консультации между членами Лиги.

Литвинов считает, что чем скорее это будет сделано, тем лучше, так как времени может оказаться очень мало. Далее он сказал французскому поверенному в делах, что следовало бы немедленно начать переговоры между начальниками штабов России, Франции и Чехословакии о средствах и путях оказания помощи. Советский Союз готов сразу же приступить к таким переговорам.

В-четвертых, Литвинов напомнил о своем интервью от 17 марта, копия которого, несомненно, есть у Вас в министерстве иностранных дел. Там он защищал идею консультаций между миролюбивыми державами относительно лучших методов сохранения мира, возможно, с целью опубликования совместной декларации при участии трех заинтересованных великих держав — Франции, России и Великобритании. Он считает, что Соединенные Штаты оказали бы такой декларации моральную поддержку. Все эти заявления были сделаны от имени Советского правительства и отражают его мнение относительно наилучшего пути предотвращения войны...

Возможно, конечно, что все это стало Вам известно по другим каналам, но заявления Литвинова показались мне настолько важными, что я не мог полагаться на волю случая».

Я послал это сообщение лорду Галифаксу, как только продиктовал его. 5 сентября лорд Галифакс ответил в осторожных выражениях, что в настоящее время не считает полезными действия такого рода, которые предусматривает статья 11, но что он будет иметь их в виду.

7 сентября французский посол в Лондоне посетил лорда Галифакса, чтобы попросить от имени своего правительства разъяснения позиции, которую займет Англия в случае германского нападения на Чехословакию.

Боннэ, который был тогда министром иностранных дел, утверждает, что 10 сентября 1938 года он задал нашему послу в Париже сэру Эрику Фиппсу следующий вопрос: «Завтра Гитлер может напасть на Чехословакию. Если это случится, Франция немедленно объявит мобилизацию. Она обратится к вам и скажет: "Мы выступаем, идете ли вы с нами?" Что ответит Великобритания?»

Ниже следует ответ, одобренный кабинетом и посланный лордом Галифаксом через сэра Эрика Фиппса 12 сентября.

«Я, конечно, понимаю, насколько важно было бы для французского правительства иметь ясный ответ на этот вопрос. Од-

нако, как Вы уже сказали Боннэ, сам по себе вопрос, хотя и ясный по форме, невозможно отделить от обстоятельств, в которых он может быть поставлен и которые сейчас могут быть только гипотетическими.

Кроме того, в этом вопросе правительство его величества не может иметь в виду только собственную позицию, поскольку любое принятое им решение или любой его шаг будет фактически обязательством и для доминионов. Их правительства, несомненно, не захотят, чтобы их позиция предрешалась за них заранее, пока не известны обстоятельства, о которых они пожелают иметь свое суждение. Поэтому в той мере, насколько я могу ответить сейчас на вопрос Боннэ, этот ответ должен быть следующим: хотя правительство его величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции, оно не в состоянии делать точные заявления о характере своих будущих действий или об их сроках в обстановке, которую оно не может сейчас предвидеть»[1].

В связи с заявлением, что «правительство его величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции», французы запросили, какой помощи они могут ожидать, если она будет оказана. По словам Боннэ, из Лондона ответили, что в первые шесть месяцев войны помощь выразится в отправке двух немоторизованных дивизий и 150 самолетов. Нужно признать, что если Боннэ искал предлогов для того чтобы покинуть чехов на произвол судьбы, его поиски оказались небезуспешными.

12 сентября Гитлер выступил на съезде нацистской партии в Нюрнберге с яростными нападками на чехов, которые в ответ ввели на следующий день военное положение в определенных районах республики; 14 сентября переговоры с Генлейном были окончательно прерваны, а 15 сентября судетский лидер бежал в Германию.

Наступил кульминационный момент кризиса.

Глава семнадцатая

МЮНХЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В ночь на 14 сентября Даладье связался с Чемберленом. По мнению французского правительства, совместное обращение руководителей Франции и Англии лично к Гитлеру могло бы принести пользу. Чемберлен, однако, уже принял решение самостоятельно. По собственной инициативе он послал Гитлеру телеграмму, выразив желание приехать и повидаться с ним.

[1] Bonnet Georges. De Washington an Quai d'Orsay. P. 360—361.

На следующий день Чемберлен уведомил о своем шаге кабинет, а во второй половине дня получил от Гитлера ответ с приглашением в Берхтесгаден. Утром 15 сентября английский премьер-министр вылетел на Мюнхенский аэродром. Момент был выбран не во всех отношениях удачно. Когда известие об этом было получено в Праге, руководители Чехословакии не могли поверить ему. Они были поражены тем, что английский премьер-министр сам нанес визит Гитлеру в момент, когда они впервые оказались хозяевами внутреннего положения в Судетской области. Чехословацкие деятели считали, что этот визит ослабит их позиции в отношениях с Германией. Вызывающая речь Гитлера 12 сентября и организованный немцами мятеж генлейновцев не встретили поддержки местного населения. Генлейн бежал в Германию, и лишившаяся вождя партия судетских немцев явно не желала открытых выступлений. В так называемом «четвертом плане» чехословацкое правительство официально предложило лидерам судетских немцев такие административные планы местной автономии, которые не только превосходили требования, выдвинутые в апреле Генлейном в Карлсбаде, но и полностью соответствовали взглядам, высказанным Чемберленом в речи 24 марта и сэром Джоном Саймоном в речи 27 августа. Однако даже лорд Ренсимен понимал, что немцы меньше всего хотят приемлемого соглашения между чешским правительством и лидерами судетских немцев. Поездка Чемберлена дала последним возможность повысить требования: по инструкции из Берлина экстремисты в судетской партии теперь открыто требовали присоединения к рейху.

* * *

Самолет премьер-министра прибыл на Мюнхенский аэродром днем 16 сентября. Оттуда Чемберлен поездом выехал в Берхтесгаден. Тем временем все радиостанции Германии передали заявление Генлейна с требованием аннексии рейхом Судетской области. Это было первым известием, которое услышал Чемберлен, когда он прибыл в Мюнхен. Несомненно, было заранее запланировано, чтобы он узнал об этом до встречи с Гитлером. Вопрос об аннексии никогда до тех пор не поднимался ни германским правительством, ни Генлейном. А несколькими днями раньше английское министерство иностранных дел заявило, что аннексия не является приемлемой для английского правительства.

Фейлинг уже опубликовал все имеющиеся записи бесед между Чемберленом и Гитлером. Главный вывод, который мы можем сделать из его рассказа, следующий: «Несмотря на суровость и беспощадность, которые, как мне казалось, я прочел на его лице,

у меня сложилось впечатление, что *это — человек, на слово которого можно положиться*»[1]. На деле, как мы видели, Гитлер уже несколькими месяцами раньше предрешил и подготовил вторжение в Чехословакию, которое ожидало лишь последнего сигнала. По возвращении в Лондон в субботу 17 сентября премьер-министр созвал заседание кабинета. К этому времени лорд Ренсимен вернулся в Лондон, и его доклад, конечно, был выслушан с вниманием. Все это время Ренсимен был нездоров, а вследствие огромного напряжения, которого требовала от него его миссия, он сильно похудел. Теперь он рекомендовал «политику немедленных и решительных действий», а именно — «передачу Германии районов с преимущественно немецким населением». Это предложение по крайней мере имело то достоинство, что оно было просто.

И премьер-министр, и лорд Ренсимен были убеждены, что только уступка Судетской области Германии может заставить Гитлера отказаться от вторжения в Чехословакию. У Чемберлена от встречи с Гитлером осталось сильное впечатление, «что последний в боевом настроении». Английский кабинет придерживался также мнения, что у французов не было боевого духа. Поэтому не могло быть и речи о сопротивлении требованиям, которые Гитлер предъявлял чехословацкому государству. Некоторые министры нашли утешение в разговорах о «праве на самоопределение», «праве национального меньшинства на справедливость»; возникла даже склонность «стать на сторону слабого против грубых чехов».

Теперь было необходимо согласовать отступление с французским правительством. 18 сентября Даладье и Боннэ приехали в Лондон. Чемберлен в принципе уже решил принять требования Гитлера, которые были ему изложены в Берхтесгадене. Оставалось только сформулировать предложения, которые английские и французские представители в Праге должны были вручить чешскому правительству. Французские министры привезли ряд проектов предложений, которые, бесспорно, были составлены более искусно. Они не поддерживали идею плебисцита, потому что, по их мнению, это могло бы вызвать требование новых плебисцитов в словацких и русинских районах. Они выступали за прямую передачу Судетской области Германии. Французские министры добавили, однако, что английскому правительству совместно с Францией и с *Россией*, с которой они не консультировались, следует гарантировать новые границы изувеченной Чехословакии. Английский и французский кабинеты были в то время похожи на две стиснутые перезрелые дыни, в то время как больше всего был нужен блеск стали. В одном они были все согласны — с че-

[1] Feiling. Op. cit. P. 367.

хами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже.

Передавая свое решение, или, вернее, ультиматум, чехам, Англия и Франция заявили: «Французское и английское правительства понимают, какой великой жертвы ожидают от Чехословакии. Они сочли своим долгом откровенно изложить совместно условия, абсолютно необходимые для безопасности... Премьер-министр должен возобновить переговоры с Гитлером не позднее среды, а если возможно, то и раньше. Мы поэтому считаем, что должны просить вашего скорейшего ответа». Предложения, включавшие немедленную передачу Германии всех районов Чехословакии, где процент немцев среди населения составлял больше половины, были таким образом вручены чехословацкому правительству во второй половине дня 19 сентября.

* * *

В 2 часа ночи на 21 сентября английский и французский посланники в Праге посетили президента Бенеша, чтобы фактически уведомить его о том, что нет надежды на арбитраж на основе германо-чехословацкого договора 1925 года, и чтобы призвать его принять англо-французские предложения, «*прежде чем вызвать ситуацию, за которую Франция и Англия не могут взять на себя ответственность*». Французское правительство по крайней мере достаточно стыдилось этого уведомления и предложило своему посланнику сделать его только в устной форме. Под этим нажимом чешское правительство приняло 21 сентября англо-французские предложения.

* * *

В тот же день, 21 сентября, я передал в печать в Лондон следующее заявление о кризисе:

«Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставил эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее. Одна лишь нейтрализация Чехословакии означает высвобождение 25 германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту; кроме того, она откроет торжествующим нацистам путь к Черному морю. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран. Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, — роковое заблуждение. Военный

потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны».

* * *

21 сентября на заседании ассамблеи Лиги Наций Литвинов выступил с официальным предостережением:

«...В настоящее время пятое государство — Чехословакия испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии.

Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня-завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность...

Такое событие, как исчезновение Австрийского государства, прошло незамеченным для Лиги Наций. Сознавая значение, которое это событие должно иметь для судеб всей Европы и в первую очередь для Чехословакии, Советское правительство сейчас же после аншлюса обратилось официально к другим великим европейским державам с предложением о немедленном коллективном обсуждении возможных последствий этого события с целью принятия коллективных предупредительных мер. К сожалению, это предложение, осуществление которого могло избавить нас от тревог, испытываемых ныне всем миром, о судьбе Чехословакии, не было оценено по достоинству.

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом... Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило Советское правительство, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это Советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ».

Поистине поразительно, что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на

поведение Франции в данном кризисе. Мне приходилось слышать утверждения, что в силу географических условий Россия не имела возможности послать войска в Чехословакию и что помощь России в случае войны была бы ограничена скромной поддержкой с воздуха. Согласие Румынии, а также в меньшей степени Венгрии на пропуск русских войск через их территорию было, конечно, необходимо. Такого согласия вполне можно было бы добиться, по крайней мере от Румынии, как указывал мне Майский, с помощью нажима и гарантий великого союза под эгидой Лиги Наций. Из России в Чехословакию через Карпаты вели две железные дороги: северная, от Черновцов, через Буковину, и южная, по венгерской территории, через Дебрецен. Одни эти железные дороги, которые проходят далеко от Бухареста и Будапешта, вполне могли бы обеспечить снабжение русской армии в 30 дивизий. В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это.

* * *

Униженное англо-французскими предложениями чешское правительство вышло в отставку. Было создано беспартийное правительство во главе с генералом Сыровы, который во время первой мировой войны командовал чешскими легионами в Сибири. 22 сентября президент Бенеш обратился по радио к чешскому народу с исполненным достоинства призывом к спокойствию. В то самое время, когда Бенеш готовился к выступлению, Чемберлен летел на второе свидание с Гитлером, на этот раз в Годесберге, в Рейнской области. Английский премьер-министр вез с собой как основу для окончательных переговоров с фюрером детальные англо-французские предложения, принятые чешским правительством. Он встретился с Гитлером в том самом отеле в Годесберге, откуда Гитлер поспешно выехал четырьмя годами раньше, чтобы расправиться с Ремом. С самого начала Чемберлен понял, что ему приходится иметь дело с тем, что он назвал «совершенно неожиданной ситуацией». По возвращении он так рассказал палате общин об этой сцене:

«Я надеялся, что по возвращении в Годесберг мне нужно будет лишь спокойно обсудить с ним привезенные мной пред-

ложения. Я был глубоко потрясен, когда в начале беседы мне сказали, что эти предложения неприемлемы и что они будут заменены такими новыми предложениями, каких я вовсе не имел в виду...»

Переговоры были прерваны до следующего дня. Все утро 23 сентября Чемберлен прошагал по балкону отеля. После завтрака он послал Гитлеру письмо, заявив о готовности передать новые германские предложения чешскому правительству, но указав на ряд серьезных затруднений. Ответ, присланный Гитлером во второй половине дня, мало свидетельствовал о намерении уступить. Чемберлен попросил, чтобы при заключительном свидании вечером ему вручили официальный меморандум с приложением карт. Чехи проводили мобилизацию, и правительства Англии и Франции официально сообщили своим представителям в Праге, что они не могут дальше брать на себя ответственность советовать чехам отменить мобилизацию. В 10 часов 30 минут вечера Чемберлен снова встретился с Гитлером. Предоставим лучше слово самому Чемберлену:

«Меморандум и карта были вручены мне при последнем свидании с канцлером, которое началось в половине одиннадцатого и продолжалось до глубокой ночи. Впервые в меморандуме был указан определенный срок. Ввиду этого я говорил в данном случае очень откровенно. Я подчеркнул со всей возможной решительностью весь риск, сопряженный с настойчивым требованием подобных условий, а также страшные последствия войны в случае ее возникновения. Я заявил, что язык и тон этих документов, которые я назвал скорее ультиматумом, чем меморандумом, глубоко шокируют общественное мнение в нейтральных странах. Я горько упрекнул канцлера за то, что он никак не откликнулся на мои усилия по сохранению мира.

Я должен добавить, что Гитлер подтвердил со всей серьезностью сказанное им мне в Берхтесгадене, а именно, что это последнее его территориальное притязание в Европе и что у него нет желания включать в рейх народы других рас, кроме германской».

Чемберлен вернулся в Лондон днем 24 сентября. На следующий день состоялись три заседания кабинета. Настроение и в Лондоне, и в Париже стало заметно решительнее. Было решено отклонить условия, поставленные в Годесберге, и об этом сообщили германскому правительству. Французский кабинет одобрил это решение, и частичная мобилизация во Франции была проведена быстро и более успешно, чем предполагали. Вечером 25 сентября французские министры снова приехали в Лондон и неохотно подтвердили свое обязательство в отношении чехов. На следующий день сэр Горас Вильсон был послан с личным письмом к Гитлеру в Берлин — за три часа до выступления Гитлера в Спортпаласе. Единственным

ответом, которого смог добиться сэр Горас, было то, что Гитлер не отступит от срока, назначенного в годесбергском ультиматуме, а именно, что в субботу 1 октября он вступит на соответствующие территории, если к двум часам дня в среду 28 сентября не получит согласия чехов.

В тот же вечер Гитлер выступил с речью в Берлине. Он упомянул об Англии и Франции в духе примирения, обрушившись в то же время с грубыми и резкими нападками на Бенеша и чехов. Он заявил категорически, что чехи должны очистить Судетскую область к 26 сентября и что после этого дальнейшие события в Чехословакии его интересовать не будут. «*Это мое последнее территориальное притязание в Европе*», — сказал он.

Чемберлен получил ответ Гитлера на письмо, посланное через сэра Гораса Вильсона. Этот ответ дал проблеск надежды. Гитлер соглашался участвовать в совместной гарантии новых границ Чехословакии и дать заверения насчет способа проведения нового плебисцита. Времени терять было нельзя. Срок германского ультиматума, содержавшегося в годесбергском меморандуме, истекал в два часа пополудни на следующий день, в среду 28 сентября. Поэтому Чемберлен составил следующее личное обращение к Гитлеру:

«Прочитав Ваше письмо, я вполне уверен, что Вы можете добиться всех основных целей без войны и без промедления. Я готов сам немедленно приехать в Берлин, чтобы обсудить порядок передачи вместе с Вами и с представителями чешского правительства, а также, если Вы этого пожелаете, с представителями Франции и Италии. Я убежден, что мы могли бы прийти к соглашению за одну неделю»[1].

В то же время он послал Муссолини телеграмму с уведомлением об этом последнем призыве к Гитлеру:

«Я надеюсь, что Ваше превосходительство сообщит германскому канцлеру о согласии быть представленным и призовет его принять мое предложение, которое спасет наши народы от войны».

Вечером 27 сентября французский посол в Берлине получил указание сделать новые дополнительные предложения о расширении территории Судетской области, которая подлежала немедленной германской оккупации. В то время когда Франсуа-Понсе был у Гитлера, от Муссолини пришла телеграмма, рекомендовавшая принять предложение Чемберлена о совещании и извещавшая о согласии Италии принять в нем участие. В три часа пополудни 28 сентября Гитлер послал телеграммы Чемберлену и Даладье с предложением встретиться на следующий день в Мюнхене вместе с Муссолини. В этот самый

[1] Ibid. P. 372.

момент Чемберлен выступал в палате общин с общим обзором последних событий. Незадолго до конца его выступления лорд Галифакс, сидевший на галерее для пэров, передал ему телеграмму с приглашением в Мюнхен. В этот момент Чемберлен рассказывал о письме, которое он послал Муссолини, и о результатах этого шага:

«Гитлер согласился отложить мобилизацию на 24 часа... Это еще не все. Я могу сообщить палате еще кое-что. Гитлер сейчас уведомил меня, что он приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он пригласил также Муссолини и Даладье. Муссолини дал согласие, и я не сомневаюсь, что Даладье поступит так же. Мне нет нужды говорить, каков будет мой ответ... Палата, я уверен, согласится отпустить меня сейчас, чтобы я мог подумать о том, что может дать это последнее усилие».

Итак, Чемберлен вылетел в Германию в третий раз.

* * *

Об этом памятном свидании было написано очень много. Здесь возможно только подчеркнуть некоторые его характерные особенности. Россия не была приглашена. Точно так же и самим чехам не позволили присутствовать на совещании. Правительство Чехословакии было уведомлено вечером 28 сентября в нескольких словах о том, что на следующий день состоится совещание представителей четырех европейских держав. Согласие между «большой четверкой» было достигнуто без промедления. Переговоры начались в полдень и продолжались до двух часов ночи. Меморандум был составлен и подписан в два часа ночи 30 сентября. По существу это было принятие годесбергского ультиматума. Эвакуация Судетской области должна была быть проведена в пять этапов, начиная с 1 октября, и закончена за 10 дней. Окончательное определение границ предоставлялось международной комиссии. Документ был вручен чешским делегатам, которым позволили приехать в Мюнхен узнать о решении.

Пока трое государственных деятелей ожидали составления экспертами окончательного документа, премьер-министр спросил Гитлера, не хочет ли он поговорить с ним конфиденциально. Гитлер «ухватился за эту мысль»[1]. Двое деятелей встретились в мюнхенской квартире Гитлера утром 30 сентября. При беседе не было никого, кроме переводчика. Чемберлен предложил следующий, подготовленный им, проект декларации, где говорилось:

«Мы, фюрер и канцлер Германии и английский премьер-министр, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно при-

[1] Ibid. P. 376.

шли к убеждению, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга.

Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочел эту записку и подписал ее без возражений.

В тайных беседах со своим итальянским сообщником он, вероятно, обсуждал менее дружелюбные решения. Весьма показательно письмо, написанное Муссолини Гитлеру в июне 1940 года и опубликованное недавно:

Рим. 26 июня 1940 года

«Фюрер! Теперь, когда пришло время разделаться с Англией, я напоминаю Вам о том, *что я сказал Вам в Мюнхене о прямом участии Италии в штурме острова.* Я готов участвовать в нем сухопутными и воздушными силами, и Вы знаете, насколько я этого желаю. Я прошу Вас дать ответ, чтобы я мог перейти к действиям. В ожидании этого дня шлю Вам товарищеский привет.

Муссолини»[1].

Нет никаких сведений о другом свидании Гитлера с Муссолини в *Мюнхене* в последующий период.

Чемберлен возвратился в Англию. В Хестоне, где приземлился его самолет, он помахал совместной декларацией, которую он дал подписать Гитлеру, и прочел ее толпе видных деятелей и других лиц, собравшихся приветствовать его. Когда его автомобиль ехал с аэродрома мимо громко приветствовавшей его толпы, Чемберлен сказал сидевшему рядом с ним Галифаксу: «Все это кончится через три месяца». Однако из окна здания на Даунинг-стрит он снова помахал своим клочком бумаги и сказал следующее: «Вторично из Германии на Даунинг-стрит привезен почетный мир. Я верю, что это будет мир для нашего времени».

* * *

Мы располагаем сейчас также ответом фельдмаршала Кейтеля на конкретный вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе:

[1] Les lettres secretes par Hitler et Mussolini. Introduction de Andre Francois-Poncet.

«Представитель Чехословакии полковник Эгер спросил фельдмаршала Кейтеля: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?»

Фельдмаршал Кейтель ответил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии»[1].

* * *

Здесь, пожалуй, будет уместно изложить некоторые принципы морали и поведения, которые могут послужить руководством в будущем. Подобный случай никогда нельзя рассматривать в отрыве от обстановки. В момент события многие факты могут остаться неизвестными, и их оценка поневоле основывается главным образом на догадках, на которые влияют общие настроения и цели того, кто пытается вынести суждение. Те, кто по темпераменту и характеру склонны искать ясных и коренных решений, кто готов драться при малейшем вызове со стороны иностранной державы, не всегда оказывались правы. С другой стороны, те, кто обычно склоняет голову и терпеливо и упорно ищет мирного компромисса, не всегда не правы. Наоборот, в большинстве случаев, они могут оказываться правыми не только с моральной, но и с практической точки зрения. Сколько войн было предотвращено с помощью терпения и упорной доброй воли! Религия и добродетель в равной степени одобряют смирение и покорность в отношениях не только между людьми, но и между нациями. Сколько войн было вызвано горячими головами! Сколько недоразумений, вызвавших войны, можно было бы устранить с помощью выжидания! Как часто страны вели жестокие войны, а затем, через несколько лет мира, оказывались не только друзьями, но и союзниками!

Нагорная проповедь — последнее слово христианской этики. Все уважают квакеров. Однако министры принимают на себя ответственность за управление государствами на иных условиях. Их первый долг — поддерживать такие отношения с другими государствами, чтобы избегать столкновений и войны и сторониться агрессии в какой бы то ни было форме, будь то в националистических или идеологических целях. Однако безопасность государства, жизнь и свобода сограждан, которым они обязаны своим положением, позволяют и требуют не отказываться от применения силы в качестве последнего средства или когда возникает окончательное и твердое убеждение в ее

[1] Reynaud Paul. La France a sauve l'Europe. Vol. 1. P. 561.

необходимости. Если обстоятельства этого требуют, нужно применить силу. А если это так, то силу нужно применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть. Таковы мучительные дилеммы, с которыми человечество так часто сталкивалось на протяжении своей истории. Окончательный приговор в таких случаях может произнести только история в соответствии с фактами, которые были известны сторонам в момент события, а также с теми фактами, которые выяснились позже.

Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой, имевшей ужасные последствия. В этом деле, как в фокусе, сосредоточились не только соображения мудрой и справедливой политики, но и рыцарства, чести и сочувствия маленькому народу, оказавшемуся под угрозой. Великобритания, которая, несомненно, вступила бы в борьбу, если бы была связана договорными обязательствами, оказалась все-таки глубоко замешанной в этом деле. Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь.

Глава восемнадцатая

МЮНХЕНСКАЯ ЗИМА

30 сентября Чехословакия склонилась перед мюнхенскими решениями. «Мы хотим, — сказали чехи, — заявить перед всем миром о своем протесте против решений, в которых мы не участвовали». Президент Бенеш вышел в отставку потому, что «он мог бы оказаться помехой развитию событий, к которому должно приспосабливаться наше новое государство». Бенеш уехал из Чехословакии и нашел убежище в Англии. Расчленение чехословацкого государства шло в соответствии с соглашением. Однако немцы были не единственными хищниками, терзавшими труп Чехословакии. Немедленно после заключения Мюнхенского соглашения 30 сентября польское правительство направило чешскому правительству ультиматум, на который надлежало дать ответ через 24 часа. Польское правительство потребовало немедленной передачи ему пограничного района Тешин. Не было никакой возможности оказать сопротивление этому грубому требованию.

Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и небла-

годарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости.

Нам еще предстоит рассказать о неудаче их военных приготовлений и планов; о надменности и ошибках их политики; об ужасных бойнях и лишениях, на которые они обрекли себя своим безумием. Однако мы всегда найдем у них вечное стремление бороться с тиранией и готовность переносить с изумительной твердостью все мучения, которые они вечно на себя навлекают.

Венгры также были несколько причастны к мюнхенскому совещанию. Хорти побывал в Германии в августе 1938 года, но Гитлер проявил большую сдержанность. Хотя он долго беседовал с регентом Венгрии днем 23 августа, он не сообщил ему срока намеченных им действий против Чехословакии. «Ему самому время неизвестно. Всякий, кто захочет участвовать в пиршестве, должен помочь в его приготовлении». Однако час пиршества не был сообщен. Впрочем, теперь венгры выдвинули свои претензии.

* * *

Сейчас, когда мы все пережили годы сильнейшего морального и физического напряжения и трудов, нелегко нарисовать для нового поколения картину страстей, которые разгорелись в Англии в связи с Мюнхенским соглашением. В среде консерваторов в семьях и среди ближайших друзей возникли та-

кие конфликты, каких я никогда не видел. Мужчины и женщины, которых связывали давние партийные, светские и семейные узы, смотрели друг на друга с гневом и презрением. Разрешить этот спор не могли ликующие толпы, которые приветствовали Чемберлена по пути с аэродрома или на Даунинг-стрит и окрестных улицах. Его не могли разрешить и усилия партийных организаторов. Мы, оказавшиеся в то время в меньшинстве, не обращали внимания ни на насмешки, ни на злобные взгляды сторонников правительства. Кабинет был потрясен до основания, но дело было сделано, и члены кабинета поддерживали друг друга. Только один министр поднял свой голос. Военно-морской министр Дафф Купер отказался от своего высокого поста, которому он придал особое достоинство мобилизацией флота. В тот момент, когда Чемберлен господствовал над подавляющей частью общественного мнения, Дафф Купер пробился через ликующую толпу, чтобы заявить о полном несогласии с ее вождем.

При открытии трехдневных прений по вопросу о Мюнхене он произнес речь о своей отставке. Это было ярким эпизодом в нашей парламентской жизни. Дафф Купер говорил легко, без всяких записок, и в течение сорока минут держал в своей власти враждебное большинство своей партии. Лейбористам и либералам, которые были яростными противниками правительства того времени, было легко аплодировать ему. Это была ссора, раздиравшая партию тори. Некоторые из высказанных им истин необходимо привести здесь:

«Все это время существовало глубокое разногласие между премьер-министром и мной. Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он лучше понимает язык бронированного кулака...

Премьер-министр доверяет доброй воле и слову Гитлера, хотя, когда Гитлер нарушил Версальский договор, он обещал соблюдать Локарнский. Когда Гитлер нарушил Локарнский договор, он обязался больше ни во что не вмешиваться и не предъявлять дальнейших территориальных претензий в Европе. Когда он силой вторгся в Австрию, он уполномочил своих подручных дать авторитетное заверение, что не будет вмешиваться в дела Чехословакии. Это было менее шести месяцев назад. И все же премьер-министр считает, что он может полагаться на добросовестность Гитлера».

* * *

Длительные прения не уступали по силе страстям, бушевавшим вокруг проблем, поставленных на карту. Я хорошо помню, что буря, которой были встречены мои слова: «Мы потерпели полное и абсолютное поражение», заставила меня сделать паузу,

прежде чем продолжать речь. Многие искренне восхищались упорными и непоколебимыми усилиями Чемберлена сохранить мир и его личными трудами в этом деле. В нашем рассказе невозможно не отметить многочисленные просчеты и неверные оценки людей и фактов, на которых основывался Чемберлен. Однако мотивы, которыми он руководствовался, никогда не вызывали сомнений, а путь, по которому он шел, требовал величайшего морального мужества. Этим качествам я воздал должное два года спустя в речи после его кончины. Палата общин 366 голосами против 114 одобрила политику правительства его величества, «которая во время недавнего кризиса предотвратила войну». 30 или 40 несогласных с правительством консерваторов могли только выразить свое неодобрение, воздержавшись от голосования. Так мы и сделали — дружно и официально.

В своем выступлении я сказал:

«По-моему, если бы чехов предоставили самим себе, если бы им сказали, что они не получат помощи от западных держав, они могли бы добиться лучших условий, чем те, которые они получили в результате всех этих колоссальных пертурбаций. Вряд ли условия могли быть хуже.

Все кончено. Молчаливая, скорбная, покинутая, сломленная Чехословакия скрывается во мраке. Она во всех отношениях пострадала от связей с Францией, чьей политикой она так долго руководствовалась...

Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти. Именно чтобы помешать этому, я всеми силами настаивал на укреплении всех твердынь обороны: во-первых, на своевременном создании военно-воздушных сил, которые превосходили бы любые другие, способные достигнуть наших берегов; во-вторых, на сплочении коллективной мощи многих стран и, в-третьих, на заключении союзов и военных конвенций, конечно, в рамках Устава, для того, чтобы собрать силы и хотя бы задержать поступательное движение этой державы. Все это оказалось тщетным. Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: "Тебя взвесили и нашли легковесным". И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту

свободы, вновь обретя могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию».

* * *

После того как прошло чувство облегчения, вызванное Мюнхенским соглашением, Чемберлен и его правительство столкнулись с острой дилеммой. Премьер-министр сказал: «Я верю, что это будет мир для нашего времени». Однако большинство его коллег хотело использовать «наше время» для скорейшего перевооружения. На этой почве возник раскол в кабинете. Чувство тревоги, вызванное мюнхенским кризисом, яркое разоблачение наших нехваток, в особенности нехватки зенитных орудий, требовали решительного перевооружения. Возникло сильное движение за энергичное перевооружение. Оно, конечно, подвергалось критике со стороны германского правительства и инспирированной им печати. Однако насчет мнения английского народа не могло быть сомнений. Радуясь тому, что премьер-министр спас нас от войны, громкими овациями приветствуя мир, народ в то же время остро ощущал потребность в оружии. Все военные министерства выдвинули свои требования и указывали на тревожные нехватки, выявившиеся во время кризиса. Кабинет пришел к приемлемому компромиссу, решив вести всю возможную подготовку, не нарушая торговли страны и не раздражая немцев и итальянцев мерами широких масштабов.

* * *

1 ноября совершенно ничтожная личность, д-р Гаха, была избрана на вакантный пост президента остатков Чехословакии. В Праге пришло к власти новое правительство. «Положение в Европе и во всем мире, — заявил министр иностранных дел этого несчастного правительства, — не таково, чтобы мы могли надеяться на период спокойствия в ближайшем будущем». Гитлер придерживался того же мнения. Официальный дележ добычи был произведен Германией в начале ноября. Тешин так и остался оккупированным Польшей. Словаки, которых Германия использовала как пешку на шахматной доске, получили ненадежную автономию. Венгрия получила кусок мяса за счет Словакии. Когда вопрос об этих последствиях Мюнхена был поднят в палате общин, Чемберлен пояснил, что французское и английское предложение о международных гарантиях Чехословакии, которое было сделано после заключения Мюнхенского пакта, касалось не существующих границ этого государства, но лишь гипотетического случая неспровоцированной агрессии.

«В настоящее время, — сказал он весьма хладнокровно, — мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версальским договором... Пересмотр идет, и что касается венгерской границы, то Чехословакия и Венгрия согласились считать окончательным арбитраж Германии и Италии».

* * *

Спорили о том, кто больше выиграл в силе за год, последовавший за Мюнхеном, — Гитлер или союзники. Многие люди в Англии, знавшие о нашей беззащитности, испытывали облегчение, когда с каждым месяцем развивались наши воздушные силы и приближался выпуск самолетов типа «харрикейн» и «спитфайр». Число эскадрилий росло, как и количество зенитных орудий. Точно так же общие темпы подготовки промышленности к войне продолжали ускоряться. Однако какими бы неоценимыми ни казались эти достижения, они были пустяками по сравнению с могучим ростом вооружений Германии. Как уже разъяснялось выше, производство вооружений по общенациональному плану — задача, требующая четырех лет. Первый год не дает ничего, второй — очень мало, третий — много, а четвертый — изобилие. Гитлеровская Германия в этот период переживала уже третий или четвертый год интенсивной подготовки в таких жестких условиях, которые были почти равны условиям военного времени. Англия, с другой стороны, двигалась вперед без стимула срочности, при более слабых импульсах и в значительно меньших масштабах. В 1938—1939 годах все военные расходы Англии достигли суммы 304 миллиона фунтов стерлингов[1], а расходы Германии равнялись по меньшей мере полутора миллиардам фунтов. В этот последний год перед войной Германия выпускала, вероятно, по крайней мере вдвое, а может быть, и втрое больше оружия, чем Англия и Франция, взятые вместе. Ее большие танковые заводы, вероятно, уже перешли к работе на полную мощность. Поэтому немцы получали оружие гораздо быстрее, чем мы.

Покорение Чехословакии лишило союзников чешской армии из 21 регулярной дивизии, 15 или 16 уже мобилизованных дивизий второго эшелона, а также линии чешских горных крепостей, которая в дни Мюнхена требовала развертывания 30 германских дивизий, то есть основных сил мобильной и полностью подготовленной германской армии. По свидетельствам генералов Гальдера и Йодля, во время мюнхенских переговоров на Западе оставалось только 13 германских дивизий, из

[1] 1937—1938 гг.— 234 млн. фунтов стерлингов, 1938—1939 гг.— 304 млн. фунтов, 1939—1940 гг.— 367 млн. фунтов. — *Примеч. авт.*

которых лишь пять состояли из кадровых солдат. Бесспорно, что из-за падения Чехословакии мы потеряли силы, равные примерно 35 дивизиям. Кроме того, в руки противника попали заводы «Шкода» — второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года выпустил почти столько же продукции, сколько выпустили все английские военные заводы за то же время. В то время как вся Германия трудилась под усиленным нажимом, почти равным напряжению военного времени, французские рабочие еще в начале 1936 года добились желанной 40-часовой недели.

Еще более катастрофическим было изменение в соотношении сил французской и германской армий. С каждым месяцем после 1938 года германская армия росла не только по численности личного состава, числу соединений и в отношении накопления резервов, но и по качеству и зрелости. Прогресс в подготовке войск и в их опытности шел рука об руку с непрерывным ростом вооружений. Во французской армии не было подобных улучшений и роста. Ее догоняли во всех отношениях. В 1935 году Франция без помощи своих прежних союзников могла бы вторгнуться в Германию и снова оккупировать ее почти без серьезных боев. В 1936 году все еще не могло быть никаких сомнений в ее подавляющем превосходстве. Из германских источников мы теперь знаем, что такое же положение сохранялось и в 1938 году. Именно сознание слабости заставило германское верховное командование прилагать все силы, чтобы удерживать Гитлера от каждого из успешных ударов, которые укрепили его славу. В последовавший за Мюнхеном год, который мы сейчас рассматриваем, германская армия приближалась к полной боевой готовности, хотя у нее было меньше обученных резервов, чем у французов. Поскольку источником сил этой армии служило население, вдвое превосходившее по численности население Франции, полное превосходство германской армии над французской было лишь вопросом времени. Немцы имели преимущество и в моральном состоянии. Отказ от помощи союзнику, в особенности под воздействием страха перед войной, подрывает дух армии. Сознание того, что их заставляют уступить, приводит в уныние и офицеров, и солдат. В то время как в Германии уверенность, успех и сознание растущей мощи разжигали воинственные инстинкты расы, признание собственной слабости обескураживало французских военных любых рангов.

* * *

Однако в одном весьма важном отношении мы начали догонять Германию и улучшать наше собственное положение. В

1938 году процесс замены английских истребителей-бипланов вроде «гладиаторов» современными типами «харрикейн», а позднее «спитфайр» еще только начался. Фактически 1938 год застал нас прискорбно отсталыми в отношении качества, и, хотя в 1939 году мы кое-что сделали, чтобы ликвидировать неравенство сил, наше положение было все же сравнительно хуже, чем в 1940 году, когда пришел час испытания.

В 1938 году мы были совершенно не подготовленными для отражения воздушных налетов на Лондон. Однако решающая воздушная битва за Англию была невозможна, пока немцы не заняли Францию, а также Голландию и Бельгию и не получили таким образом необходимые базы на близком расстоянии от наших берегов. Без этих баз истребители того времени не могли бы эскортировать свои бомбардировщики. Германские армии были неспособны нанести французам поражение в 1938 или 1939 году.

Колоссальный выпуск танков, с помощью которых немцы прорвали французский фронт, начал осуществляться только в 1940 году. В условиях превосходства сил Франции на Западе и существования незавоеванной Польши на Востоке немцы, конечно, не могли бы сосредоточить все силы своей авиации против Англии, как они смогли это сделать после того как принудили Францию к капитуляции. При этом не приняты в расчет ни позиция России, ни сопротивление, которое могла оказать Чехословакия.

По всем вышеперечисленным причинам год передышки, который был якобы выигран в Мюнхене, поставил Англию и Францию по сравнению с гитлеровской Германией в гораздо худшее положение, чем то, в котором они находились в момент мюнхенского кризиса.

Наконец, нужно напомнить такой потрясающий факт: за один-единственный 1938 год Гитлер в результате аннексии присоединил к рейху и подчинил своей абсолютной власти 6 миллионов 750 тысяч австрийцев и 3 миллиона 500 тысяч судетских немцев — всего свыше 10 миллионов подданных, работников и солдат. Действительно, страшная чаша весов склонилась в его пользу.

Глава девятнадцатая

ПРАГА, АЛБАНИЯ И ПОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ
(Январь—апрель 1939 г.)

Чемберлен продолжал верить, что для обеспечения заметного улучшения международной обстановки ему нужно лишь установить личный контакт с диктаторами. Он не подозревал,

что они уже приняли решение. Окрыленный надеждами, он предложил приехать вместе с лордом Галифаксом в Италию в январе. После некоторой задержки приглашение было получено, и встреча состоялась 11 января. Невольно приходится краснеть, читая в «Дневнике» Чиано замечания, которые делались за нашей спиной в Италии по адресу нашей страны и ее представителей.

«В сущности, — пишет Чиано, — визит имел малое значение... Действенный контакт не был установлен. Как далеки мы от этих людей! Это совершенно иной мир. Мы говорили об этом с дуче после обеда. "Эти люди, — сказал Муссолини, — сделаны из другого материала, чем Фрэнсис Дрейк и другие великолепные искатели приключений, создавшие империю. В конечном счете это — утомленные потомки многих поколений богачей..."».

«Англичане, — отметил Чиано, — не хотят сражаться. Они пытаются отступать как можно медленнее, но они не хотят сражаться... Наши переговоры с англичанами окончены. Ничего не было достигнуто. Я сообщил Риббентропу по телефону, что это — фиаско, абсолютно лишенное значения... Глаза Чемберлена наполнились слезами, когда поезд тронулся и его соотечественники запели: "Он хороший парень". "Что это за песенка?" — спросил Муссолини»[1].

18 января Риббентроп побывал в Варшаве для того, чтобы начать дипломатическое наступление на Польшу. За поглощением Чехословакии должно было последовать окружение Польши. На первом этапе этой операции предполагалось отрезать Польшу от моря утверждением германского суверенитета над Данцигом и распространением германского господства на Балтике до важного литовского порта Мемель. Польское правительство оказало сильное сопротивление этому нажиму, и некоторое время Гитлер присматривался и ожидал времени года, благоприятного для открытия кампании.

В течение второй недели марта распространились слухи о передвижении войск в Германии и Австрии, в особенности в районе Вены, Зальцбурга. Говорили, что 40 германских дивизий мобилизованы и доведены до численности военного времени. Словаки, уверенные в поддержке Германии, замышляли отделение своей территории от Чехословацкой Республики. С облегчением увидев, что тевтонский ветер дует в другую сторону, полковник Бек публично заявил в Варшаве, что его правительство полностью сочувствует чаяниям словаков. Вождь словаков отец Тисо был принят Гитлером в Берлине с почестями, подобающими премьер-министру. Отвечая 12 марта на запрос в парламенте о гарантии чехословацкой границы,

[1] Ciano, Diary. 1939—1943 (Edited by Malcolm Muggeridge). P. 9—10.

Чемберлен напомнил палате, что эти гарантии имели в виду неспровоцированную агрессию. Такой агрессии еще не было. Однако ждать ему пришлось недолго.

* * *

В эти мартовские дни в Англии распространилась волна какого-то порочного оптимизма. Несмотря на то, что в Чехословакии возрастало напряжение под немецким нажимом извне и изнутри, те английские газеты и министры, чьи имена были связаны с Мюнхенским соглашением, не теряли веры в политику, в которую они вовлекли страну. Даже отделение Словакии в результате постоянных нацистских интриг и заметное передвижение войск в Германии не помешали министру внутренних дел говорить перед избирателями 10 марта о своих надеждах на «пятилетний план мира», который должен своевременно привести к «золотому веку». Все еще обсуждался в оптимистическом тоне план заключения торгового договора с Германией. Знаменитый журнал «Панч» поместил рисунок, на котором был изображен Джон Булль, пробуждающийся со вздохом облегчения от кошмара, в то время как все страшные слухи, ночные фантазии и подозрения улетают через окно. В самый день опубликования этого рисунка Гитлер предъявил ультиматум шаткому чехословацкому правительству, которое в результате Мюнхенского соглашения лишилось своей линии укреплений. Германские войска, вступившие в Прагу, установили полный контроль над несопротивлявшимся государством. Помню, что я сидел с Иденом в курительной комнате палаты общин, когда принесли вечерние газеты с этим сообщением. Даже те, кто, подобно нам, не питал иллюзий и открыто говорил об этом, были удивлены внезапной яростью этого преступления. Трудно было поверить, чтобы располагавшее всей секретной информацией правительство его величества могло так ошибаться. 14 марта стало днем ликвидации и порабощения Чехословацкой Республики. Словаки официально провозгласили свою независимость. Венгерские войска, тайно поддержанные Польшей, вступили в восточную область Чехословакии — Закарпатскую Украину, которую они потребовали себе. Прибыв в Прагу, Гитлер провозгласил германский протекторат над Чехословакией, которая, таким образом, была включена в состав рейха.

15 марта Чемберлен был вынужден заявить в палате общин: «Оккупация Богемии германскими вооруженными силами началась сегодня в шесть часов утра. Чешский народ получил от своего правительства приказ не оказывать сопротивления». Затем он сказал, что гарантия, данная им Чехословакии, по его мнению, уже недействительна. Пятью месяцами раньше,

после Мюнхена, министр по делам доминионов сэр Томас Инскип сказал об этой гарантии: «Правительство его величества считает себя морально обязанным в отношении Чехословакии сохранять эту гарантию. Поэтому, в случае акта неспровоцированной агрессии против Чехословакии, правительство его величества будет, бесспорно, обязано принять все имеющиеся в его распоряжении меры для охраны целостности Чехословакии». «Таково, — сказал премьер-министр, — было положение до вчерашнего дня. Однако оно изменилось, поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство его величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством».

Это казалось окончательным. «Естественно, — сказал он в заключение, — что я горько сожалею о случившемся. Однако мы не допустим, чтобы это заставило нас свернуть с нашего пути. Будем помнить, что чаяния народов всего мира по-прежнему сосредоточены в надежде на мир».

Чемберлен должен был выступить в Бирмингеме двумя днями позже. В бирмингемской речи прозвучала новая нота. «Его тон, — пишет биограф Чемберлена, — был совсем иным... Располагая более полными сведениями и получив энергичные представления насчет мнения палаты, общественности и доминионов, он отложил в сторону давно написанную речь по внутренним вопросам и социальному обслуживанию и взял быка за рога». Он упрекнул Гитлера за грубое личное нарушение обязательств Мюнхенского соглашения. Он процитировал все данные Гитлером заверения: «Это мое последнее территориальное притязание в Европе»; «Я больше не заинтересован в Чешском государстве и могу гарантировать это. Нам не нужно больше чехов».

«Я убежден, — сказал премьер-министр, — что после Мюнхена значительное большинство английского народа разделяло мое искреннее желание проводить ту же политику и дальше. Однако сегодня я разделяю его разочарование, его негодование в связи с тем, что эти надежды так произвольно рассеяны. Как можно примирить события этой недели с заверениями, которые я вам прочитал?

Кто может не сочувствовать гордому мужественному народу, который так внезапно стал жертвой вторжения, свобода которого урезана и национальная независимость утрачена?

...Нам теперь говорят, что этот захват территории был продиктован беспорядками в Чехословакии... Если и были беспорядки, то разве они не были инспирированы извне?.. Последнее ли это нападение на малое государство, или же за ним последует новое? Не является ли это фактически шагом в направлении попытки добиться мирового господства силой?»

Изменение настроения Чемберлена не ограничилось словами. Следующим малым государством в списке Гитлера была Польша. Если учесть серьезность решения и необходимость проконсультироваться с очень многими, то последующий период был, вероятно, очень деятельным. Через две недели (31 марта) премьер-министр заявил в парламенте:

«Я должен теперь сообщить палате, что... в случае любых действий, которые будут явно угрожать независимости Польши и которым польское правительство ввиду этого сочтет жизненно важным оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство его величества будет считать себя обязанным сразу же оказать польскому правительству всю возможную поддержку. Оно дало польскому правительству заверение в этом смысле.

Могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает в этом вопросе такую же позицию, как и правительство его величества...»

* * *

Теперь мы приходим к кульминационному пункту этой печальной повести о неверных выводах, сделанных благонамеренными и способными людьми. Тот факт, что мы дошли до такого положения, возлагает вину перед историей на тех, кто нес за это ответственность, какими бы благородными мотивами они ни руководствовались. Оглянемся назад и посмотрим, с чем мы последовательно мирились или от чего отказывались: разоружение Германии на основании торжественно заключенного договора; перевооружение Германии в нарушение торжественно заключенного договора; ликвидация превосходства или даже равенства сил в воздухе; насильственная оккупация Рейнской области и строительство или начало строительства линии Зигфрида; создание оси Берлин—Рим; растерзанная и поглощенная рейхом Австрия; покинутая и загубленная мюнхенским сговором Чехословакия; переход ее линии крепостей в руки Германии; ее мощный арсенал «Шкода» выпускает отныне вооружение для германских армий; с одной стороны, отвергнутая попытка президента Рузвельта стабилизировать положение в Европе или добиться перелома вмешательством США, а с другой — игнорирование несомненного желания Советской России присоединиться к западным державам и принять любые меры для спасения Чехословакии; отказ от помощи 35 чехословацких дивизий против еще не созревшей немецкой армии, когда сама Великобритания могла послать только две дивизии для укрепления фронта во Франции. Все оказалось бесполезным.

И вот теперь, когда все эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия, ведя за собой Францию,

предлагает гарантировать целостность Польши — той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства. Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60—70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур. Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши. В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и ее превращению почти мгновенно в готовность пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах.

Кроме того, как могли бы мы защитить Польшу и осуществить свою гарантию? Только объявив войну Германии и атаковав более мощный Западный вал и более сильную германскую армию, чем те, перед которыми мы отступили в сентябре 1938 года. Вот вехи на пути к катастрофе. Таков перечень капитуляций перед непрерывно возраставшей мощью Германии — сначала, когда все было легко, и позднее, когда положение стало труднее. Однако теперь наконец Англия и Франция перестали уступать. Наконец было принято решение — в наихудший момент и на наихудшей основе, — решение, которое, несомненно, должно было привести к истреблению десятков миллионов людей. Это был пример того, как сторонники правого дела сознательно и со всей утонченностью извращенного искусства были вовлечены в смертельную борьбу, после того как столь непредусмотрительно были утрачены все их выгоды и преимущества.

Возможности организации какого бы то ни было сопротивления германской агрессии в Восточной Европе были теперь почти исчерпаны. Венгрия находилась в германском лагере. Польша отшатнулась от чехов и не желала тесного сотрудничества с Румынией. Ни Польша, ни Румыния не желали допустить действия русских против Германии через их территории. Ключом к созданию великого союза было достижение взаимопонимания с Россией. 18 марта русское правительство, которого все происходившее глубоко затрагивало, несмотря на то, что перед ним захлопнули дверь во время мюнхенского кризиса, предложило созвать совещание шести

держав. И в этом вопросе у Чемберлена было весьма определенное мнение. 26 марта он писал в частном письме:

«Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действенное наступление, даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением»[1].

Ввиду этого советское предложение о совещании шести держав было принято холодно, и его предали забвению.

Исчезла также возможность оторвать Италию от оси, чему отводилось такое видное место в английских официальных расчетах. 26 марта Муссолини произнес яростную речь, в которой подчеркнул итальянские притязания против Франции на Средиземном море. Втайне он замышлял распространение итальянского влияния на Балканах и в Адриатике, чтобы создать противовес продвижению Германии в Центральной Европе. Его планы вторжения в Албанию были уже готовы.

29 марта Чемберлен сообщил в парламенте о намерении удвоить территориальную армию с включением в нее, на бумаге, 210 тысяч человек (без оружия). 3 апреля начальник гитлеровского штаба Кейтель издал секретную «Директиву вооруженным силам на 1939—1940 годы», касавшуюся Польши. Она была зашифрована под названием «Белый план». Фюрер добавил следующие указания: «Подготовка должна быть проведена таким образом, чтобы операции могли начаться в любой момент, начиная с 1 сентября».

* * *

4 апреля правительство пригласило меня на завтрак в отеле «Савой» в честь польского министра иностранных дел полковника Бека, который прибыл с важным официальным визитом. Я встречался с ним годом раньше на Ривьере, где мы как-то завтракали вдвоем. Теперь я спросил его: «Удастся ли вам благополучно проехать на своем экстренном поезде через Германию в Польшу?» Он ответил: «Думаю, что на это у нас еще хватит времени».

* * *

Теперь нас ожидал новый кризис.

[1] Feiling. Op. cit. P. 603.

На рассвете 7 апреля 1939 года итальянские войска высадились в Албании и после короткой стычки оккупировали страну. Как Чехословакия должна была стать базой для агрессии против Польши, так Албании предназначалась роль трамплина для действий Италии против Греции и для нейтрализации Югославии. Английское правительство уже взяло на себя обязательство в интересах сохранения мира в Северо-Восточной Европе. Но что было делать с угрозой, возникавшей на юго-востоке? Корабль мира дал течь во многих местах.

9 апреля я писал премьер-министру:

«Мне кажется, что сейчас счет идет на часы. Нам совершенно необходимо вернуть себе дипломатическую инициативу. Сейчас этого уже невозможно добиться такими мерами, как декларации, денонсирование англо-итальянского соглашения или отозвание нашего посла.

Сейчас на карту поставлен ни больше ни меньше как весь Балканский полуостров. Если эти государства будут и дальше подвергаться нажиму Германии и Италии, а мы будем им казаться неспособными к действию, они будут вынуждены договориться о наилучших для себя условиях с Берлином и Римом. В каком тяжелом положении мы окажемся в таком случае! У нас будут обязательства в отношении Польши, и мы будем поэтому вовлечены в дела Восточной Европы, и в то же время мы лишимся всякой надежды на тот широкий союз, который в случае его возникновения мог бы означать спасение».

* * *

15 апреля 1939 года, после объявления германского протектората над Богемией и Моравией, Геринг встретился с Муссолини и Чиано, чтобы информировать итальянцев о ходе подготовки Германии к войне. Протоколы этого совещания найдены. В одном месте — это выступление Геринга — говорится:

«Тяжелое вооружение Чехословакии показывает во всяком случае, каким опасным оно могло бы оказаться в случае серьезного столкновения, даже после Мюнхена. В результате действий Германии положение обеих стран оси улучшилось, в частности благодаря экономическим возможностям, открывшимся из-за переключения на Германию больших производственных мощностей Чехословакии. Это содействует значительному укреплению сил оси по сравнению с западными державами. Кроме того, Германии не нужно теперь держать наготове ни одной дивизии для обороны против этой страны на случай более крупного конфликта. Это также представляет собой преимущество, которым в конечном счете воспользуются обе страны оси... Акция Германии в Чехословакии должна считаться выгодной для держав оси. Германия могла бы теперь атаковать эту страну (Польшу) с двух

флангов. Ее авиация находится всего в 25 минутах полета от нового промышленного центра Польши, передвинутого из-за близости к границе в глубь страны, поближе к другим польским промышленным районам»[1].

«Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938 и весной 1939 года, а также аннексия Словакии, — заявил генерал Йодль на лекции несколько лет спустя, — округлили территорию Великой Германии таким образом, что стало возможно рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок»[2].

В день визита Геринга в Рим президент Рузвельт направил Гитлеру и Муссолини личное послание, в котором призывал их дать гарантию, что они не предпримут никакой дальнейшей агрессии в течение десяти «или даже двадцати пяти лет, если можно так далеко предвидеть будущее». Дуче сначала отказался прочесть этот документ, а затем заметил: «Следствие детского паралича!» В то время он не предполагал, что его самого постигнет худшее бедствие.

* * *

27 апреля премьер-министр принял важное решение ввести воинскую повинность, хотя сам не раз обещал не предпринимать такого шага.

Введение воинской повинности на том этапе, конечно, не дало нам армии. Повинность распространялась только на молодежь в возрасте двадцати лет. Ее надо было еще обучить, а затем и вооружить. Однако этот символический жест имел исключительно важное значение для Франции и Польши, а также для других стран, которые мы щедро одарили нашими гарантиями.

Хотя Чемберлен все еще надеялся предотвратить войну, было ясно, что он не станет колебаться, если она вспыхнет. По словам Фейлинга, он записал в своем дневнике: «Шансы Черчилля (на включение в состав правительства) улучшаются по мере того как война становится более вероятной, и наоборот»[3]. Это был, пожалуй, несколько пренебрежительный отзыв. Я думал не только о том, чтобы еще раз стать министром. Все же я понимал точку зрения премьер-министра. Он знал, что в случае войны ему придется обратиться ко мне, и правильно предполагал, что я откликнусь на призыв. С другой стороны, он опасался, что Гитлер расценит мое участие в правительстве как проявление враждебности и что это уничтожит

[1] Nurnberg Documents. Part 2. P. 106.

[2] Ibid. P. 107.

[3] Feiling. Op. cit. P. 406.

последние надежды на мир. Такая точка зрения была естественной, но неправильной. Тем не менее вряд ли можно винить Чемберлена за то, что он не хотел обострять столь серьезного и щекотливого положения ради включения в состав своего правительства определенного члена палаты общин.

В марте вместе с Иденом и тридцатью другими консерваторами я внес резолюцию с призывом создать национальное правительство. Летом в стране возникло значительное движение в поддержку такого шага или по крайней мере за включение в состав кабинета меня и Идена.

С течением времени почти все газеты по инициативе «Дейли телеграф» (от 3 июля), подхваченной «Манчестер гардиан», отразили такую тенденцию общественного мнения. Я был удивлен, видя, что эта точка зрения находит ежедневное постоянное выражение. В течение недель на лондонских витринах для афиш висели тысячи огромных плакатов: «Верните Черчилля!» Десятки молодых добровольцев, мужчин и женщин, носили плакаты с такими же лозунгами перед палатой общин. Я не имел ничего общего с такими методами агитации, но я, без сомнения, вошел бы в правительство, если бы мне это предложили. Однако удача сопутствовала мне и здесь, и события продолжали развиваться своим логическим, естественным и ужасным путем.

Глава двадцатая

СОВЕТСКАЯ ЗАГАДКА

Мы достигли периода, когда всякие отношения между Англией и Германией прекратились. Теперь мы, конечно, знаем, что со времени прихода Гитлера к власти между нашими двумя странами никогда не было никаких подлинных взаимоотношений. Гитлер только стремился путем уговоров или запугивания заставить Англию предоставить ему свободу рук в Восточной Европе, а Чемберлен лелеял надежду умиротворить Гитлера, перевоспитать его и наставить на путь истинный. Однако пришло время, когда рассеялись последние иллюзии английского правительства. Кабинет окончательно убедился, что нацистская Германия означает войну, и премьер-министр предложил гарантии и заключил союзы там, где это было еще возможно, независимо от того, могли ли мы оказать действенную помощь этим странам. К польской гарантии прибавилась гарантия, данная Румынии, а затем союз с Турцией.

Теперь нам придется вспомнить жалкий клочок бумаги, подписания которого Чемберлен добился от Гитлера в Мюнхене и которым он торжествующе размахивал перед толпой,

выходя из самолета в Хестоне. В этом документе он упомянул о двух связях, которые, по его предположению, существовали между ним и Гитлером и между Англией и Германией, а именно о Мюнхенском соглашении и англо-германском морском соглашении. Порабощение Чехословакии уничтожило первое из них. Теперь Гитлер отмахнулся от второго.

Выступая 28 апреля в рейхстаге, он заявил:

«Поскольку сегодня Англия в печати и официально поддерживает мнение о необходимости противодействовать Германии при всех обстоятельствах и подтверждает это известной нам политикой окружения, исчезло основание для морского договора. Поэтому я решил послать сегодня английскому правительству соответствующее уведомление. Для нас это не имеет практического, материального значения, поскольку я еще надеюсь на возможность предотвратить гонку вооружений с Англией; это вопрос самоуважения. Впрочем, если бы английское правительство пожелало снова вступить с Германией в переговоры по этой проблеме, никто не был бы так рад, как я, что еще имеется возможность достигнуть ясного и откровенного взаимопонимания»[1].

Англо-германское морское соглашение, которое было столь явно выгодным для Гитлера в важный и критический момент в его политике, изображалось теперь им как любезность в отношении Англии, блага которой могут быть отняты в знак немилости Германии. Фюрер оставлял английскому правительству надежду, что он, возможно, согласится обсуждать военно-морские проблемы с правительством его величества в будущем. Он, может быть, даже ожидал, что одураченные им прежде люди будут упорствовать в своей политике умиротворения. Ему это было теперь совершенно безразлично. У него была Италия, у него было превосходство в воздухе; у него были Австрия и Чехословакия со всеми вытекавшими отсюда последствиями. У него был его Западный вал. Что касается чисто морской области, он всегда строил подводные лодки с максимальной быстротой независимо от какого бы то ни было соглашения. В порядке формальности он всегда ссылался на свое право строить столько же, сколько англичане, но это ничуть не ограничивало германскую программу строительства подводных лодок. Что же касается более крупных кораблей, то он не мог полностью использовать щедрые возможности, предоставленные ему морским соглашением. Поэтому он сделал наглый и ловкий шаг, швырнув соглашение обратно в лицо простачкам, его заключившим.

[1] Hitler's Speeches. Vol. 2. P. 1626.

В той же речи Гитлер денонсировал германо-польский пакт о ненападении. В качестве непосредственного повода он привел англо-польскую гарантию,

«...которая, при известных обстоятельствах, заставит Польшу предпринять военные действия против Германии в случае столкновения между Германией и другой державой, в котором будет в свою очередь участвовать Англия. Это обязательство противоречит соглашению, которое я заключил некоторое время назад с маршалом Пилсудским... Поэтому я считаю, что соглашение односторонне нарушено Польшей и, таким образом, больше не существует. Я направил соответствующее уведомление польскому правительству...»

Изучив в то время эту речь, я писал в одной из своих статей:

«Денонсирование германо-польского пакта о ненападении 1934 года — чрезвычайно серьезный и угрожающий шаг. Этот пакт был подтвержден совсем недавно — в январе, когда Риббентроп посетил Варшаву. Подобно англо-германскому морскому соглашению, пакт был заключен по желанию Гитлера. Подобно морскому соглашению, он давал Германии явные выгоды. Оба соглашения облегчили положение Германии, когда она была слабой. Морское соглашение фактически было равносильно согласию Великобритании на нарушение военных статей Версальского договора. Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело гибельные последствия для этих несчастных стран. Он временно ослабил связи между Францией и Польшей и помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы. Теперь, когда он сослужил Германии свою службу, его отбросили односторонним актом. Тем самым Польшу поставили в известность, что теперь она включена в зону потенциальной агрессии».

* * *

Английскому правительству необходимо было срочно задуматься над практическим значением гарантий, данных Польше и Румынии. Ни одна из этих гарантий не имела военной ценности иначе как в рамках общего соглашения с Россией. Поэтому именно с этой целью 16 апреля начались наконец переговоры в Москве между английским послом и Литвиновым. Если учесть, какое отношение Советское правительство встречало до сих пор, теперь от него не приходилось ожидать многого. Однако 17 апреля оно выдвинуло официальное предложение, текст которого не был опубликован, о создании единого фронта взаимопомощи

между Великобританией, Францией и СССР. Эти три державы, если возможно, то с участием Польши, должны были также гарантировать неприкосновенность тех государств Центральной и Восточной Европы, которым угрожала германская агрессия. Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы защитить их от немцев и попутно включить в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три Прибалтийских государства не знали, чего они больше страшились — германской агрессии или русского спасения. Именно необходимость сделать такой жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции.

Однако даже сейчас не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России, провозгласить тройственный союз и предоставить методы его функционирования в случае войны на усмотрение союзников, которые тогда вели бы борьбу против общего врага. В такой обстановке господствуют иные настроения. Во время войны союзники склонны во многом уступать желаниям друг друга. Молот сражений гремит на фронте, и становятся хорошими любые возможные средства, которые в мирное время были бы неприемлемыми. В таком великом союзе, который мог бы возникнуть, одному союзнику было бы нелегко вступить на территорию другого без приглашения.

Однако Чемберлен и министерство иностранных дел стали в тупик перед этой загадкой сфинкса. Когда события движутся с такой быстротой и в такой массе, как было в данном случае, разумно делать не более одного шага за один раз. Союз между Англией, Францией и Россией[1] вызвал бы серьезную тревогу у Германии в 1939 году, и никто не может доказать, что даже тогда война не была бы предотвращена. Следующий шаг можно было бы сделать, имея перевес сил на стороне союзников.

[1] В 1939 г. предотвратить войну (или хотя бы отодвинуть) мог только союз Англии и Франции с СССР. Однако при переговорах между ними весной и летом 1939 г. возник кризис доверия. Западные державы, не желая связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к СССР, стремились навязать нашей стране неравноправное соглашение, взвалив всю тяжесть военных действий на Советский Союз. Советская сторона стояла за конкретные и реальные обязательства каждого участника соглашения и не шла на подписание деклараций общего типа (хотя и они в тот период могли отрезвляюще подействовать на агрессора). Обе стороны недооценивали опасность фашизма для каждой из них. В результате переговоры зашли в тупик. Оставшись в одиночестве, СССР принял предложение Германии заключить пакт о ненападении совместно с секретным протоколом, в котором ставился предел германскому продвижению на Восток. Это был реалистический ход, продиктованный политическим цейтнотом в условиях стремительно надвигавшейся угрозы войны.

Их дипломатия вернула бы себе инициативу. Гитлер не мог бы позволить себе ни начать войну на два фронта, которую он сам так резко осуждал, ни испытать неудачу. Очень жаль, что он не был поставлен в такое затруднительное положение, которое вполне могло бы стоить ему жизни. Государственные деятели призваны решать не только легкие вопросы. Последние часто разрешаются сами собой. Именно когда чаша весов колеблется, когда обстановка не ясна, возникает возможность принятия решений, которые могут спасти мир. Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение 1939 года, было жизненно важно опереться на более широкую надежду. Даже сейчас невозможно установить момент, когда Сталин окончательно отказался от намерения сотрудничать с западными демократиями и решил договориться с Гитлером. В самом деле, представляется вероятным, что такого момента вообще не было. Опубликование американским государственным департаментом массы документов, захваченных в архивах германского министерства иностранных дел, познакомило нас с рядом доселе неизвестных фактов. По-видимому, что-то произошло еще в феврале 1939 года. Это, впрочем, почти наверняка было связано с проблемами торговли, на которых сказывался статут Чехословакии после Мюнхена и которые требовали обсуждения между двумя странами. Включение Чехословакии в рейх в середине марта осложнило эти проблемы. У России были контракты с чехословацким правительством на поставки оружия заводами «Шкода». Какова должна быть судьба этих контрактов теперь, когда заводы «Шкода» стали германским арсеналом?

17 апреля статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вайцзекер записал, что русский посол посетил его в этот день впервые со времени вручения им верительных грамот почти за год до этого. Он спросил о контрактах заводов «Шкода». Вайцзекер ответил, что «нельзя сказать, чтобы для поставок военных материалов в Советскую Россию создавалась сейчас благоприятная атмосфера в связи с сообщениями о заключении русско-англо-французского воздушного пакта и тому подобное». В ответ на это советский посол перешел сразу от торговли к политике и спросил статс-секретаря, что он думает о германо-русских отношениях. Вайцзекер ответил, что, как ему кажется, «русская печать в последнее время не полностью разделяет антигерманский тон американских и некоторых английских газет». На это советский посол сказал: «Идеологические разногласия почти не отразились на русско-итальянских отношениях, и они не обязательно должны явиться препятствием также для Германии. Советская Россия не воспользовалась нынешними трениями между западными демократиями и Германией в ущерб последней, и у нее нет такого желания.

У России нет причин, по которым она не могла бы поддерживать с Германией нормальные отношения. А нормальные отношения могут делаться все лучше и лучше»[1].

Мы должны считать этот разговор многозначительным, в особенности ввиду одновременных переговоров в Москве между английским послом и Литвиновым и ввиду официального советского предложения от 17 апреля о заключении тройственного союза с Великобританией и Францией. Это было первым явным признаком сдвига в позиции России. С тех пор началась «нормализация» отношений с Германией, которая шла абсолютно параллельно переговорам о тройственном союзе против германской агрессии.

Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею», или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла.

4 мая я комментировал положение следующим образом:

«Самое главное — нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение. Английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства — Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь.

Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения. Если подобный фронт был бы создан со всей искренностью при помощи решительных и

[1] В отчетной телеграмме А. Ф. Мерекалова о беседе 17 апреля каких-либо высказываний полпреда относительно улучшения отношений СССР с Германией не содержится. Мерекалов приводит в отчете фразу Вайцзекера о том, что «Германия имеет принципиальные политические разногласия с СССР. Все же она хочет развить с ним экономические отношения» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 2036, л. 61—62).

действенных военных соглашений, то, в сочетании с мощью западных держав, он мог бы противопоставить Гитлеру, Герингу, Гиммлеру, Риббентропу, Геббельсу и компании такие силы, которым германский народ не захочет бросить вызов».

* * *

Вместо этого длилось молчание, пока готовились полумеры и благоразумные компромиссы. Эта проволочка оказалась роковой для Литвинова. Его последняя попытка добиться ясного решения от западных держав была осуждена на провал. Наши акции котировались очень низко. Для безопасности России требовалась совершенно иная внешняя политика, и нужно было найти для нее нового выразителя. 3 мая в официальном коммюнике из Москвы сообщалось, что «Литвинов освобожден от обязанностей народного комиссара по иностранным делам по его собственной просьбе и его обязанности будет выполнять премьер Молотов». Германский поверенный в делах в Москве сообщил 4 мая следующее:

«Поскольку Литвинов еще 2 мая принял английского посла и поскольку его фамилия была упомянута вчера в печати в числе почетных гостей на параде, его смещение, по-видимому, результат непосредственного решения Сталина... На последнем съезде партии Сталин призывал проявлять осторожность, чтобы не допустить вовлечения Советского Союза в конфликт. Считают, что Молотов (не еврей) "самый близкий друг и соратник Сталина". Его назначение, видимо, гарантирует, что внешняя политика будет дальше проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина».

Советские дипломатические представители за границей получили указания уведомить правительства, при которых они были аккредитованы, что эта перемена не означает изменения во внешней политике России. Московское радио объявило 4 мая, что Молотов будет продолжать политику обеспечения безопасности на Западе, которая в течение многих лет была целью Литвинова. Малоизвестный за пределами России, Молотов стал комиссаром по иностранным делам и действовал в самом тесном согласии со Сталиным. Он был свободен от всяких помех в виде прежних заявлений, свободен от атмосферы Лиги Наций, способен двигаться в любом направлении, которого, как могло казаться, требовало самосохранение России. Был, собственно говоря, только один путь, по которому он мог, вероятно, пойти теперь. Он всегда благосклонно относился к достижению договоренности с Гитлером. Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. Надвигавшаяся

буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе.

Смещение Литвинова ознаменовало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии.

* * *

Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес «плутодемократий». Статьи в газетах заверяли Советы, что германское «жизненное пространство» не распространяется на русскую территорию, что оно фактически оканчивается повсюду на русской границе. Следовательно, не могло быть причин для конфликта между Россией и Германией, если Советы не вступят с Англией и Францией в соглашения об «окружении». Германский посол граф Шуленбург, который был вызван в Берлин для длительных консультаций, вернулся в Москву с предложением о выгодных товарных кредитах на долгосрочной основе. Обе стороны двигались по направлению к заключению договора.

* * *

Человек, которого Сталин тогда выдвинул на трибуну советской внешней политики, заслуживает описания, которым в то время не располагали английское и французское правительства. Вячеслав Молотов — человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный. Он благополучно пережил все страшные случайности и испытания, которым все большевистские вожди подвергались в годы торжества революции. Он жил и процветал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождались постоянной угрозой личной ликвидации. Его черные усы и проницательные глаза, плоское лицо, словесная ловкость и невозмутимость хорошо отражали его достоинства и искусство. Он стоял выше всех среди людей, пригодных быть агентами и орудием политики машины, действие которой невозможно было предсказать. Я встречался с ним только на равной ноге, в переговорах, где порой мелькала тень юмора, или на банкетах, где он любезно предлагал многочисленные формальные и бессодержательные тосты. Я никогда не видел человеческого существа, которое больше подходило бы под современное представление об автомате. И все же при этом он был, очевидно, разумным и тщательно отшлифованным дипломатом. Как он относился к людям, стоявшим ниже его, ска-

зать не могу. То, как он вел себя по отношению к японскому послу в течение тех лет, когда в результате Тегеранской конференции Сталин обещал атаковать Японию после разгрома германской армии, можно представить себе по записям их бесед. Одно за другим щекотливые, зондирующие и затруднительные свидания проводились с полным хладнокровием, с непроницаемой скрытностью и вежливой официальной корректностью. Завеса не приоткрывалась ни на мгновение. Ни разу не было ни одной ненужной резкой ноты. Его улыбка, дышавшая сибирским холодом, его тщательно взвешенные и часто мудрые слова, его любезные манеры делали из него идеального выразителя советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезной, и если в ней упорствовали, она заканчивалась ложью и оскорблениями. Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе. Вся его жизнь прошла среди гибельных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались им на других. Нет сомнений, что в Молотове советская машина нашла способного и во многих отношениях типичного представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунизма. Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, какому он подвергался — я предпочел бы вовсе не родиться. Что же касается руководства внешней политикой, то Сюлли, Талейран и Меттерних с радостью примут его в свою компанию, если только есть такой загробный мир, куда большевики разрешают себе доступ.

* * *

8 мая английское правительство наконец ответило на советскую ноту от 17 апреля. Хотя текст английского документа не был обнародован, ТАСС опубликовало 9 мая заявление, в котором излагались основные пункты английских предложений. 10 мая официальный орган газета «Известия» напечатала коммюнике, где говорилось, что изложение агентством Рейтер

английских предложений, а именно, что «Советское правительство должно дать отдельные гарантии всем соседним государствам и что Великобритания обязуется прийти на помощь СССР, если последний будет вовлечен в войну в результате своих гарантий», не соответствует действительности. Советское правительство, говорилось в коммюнике, получило английские контрпредложения 8 мая, но в них не упоминалось об обязательстве Советского Союза дать отдельные гарантии каждому из соседних с ним государств. Однако в них действительно говорилось, что СССР будет обязан прийти немедленно на помощь Великобритании и Франции в случае, если они будут вовлечены в войну в связи со своими гарантиями, данными Польше и Румынии. Однако не упоминалось ни словом о какой-либо их помощи Советскому Союзу, если бы он оказался вовлеченным в войну вследствие своих обязательств в отношении какого-либо из государств Восточной Европы.

Несколько позже в тот же самый день Чемберлен заявил, что правительство приняло на себя новые обязательства в Восточной Европе, не приглашая Советское правительство к прямому участию ввиду различных затруднений. По его словам, правительство его величества предложило, чтобы Советское правительство сделало от собственного имени аналогичную декларацию и выразило готовность, если его об этом попросят, оказать помощь странам, которые могут стать жертвой агрессии и будут готовы защищать свою независимость.

«Почти одновременно Советское правительство предложило более широкий и более жесткий план, который, независимо от его возможных преимуществ, неизбежно вызывал, по мнению правительства его величества, те самые затруднения, которых оно пыталось избежать с помощью своих предложений. Вследствие этого правительство его величества указало Советскому правительству на наличие таких трудностей. В то же время оно несколько видоизменило свои первоначальные предложения. В частности, оно (правительство его величества) уточнило, что *если Советское правительство желает поставить свое вмешательство в зависимость от вмешательства Великобритании и Франции, то у правительства его величества со своей стороны нет возражений*».

Нужно пожалеть, что об этом не было недвусмысленно заявлено двумя неделями раньше.

Здесь следует упомянуть, что 12 мая турецкий парламент официально ратифицировал англо-турецкое соглашение. Посредством такого расширения наших обязательств мы надеялись укрепить свое положение на Средиземном море на случай кризиса. Это было нашим ответом на оккупацию Ал-

бании Италией. Точно так же, как закончился период переговоров с Германией, наши отношения с Италией зашли фактически в такой же тупик.

Переговоры с Россией шли вяло, и 19 мая весь этот вопрос был поднят в палате общин. Краткие прения, носившие серьезный характер, фактически ограничились выступлениями лидеров партий и видных бывших министров. Ллойд Джордж, Иден и я настойчиво указывали правительству на жизненно важную необходимость немедленно заключить с Россией соглашение наиболее далеко идущего характера и на условиях равноправия. Первым выступил Ллойд Джордж, который в самых мрачных красках нарисовал картину смертельной опасности:

«Во всем мире создалось впечатление, что агрессоры готовят что-то вроде нового нападения. Никто не знает наверняка, где это произойдет. Мы видим, что они спешно вооружаются невиданными доныне темпами, выпуская в первую очередь оружие для наступления — танки, бомбардировщики, подводные лодки. Мы знаем, что они занимают и укрепляют новые позиции, которые дадут им стратегические преимущества в войне против Франции и нас самих... Основная военная цель и план диктаторов заключаются в том, чтобы добиться быстрых результатов, избежать длительной войны. Затяжная война никогда не устраивает диктаторов. Затяжная война, вроде испанской, истощает силы диктаторов; великая оборона русских, не давшая им ни одной большой победы, сломила Наполеона. Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца. Война против Австрии в 1866 году продолжалась всего несколько недель, а война 1870 года велась таким образом, что фактически закончилась через один-два месяца. В 1914 году планы были составлены с точно такой же целью, которая чуть-чуть не была достигнута. И она была бы достигнута, если бы не Россия. Однако, как только немцам не удалось одержать быстрой победы, их игра была проиграна. Можете быть уверены, что великие военные мыслители Германии давно обсуждают вопрос о том, в чем была ошибка в 1914 году, чего не хватало Германии, как можно восполнить пробелы и исправить промахи или избежать их в следующей войне».

В ответ выступил премьер-министр, который впервые познакомил нас со своим отношением к советскому предложению. Он принял его, бесспорно, холодно и фактически с пренебрежением.

«Если нам удастся разработать метод, с помощью которого мы сможем заручиться сотрудничеством и помощью Советского Союза в деле создания такого фронта мира, мы будем это приветствовать, мы хотим этого, мы считаем это ценным. Утверждение, будто мы презираем помощь Советского Союза, ни на чем не основано. Независимо от ничем не подтвержденных оценок

точных достоинств русских вооруженных сил или наилучшего их использования нет таких глупцов, которые считали бы, что эта огромная страна с ее громадным населением и колоссальными ресурсами была бы незначительным *фактором* в такой ситуации, с которой нам сейчас приходится иметь дело».

Это заявление, по-видимому, указывало на то же непонимание масштабов, какое мы видели в резком отказе, встретившем предложение Рузвельта год назад.

Затем выступил я:

«Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством?

Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз мог бы распространить свои преимущества на другие страны, если они их пожелают и выразят свое такое желание. Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Я не вижу в этом чего-либо предосудительного. Что плохого в этом простом предложении? Говорят: "Можно ли доверять русскому Советскому правительству?" Думаю, что в Москве говорят: "Можем ли мы доверять Чемберлену?" Мы можем сказать, я надеюсь, что на оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Я искренне надеюсь на это...

Если вы готовы стать союзниками России во время войны, во время величайшего испытания, великого случая проявить себя для всех, если вы готовы объединиться с Россией в защите Польши, которую вы гарантировали, а также в защите Румынии, то почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну? Мне непонятны все эти тонкости дипломатии и проволочки. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ними в самом горниле событий и вам придется выпутываться вместе с ними по мере возможности. Если же трудности не возникнут, вам будет обеспечена безопасность на предварительном этапе...

Ясно, что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками — фронтом мира, — могут привести к успеху. Никто не хочет связываться с нерешительным руководством и неуверенной политикой. Наше правительство должно понять, что ни одно из этих государств Восточной Европы не сможет продержаться, скажем, год войны, если за ними не будет стоять солидная и прочная поддержка дружественной России в сочетании с союзом западных держав. Нужен надежный Восточный фронт, будь то Вос-

точный фронт мира или фронт войны, такой фронт может быть создан только при действенной поддержке дружественной Россией, расположенной позади всех этих стран.

Если не будет создан Восточный фронт, что случится с Западом? Что случится с теми странами на Западном фронте, с которыми, по общему признанию, мы связаны, если и не дали им гарантий, — с такими странами, как Бельгия, Голландия, Дания и Швейцария? Обратимся к опыту 1917 года. В 1917 году русский фронт был сломлен и деморализован. Революция и мятеж подорвали мужество этой великой дисциплинированной армии, и положение на фронте было неописуемым. И все же, пока не был заключен договор о ликвидации этого фронта, свыше полутора миллионов немцев были скованы на этом фронте, даже при его самом плачевном и небоеспособном состоянии. Как только этот фронт был ликвидирован, миллион немцев и пять тысяч орудий были переброшены на запад и в последнюю минуту чуть не изменили ход войны и едва не навязали нам гибельный мир.

Этот вопрос о Восточном фронте имеет гигантское значение[1]. Я удивлен тем, что он не вызывает большего беспокойства. Я, конечно, не прошу милостей у Советской России. Сейчас не время просить милостей у других стран. Однако перед нами предложение — справедливое и, по-моему, более выгодное предложение, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно. Нельзя допускать, чтобы его отложили в сторону, чтобы оно ни к чему не привело. Я прошу правительство его величества усвоить некоторые из этих неприятных истин. Без действенного Восточного фронта невозможно удовлетворительно защитить наши интересы на Западе, а без России невозможен действенный Восточный фронт. Если правительство его величества, пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии

[1] Традиционная британская политика всегда строилась на том, что Великобритания, обладая превосходством на море, обязательно должна иметь континентального союзника (а лучше двух), который мог бы оттянуть на себя основные сухопутные силы противника и вести военные действия в наиболее кровопролитной (по сравнению с морской) сухопутной войне. Так было в наполеоновских войнах, так было в первой мировой войне. В 1939 г. Англии также нужны были союзники на континенте — Франция, Польша, Советский Союз. Но СССР нужен был не просто как союзник, а как союзная страна, армия которой приковала бы к себе на огромном фронте главные силы вермахта и сделала бы этот фронт главным в войне. Тогда Англия в основном могла бы ограничиться ведением морской и воздушной войны и материальной помощью своему восточному союзнику, принявшему на себя главный удар противника. После того как Германия и СССР ослабят друг друга до «фатальной степени», Англия, Франция (и, конечно, США) смогли бы продиктовать свои условия послевоенного мира. Таков был стратегический расчет Черчилля и его сторонников, и это подтверждает политика и стратегия Великобритании в годы войны.

со всей ее военной мощью, обязавши нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдает доверие и, добавлю, великодушие, с которым к нему относились и относятся его соотечественники».

* * *

Попытки западных держав создать оборонительный союз против Германии сопровождались не меньшими усилиями другой стороны. Переговоры между Риббентропом и Чиано в Комо в начале мая официально и публично увенчались так называемым «Стальным пактом», подписанным двумя министрами иностранных дел в Берлине 22 мая. Это было вызывающим ответом на хрупкую сеть английских гарантий в Восточной Европе. 23 мая, на следующий день после подписания «Стального пакта», Гитлер ускорил совещание с высшим командным составом вооруженных сил. В секретных протоколах этого совещания говорится:

«Польша всегда была на стороне наших врагов. Несмотря на договоры о дружбе, Польша всегда втайне намеревалась воспользоваться любым случаем, чтобы повредить нам. Предмет спора вовсе не Данциг. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства на востоке и об обеспечении нашего продовольственного снабжения. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу. Нам осталось одно решение: напасть на Польшу при первой удобной возможности. Мы не можем ожидать повторения чешского дела. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успех изоляции будет решать дело.

Не исключена возможность, что германо-польский конфликт приведет к войне на западе. В таком случае придется сражаться в первую очередь против Англии и Франции. Если бы существовал союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я был бы вынужден нанести Англии и Франции несколько сокрушительных ударов. Я сомневаюсь в возможности мирного урегулирования с Англией. Мы должны подготовиться к конфликту. Англия видит в нашем развитии основу гегемонии, которая ее ослабит. Поэтому Англия — наш враг, и конфликт с Англией будет борьбой не на жизнь, а на смерть.

Англия знает, что проигрыш войны будет означать конец ее мировой мощи. Англия — движущая сила сопротивления Германии. Если удастся успешно занять и удержать Бельгию и Голландию, и если Франции будет также нанесено поражение, то будут обеспечены основные условия для успешной войны против Англии»[1].

[1] Nurnberg Documents. Part 1. P. 167—168.

30 мая германское министерство иностранных дел направило следующую инструкцию своему послу в Москве: «В противоположность ранее намеченной политике мы теперь решили вступить в конкретные переговоры с Советским Союзом».

В то время как страны оси сплачивали свои ряды для военной подготовки, жизненно важное связующее звено между западными державами и Россией погибло. Скрытые разногласия видны из речи комиссара по иностранным делам Молотова 31 мая, произнесенной в ответ на речь Чемберлена в палате общин 19 мая.

«В связи со сделанными нам предложениями английского и французского правительств Советское правительство вступило в переговоры с последними насчет необходимых мер борьбы с агрессией. Это было еще в середине апреля. Начавшиеся тогда переговоры еще не закончены. Однако некоторое время назад стало ясно, что если в самом деле хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемой государствам в случае нападения агрессоров».

Переговоры зашли как будто в безвыходный тупик. Принимая английскую гарантию, правительства Польши и Румынии не хотели принять аналогичного обязательства в той же форме от русского правительства. Такой же позиции придерживались и в другом важнейшем стратегическом районе — в Прибалтийских государствах. Советское правительство разъяснило, что оно присоединится к пакту о взаимных гарантиях только в том случае, если в общую гарантию будут включены Финляндия и Прибалтийские государства. Все эти четыре страны теперь ответили отказом на такое условие и, испытывая ужас, вероятно, еще долго отказывались бы на него согласиться. Финляндия и Эстония даже утверждали, что они будут рассматривать как акт агрессии гарантию, которая будет дана им без их согласия. В тот же день, 31 мая, Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении[1]. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него.

[1] Эти пакты подписаны 7 июня 1939 г. 31 мая был подписан аналогичный пакт с Данией.

Глава двадцать первая

НАКАНУНЕ

С наступлением лета подготовка к войне продолжалась по всей Европе. Позиции дипломатов, речи политических деятелей и желания человечества с каждым днем теряли значение. Передвижения немецких войск, казалось, предвещали, что прелюдией к нападению на Польшу будет разрешение спора с Польшей о Данциге. Чемберлен выказал беспокойство в парламенте 10 июня и подтвердил свое намерение поддержать Польшу, если возникнет угроза ее независимости. Бельгийское правительство, не замечая реальных фактов, в значительной мере под влиянием своего короля, объявило 23 июня, что оно не желает переговоров с представителями штабов Англии и Франции и что Бельгия намерена соблюдать строгий нейтралитет. Ход событий привел к сплочению Англии и Франции, а также к сплочению рядов внутри страны. В течение июля между Парижем и Лондоном шло оживленное движение. Празднества 14 июля дали возможность продемонстрировать англо-французское единство. Французское правительство пригласило меня на этот блестящий спектакль.

Когда я покидал аэродром Бурже после парада, генерал Гамелен предложил мне посетить французский фронт. «Вы никогда не видали рейнского сектора, — сказал он. — В таком случае приезжайте в августе, мы покажем вам все». В соответствии с этим был составлен план, и 15 августа генерала Спирса и меня встретил его ближайший друг генерал Жорж — командующий армиями во Франции и возможный преемник верховного главнокомандующего. Я был рад встрече с этим в высшей степени приятным и знающим офицером. Мы провели в его обществе десять дней, обсуждая военные проблемы и встречаясь с Гамеленом, который также осматривал некоторые участки этого сектора фронта.

Начав с излучины Рейна у Лотербурга, мы проехали по всему сектору до швейцарской границы. В Англии, как и в 1914 году, беззаботные люди наслаждались отдыхом, играя с детьми на пляжах. Однако здесь, на Рейне, все выглядело иначе. Все временные мосты через реку были отведены на ту или другую сторону. Постоянные мосты сильно охранялись и были минированы. Надежные офицеры круглые сутки дежурили в ожидании сигнала, чтобы нажать кнопки и взорвать мосты. Вздувшаяся от таяния альпийских снегов большая река неслась угрюмым потоком. Солдаты французских аванпостов сидели, скорчившись, в окопчиках среди кустарника. Нам сказали, что вдвоем или втроем мы можем подойти к берегу, но что ни в коем случае нельзя выходить на открытое место, чтобы не стать мишенью. На другом берегу, на расстоянии

трехсот ярдов, можно было видеть там и сям немцев, работавших довольно лениво киркой и лопатой на своих укреплениях. Весь прибрежный квартал Страсбурга был уже очищен от гражданского населения. Я стоял некоторое время на Страсбургском мосту и смотрел, как проехали одна-две машины. На обеих сторонах долго изучали паспорта и личности проезжающих. Здесь немецкий пост находился немногим больше чем в ста ярдах от французского. Между ними не было никаких сношений. А в Европе царил мир. Между Германией и Францией не было никакого спора. Бурля и крутясь, Рейн несся со скоростью шесть или семь миль в час. Одна-две лодки с мальчиками промчались по течению. Больше я не видел Рейна до тех пор, когда, более чем пять лет спустя, в марте 1945 года я пересек его в маленькой лодке с фельдмаршалом Монтгомери. Впрочем, это было близ Везеля, то есть гораздо севернее.

* * *

В том, что я узнал во время поездки, примечательным было полное примирение с положением обороняющегося, которое довлело над принимавшими меня французами и которое непреодолимо овладевало и мной. Беседуя с этими весьма компетентными французскими офицерами, вы чувствовали, что немцы сильнее, что у Франции уже больше нет достаточной энергии, чтобы предпринять большое наступление. Она будет бороться за свое существование — вот и все. Перед французами была укрепленная линия Зигфрида со всей возросшей огневой мощью современного оружия. В глубине души я также испытывал ужас при воспоминаниях о наступлении на Сомме и в Пашендейльских болотах. Немцы были, конечно, гораздо сильнее, чем в дни Мюнхена. Нам ничего не было известно о глубокой тревоге, терзавшей их верховное командование. Мы позволили себе дойти до такого физического и психологического состояния, что ни одно ответственное лицо — до того времени на мне не лежало никакой ответственности — не могло предполагать истинного положения вещей, а именно, что только сорок две наполовину вооруженные и наполовину обученные дивизии охраняли весь длинный фронт от Северного моря до Швейцарии. Во время Мюнхена их было тринадцать.

* * *

Все эти последние недели я больше всего опасался, что, несмотря на нашу гарантию, правительство его величества откажется воевать с Германией, если последняя нападет на Польшу. Нет никаких сомнений, что в то время Чемберлен уже решился

на такой шаг, как ни тяжел он был для него. Однако тогда я знал его еще не так хорошо, как узнал через год. Я боялся, что Гитлер попытается прибегнуть к блефу, угрожая каким-нибудь новым средством или секретным оружием, и что такая угроза собьет с толку или поставит в тупик наш обремененный заботами кабинет. Время от времени профессор Линдеман беседовал со мной об атомной энергии. Я поэтому просил его сообщить мне, в каком положении находится это дело. После беседы я написал следующее письмо Кингсли Вуду, о довольно тесных отношениях с которым я уже упоминал:

Черчилль — министру авиации 5 августа 1939 года

«Несколько недель назад одна из воскресных газет расписала в ярких красках огромное количество энергии, которое можно высвободить из урана с помощью недавно открытых цепных процессов, возникающих при расщеплении нейтронами атома такого типа. На первый взгляд это может предвещать появление новых взрывчатых веществ большой разрушительной силы. *Ввиду этого необходимо отдать себе отчет, что это открытие, каков бы ни был его научный интерес и дальнейшее возможное практическое значение, не угрожает привести в ближайшие годы к результатам, которые можно было бы практически использовать в широком масштабе.*

Судя по некоторым данным, можно предполагать, что при обострении международного напряжения будут намеренно распускаться слухи о применении этого процесса для создания какого-то нового страшного секретного взрывчатого вещества, способного смести Лондон с лица земли. «Пятая колонна», без сомнения, попытается путем такой угрозы убедить нас пойти на новую капитуляцию. Поэтому совершенно необходимо заявить о подлинном положении дела.

Во-первых, лучшие специалисты считают, что лишь небольшая составная часть урана играет действенную роль в этих процессах и что для получения крупных результатов ее нужно будет извлечь. Это — дело многих лет. Во-вторых, цепная реакция возникает лишь в том случае, если масса урана большая. Как только освобождаемая энергия начнет нарастать, уран взорвется с незначительной силой, прежде чем удастся достигнуть действительно сильного эффекта[1]. Возможно, это будет не хуже наших нынешних взрывчатых веществ, но вряд ли даст что-либо значительно более опасное. В-третьих, такие опыты невозможно производить в небольших масштабах. Если бы они были успешно проведены в больших масштабах (то есть с такими результатами, которыми можно было бы нам

[1] Эти трудности были преодолены через несколько лет в результате напряженной научно-исследовательской работы. — *Примеч. авт.*

угрожать, если мы не поддадимся на шантаж), то их невозможно было бы сохранить в тайне. В-четвертых, Берлин сейчас располагает лишь сравнительно небольшими запасами урана на территориях, ранее принадлежащих Чехословакии.

По всем этим причинам явно нет оснований опасаться, что это новое открытие дало нацистам какое-то зловещее новое секретное взрывчатое вещество для уничтожения их противников. Глухие намеки будут, несомненно, делаться, и будут упорно распространяться устрашающие слухи. Однако нужно надеяться, что они никого не обманут».

Примечательно, насколько правильным оказался такой прогноз. И не немцы нашли путь. В действительности они пошли по ложному следу и фактически отказались от попыток создать атомную бомбу, отдав предпочтение ракетам и беспилотным самолетам в тот самый момент, когда президент Рузвельт и я принимали решения и заключали памятные соглашения о массовом производстве атомных бомб.

* * *

Английское и французское правительства предприняли новые попытки договориться с Советской Россией. Было решено направить в Москву специального представителя. Иден, который установил полезный контакт со Сталиным несколько лет назад, вызвался поехать. Это великодушное предложение было отклонено премьер-министром. Вместо Идена эта важнейшая миссия была возложена 12 июня на Стрэнга — способного чиновника, не имевшего, однако, никакого веса и влияния вне министерства иностранных дел. Это было новой ошибкой. Назначение столь второстепенного лица было фактически оскорбительным. Вряд ли Стрэнг мог проникнуть через верхний покров советского организма. Во всяком случае, было уже слишком поздно. Много воды утекло с тех пор как Майский был послан повидаться со мной в Чартуэлле в августе 1938 года. Позади был Мюнхен. Армии Гитлера имели еще год для подготовки. Его военные заводы, подкрепленные заводами Шкода, работали на полную мощность. Советское правительство было очень заинтересовано в Чехословакии, но Чехословакии уже не было, Бенеш жил в изгнании. В Праге правил немецкий гаулейтер.

С другой стороны, Польша означала для России ряд совершенно иных политических и стратегических проблем вековой давности. Их последним крупным столкновением было сражение за Варшаву в 1919 году, когда вторгнувшиеся в Польшу большевистские армии были отброшены Пилсудским при помощи советов генерала Вейгана и английской миссии во главе с лордом д'Абернноном, а затем подверглись преследованию с кровожадной мстительностью. Все эти годы Польша была авангардом анти-

большевизма. Левой рукой она поддерживала антисоветские Прибалтийские государства. Однако правой рукой она помогла ограбить Чехословакию в Мюнхене. Советское правительство было уверено, что Польша его ненавидит, а также что Польша не способна противостоять натиску немцев. В такой обстановке перспективы миссии Стрэнга не были блестящими. Переговоры вращались вокруг вопроса о нежелании Польши и Прибалтийских государств быть спасенными Советами от Германии; здесь не было достигнуто никаких успехов. В передовой статье 13 июня «Правда» уже заявила, что для безопасности СССР жизненно важен действенный нейтралитет Финляндии, Эстонии и Латвии. «Безопасность таких государств, — писала она, — имеет первостепенное значение для Англии и Франции, как признал даже такой политик, как Черчилль». Вопрос обсуждался в Москве 15 июня. На следующий день русская печать заявила, что «в кругах советского наркомата иностранных дел результаты первых переговоров рассматриваются как не вполне благоприятные». Дискуссии продолжались с перерывами в течение всего июля, и наконец Советское правительство предложило, чтобы переговоры продолжались на военной основе с представителями как Франции, так и Англии. В соответствии с этим английское правительство направило 10 августа адмирала Дрэкса с миссией в Москву. У этих офицеров не было письменных полномочий на переговоры. Французскую миссию возглавлял генерал Думенк. Русскую сторону представлял маршал Ворошилов. Теперь мы знаем, что в то же самое время Советское правительство дало согласие на поездку в Москву германского представителя для переговоров. Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска. Позиция Польши была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу»[1].

* * *

Глубокой ночью в Кремле в августе 1942 года Сталин познакомил меня с одним аспектом советской позиции. «У нас создалось впечатление, — сказал Сталин, — что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». «Сколько дивизий, — спросил Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?» Ответом было: «Около сотни». Тогда он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?» Ему ответили: «Две и еще две позднее». «Ах, две и еще две позднее, — повторил Сталин. — А

[1] Reynaud. Op. cit. Vol. 1. P. 587.

знаете ли вы, — спросил он, — сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?» Молчание. «Больше трехсот». Сталин не сказал мне, с кем или когда произошел этот разговор. Нужно признать, что это была действительно твердая почва, впрочем, неблагоприятная для сотрудника министерства иностранных дел Стрэнга.

Для того чтобы выторговать более выгодные условия в переговорах, Сталин и Молотов считали необходимым скрывать свои истинные намерения до самой последней минуты. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех сношениях с обеими сторонами. Уже 4 августа германский посол Шуленбург мог телеграфировать из Москвы только следующее:

«Из всего отношения Молотова было видно, что Советское правительство фактически более склонно к улучшению германо-советских отношений, но что прежнее недоверие к Германии еще не изжито. Мое общее впечатление таково, что Советское правительство в настоящее время полно решимости подписать соглашение с Англией и Францией, если они выполнят все советские пожелании. Переговоры, конечно, могли бы продолжаться еще долго, в особенности потому, что недоверие к Англии также сильно... С нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы заставить Советское правительство совершить поворот»[1].

Ему не стоило беспокоиться: жребий был брошен[2].

* * *

Вечером 19 августа Сталин сообщил Политбюро о своем намерении подписать пакт с Германией. 22 августа союзнические миссии лишь вечером смогли разыскать маршала Ворошилова. Вечером он сказал главе французской миссии:

«Вопрос о военном сотрудничестве с Францией висит в воздухе уже несколько лет, но так и не был разрешен. В прошлом году, когда погибала Чехословакии, мы ждали от Франции сигнала, но он не был дан. Наши войска были наготове... Французское и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»[3]

На следующий день в Москву прибыл Риббентроп.

[1] Nazi-Soviet Relations. P. 41.

[2] В то время жребий еще не был брошен. Советское правительство продолжало искать пути достижения соглашения с Англией и Францией. Переговоры о предложении Германии заключить с СССР пакт о ненападении начались лишь 15 августа, когда англо-франко-советские переговоры зашли в тупик. В Москве решение заключить договор о ненападении было принято 17 августа.

[3] Reynaud. Op. cit. Vol. 1. P. 588.

* * *

Из материалов Нюрнбергского процесса и из документов, захваченных и недавно опубликованных Соединенными Штатами, нам теперь известны подробности этой незабываемой сделки. По словам главного помощника Риббентропа Гаусса, который летал с ним в Москву, «днем 22 августа состоялась первая беседа между Риббентропом и Сталиным... Имперский министр иностранных дел вернулся с этого продолжительного совещания очень довольный...» В тот же день, быстро и без затруднений, было достигнуто соглашение относительно текста советско-германского пакта о ненападении. «Сам Риббентроп, — говорит Гаусс, — включил в преамбулу довольно далеко идущую фразу относительно установления дружественных германо-советских отношений. Сталин возразил против этого, заметив, что Советское правительство не может внезапно представить своей общественности германо-советскую декларацию о дружбе после того как нацистское правительство в течение шести лет выливало на советское ушаты грязи. Поэтому данная фраза была исключена из преамбулы». В секретном протоколе Германия заявила, что не имеет политических интересов в Латвии, Эстонии и Финляндии, но считает, что Литва входит в сферу ее интересов. Была намечена демаркационная линия раздела Польши. В Прибалтийских странах Германия претендовала только на экономические интересы[1]. Пакт о ненападении и секретный протокол были подписаны поздно вечером 23 августа[2].

[1] Nurnberg Documents. Part 1. P. 210 ff.

[2] Пакт о ненападении с Германией был заключен в обстановке, когда СССР оказался после провала переговоров с Англией и Францией без союзников в условиях близкой и неизбежной войны Германии с Польшей. При этом в случае поражения Польши (а это был наиболее вероятный исход) вермахт выходил бы к границам СССР. И это в обстановке, когда шли бои на Халхин-Голе, а в Европе могла возникнуть большая война. Договор о ненападении позволял не быть втянутым в войну, ставил предел германскому продвижению на восток, позволял урегулировать конфликт с Японией у р. Халхин-Гол. Подписание секретного протокола (хотя оригинала нет, но доказано, что он существовал) было, конечно, отступлением от ленинских норм внешней политики социалистического государства, международного права и морали и подлежит осуждению. Советская страна опустилась до уровня тайной дипломатии, действовала методами империалистических держав. Но договор потому и был подписан, что он диктовался жизненно важными интересами безопасности СССР, позволил лучше подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом. Сталинское руководство в ходе мирной паузы не смогло, однако, использовать представившиеся возможности в полной мере, расценило этот тактический успех как стратегический и допустило ряд крупных просчетов. Это привело к трагедии 1941 г. В то же время договор позволил СССР остаться вне военного пожара, охватившего Европу с 1 сентября, а секретный протокол ограничил германскую экспансию на Восток линией северной границы Литвы и рек Нарев, Висла, Сан, дал возможность вынести западную границу СССР на 250—300 километров на запад. Договор создавал возможность в условиях мира готовиться к неминуемой схватке с фашизмом.

* * *

Несмотря на все, что было беспристрастно рассказано в данной и предыдущей главах, только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт.

Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «поодиночке». Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет.

В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной.

Зловещее известие поразило весь мир, как взорвавшаяся бомба. 22 августа советское агентство ТАСС сообщило, что Риббентроп летит в Москву для подписания пакта о ненападении с Советским Союзом. Какие бы чувства ни испытывало английское правительство, чувства страха не было. Не теряя времени, оно заявило, что «такое событие ни в коей мере не отразится на его обязательствах, которые оно твердо решило выполнить». Теперь ничто не могло предотвратить или отсрочить столкновение.

* * *

На основании секретных переговоров Гитлер был уверен, что пакт с русскими будет подписан 23 августа. Еще до возвращения Риббентропа из Москвы и до опубликования сообщения он обратился к своим высшим военачальникам со следующими словами:

«С самого начала мы должны быть полны решимости сражаться с западными державами... Конфликт с Польшей должен произойти рано или поздно. Я уже принял такое решение весной, но думал сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока... Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем... Я боюсь только одного — что в последнюю минуту какая-нибудь свинья предложит посредничество... Политическая цель идет дальше. Заложена основа для сокрушения гегемонии Англии. После того как я провел политическую подготовку, та же задача стоит перед солдатами»[1].

* * *

По получении известия о заключении германо-советского пакта английское правительство сразу же приняло меры предосторожности. Были отданы приказы о сосредоточении основных частей береговой и противовоздушной обороны и о защите уязвимых пунктов. Правительствам доминионов и властям колоний были посланы телеграммы с предупреждением, что в очень недалеком будущем может оказаться необходимым принять предупредительные меры. 23 августа военно-морское министерство получило разрешение кабинета реквизировать 25 торговых судов для переоборудования их во вспомогательные крейсера, а также 35 траулеров, которые нужно было снабдить прибором «Асдик». Было призвано шесть тысяч человек из запаса для службы в заморских гарнизонах. Были одобрены меры по противовоздушной обороне радарных станций и полное развертывание сил противовоздушной обороны. Был проведен призыв 24 тысяч резервистов военно-воздушных сил и всех вспомогательных частей ВВС, включая эскадрильи аэростатов. Во всех строевых частях были отменены отпуска. Военно-морское министерство опубликовало предупреждения торговому флоту. Было принято много других мер.

Премьер-министр решил написать Гитлеру об этих подготовительных шагах.

«Вашему превосходительству, вероятно, уже известно о некоторых мероприятиях, принятых правительством его величества и обнародованных в печати и по радио сегодня вечером.

По мнению правительства его величества, эти меры стали необходимыми ввиду сообщений из Германии о передвижении войск. Они необходимы также потому, что сообщение о германо-советском соглашении, видимо, воспринято в некоторых

[1] Nurnberg Documents. Part 1. P. 173.

кругах Берлина как указание на то, что вмешательство Великобритании на стороне Польши больше не является обстоятельством, с которым нужно считаться. Трудно себе представить большую ошибку. Каким бы ни оказался характер германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательства Великобритании в отношении Польши. Правительство его величества неоднократно и ясно заявляло публично о своей решимости выполнить это обязательство.

Утверждали, что если бы правительство его величества точнее разъяснило свою позицию в 1914 году, то великая катастрофа якобы была бы предотвращена. Независимо от того, насколько справедливо такое утверждение, правительство его величества твердо решило не допускать в данном случае подобного трагического недоразумения. Оно решило и готово, если возникнет такая необходимость, употребить немедленно все силы, находящиеся в его распоряжении. Если военные действия начнутся, невозможно будет предсказать их конец. Было бы опасным заблуждением предполагать, что если война начнется, то она закончится быстро даже в случае успеха на каком-нибудь одном из фронтов, на которых она будет вестись.

Сознаюсь, что в настоящий момент я не вижу никакого другого пути к предотвращению бедствия, которое вовлечет Европу в войну.

Ввиду серьезных последствий для человечества, которые могут явиться результатом действий его правителей, я верю, что ваше превосходительство с величайшей осмотрительностью взвесит все изложенные мною соображения»[1].

Ответ Гитлера, где пространно говорилось о «неслыханном великодушии», в духе которого Германия готова разрешить вопрос о Данциге и Польском коридоре, содержал следующую наглую ложь:

«Данное Англией Польше безоговорочное заверение о помощи этой стране при любых обстоятельствах, независимо от причин столкновения, могло быть истолковано в Польше только как стимул развязать под прикрытием такого обещания ужасающий террор против полутора миллионов немцев, проживающих в Польше»[2].

25 августа английское правительство объявило о заключении официального договора с Польшей в подтверждение уже данной гарантии. Таким шагом надеялись дать наилучшие шансы на урегулирование спора между Германией и Польшей путем прямых переговоров в свете того факта, что в случае провала переговоров Англия поддержала бы Польшу. Геринг заявил в Нюрнберге:

[1] Ibid. Part 2. P. 117—158.

[2] Ibid. P. 158.

«В тот день когда Англия дала официальную гарантию Польше, фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что он отменил намеченное вторжение в Польшу. Я спросил, отменено ли оно временно или окончательно. Он сказал: "Нет, мне придется посмотреть, нельзя ли устранить возможность вмешательства Англии"»[1].

В самом деле, Гитлер отложил день нападения с 25 августа на 1 сентября и вступил в непосредственные переговоры с Польшей, как хотелось Чемберлену. Его целью было, впрочем, не достигнуть соглашения с Польшей, но дать правительству его величества все возможности уклониться от выполнения его гарантий. Однако английское правительство так же, как парламент и народ, думало совсем о другом. Любопытная черта характера жителей Британских островов, которые ненавидят муштру и не подвергались вторжению почти тысячу лет, заключается в том, что по мере роста и приближения опасности они постепенно перестают нервничать. Когда опасность непосредственно близка, они приходят в ярость, а когда она становится смертельной, они делаются бесстрашными. Подобные привычки не раз ставили их в очень тяжелое положение.

* * *

31 августа Гитлер отдал свою «Директиву № 1 о ведении войны».

«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирными средствами положение на восточной границе, которое нетерпимо для Германии, я принял решение урегулировать его силой.

2. Нападение на Польшу должно быть произведено в соответствии с подготовкой к «Белому плану» — с изменениями, вытекающими, поскольку дело касается армии, из того факта, что она тем временем уже почти закончила свои приготовления. Распределение задач и оперативные цели остаются без изменений.

Дата наступления — 1 сентября 1939 г. Час атаки 04. 45 (вписано красным карандашом).

3. Важно, чтобы на Западе ответственность за начало военных действий лежала, безусловно, на Англии и Франции. Сначала действия чисто местного характера должны быть предприняты в связи с незначительными нарушениями границы»[2].

---

[1] Ibidem.

[2] Nurnberg Documents. Part 2. P. 172.

* * *

Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах. В то время у меня не было официальной охраны, и мне не хотелось ее просить. Однако я считал себя достаточно видной фигурой, чтобы принять меры предосторожности. Я располагал достаточными сведениями, чтобы убедиться, что Гитлер считает меня врагом. Мой бывший детектив из Скотланд-Ярда инспектор Томпсон был в то время в отставке. Я предложил ему приехать ко мне и взять с собой пистолет. Я достал свое оружие, которое было надежным. Пока один из нас спал, другой бодрствовал. Таким образом, никто не мог бы застать нас врасплох. В те часы я знал, что, если вспыхнет война, — а кто мог сомневаться в этом? — на меня падет тяжелое бремя.

Часть вторая
СУМЕРКИ ВОЙНЫ
(3 сентября 1939 года — 10 мая 1940 года)

Глава первая

ВОЙНА

1 сентября на рассвете Германия напала на Польшу. В тот же день утром последовал приказ о мобилизации всех наших вооруженных сил. Премьер-министр попросил меня посетить его вечером на Даунинг-стрит. Он сказал мне, что не видит никакой надежды на предотвращение войны с Германией и что для руководства ею предполагает создать небольшой военный кабинет в составе министров, не возглавляющих никаких министерств. Насколько он понимает, лейбористская партия не желает участвовать в национальной коалиции. Но он надеется, что либералы присоединятся к нему. Он предложил мне войти в состав военного кабинета. Я принял его предложение без возражений, и на этой основе у нас состоялся долгий разговор о людях и планах.

После некоторого размышления я убедился, что средний возраст министров, которые должны были образовать верховный орган по руководству войной, оказался бы слишком солидным, и поэтому после полуночи я написал Чемберлену следующее:

2 сентября 1939 года

«Не слишком ли мы старая команда? Я подсчитал, что общий возраст всей шестерки, которую Вы мне вчера назвали, составляет 386 лет, или в среднем более 64 лет! Им недостает года, чтобы выйти на пенсию по старости! Если же, однако, Вы добавите Синклера (49) и Идена (42), средний возраст снизится до пятидесяти семи с половиной лет.

Вот уже 30 часов как поляки подвергаются ожесточенной атаке, и меня крайне беспокоят слухи о том, что в Париже поговаривают о новой ноте. Я надеюсь, что Вы сможете обнародовать наше совместное заявление об объявлении войны не позднее чем на сегодняшнем вечернем заседании парламента».

Меня удивляло, что в течение всего дня 2 сентября, когда положение обострилось до крайности, Чемберлен хранил молчание. Я подумал, не предпринимается ли в последнюю минуту попытка сохранить мир, и оказался прав. Однако, когда после полудня собрался парламент, произошли короткие, но довольно

бурные дебаты, во время которых нерешительное заявление премьер-министра подверглось резкой критике. Когда Гринвуд поднялся на трибуну, чтобы выступить от имени лейбористской оппозиции, Эмери — консерватор — крикнул ему: «Говорите от имени Англии!» Эта реплика была встречена бурными аплодисментами. Не было никакого сомнения, что палата настроена в пользу войны. Мне казалось, что она была настроена более решительно и выступала более единодушно, чем в аналогичном случае 2 августа 1914 года, при котором я тоже присутствовал. Вечером группа видных деятелей от всех партий пришла ко мне на квартиру в доме, расположенном напротив Вестминстерского собора, и выразила глубокое беспокойство по поводу того, выполним ли мы свои обязательства перед Польшей. Палата должна была снова собраться завтра в полдень. Ночью я написал премьер-министру следующее:

2 сентября 1939 года

«Я ничего не слыхал от Вас после нашей последней беседы в пятницу. Я тогда понял, что должен буду стать Вашим коллегой, и Вы сказали, что об этом будет объявлено очень скоро. Не могу себе представить, что произошло за эти тревожные дни, хотя мне кажется, что теперь возобладали новые идеи, совершенно отличные от тех, которые Вы выразили мне, сказав: "Жребий брошен". Я вполне понимаю, что в связи с ужасной обстановкой в Европе возможны изменения метода, но до начала назначенных на полдень дебатов я считаю себя вправе просить Вас сообщить, каковы наши с Вами отношения, как общественные, так и личные.

Мне кажется, что, если лейбористская партия и, насколько я понимаю, либеральная партия будут отстранены, трудно создать действенное военное правительство на той ограниченной основе, о которой Вы говорили. Я считаю, что необходимо сделать еще одну попытку привлечь либералов и, кроме того, пересмотреть состав и численность военного кабинета, о котором Вы со мной говорили. Сегодня в палате общин чувствовалось, что духу национального единства нанесен ущерб очевидным ослаблением нашей решимости. Я не преуменьшаю трудностей, с которыми Вы сталкиваетесь в отношениях с французами. Но я надеюсь, что мы теперь примем свое решение независимо и тем самым покажем нашим французским друзьям пример, в котором они, быть может, нуждаются. Для этого нам понадобится самая сильная и самая сплоченная комбинация, которую только возможно создать. Поэтому я прошу не оглашать состава военного кабинета до нашего нового разговора.

Как я уже писал Вам вчера утром, я полностью в Вашем распоряжении и всегда готов помочь Вам в выполнении Вашей задачи».

Позже я узнал, что 1 сентября в 9 часов 30 минут вечера Англия предъявила Германии ноту[1] и что 3 сентября в 9 часов утра за ней последовал ультиматум. В утренних радиопередачах 3 сентября сообщалось, что премьер-министр выступит по радио в 11 часов 15 минут. Поскольку было ясно, что Великобритания, а также и Франция немедленно объявят войну, я подготовил короткую речь, которая, как я считал, будет соответствовать этому торжественному и ответственному моменту в нашей жизни и в нашей истории.

Премьер-министр сообщил по радио, что мы уже находимся в состоянии войны, и только он закончил свою речь, как раздался странный, протяжный, воющий звук, который впоследствии уже стал привычным. Жена вошла в кабинет, взволнованная случившимся, и похвалила немцев за точность и аккуратность. Мы поднялись на крышу нашего дома, чтобы посмотреть, что происходит. Стоял ясный и холодный сентябрьский день. Вокруг виднелись крыши домов и высокие шпили Лондона. Над ними уже медленно поднимались тридцать или сорок аэростатов заграждения. Мы по достоинству оценили правительство за этот явный признак готовности. Поскольку пятнадцатиминутное предупреждение, на которое мы рассчитывали, истекло, мы отправились в отведенное нам бомбоубежище, вооружившись бутылкой бренди и другими соответствующими медицинскими снадобьями.

Наше бомбоубежище находилось в сотне ярдов и представляло собой открытый подвал, не защищенный даже мешками с песком, в который уже собрались жильцы полудюжины домов. Все были в веселом и шутливом настроении, как это свойственно англичанам перед лицом неизвестного.

Примерно через десять минут сирена снова завыла. Я не был уверен, что это повторная тревога, но по улице уже шел человек и кричал «отбой». Мы тут же разошлись по домам и занялись своими делами. Я отправился в палату общин, которая собралась ровно в полдень с соблюдением всей своей обычной неторопливой процедуры и краткими величественными молитвами. Премьер-министр прислал мне записку, прося зайти к нему в кабинет сразу же по окончании дебатов.

Чемберлен сказал мне, что он обдумал мои письма, что либералы не войдут в правительство, что он готов в известной мере учесть мои замечания о среднем возрасте и включить в состав военного кабинета трех военных министров, несмотря на их исполнительные функции, и что средний возраст будет около 60 лет. Это, сказал он, позволяет ему предложить мне военно-морское министерство, а также место в военном каби-

[1] При этом она сообщила по дипломатическим каналам, что эта нота не является ультиматумом.

нете. Я был весьма рад этому, так как я, естественно, предпочитал, хотя и не высказывал этого, иметь определенную работу, а не сидеть и корпеть над работой, сделанной другими.

Ничего не было сказано, когда я буду официально назначен королем — и, действительно, это произошло лишь 5 сентября. Однако первые же часы войны могут иметь весьма серьезные последствия для флотов. Поэтому я уведомил военно-морское министерство, что приму дела немедленно и прибуду туда в 6 часов. В связи с этим военно-морское министерство любезно оповестило флот: «Уинстон вернулся». Итак, я снова возвратился в кабинет, который с болью и горечью покинул почти четверть века назад.

* * *

Вскоре начальник военно-морского штаба Дадли Паунд пришел ко мне. В период моего прежнего пребывания в адмиралтействе я немного знал его. Я ценил и уважал большие профессиональные и личные качества адмирала Паунда. Когда война со всеми ее успехами и неудачами наносила нам тяжелые удары, мы стали еще более верными товарищами и друзьями. И когда, спустя четыре года, он умер как раз во время победы над Италией, я горько оплакивал эту утрату для флота и страны.

Значительную часть ночи 3 сентября я провел в беседах с руководителями департаментов, а утром 4 сентября взял в свои руки руководство министерством. Как и в 1914 году, задолго до всеобщей мобилизации были приняты меры предосторожности против любых неожиданностей. Еще 15 июня были призваны крупные контингенты офицеров и рядовых резерва. 9 августа король инспектировал резервный флот, полностью укомплектованный для учений, а 22 августа были дополнительно призваны различные классы резервистов. 24 августа парламент принял закон о чрезвычайных полномочиях, и одновременно флоту приказали выйти на свои военные базы. По существу, наши главные силы уже в течение нескольких недель находились в Скапа-Флоу. После решения о полной мобилизации флота мобилизационный план военно-морского министерства осуществлялся беспрепятственно и, несмотря на некоторые серьезные недостатки — в частности, не хватало крейсеров и судов для борьбы с подводными лодками, — к началу войны, как и в 1914 году, флот оказался на высоте своих огромных задач.

* * *

Читателю, вероятно, известно, что я был достаточно знаком с работой военно-морского министерства и с королевским

военно-морским флотом. Четыре года — с 1911 по 1915-й, когда на меня возлагалась обязанность подготовить флот к войне, а также руководство адмиралтейством в первые десять напряженных месяцев — были самыми яркими годами моей жизни. Я накопил колоссальное количество фактических сведений и немало узнал о флоте и о войне на море. После ухода из военно-морского министерства я многое изучил и много написал о флоте. Я неоднократно выступал на эту тему в палате общин. Я всегда сохранял тесный контакт с военно-морским министерством и, хотя в эти годы я был его самым ярым критиком, работники его доверяли мне многие свои секреты. В период моей четырехлетней деятельности в исследовательском комитете по вопросам противовоздушной обороны я имел доступ ко всем новейшим изобретениям в области радара, который теперь непосредственно касался военно-морского флота. Поэтому, когда я приступил к своим обязанностям, я считал, что имею в своем распоряжении несомненно самое лучшее в мире оружие для морской войны, и был уверен, что у меня будет достаточно времени, чтобы восполнить упущения мирного времени и справиться со всеми в равной мере неизбежными неприятными неожиданностями войны.

* * *

Положение на море резко отличалось от того опасного положения, которое было в 1914 году. Мы тогда вступили в войну, имея соотношение 16:10 по крупным боевым кораблям и 2:1 по крейсерам. Тогда мы мобилизовали восемь эскадр, каждая из которых насчитывала восемь линкоров, эскадру крейсеров и флотилию мелких судов, а также имелось большое количество отдельных крейсеров. Я ожидал тогда решающего сражения с более слабым, но все же грозным флотом противника. Теперь же немецкий флот только начал восстанавливаться и не имел достаточного количества кораблей, чтобы построить боевой порядок. Строительство двух больших линкоров, «Бисмарк» и «Тирпиц», тоннаж которых значительно превосходил ограничения, установленные договором, могло быть закончено не ранее чем через год. Строительство легких линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», тоннаж которых немцы обманным путем увеличили с 10 тысяч до 26 тысяч тонн, закончилось в 1938 году. Кроме того, у немцев были три карманных линкора в 10 тысяч тонн водоизмещением каждый — «Адмирал граф Шпее», «Адмирал Шеер» и «Дойчланд», а также два быстроходных крейсера водоизмещением по 10 тысяч тонн, вооруженных восьмидюймовыми орудиями, шесть легких крейсеров, 60 эсминцев и другие более мелкие суда. Таким образом, надводный флот немцев не мог угрожать

нашему господству на море. Не подлежало никакому сомнению, что английский военно-морской флот превосходил немецкий как по силе, так и по численности. Не было также основания предполагать, что общая боевая подготовка нашего флота была плохой. Если не считать недостатка в крейсерах и эсминцах, английский флот, как всегда, находился на высоком уровне. Перед ним стояли огромные и многочисленные задачи.

* * *

Когда я пришел в адмиралтейство, у меня уже было определенное представление о стратегическом положении на море. Противнику жизненно важно было сохранить господство на Балтийском море. Поставки из Скандинавии, шведская руда и прежде всего оборона против возможных русских десантов на протяженном и незащищенном северном побережье Германии, от которого Берлин в одном месте находится всего лишь в 100 милях, диктовали германскому военно-морскому флоту необходимость сохранить господство на Балтийском море. Поэтому я был уверен, что на этом первом этапе Германия не поступится своим господством на Балтике. Следовательно, хотя немцы могут послать подводные лодки, крейсера или, возможно, даже один карманный линкор для нарушения наших коммуникаций, они не рискнут ни одним кораблем, который им необходим для сохранения господства на Балтийском море. Германский флот, восстанавливавшийся в это время, при сложившихся обстоятельствах должен был считать это своей первоочередной и почти единственной задачей. Для поддержания превосходства на море и для осуществления нашего основного наступательного мероприятия — блокады мы должны были, конечно, сохранить превосходящие силы флота в наших северных водах. Однако нам казалось, что не будет никакой необходимости держать слишком крупные военно-морские силы для наблюдения за вылазками из Балтийского моря или из Гельголандской бухты.

Безопасность Англии значительно повысилась бы, если бы при помощи воздушных налетов нам удавалось хотя бы временно выводить из строя Кильский канал — эту боковую дверь из Балтийского моря.

* * *

Английский торговый флот в начале войны был примерно таким же, что и в 1914 году. Его тоннаж превышал 21 миллион тонн. Средний размер судна увеличился, и поэтому численность судов уменьшилась. Однако не весь этот тоннаж можно

было использовать для торговли. Военно-морскому флоту требовались самые различные вспомогательные суда, которые можно было брать главным образом из числа первоклассных лайнеров. Все виды вооруженных сил нуждались в судах для специальных целей: армия и военно-воздушные силы — для перевозки солдат и техники за моря, а военный флот — для различных работ на морских базах и в других местах, и в частности для доставки горючего в стратегические пункты, разбросанные по всему миру. Тоннаж, потребовавшийся для всех этих целей, составил около трех миллионов тонн, и к этому следует добавить нужды судоходства других стран Британской империи. В конце 1939 года после окончательного подсчета приобретений и потерь оказалось, что общий тоннаж, оставшийся для коммерческих целей, составил около 15,5 миллиона тонн.

* * *

Еще не будучи в военно-морском министерстве, я вполне согласился с его мнением о том, какую большую угрозу представляют собой подводные лодки. Хотя высокие технические качества прибора «Асдик» были проверены во многих сражениях с подводными лодками в начале войны, наши средства борьбы против подводных лодок были далеко не достаточны, чтобы предотвратить наши серьезные потери. Высказанное мною в то время мнение, что «вполне возможна успешная борьба с подводными лодками во внешних морях, и особенно в Средиземном море, и что потери неизбежны, но они не смогут повлиять на ход событий», не было ошибочным. Ничего особого не произошло в первый год войны с немецкими подводными лодками. Битва за Атлантику была отложена на 1941 и 1942 годы.

В соответствии с преобладающим мнением в военно-морском министерстве до войны я недооценил угрозу или последствия нападения на английские военные корабли с воздуха. «Мне кажется, — писал я за несколько месяцев до войны, — можно предполагать (потому что об этом очень трудно судить точно), что нападение авиации на английские военные корабли при их нынешнем вооружении и обороне не помешает осуществлению их полного господства на море». Однако препятствия, хотя и преувеличенные, к передвижению нашего флота скоро стали серьезными. Авиация почти сразу же оказалась ужасной угрозой, особенно на Средиземном море. Мальта, имевшая лишь незначительную противовоздушную оборону, представляла собой проблему, которую невозможно было сразу разрешить. С другой стороны, в первый год войны ни один крупный английский корабль не был потоплен авиацией.

Первоначальный состав военного кабинета, намеченный Чемберленом, был почти сразу же увеличен под давлением обстоятельств. Теперь он уже включал министра иностранных дел лорда Галифакса, лорда—хранителя печати сэра Сэмюэля Хора, министра финансов сэра Джона Саймона, министра координации обороны лорда Чэтфилда, министра без портфеля лорда Хэнки, военного министра Хор-Белиша, министра авиации сэра Кингсли Вуда. В военный кабинет теперь вошли три военных министра, одним из которых был я. Кроме того, необходимо было, чтобы министр по делам доминионов Иден и министр внутренних дел и национальной безопасности сэр Джон Андерсон всегда присутствовали на заседаниях, хотя они фактически и не были членами военного кабинета. Таким образом, состав военного кабинета возрос до одиннадцати человек. Решение включить трех военных министров серьезно затрагивало положение лорда Чэтфилда как министра координации обороны. Но он принял это решение со свойственным ему добродушием.

Кроме меня, все остальные министры руководили последние годы нашими делами или имели отношение к тому положению, с которым мы сейчас столкнулись как в дипломатической, так и в военной областях. Иден вышел в отставку с поста министра иностранных дел в феврале 1938 года. Я не занимал государственных должностей в течение одиннадцати лет, поэтому не нес никакой ответственности за прошлые события или за недостаточную подготовленность, которая выявилась теперь. Наоборот, в последние шесть или семь лет я постоянно предсказывал те беды, перед лицом которых мы теперь оказались. Итак, вооруженный могущественной машиной военно-морского министерства, на долю которого пала сейчас вся тяжесть активной борьбы с противником, я не испытывал никаких неудобств; но если бы я их и испытывал, они были бы устранены любезностью и лояльностью премьер-министра и его коллег. Всех этих людей я знал очень хорошо. Большинство из нас сотрудничало на протяжении пяти лет в кабинете Болдуина, и мы, конечно, поддерживали постоянный контакт, дружественный или полемический, в течение всего периода изменений, происходивших в парламентской жизни. Однако сэр Джон Саймон и я представляли старшее политическое поколение. Поэтому я считал, что мне придется напрячь все силы, чтобы не отстать от поколения, находившегося теперь у власти, и идти в ногу с новыми молодыми гигантами, которые могли появиться в любое время. В данном случае я полагался не только на свои знания, но и на рвение и умственную энергию.

С этой целью я вернулся к тому режиму, которого придерживался в бытность мою в адмиралтействе в 1914—1915 годы

и который, как я убедился, значительно повышал мою работоспособность. Ежедневно вскоре после полудня я ложился по крайней мере на час отдыхать и полностью использовал мою счастливую способность сразу же засыпать крепким сном. Таким образом, мне удавалось втиснуть полтора рабочих дня в один день. В намерения природы не входило заставить человечество работать с восьми утра до полуночи без освежающего забвения, которое, если оно даже и продолжается всего каких-нибудь двадцать минут, позволяет восстановить все жизненные силы. Я с сожалением ложился в постель, как ребенок, каждый раз после полудня, но зато бывал вознагражден тем, что мог потом работать ночью до двух часов или даже позже — иногда значительно позже — и начать новый день в 8—9 часов утра. Этот порядок, который я соблюдал на протяжении всей войны, я рекомендовал и другим в тех случаях, когда им приходилось в течение длительного времени выжимать последнюю каплю сил из своего организма.

Глава вторая

ЗАДАЧА ВОЕННО-МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА

Весь мир был поражен, когда за сокрушительным натиском Гитлера на Польшу и объявлением Англией и Францией войны Германии последовала длительная гнетущая пауза. Чемберлен в частном письме, опубликованном его биографом, назвал этот этап «сумерками войны»[1]. Я нашел это выражение настолько удачным, что взял его в качестве заглавия этой книги. Французские армии не начали наступления на Германию. Завершив свою мобилизацию, они оставались в бездействии по всему фронту. Против Англии не предпринималось никаких воздушных операций, помимо разведки; немецкая авиация не предпринимала никаких воздушных нападений на Францию. Французское правительство просило нас воздерживаться от воздушных нападений на Германию, заявив, что это вызвало бы репрессии против незащищенных французских военных предприятий. Мы ограничивались тем, что разбрасывали листовки, взывающие к нравственности немцев. Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это.

В противоположность этому война на море с первого же часа началась с полной интенсивностью, и поэтому морское

[1] Feiling. Op. cit. P. 424.

министерство стало активным центром событий. 3 сентября все наши суда плавали по всему миру, занимаясь своим обычным делом. Вдруг они натолкнулись на заранее тщательно расставленные немецкие подводные лодки, особенно на западных подступах. В тот же день в 9 часов вечера вышедший из Англии пассажирский пароход «Атения» водоизмещением 13 500 тонн был торпедирован и затонул; погибло 112 человек, включая 28 американских граждан. Через несколько часов весь мир узнал об этой возмутительной жестокости. Во избежание всяких недоразумений в Соединенных Штатах германское правительство немедленно выступило с заявлением о том, что лично я приказал спрятать бомбу на пароходе, для того чтобы его гибель поставила под угрозу отношения между Германией и Америкой. В некоторых недружественных кругах этому отчасти поверили. 5 и 6 сентября у берегов Испании были потоплены «Босния», «Ройал Септр» и «Рио Кларо»; спаслась только команда «Рио Кларо». Все это были ценные суда.

Первая же служебная записка, написанная мною в адмиралтействе, была связана с вопросом о вероятных масштабах угрозы подводных лодок в ближайшем будущем:

Начальнику разведывательного управления военно-морского министерства

4 сентября 1939 года

«Представьте мне доклад о том, какими силами располагает немецкий подводный флот в настоящий момент и какими он будет располагать в ближайшие несколько месяцев. Сообщите отдельно данные об океанских и малых подводных лодках. Укажите предполагаемый радиус действия в днях и милях для тех и других».

Мне тотчас же сообщили, что у противника имеется шестьдесят подводных лодок, а к началу 1940 года их будет сто. Подобный ответ был представлен 5 сентября и заслуживает внимательного изучения. Число судов большого радиуса действия было внушительным и свидетельствовало о намерении противника возможно скорее перейти к операциям далеко в открытом море.

Морское министерство разработало подробные планы увеличения количества наших судов для борьбы с подводными лодками. В частности, оно приняло меры к установке на 86 самых крупных и быстроходных траулерах приборов «Асдик». Переоборудование многих траулеров уже шло полным ходом. Кроме того, у морского министерства была детальная программа строительства крупных и малых эсминцев, а также крей-

серов и многих вспомогательных судов. С объявлением войны эта программа автоматически стала осуществляться. Предыдущая война показала огромные достоинства системы конвоев. В течение нескольких дней морское министерство установило контроль за движением всех торговых судов, и капитаны должны были подчиняться указаниям о маршрутах и о присоединении к конвоям. Однако нехватка конвойных судов заставила морское министерство вести политику обходных маршрутов на океанах впредь до того, как противник перейдет к неограниченной подводной войне. Система конвоев была введена в первую очередь у восточного побережья Англии. Однако потопление «Атении» нарушило эти планы, и мы немедленно ввели систему конвоя в Северной Атлантике.

Система конвоев была полностью подготовлена, и судовладельцы уже регулярно привлекались к консультациям по вопросам обороны, которые их непосредственно касались. Более того, были изданы инструкции, которыми капитаны должны были руководствоваться при осуществлении многих непривычных для них задач, с которыми они неизбежно могли столкнуться во время войны.

Были установлены специальные сигнальные и другие приборы, для того чтобы капитаны могли занять свое место в конвое. Моряки торгового флота с решимостью глядели в лицо неизвестному будущему. Не довольствуясь пассивной ролью, они требовали оружия. Международное право всегда оправдывало применение торговыми судами оружия в целях самообороны, и оборонительное вооружение всех торговых судов дальнего плавания наряду с обучением их команд представляло собой неотъемлемую часть планов военно-морского министерства, к осуществлению которых оно немедленно приступило. Заставить подводную лодку атаковать в погруженном состоянии, а не при помощи пушек в надводном положении — значило не только дать нашему судну большую возможность скрыться, но и вынудить атакующего более расточительно, а часто и бесполезно расходовать драгоценные торпеды. Предусмотрительность позволила сохранить орудия, оставшиеся от первой войны, для использования их в борьбе против подводных лодок. Однако мы испытывали серьезную нехватку зенитных орудий. Потребовалось много месяцев, чтобы обеспечить торговым судам надлежащую самозащиту от налетов авиации, и суда тем временем несли тяжелые потери. Мы в первые же дни наметили вооружить в течение ближайших трех месяцев тысячу судов, установив на каждом хотя бы по одному противолодочному орудию. Этот план был фактически осуществлен.

Кроме защиты нашего судоходства, нам нужно было очистить моря от немецких торговых судов и прекратить всякий

ввоз в Германию. Блокада проводилась со всей суровостью. Для руководства этой политикой было создано министерство экономической войны, в то время как контроль за ее осуществлением был поручен военно-морскому министерству. Сейчас, как и в 1914 году, открытые моря были почти тотчас очищены от вражеского судоходства. Немецкие суда либо укрылись в нейтральных портах, либо, будучи перехваченными, потоплены командами.

Тем не менее до конца 1939 года союзники захватили и использовали 15 судов общим водоизмещением 75 тысяч тонн.

Система конвоирования судов, отправляющихся за границу, была введена почти немедленно. 8 сентября начали действовать три главных маршрута, а именно: из Ливерпуля и из Темзы в западную часть океана и прибрежное конвоирование в районе между Темзой и Фортом. Штат работников для руководства конвоями в этих и многих других портах в самой Англии и за границей был включен в военный план, и люди уже были отправлены по месту назначения. Тем временем всем судам, находившимся в Ла-Манше и Ирландском море и не имевшим конвоя, было предложено вернуться в Плимут и в Милфорд-Хейвен. Плавание без конвоя запрещалось. В заморских владениях были предприняты меры для конвоирования судов, направляющихся на родину. Первый такой караван вышел из Фритауна 14 сентября и из Галифакса и Новой Шотландии 16 сентября. К концу месяца система конвоирования судов, отправлявшихся из Темзы и Ливерпуля и возвращавшихся из Галифакса, Гибралтара и Фритауна, действовала уже полностью.

* * *

После введения системы конвоев следующая военная задача заключалась в том, чтобы обеспечить безопасную базу для флота. 5 сентября в 10 часов вечера у меня состоялось длительное совещание по этому вопросу. Оно заставило вспомнить многое. В условиях войны с Германией Скапа-Флоу — лучшая стратегическая точка, базируясь на которую английский военно-морской флот может как контролировать выходы из Северного моря, так и осуществлять блокаду. Во время предыдущей войны лишь за два года до ее окончания было решено, что Большой флот обладает достаточным превосходством, чтобы его можно было перебросить в расположенный южнее Росайт, преимущество которого заключалось в том, что там был замечательный док. Однако в настоящий момент, учитывая большую отдаленность от немецких воздушных баз, база в Скапа-Флоу обладала явными преимуществами, и поэтому адмиралтейство в своих военных планах остановилось именно на ней.

Осенью 1914 года Большой флот был охвачен беспокойством. Стали поговаривать о том, что «немецкие подводные лодки проникают в гавани». Теперь, в 1939 году, нужно было считаться с двумя опасностями: во-первых, со старой опасностью проникновения подводных лодок и, во-вторых, с новой опасностью с воздуха. На этом совещании я с удивлением убедился, как мало принято мер для защиты от современных средств нападения и в одном и другом отношении. Противолодочные боновые заграждения новой конструкции были установлены во всех трех главных входах, но они состояли лишь из одной линии сетей. Источником беспокойства по-прежнему оставались узкие и извилистые подступы к восточной стороне Скапа-Флоу, которые были защищены лишь брандерами, оставшимися с прошлой войны и теперь дополненными двумя или тремя новыми. Учитывая увеличившийся размер, скорость и мощь современных подводных лодок, в ответственных кругах не считали более убедительными старые доводы о том, что сильное течение делает эти входы непреодолимыми для подводной лодки. В результате этого совещания, состоявшегося на второй день после моего прихода в военно-морское министерство, был издан ряд приказов об установке дополнительных сетей и определении мест затопляемых брандеров.

Новая опасность с воздуха почти целиком игнорировалась. Не считая двух зенитных батарей, установленных для защиты нефтяных цистерн флота и стоянки миноносцев, Скапа-Флоу не имела никакой противовоздушной обороны. Один аэродром, расположенный в Керкуолле, мог быть использован самолетами морской авиации, когда флот находился на базе, но не было принято никаких мер для немедленного привлечения королевских военно-воздушных сил к участию в обороне, а береговая радарная станция, несмотря на то, что она действовала, была не вполне эффективной. Были утверждены планы базирования двух эскадрилий истребителей в Уике, но это можно было практически осуществить лишь в 1940 году. Я потребовал разработки немедленного плана действия. К нашей противовоздушной обороне предъявлялись настолько большие требования, наши ресурсы были настолько ограниченны и наши уязвимые пункты, включая весь огромный Лондон, настолько многочисленны, что было бы бессмысленно просить многого. С другой стороны, нам нужно было оборонять от воздушного нападения лишь пять или шесть крупных судов, каждое из которых имело свое собственное мощное зенитное вооружение. Для того чтобы как-нибудь сдвинуть дело с мертвой точки, адмиралтейство решило предоставить две эскадрильи морских истребителей на то время, когда флот будет находиться в Скапа-Флоу.

Казалось, самое главное заключалось в том, чтобы как можно скорее обеспечить суда орудиями, а пока что флоту

оставалось снова, как в осенние дни 1914 года, начать «игру в прятки». На западном побережье Шотландии имеется много закрытых стоянок, которые можно легко защитить от подводных лодок при помощи сигнальных сетей и непрерывного патрулирования. Во время прошлой войны мы убедились, что маскировка представляет собой хорошую гарантию безопасности, но даже в те дни любопытство разведывательного самолета, к тому же, возможно, заправляемого горючим руками предателя, наполняло наши сердца страхом. Теперь, когда самолеты имели достаточный радиус действия, чтобы в любой момент заснять с воздуха все Британские острова, у нас не было никакой возможности надежно укрыться от нападений крупного масштаба как со стороны подводных лодок, так и авиации. Но так как нам приходилось заботиться об очень немногих судах, которые можно было часто передвигать с одного места на другое, и поскольку у нас не было никакого другого выхода, мы пошли на этот риск.

* * *

В первые две или три недели войны до окончания комплектования наших вспомогательных флотилий для борьбы с подводными лодками для того, чтобы восполнить пробелы, мы решили довольно широко использовать авианосцы для эскортирования невооруженных, неорганизованных и неконвоируемых судов, большое количество которых приближалось в это время к нашим берегам. Это был риск, но риск оправданный. Для этой цели был использован также авианосец «Корейджес», сопровождаемый четырьмя эсминцами.

17 сентября вечером двум эсминцам пришлось выйти на охоту за подводной лодкой, атаковавшей торговое судно. На закате, когда «Корейджес» стал под ветер для того, чтобы его самолеты могли сесть на палубу, он встретился с подводной лодкой, хотя при его неопределенном курсе был лишь один шанс из ста, что такая встреча произойдет. Из 1260 человек его экипажа утонуло пятьсот, включая его командира капитана I ранга Мейкига Джонса, который отказался покинуть корабль. За три дня до того еще один из наших авианосцев, которому впоследствии суждено было прославиться, «Арк Ройал», выполняя аналогичное задание, также подвергся нападению подводной лодки. К счастью, торпеды прошли мимо, а атаковавшую его подводную лодку немедленно потопили эсминцы сопровождения.

* * *

Одной из самых актуальных морских проблем, стоявших перед нами, была проблема эффективной борьбы с надводными

рейдерами, которые неизбежно должны были появиться так же, как это произошло в 1914 году.

12 сентября я написал следующую служебную записку:

Военно-морской министр — начальнику военно-морского штаба

12 сентября 1939 года

Планы использования крейсеров

«В прошлом мы пытались защищать свою торговлю от внезапных нападений с помощью крейсеров, причем, учитывая огромные океанские пространства, которые надлежало контролировать, мы руководствовались принципом: «чем больше, тем лучше». В поисках вражеских рейдеров и крейсеров даже небольшие крейсера могли играть свою роль, и в случае с «Эмденом» нам пришлось собрать более 20 судов, прежде чем удалось его поймать. Однако планы дальнего прицела требуют создания нового поискового соединения. В то время как крейсерская эскадра, состоящая из четырех судов, может вести поиски на фронте, скажем, 80 миль, один крейсер, сопровождаемый авианосцем, может охватить по крайней мере 300 миль, а если принять в расчет движение судна, то охватываемое расстояние увеличится до 400 миль. С другой стороны, можно опасаться, что рейдеры будущего будут представлять собой мощные суда, охотно вступающие в единоборство с отдельным кораблем. Простым увеличением числа небольших слабых крейсеров мы не сумеем очистить моря от мощных рейдеров. Более того, такие слабые крейсера явятся легкой добычей. Рейдер, который удастся наконец окружить, сумеет уничтожить один слабый корабль и прорваться сквозь кордон.

Каждое поисковое соединение должно быть способно найти, захватить и уничтожить противника. Для этой цели потребуется ряд крейсеров, более мощных, чем крейсера водоизмещением по 10 тысяч тонн, или крейсерские пары нашего десятитысячетонного типа. Их должны сопровождать небольшие авианосцы самого малого водоизмещения, несущие на борту одну или две дюжины самолетов. Идеальным поисковым соединением было такое — мощный корабль или два менее мощных корабля, плюс один авианосец, плюс четыре крупных эсминца, плюс два-три относительно быстроходных танкера специальной конструкции. Такое соединение было бы защищено в плавании от подводных лодок и могло вести поиск на огромной площади и уничтожить при обнаружении любой одиночный рейдер».

Эта политика формирования охотничьих групп, изложенная в моей служебной записке, политика создания правильно составленных охотничьих групп, способных вести поиски на

большой площади в одолеть любой рейдер, попадающийся в районе поиска, осуществлялась нами, насколько это позволяли наши ограниченные ресурсы, и я коснусь этого вопроса в последующих главах. Та же идея в более развернутой форме была затем принята Соединенными Штатами в виде системы оперативных групп, явившейся важным вкладом в искусство войны на море.

* * *

К концу сентября у нас не было особых оснований для разочарования результатами первого этапа войны на море. Я чувствовал, что достаточно глубоко вник в работу этого большого министерства, которое я так хорошо знал и любил. Я теперь знал, где что делается и где что предполагается делать. Я знал, где что находится. Я посетил все главные военно-морские базы и виделся со всеми командующими. По существующему положению военно-морской министр «несет ответственность перед короной и парламентом за всю деятельность военно-морского министерства», и я, бесспорно, был готов нести эту ответственность не только по форме, но и по существу.

В общем, сентябрь был вполне успешным и плодотворным месяцем для нашего военно-морского флота. Мы совершили огромный, трудный и опасный переход от мира к войне. В первые несколько недель нашему торговому флоту, подвергшемуся неожиданному нападению немецких подводных лодок, вопреки официальным международным соглашениям о подводной войне, пришлось поплатиться. Однако теперь система конвоев уже действовала полностью, и наши торговые суда, десятками выходившие каждый день из наших портов, имели на корме орудия, иногда зенитные, и ядро обученных артиллеристов.

Траулеры, снабженные прибором «Асдик», и другие небольшие корабли, вооруженные глубинными бомбами, подготовленные нашим министерством еще до начала подводной войны, каждый день вступали в строй, имея на борту обученные команды. Мы все считали, что первая атака немецких подводных лодок на английские торговые суда отбита и что угроза находится под надежным и усиливающимся контролем. Было очевидно, что немцы будут строить подводные лодки сотнями, и никто не сомневался, что целые стаи их уже находятся на стапелях на различных этапах строительства. Через год-полтора мы должны были ожидать начала широкой подводной войны. Однако мы надеялись, что к тому времени наши многочисленные новые флотилии и суда для борьбы с подводными лодками, строительство которых осуществлялось в первую очередь, будут готовы и значительно превзойдут силы противника. Острый недостаток в зенитных орудиях, особенно в орудиях калибра 3,7 дюйма, и

«Бофорс», к сожалению, мог быть восполнен лишь через много месяцев. Однако были приняты меры к тому, чтобы в пределах наших возможностей обеспечить оборону наших военно-морских баз. А тем временем флот, господствовавший на океанах, должен был продолжать «игру в прятки».

* * *

На морских просторах противник пока не представлял какой-либо угрозы нашим интересам. После временного прекращения плавания по Средиземному морю наши суда вскоре снова стали пользоваться этим неоценимым коридором. В то же время переброска экспедиционных войск во Францию протекала бесперебойно. Флот метрополии «где-то на севере» был готов пресечь любую вылазку, которую мог предпринять противник своим небольшим числом тяжелых кораблей. Блокада Германии осуществлялась теми же методами, что и в предыдущей войне. Отряд патрулирования в северных водах охранял район между Шотландией и Исландией, и к концу первого месяца войны мы захватили около 300 тысяч тонн товаров, предназначавшихся для Германии, против 140 тысяч тонн, потерянных нами в результате действий врага на море. На океанах наши крейсера выслеживали немецкие корабли и в то же время обеспечивали защиту наших торговых судов от нападения рейдеров. Таким образом, немецкое торговое судоходство прекратилось. К концу сентября около 325 немецких судов общим водоизмещением 750 тысяч тонн стояли в иностранных портах без движения. Поэтому их так мало попало в наши руки.

Наши союзники тоже играли свою роль. Французы принимали активное участие в контроле над Средиземным морем. Во внутренних водах и в Бискайском заливе они помогали нам вести войну с немецкими подводными лодками, а в центральной части Атлантики крупные силы, базировавшиеся на Дакар, были включены в разработанный союзниками план борьбы против надводных рейдеров.

Молодой польский флот тоже отличился. Еще в начале войны три новейших эсминца и две подводные лодки, «Вилк» и «Ожел», бежали из Польши и, несмотря на немецкие корабли в Балтийском море, успешно достигли Англии. История бегства подводной лодки «Ожел» весьма поучительна. Выйдя из Гдыни, когда немцы вторглись в Польшу, она сначала плавала в Балтийском море, а затем 15 сентября зашла в нейтральный порт Таллинн, чтобы высадить своего больного капитана. Эстонские власти решили интернировать лодку, выставили охрану, изъяли карты и вынули затворы из орудий. Однако командир лодки не растерялся и, сломив сопротивление охраны, вышел в море. В последующие недели за подводной лодкой непрерывно охотились

дозоры на море и в воздухе, но в конце концов ей удалось выбраться из Балтийского моря в Северное, несмотря на отсутствие карт. Здесь она сумела сообщить по радио одной английской станции свое местонахождение, и 14 октября ее встретил и сопроводил английский эсминец.

* * *

В сентябре президент Рузвельт обрадовал меня личным письмом. Я встретился с ним лишь один раз во время прошлой войны на обеде в Грейз Инн, и эта великолепная юная и мощная фигура произвела на меня большое впечатление. Однако тогда мы лишь поздоровались друг с другом.

Президент Рузвельт — Черчиллю 11 сентября 1939 года

«В мировую войну мы занимали с Вами одинаковые посты, и я хочу сообщить Вам, как я рад Вашему возвращению в военно-морское министерство. Я понимаю, что стоящие перед Вами проблемы осложняются новыми факторами, но в основном они не слишком изменились. Я хочу, чтобы Вы и премьер-министр знали, что я всегда буду рад, если Вы лично будете держать меня в курсе всего, о чем Вы хотели бы меня осведомить. Можете в любое время посылать мне запечатанные письма через свою или мою дипломатическую почту.

Я очень рад, что Вы успели закончить книги о Мальборо до того, как все это началось. Я прочел их с большим удовольствием».

Я сразу же откликнулся на письмо, подписав его псевдонимом «Бывший военный моряк». Так началась наша долгая и памятная переписка, включающая, пожалуй, по тысяче писем с обеих сторон и продолжавшаяся до смерти Рузвельта, последовавшей пять с лишним лет спустя.

Глава третья

ГИБЕЛЬ ПОЛЬШИ

Английское правительство стало очевидцем быстрого и почти механического уничтожения более слабого государства в согласии с методами и давними планами Гитлера. Польша была открыта германскому вторжению с трех сторон. Всего армии вторжения состояли из 56 дивизий, в том числе 9 танковых. Из Восточной Пруссии 3-я армия (8 дивизий) наступала к югу на Варшаву и Белосток. 4-я армия (12 дивизий), наступавшая из Померании, имела приказ уничтожить польские войска в Дан-

цигском коридоре и двинуться затем на юго-восток к Варшаве по обоим берегам Вислы. Граница у познанского выступа удерживалась германскими резервными войсками, стоявшими в обороне, но на их правом фланге к югу находилась 8-я армия (7 дивизий), в задачу которой входило прикрывать левый фланг войск, наносящих главный удар. Нанесение этого удара было поручено 10-й армии (17 дивизий), направлявшейся прямо на Варшаву. Южнее 14-я армия (14 дивизий) имела две задачи: во-первых, занять важный промышленный район к западу от Кракова, а затем в случае успеха на главном фронте направиться непосредственно к Львову на юго-восток Польши.

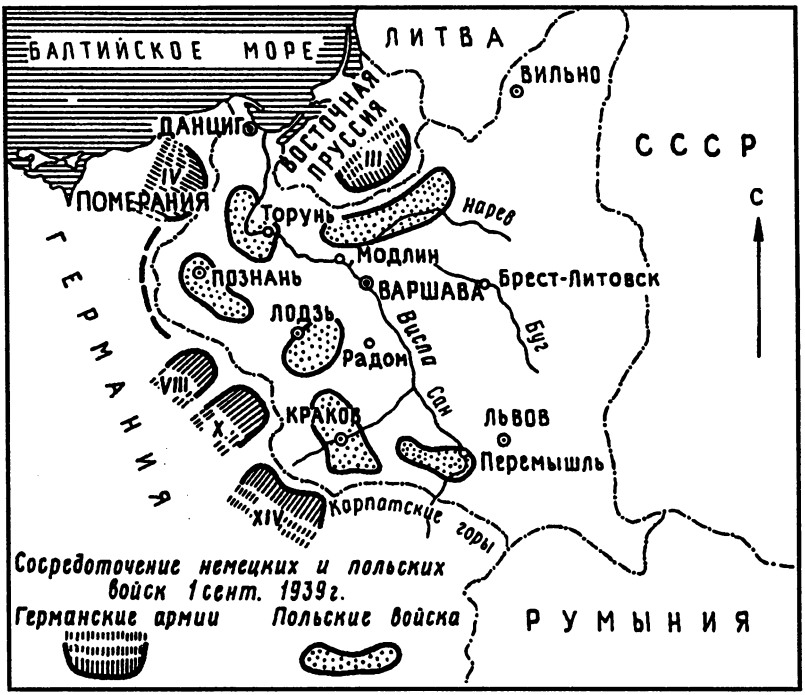
Таким образом, немецкие войска должны были сначала просочиться в расположение польских войск на границе, а затем окружить их двумя охватывающими ударами и разгромить.

На Польшу было брошено свыше полутора тысяч современных самолетов. Им предстояло прежде всего разгромить польскую авиацию, затем поддержать армию на поле боя и, кроме того, наносить удары по военным сооружениям, железнодорожным и шоссейным коммуникациям и повсюду сеять ужас.

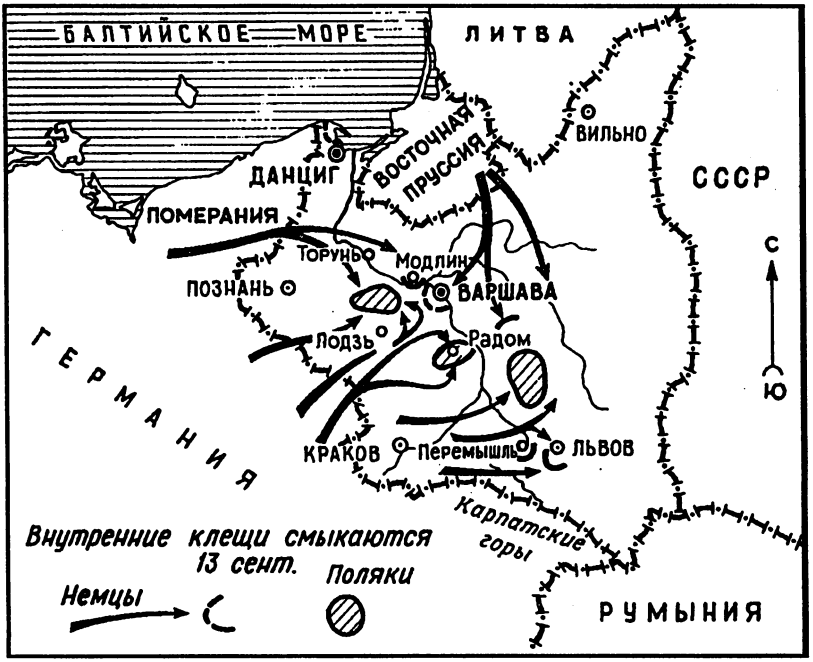
По численности и вооружению польская армия не могла тягаться с наступавшим противником, да и диспозицию ее нельзя было признать разумной. Все польские вооруженные силы были разбросаны вдоль границ Польши. Резервов в центре не было. Гордо и высокомерно отвергая германские притязания, поляки тем не менее боялись, как бы их не обвинили в провокации, если они проведут мобилизацию заблаговременно, чтобы противостоять накапливавшимся вокруг них силам. 30 дивизий, представлявших лишь две трети польской действующей армии, были готовы или почти готовы принять на себя первый удар. Быстрота, с которой развивались события, и энергичное вмешательство германской авиации не позволили остальной части польских вооруженных сил выйти на передовые позиции, пока все не было кончено, и они приняли участие лишь в последних фазах катастрофы. Таким образом, на большом протяжении 30 польских дивизий оказались лицом к лицу с почти вдвое превосходящими силами, не имея за своей спиной никакого прикрытия. Они уступали немцам не только численно; они сильно отставали и в артиллерии, а девяти германским танковым дивизиям они могли противопоставить лишь одну бронетанковую бригаду. 12 бригад польской кавалерии мужественно атаковали полчища танков и бронемашин, но не могли причинить им вреда своими саблями и пиками. 900 самолетов первой линии, из которых, пожалуй, лишь половина была современной конструкции, были захвачены врасплох, а многие уничтожены еще на земле.

По плану Гитлера, германские армии выступали в поход 1 сентября; впереди них германская авиация наносила удар

по польским эскадрильям на аэродромах. За два дня польская авиация была фактически уничтожена. За неделю германские армии вторглись в глубь Польши. Повсюду им оказывалось мужественное, но тщетное сопротивление. Все польские армии на границах, кроме познанской группы, фланги которой были глубоко изогнуты, были отброшены назад, Лодзинская группа была расколота надвое главными силами германской 10-й армии. Половина отступила на восток, к Радому, другая была вынуждена отступать на северо-запад. В прорыв устремились две танковые дивизии, двигавшиеся прямо на Варшаву. Севернее германская 4-я армия достигла Вислы, форсировала ее и двинулась вдоль реки, наступая на Варшаву. Только польская северная группа сумела несколько задержать германскую 3-ю армию. Вскоре поляки были обойдены с флангов и откатились к реке Нарев, единственной, где заранее была подготовлена довольно сильная оборонительная система. Таковы были результаты первой недели блицкрига.

Вторая неделя ознаменовалась ожесточенными боями, и к концу ее польская армия, насчитывавшая номинально около

двух миллионов человек, перестала существовать как организованная сила. На юге 14-я германская армия двигалась к реке Сан. К северу от нее были окружены и разгромлены четыре польские дивизии, отступившие к Радому. Две танковые дивизии 10-й армии достигли предместья Варшавы, но, не имея за собой пехоты, не смогли подавить отчаянное сопротивление населения города. К северо-востоку от Варшавы 3-я армия обложила столицу с востока, а ее левый фланг достиг Брест-Литовска в ста милях за линией фронта.

Внутри этих варшавских клещей сражалась и гибла польская армия. К ее познанской группе присоединились дивизии из торуньской и лодзинской групп, отброшенные натиском немцев. Теперь познанская группа насчитывала 12 дивизий, и через ее южный фланг 10-я германская армия стремительно шла на Варшаву, защищенная лишь относительно слабой 8-й армией. Уже находясь фактически в окружении, польский командующий познанской группой генерал Кутшеба решил ударить на юг по флангу основных германских сил. Эта смелая польская контратака, известная под названием битвы на реке Бзура, вызвала кризис, захвативший не только германскую 8-ю армию, но и часть 10-й, отвлеченной от наступления на Варшаву, и даже корпус 4-й армии с севера. Под натиском

всех этих мощных сил, под сокрушительными ударами с воздуха, не встречавшими никакого сопротивления, познанская группа десять дней вела свою славную борьбу. 19 сентября она была окончательно стерта с лица земли.

В то же время сомкнулись внешние клещи. 12 сентября 14-я армия достигла предместий Львова и, двинувшись на север, 17 сентября соединилась с частями 3-й армии, прошедшими через Брест-Литовск. Всякая возможность бегства для смелых одиночек исключалась. 20 сентября немцы назвали битву за Вислу «одной из величайших битв всех времен на уничтожение»

Наступила очередь Советов. 17 сентября русские армии хлынули через почти незащищенную польскую восточную границу и покатились широким фронтом на запад. 18 сентября они оккупировали Вильнюс и встретились со своими германскими партнерами в Брест-Литовске.

Гибель Польши и ее полное покорение шли быстрыми темпами. Незахваченными оставались Варшава и Модлин. Блестящее сопротивление Варшавы, в значительной мере возникшее из стихийного сопротивления ее граждан, заранее было обречено на неудачу. После многих дней сильной авиа-

ционной бомбардировки и артиллерийского обстрела, причем много артиллерийских орудий было быстро переброшено по автострадам с неподвижного Западного фронта, Варшавское радио перестало исполнять польский национальный гимн, и Гитлер вступил в развалины города. Модлин, крепость в двадцати милях ниже по течению Вислы, принял остатки торуньской группы и боролся до 28 сентября. Так за один месяц все было кончено и страна с населением в 35 миллионов человек попала в беспощадные тиски тех, кто добивался не только ее завоевания, но и фактического порабощения и даже уничтожения большей части ее населения[1].

Мы видели великолепный образец современного блицкрига: тесное взаимодействие на поле боя армии и авиации; усиленная бомбардировка коммуникаций и городов, представлявших

---

[1] Секретным протоколом, дополнявшим советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., разграничительная линия между сферами интересов СССР и Германии определялась по рекам Нарев, Висла, Сан, а вопрос о «сохранении независимости польского государства» предусматривалось решить в ходе «будущих политических событий». С началом войны войска вермахта быстро вышли к разграничительной линии и в ряде мест нарушили ее, продолжая двигаться на восток. Это вызывало опасения Советского правительства в несоблюдении немцами достигнутых в Москве договоренностей. Однако советские войска не переходили советско-польскую границу, несмотря на призывы Германии вступить в Польшу (и разделить вину рейха в развязывании войны).

Красная Армия вступила в пределы Польши только 17 сентября, когда управление государством и армией было нарушено, местопребывание правительства и главного командования не было известно, страна стала неуправляемой. Войска Красной Армии имели ограниченную задачу «взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Эти территории были отторгнуты от Советской России в результате советско-польской войны 1920 г. Вступление Красной Армии в Польшу было в целом негативно воспринято польской общественностью, но жители Западной Украины и Западной Белоруссии встречали наши войска как освободителей. Польские соединения и части, как правило, не оказывали сопротивления советским войскам, хотя отдельные бои и стычки имели место.

Как свидетельствуют документы (интервью Ворошилова 27 августа о поставке СССР оружия жертвам агрессии, запрос советского полпреда в Польше Н. И. Шаронова 2 сентября о том, будет ли Польша нуждаться в советской материальной помощи, упоминание Молотовым в беседе с Шуленбургом 19 сентября о первоначальном намерении Правительства СССР «допустить существование» в какой-то форме польского государства и др.), СССР в августе — начале сентября не стремился к ликвидации польской государственности. Но когда в боях с польской армией проявилась военная мощь вермахта, когда немцы нарушили демаркационную линию, когда в ходе выдвижения наших войск к границе обнаружились серьезные недостатки в их подготовке и оснащении, тогда Сталин, стремясь отодвинуть советскую западную границу как можно дальше, но не желая осложнять отношений с Гитлером, предложил установить границу сфер интересов по линии Керзона, признанной Версальским договором границей Польши. Это нашло отражение в договоре с Германией о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Этот договор, как и пакт о ненападении, потерял юридическую силу с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г.

сколько-нибудь заманчивую цель; вооружение активной «пятой колонны»; широкое использование шпионов и парашютистов; а главное — непреодолимый натиск огромных масс танков. Поляки были не последними, на чью долю выпало это тяжелое испытание.

* * *

Советские армии продолжали наступать к линии, предусмотренной соглашением с Гитлером. 28 сентября состоялось официальное подписание русско-германского договора о разделе Польши.

Я по-прежнему был убежден в глубоком и, на мой взгляд, непреодолимом антагонизме между Россией и Германией и цеплялся за надежду, что Советы будут перетянуты на нашу сторону силой событий. Я не давал поэтому воли возмущению, которое вызвала у меня и у моих коллег по правительству их равнодушная жестокая политика. У меня никогда не было никаких иллюзий на их счет. Но во всяком случае они не были нам ничем обязаны. Кроме того, в войне не на жизнь, а на смерть чувство гнева должно отступить на задний план перед целью разгрома главного непосредственного врага. Поэтому в меморандуме для военного кабинета, написанном 25 сентября, я холодно отметил:

«Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла как враг Польши те же самые позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг. Разница фактически не так велика, как могло показаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвинуться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт. Для наблюдения за ним придется оставить крупную германскую армию. Насколько мне известно, генерал Гамелен определяет ее численность по меньшей мере в 20 дивизий, но их вполне может быть 25 и даже больше. Поэтому Восточный фронт потенциально существует».

В выступлении по радио 1 октября я заявил:

«Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна и что Польша снова появится, как утес, который временно оказался захлестнутым сильной волной, но все же остается утесом.

Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России».

Премьер-министр был полностью согласен со мной. «Я придерживаюсь того же мнения, что и Уинстон, — писал он в письме своей сестре, — замечательное выступление которого по радио мы только что слышали. Я думаю, что Россия всегда будет действовать сообразно ее собственным интересам, и не могу поверить, чтобы она сочла победу Германии и последующее установление германского господства в Европе отвечающими ее интересам»[1].

Глава четвертая

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО КАБИНЕТА

4 сентября состоялось первое заседание военного кабинета. На заседание были приглашены начальники штабов видов вооруженных сил, а также некоторые видные государственные деятели — министры, не входившие в состав военного кабинета. С этих пор мы совещались ежедневно, а зачастую и дважды в день. Каждое утро начальник имперского генерального штаба генерал Айронсайд, стоя у карты, делал простран-

[1] Feiling. Op. cit. P. 425.

ные обзоры, которые очень скоро не оставили у нас ни малейшего сомнения, что сопротивление Польши будет быстро сломлено. Каждый день я представлял кабинету министров доклад военно-морского министерства, обычно содержавший списки английских торговых судов, потопленных немецкими подводными лодками. Началась переброска во Францию английских экспедиционных войск в составе четырех дивизий, и министерство авиации выражало сожаление по поводу запрещения бомбардировать военные объекты в Германии. В остальном большие дела вершились на внутреннем фронте, и, конечно, шли бесконечные разговоры о внешней политике, особенно о позиции Советской России и Италии, и о политике, которой следует придерживаться на Балканах.

Самым важным мероприятием было создание комитета сухопутных сил под руководством сэра Сэмюэля Хора, в то время лорда—хранителя печати. Этот комитет должен был заниматься выработкой рекомендаций военному кабинету по созданию армии. Я участвовал в работе этого небольшого комитета, который собирался в здании министерства внутренних дел, и однажды, заслушав доклады генералов, я согласился с ними в том, что нам следует приступить к созданию армии в 55 дивизий, а также военных заводов и тыловых служб всех видов, необходимых для обеспечения армии при действиях на поле боя. Мы рассчитывали, что через полтора года две трети этих сил, а это довольно значительные силы, либо уже будут посланы во Францию, либо будут готовы для отправки на фронт. Члены военного кабинета разошлись во мнениях и только через неделю или больше решили принять рекомендацию комитета сухопутных сил о создании армии численностью в 55 дивизий или, вернее, поставить перед собой такую задачу.

Я считал, что, как член военного кабинета, я обязан придерживаться общей точки зрения, и я не отказывался подчинить свои собственные ведомственные нужды основному плану. Я стремился найти общую почву с премьер-министром, а также передать ему все свои знания в этой области, накопленные до этого. Поощренный его вежливостью, я написал ему ряд писем по различным проблемам по мере их возникновения. Я не хотел вступать с ним в споры на заседаниях кабинета и всегда предпочитал излагать все на бумаге. Почти во всех случаях мы приходили к согласию и, хотя вначале у меня создалось впечатление, что он держится настороже, тем не менее я рад сказать, что с каждым месяцем его доверие и доброжелательность, видимо, росли. Об этом свидетельствует и его биограф. Я писал также другим членам военного кабинета и министрам, с которыми у меня были ведомственные и другие дела. Военному кабинету несколько мешало то, что он редко собирался без секретарей и военных экспертов. Это был

серьезный и работоспособный орган, а преимущество свободного обсуждения вопросов без всяких формальностей и протоколов людьми, столь тесно связанными общей задачей, очень велико. Подобные заседания служат важным дополнением к официальным встречам, когда делаются дела, а решения заносятся на бумагу в качестве руководства к действию. И то, и другое необходимо для решения труднейших вопросов.

Меня весьма глубоко волновала судьба огромной массы тяжелой артиллерии, которая была произведена в прошлую войну в мою бытность министром боеприпасов. Для производства такого рода оружия требуется года полтора, а для армии, независимо от того, находится ли она в обороне или в наступлении, очень важно иметь в своем распоряжении массы тяжелой артиллерии. Я еще достаточно хорошо помнил борьбу, которую пришлось выдержать Ллойд Джорджу с военным министерством в 1915 году, все политические страсти, разгоревшиеся по вопросу о создании сверхтяжелой артиллерии. Я помню, что этот план оправдал себя на практике. Характер войны на суше, когда он наконец выявился восемь месяцев спустя в 1940 году, резко отличался от того, что было в 1914—1918 годах. Однако, как мы увидим, эти тяжелые орудия сыграли важную роль в обороне страны. В это время я был убежден, что у нас есть клад, которым глупо было бы пренебрегать.

Я написал письмо премьер-министру по этому и по другим вопросам.

Военно-морской министр — премьер-министру

10 сентября 1939 года

«Я надеюсь, Вы не будете возражать, что я посылаю Вам несколько замечаний конфиденциально.

1. Я по-прежнему считаю, что нам не следует первыми начинать бомбардировку, за исключением разве района, непосредственно прилегающего к зоне действия французских войск, которым мы, конечно, должны помочь. В наших интересах, чтобы война велась в соответствии с наиболее гуманными концепциями, и в неизбежном процессе повышения суровости и жестокости нам лучше следовать за немцами, а не опережать их. С каждым днем население Лондона и других крупных городов получает новые убежища, и через пару недель у нас будет гораздо больше сравнительно надежных бомбоубежищ, чем сейчас.

2. Вы, должно быть, знаете, что нам сообщили о состоянии наших небольших экспедиционных войск: у них не хватает танков, обученных расчетов для минометов и прежде всего тяжелой артиллерии. Надо ожидать справедливой критики, ес-

ли обнаружится, что у нас не хватает тяжелых орудий... В 1919 году, после войны, когда я был военным министром, я распорядился свезти на склады массу тяжелых орудий, смазать их и содержать в порядке. Мне помнится также, что в 1918 году по заказу главного командования мы сделали две двенадцатидюймовые гаубицы для использования в нашем наступлении в Германии в 1919 году. Они так и не были применены, но это было последнее слово техники. Нельзя так просто ими пренебрегать... Мне кажется, необходимо сначала срочно посмотреть, что делается на складах, а затем немедленно привести все в порядок и выпустить боеприпасы новейшего образца. Если речь будет идти о тяжелых орудиях, то военно-морское министерство может прийти на помощь, так как мы очень благосклонно относимся ко всему большому...

3. Вы, вероятно, хотите знать, каких принципов я придерживаюсь при пересмотре программы строительства новых судов. Я предполагаю пока прекратить всякое строительство, за исключением трех или четырех новых линкоров. В настоящее время меня не интересуют суда, которые не смогут вступить в строй до 1942 года. Это решение должно быть пересмотрено через полгода. В результате этого изменения я получаю возможность помочь армии. С другой стороны, мне придется принять решительные меры к тому, чтобы скорее ввести в строй москитный флот для борьбы с подводными лодками. В данном случае большое значение имеет количество. Многие суда будут готовы в 1940 году, но их будет недостаточно, учитывая, что придется отражать нападения 200 или 300 немецких подводных лодок летом 1940 года...»

Военно-морской министр — премьер-министру

15 сентября 1939 года

«Поскольку я уезжаю до понедельника, мне хотелось сообщить Вам свою оценку создавшейся обстановки.

Мне кажется маловероятным, чтобы немцы предприняли наступление на западе в это позднее время года... Их план, очевидно, состоит в том, чтобы продолжать наступление через Польшу, Венгрию и Румынию к Черному морю, и не исключено, что у них есть договоренность с Россией, в соответствии с которой она получит часть Польши и вернет себе Бессарабию... Гитлеру очень важно использовать свои восточные связи и источники продовольствия на зимние месяцы, чтобы таким образом создать у своего народа впечатление непрерывных успехов и уверенность в ослаблении нашей блокады. Поэтому я не думаю, что он начнет наступление на западе, пока не соберет свою легкую добычу, которая его ждет на востоке.

Тем не менее, я считаю, что мы должны тщательно подготовиться к обороне на западе. Нужно сделать все, чтобы заставить

Бельгию принять необходимые меры предосторожности вместе с французскими и английскими армиями. Тем временем необходимо использовать все средства для срочного укрепления французской границы с Бельгией. В частности, надо построить противотанковые препятствия: вбить в землю рельсы, вырыть глубокие рвы, построить надолбы, заложить мины в одних местах и подготовить все для затопления других мест и т. д. — все это вместе должно образовать глубокоэшелонированную оборону. Наступление трех или четырех германских танковых дивизий, которое оказалось столь успешным в Польше, может быть остановлено лишь с помощью естественных препятствий, защищаемых храбрыми войсками и мощной артиллерией... Без естественных преград атаку танков отразить невозможно.

Я очень рад, что орудия, которые я велел приберечь на складах в 1919 году, теперь могут быть использованы. На этих складах оказалось 32 двенадцатидюймовых орудия, 145 девятидюймовых, большое количество восьмидюймовых, около 200 шестидюймовых орудий, гаубицы и множество боеприпасов. Фактически это артиллерия не только наших небольших экспедиционных войск, а большой армии. Надо немедленно отправить часть этих орудий на фронт, чтобы наши солдаты, испытывающие недостаток в других видах оружия, не страдали от нехватки тяжелой артиллерии...

Надеюсь, что Вы с вниманием отнесетесь к тому, что я Вам пишу. Я это делаю, руководствуясь только желанием помочь Вам в выполнении Вашего долга и выполняя свой собственный».

16 сентября премьер-министр ответил мне:

«Все Ваши письма я прочел самым внимательным образом и если я на них не ответил, то только потому, что вижусь с Вами ежедневно, а также потому, что, насколько я мог убедиться, наши с Вами взгляды почти совпадают... По-моему, кампания в Польше показала, что все дело в авиации, которая установила безраздельное господство в воздухе и парализовала действия наземных войск... Поэтому мне кажется, хотя я еще подожду доклада комитета сухопутных сил, прежде чем принять решение, что абсолютный приоритет должны получить наши планы быстрого увеличения военно-воздушных сил, а масштабы наших усилий на суше должны определяться теми ресурсами, которые останутся *после того*, как мы увеличим свою авиацию»

Военно-морской министр — премьер-министру

18 сентября 1939 года

«Вполне согласен с Вами, что авиация нам нужна в первую очередь, и я даже иногда думаю, что именно она, возможно,

проложит путь к победе. С другой стороны, доклад министерства авиации, с которым я только что ознакомился, содержит много огромных и недостаточно обоснованных требований, которые в настоящее время неосуществимы и которые, если им отдать абсолютное предпочтение, могут задержать выполнение ряда других неотложных военных мероприятий.

Мое настойчивое желание, чтобы планы создания армии были рассчитаны на 50—55 дивизий, объясняется моими сомнениями, согласятся ли французы на такое разделение функций, при котором мы будем действовать на море и в воздухе, а им придется вести почти все самые кровопролитные бои на суше. Конечно, такое положение устраивало бы нас, но мне не нравится мысль, что нам придется продолжать войну одним.

Предоставление абсолютного приоритета любому министерству чревато серьезной опасностью. В прошлой войне военно-морское министерство пользовалось своим приоритетом произвольно и эгоистично, особенно в последний год войны, когда наш военно-морской флот занимал господствующее положение и к тому же имел поддержку американского военно-морского флота. В общих интересах я все время сдерживаю подобные тенденции.

Я думаю, что было бы разумно сообщить французам о нашем намерении создать армию в 50—55 дивизий. Но будет ли она создана через два года, через два с половиной или три года, этот вопрос должен решаться в зависимости от обстоятельств».

* * *

В каждой войне, в которой английский военно-морской флот претендовал на господство на морях, ему приходилось расплачиваться тем, что он предоставлял противнику множество целей, по которым тот мог наносить удары. Капер, крейсер-рейдер и прежде всего подводная лодка причиняли в самых разнообразных условиях войны огромный ущерб жизненным линиям нашей торговли и снабжения продовольствием. Поэтому мы всегда вынуждены были прежде всего думать об обороне. Из этого вытекает опасность того, что мы можем ограничиться оборонительной военно-морской стратегией и будем настроены соответствующим образом. Современные события усугубили эту тенденцию. В двух великих мировых войнах, когда я известное время руководил морским министерством, я всегда старался бороться с этой навязчивой идеей обороны, изыскивая различные способы контрнаступления. Заставить противника гадать, где ему будет нанесен следующий удар, — вот что может необычайно облегчить процесс благополучной доставки в порты сотен конвоев и тысяч тор-

говых судов. В первой мировой войне я надеялся найти в Дарданеллах, а позже в атаке на Боркум и другие Фризские острова возможность захватить инициативу и вынудить более слабую морскую державу изучать в первую очередь свои собственные проблемы, а не наши. Будучи вновь призван в военно-морское министерство в 1939 году, как только были удовлетворены неотложные нужды и предотвращены непосредственные опасности, я не мог довольствоваться политикой «конвоя и блокады». Я упорно искал способа нападения на Германию морскими средствами.

Прежде всего пришла на ум Балтика. Господство английского флота на Балтике, возможно, повлекло бы за собой решающее преимущество. Скандинавия, избавленная от угрозы германского вторжения, была бы, таким образом, вовлечена в нашу систему военной торговли, если бы не стала фактически совместно воюющей с нами стороной. Английский флот, овладевший Балтикой, сможет протянуть руку России, что будет иметь решающее значение для всей советской политики и стратегии. Эти факты не оспаривались ответственными и осведомленными людьми. Господство на Балтике было бы явным и высочайшим достижением не только для королевского военно-морского флота, но и для Англии.

На четвертый день работы в военно-морском министерстве я попросил морской штаб подготовить план операции в Балтийском море. Отдел планов быстро ответил, что Италия и Япония должны придерживаться нейтралитета, что угроза воздушного нападения представляет серьезное препятствие, но что во всех других отношениях эта операция оправдывает детальное ее планирование и в случае, если ее сочтут осуществимой, должна быть предпринята в марте 1940 года или ранее. Тем временем я вел длительные беседы с руководителем отдела военно-морского строительства сэром Стенли Гудоллом, одним из моих друзей еще с 1911—1912 годов. Гудолл сейчас же загорелся этой идеей. Я назвал план «Кэтрин» в честь Екатерины Великой, ибо в глубине моих помыслов была Россия. 12 сентября я смог написать подробную памятную записку соответствующим властям.

Адмирал Паунд ответил 20 сентября, что успех операции зависит от того, присоединится ли Россия к Германии, а также от того, будет ли обеспечено сотрудничество Норвегии и Швеции. Паунд сказал, что мы должны быть в состоянии выиграть войну против любой возможной комбинации держав, несмотря ни на какие силы, посланные в Балтику. Тем не менее он высказывался за изучение возможностей. 21 сентября он согласился, чтобы адмирал флота граф Корк-энд-Оррери, офицер выдающихся способностей и знаний, был привлечен к работе в адмиралтействе, получив в свое распоряжение отдел и со-

ответствующий штат и любую информацию, необходимую для изучения и планирования проекта наступления в Балтике.

Одной из моих первоочередных обязанностей в военно-морском министерстве было изучение программ нового кораблестроения, которые начали осуществляться с начала войны. Мне очень хотелось построить несколько крейсеров по 14 тысяч тонн водоизмещением с орудиями в 9,2 дюйма, с хорошей броней, способной выдержать обстрел восьмидюймовыми снарядами, с большим радиусом действия и с гораздо большей скоростью, чем у «Дойчланда» или другого немецкого крейсера. До сих пор этому препятствовали договорные ограничения. Теперь, когда мы были свободны от них, более срочные военные дела не позволяли нам заниматься такими планами, рассчитанными на столь длительные сроки.

Нашей самой острой потребностью и самым слабым местом были эсминцы. Ни одного эсминца не было включено в программу 1938 года, но в 1939 году было заказано 16. Всего на верфях было заложено 32 этих необходимых корабля, из которых только девять могли вступить в строй до конца 1940 года. Непреодолимая тенденция усовершенствовать каждую последующую флотилию по сравнению с предыдущей затянула строительство почти до трех лет вместо двух. Естественно, что военно-морской флот хотел иметь корабли, приспособленные к операциям в открытых водах Атлантики и достаточно большие, чтобы вмещать все новинки в области артиллерии и в особенности противовоздушной обороны. Совершенно очевидно, что, следуя этим веским аргументам, скоро адмиралтейство пришло к такому положению, когда стали строить не эсминцы, а легкие крейсера. Их водоизмещение приближается к двум тысячам тонн и даже превосходит эту цифру, и на борту этих незащищенных броней судов, которые могут стать легкой добычей обычного крейсера, находится команда более чем в двести человек. Эсминец — главное оружие против подводной лодки, но по мере увеличения его размеров он сам становится хорошей мишенью. Таким образом, легко переступить грань, за которой преследующий становится преследуемым. Мы были заинтересованы в том, чтобы иметь побольше эсминцев, но их постоянное усовершенствование и рост строго ограничивали число эсминцев, которые могли построить наши верфи, и очень затягивали срок их строительства.

Мой долг состоял в приспособлении наших программ к потребностям момента и в максимальном расширении строительства кораблей, предназначенных для борьбы с подводными лодками. С этой целью было принято два принципа. Во-первых, следовало либо вообще приостановить осуществление долгосрочной программы, либо сильно затянуть ее и таким образом сконцентрировать рабочую силу и материалы на строительстве, которое могло быть завершено в первые год-полто-

ра. Во-вторых, должны были быть сконструированы новые типы кораблей, предназначенные для борьбы с подводными лодками, приспособленные для операций на подступах к острову, что высвобождает наши более крупные эсминцы для операций в более отдаленных районах.

Старый конфликт между ближайшими и отдаленными задачами особенно обостряется во время войны. Я распорядился, чтобы все работы по строительству крупных кораблей, которые не смогут быть спущены на воду к концу 1940 года, были прекращены, если они мешают выполнению нашей срочной программы. Я также указал, что увеличение нынешнего флота для борьбы с подводными лодками должно осуществляться за счет пополнения его такими кораблями, которые можно построить за двенадцать, а возможно, и за восемь месяцев. Для первого типа мы возродили название корвет. Заказы на 58 корветов были размещены вскоре после начала войны, но ни один из них еще не был заложен. Позже улучшенные суда подобного же типа, заказанные в 1940 году, были названы фрегатами. Кроме того, много разного рода мелких судов, особенно траулеров, было быстро перестроено и оснащено пушками, глубинными бомбами, приборами «Асдик». Возникла также большая потребность в моторных баркасах новой конструкции для прибрежной работы. Наши судоверфи, включая и канадские, были загружены до отказа. Несмотря на это, мы не получили всего, на что рассчитывали. Появились совершенно неизбежные в тех условиях задержки, в результате которых поставки с судоверфей далеко не оправдали наших ожиданий.

* * *

В конечном счете в ходе длительных дискуссий моя точка зрения на балтийскую стратегию и строительство линейных кораблей восторжествовала. Были составлены проекты и размещены заказы.

Одним из первых шагов, предпринятых мной после того как я возглавил военно-морское министерство и стал членом военного кабинета, было создание статистического отдела. Я поручил это профессору Линдеману, моему другу и поверенному моих мыслей в течение многих лет. Вместе мы развили свои взгляды и расчеты, касающиеся всей проблемы.

В это время не было никакой правительственной статистической организации. Каждое министерство составляло отчеты по своим собственным данным. В министерстве авиации были свои расчеты, в военном министерстве — другие. Министерство снабжения и министерство торговли, хотя думали об одном и том же, говорили на разных диалектах. Это иногда приводило к недоразумениям и лишней трате времени, когда

тот или иной вопрос горячо обсуждался на заседании кабинета. Однако у меня с самого начала были свои надежные и постоянные источники информации, каждая часть которой была неразрывно связана со всеми остальными. Хотя вначале она охватывала лишь определенную область, у меня все же складывалось правильное и ясное представление из всех многочисленных цифр и фактов, которые стекались к нам.

Глава пятая

ФРАНЦУЗСКИЙ ФРОНТ

Тотчас же, как разразилась война, нашу экспедиционную армию начали перебрасывать во Францию. В то время как перед прошлой войной по крайней мере три года было потрачено на подготовку, теперь военное министерство создало специальный отдел для этой цели лишь весной 1938 года. В этой войне имелись два серьезных фактора. Первый — вооружение и организация современной армии были гораздо сложнее, чем в 1914 году. Каждая дивизия имела механический транспорт, большую численность и значительно большую долю нестроевых элементов. Второй — чрезмерная боязнь воздушного нападения на наши транспортные суда, перевозившие войска, и на порты высадки заставила военное министерство использовать только южные порты Франции и Сен-Назер, ставший главной базой. Это удлинило коммуникации армии и в результате замедлило доставку, развертывание и снабжение английских войск; значительно больше войск находилось в пути[1].

Как ни странно, но до начала войны не было решено, на каком участке фронта должны находиться наши войска. Однако предполагалось, что они будут действовать к югу от Лилля. Это было подтверждено 22 сентября. В середине октября четыре английские дивизии, сведенные в два армейских корпуса, заняли свои позиции на франко-бельгийской границе. Для этого пришлось преодолеть расстояние в 250 миль по шоссейным и железным дорогам от отдаленных портов. Из трех пехотных бригад, прибывших отдельно в течение октября и ноября, была образована в декабре 1939 года 5-я дивизия. В январе 1940 года прибыла 48-я дивизия, а затем в феврале — 50-я и 51-я и в марте — 42-я и 44-я. Общая численность

[1] Передовые части английских экспедиционных войск начали высаживаться во Франции 4 сентября. 1-й корпус был на берегу уже к 19 сентября, а 2-й — к 3 октября. Штаб английских войск был развернут 15 сентября вначале в Ле-Мане. Переброска войск происходила главным образом через Шербур, машин и снаряжения — через Брест и Нант, а сборными пунктами были Ле-Ман и Лаваль. — *Примеч. авт.*

составила десять дивизий. По мере увеличения численности наших войск мы занимали новые позиции. Мы, конечно, нигде не находились в соприкосновении с противником.

Когда английские экспедиционные войска достигли назначенных позиций, они нашли там почти готовый искусственный противотанковый ров вдоль линии фронта и на расстоянии тысячи ярдов друг от друга большие и плохо замаскированные доты, откуда можно было открывать фланкирующий огонь вдоль рва из пулеметов и противотанковых орудий. Было установлено также сплошное проволочное заграждение. Значительную часть этой странной осени и зимы наши войска потратили на усовершенствование сооруженной французами обороны и организацию своего рода линии Зигфрида. Несмотря на холод, дело подвигалось быстро. Аэрофотосъемка показывала, с какой скоростью немцы протягивают свою линию Зигфрида на север от Мозеля. Несмотря на многие преимущества, которые они имели, как, например, близость ресурсов и применение принудительного труда, мы не отставали от них. К началу майского наступления 1940 года наши войска закончили сооружение четырехсот новых дотов. Был вырыт противотанковый ров длиной в сорок миль и установлена масса проволочных заграждений. Очень многое требовалось для обслуживания линии коммуникаций, простиравшейся до Нанта. Мы создали огромные склады, улучшили дороги, проложили железную дорогу длиною в сто миль, протянули густую сеть подземного кабеля и почти закончили строительство нескольких блиндажей с ходами для штаба корпуса и командования армии. Было создано около пятидесяти новых аэродромов, улучшены или заново построены стартовые дорожки, для чего потребовалось более пятидесяти тысяч тонн бетона.

Над всем этим наша армия потрудилась основательно. Для приобретения опыта командование попеременно посылало бригады на участок французского фронта возле Меца, находившегося в соприкосновении с противником: там по крайней мере иногда действовали патрули. Все остальное время наши солдаты были заняты боевой подготовкой. Это, конечно, было необходимо. Когда началась война, подготовка наших войск была гораздо ниже той, которую имела армия сэра Джона Френча четверть века назад. На протяжении нескольких лет солдаты не проходили в Англии никакой серьезной подготовки. Регулярная армия была недоукомплектована на двадцать тысяч человек, в том числе на пять тысяч офицеров. Недостаточно обдуманное, хотя и проведенное в благих целях увеличение в два раза территориальной армии в марте 1939 года и создание в мае того же года милиции потребовали от регулярной армии выделения массы инструкторов. Зимние месяцы во Франции были использованы до предела, и любая

программа боевой подготовки тесно переплеталась с фортификационными работами, имевшими первостепенное значение. Нет никакого сомнения, что за время предоставленной нам передышки боеспособность нашей армии заметно возросла. Несмотря на тяжелый труд и отсутствие боевых действий, ее моральное состояние и боевой дух повысились.

В тылу фронта на складах, расположенных вдоль линии коммуникаций, была накоплена масса военного имущества и боеприпасов. Запасы на десять дней были сделаны между Сеной и Соммой и *еще на семь дней севернее Соммы.* Эти последние спасли армию после прорыва немцев. Постепенно, ввиду затишья, начали пользоваться и другими портами к северу от Гавра. Дьеп стал госпитальной базой, Фекан — базой боеприпасов. А к концу мы в общей сложности стали пользоваться тринадцатью французскими портами.

* * *

Трудно оценить преимущества, которые имеет правительство, не связанное никаким законом или договором, по сравнению со странами, развивающими военные усилия только после того как преступление совершено. Эти преимущества колоссальны. С другой стороны, если победа агрессоров не является полной и окончательной, может наступить день расплаты. Гитлер, не связанный никакими ограничениями, за исключением ограничений, вытекающих из превосходства сил, мог нанести удар, когда и где хотел. Но две западные демократические страны не могли нарушить нейтралитет Бельгии. Самое большее, что они могли сделать, — быть готовыми прийти на помощь, когда их призовут бельгийцы, а вполне возможно, что это могло произойти только тогда, когда уже будет слишком поздно. Несомненно, если бы английская и французская политика в течение пяти довоенных лет имела мужественный и решительный характер, свято придерживаясь договоров и пользуясь одобрением Лиги Наций, Бельгия могла бы присоединиться к своим старым союзникам и допустила бы создание единого фронта. Это неизмеримо укрепило бы безопасность и, пожалуй, могло бы предотвратить катастрофы, которые последовали.

* * *

В 1914 году дух французской армии и нации, передававшийся от отца к сыну с 1870 года, был решительно наступательным. Французы считали, что держава, обладающая менее многочисленной армией, может встретить вторжение только контрнаступлением во всех пунктах, не только стратегическим, но и тактическим.

Теперь это была Франция, совершенно отличная от той, которая набросилась на своего старинного врага в августе 1914 года. Дух реванша иссяк в результате победы. Вожди, вселявшие его, давно умерли. Французский народ пережил страшную бойню, в которой было истреблено полтора миллиона его сыновей. Наступательные действия в представлении огромного большинства французов связывались с первоначальными неудачами французского наступления в 1914 году, с неудачной операцией генерала Нивеля в 1917 году, с длительной агонией Соммы и Пашендейля и прежде всего с уверенностью, что огневая мощь современного оружия опустошительна для наступающей стороны. Ни во Франции, ни в Бельгии в достаточной мере не сознавали последствий того нового обстоятельства, что бронированные машины могли выдерживать артиллерийский обстрел и продвигаться по сотне миль в день. Поучительная книга на эту тему, опубликованная за несколько лет до этого майором де Голлем, не встретила никаких откликов. Авторитет престарелого маршала Петена в верховном военном совете довлел над французской военной мыслью, закрывая дверь перед новыми идеями и развенчивая оружие, странно названное наступательным оружием.

Впоследствии политика линии Мажино часто осуждалась. Она, безусловно, порождала оборонительные настроения. И все же защита границы на сотни миль с сооружением максимального количества укреплений и тем самым экономия войск является мудрой мерой предосторожности. Если бы линия Мажино заняла соответствующее место во французских военных планах, она сыграла бы огромную роль для Франции. Она могла бы рассматриваться как система важных опорных пунктов, и прежде всего как защита обширных секторов фронта, как средство накопления общих резервов или «маневренных масс». При неравенстве населения Франции и Германии линия Мажино должна рассматриваться как разумное и мудрое мероприятие. И странно, что она не была проведена, по крайней мере по реке Маас. В таком случае она могла бы служить надежной защитой и высвободить большие наступательные силы французов. Но маршал Петен выступал против такого расширения. Он решительно утверждал, что Арденны не следует принимать во внимание как возможное направление вторжения ввиду характера местности. Они в соответствии с этим и не принимались во внимание. Линия Мажино не только поглотила огромное количество хорошо подготовленных солдат и технического персонала регулярных войск, но и оказала вредное воздействие как на военную стратегию, так и на национальную бдительность.

Новая сила — авиация — справедливо оценивалась как революционный фактор во всех операциях. При сравнительно

небольшом количестве самолетов с обеих сторон в это время роль авиации даже преувеличивалась, и она рассматривалась как главный фактор, поддерживающий принцип обороны, затрудняющий концентрацию и нарушающий коммуникации больших армий, начавших наступление. Даже период мобилизации во Франции рассматривался французским верховным командованием как крайне критический в связи с возможным разрушением железнодорожных узлов, несмотря на то, что численность германской авиации, так же как и авиации союзников, была недостаточной для такой задачи. Эти мысли руководителей военно-воздушных сил выражали правильное направление и оправдались в последующие годы войны, когда воздушная мощь возросла в десять или двадцать раз. В начале же войны они были преждевременны.

* * *

В Англии шутят, что наше военное министерство всегда готовится к прошлой войне, но это, пожалуй, касается и других министерств и других стран, и это, безусловно, справедливо в отношении французской армии. Я также был убежден в превосходстве обороны при условии, если она проводится активно. Я считал, что противотанковые заграждения и полевые орудия, умно расставленные и обеспеченные соответствующими боеприпасами, могут расстроить и сорвать танковую атаку, если только она не происходит в темноте или тумане — естественном или искусственном.

Через восемь месяцев бездействия обеих сторон мы увидели, что Гитлер начал большое наступление, острием которого были неуязвимые для орудийного огня сильно бронированные машины, сломившие всякое оборонительное сопротивление противника и впервые за много веков и, может быть, даже впервые с момента изобретения пороха сделавшие артиллерию на время бессильной на поле боя.

* * *

В мире не найдется другой границы, которая была бы предметом столь пристального внимания стратегов и изучалась бы так тщательно, как проходящая через Бельгию и Голландию граница между Францией и Германией. Каждая пядь этого района, все расположенные здесь холмы и прорезывающие его водные пути — все это столетиями каждый раз изучалось в свете последней военной кампании всеми генералами и во всех военных академиях Западной Европы. В тот период существовало две линии, на которые союзники могли выдвинуться, если бы Германия вторглась в Бельгию и они решили бы

прийти последней на помощь, или которые они могли бы занять по приглашению Бельгии на основе тщательно разработанного, тайного и рассчитанного на внезапность плана. Первую линию можно назвать линией Шельды. Расположена она была на сравнительно близком расстоянии от французской границы, и выход к ней не представлял сколько-нибудь серьезной опасности. На худой конец, не вредно было бы занять эту линию в качестве «ложного фронта». В лучшем же случае этот фронт можно было укрепить в зависимости от хода событий. Вторая линия представляла гораздо больший интерес. Она пролегала вдоль Мааса, через Живе, Динан, Намюр и Лувен и кончалась в Антверпене. Если бы союзники захватили эту многообещающую позицию и удержали ее в ожесточенных боях, немецкий удар справа наткнулся бы на мощную преграду. Если бы германская армия оказалась слабее союзных, выход на эту линию послужил бы великолепной прелюдией к захвату Рура — сердца немецкой военной промышленности.

Но поскольку возможность наступления через Бельгию без согласия бельгийцев исключалась по соображениям международной морали, оставался только один путь для наступления: от франко-германской границы. Французы смогли бы предпри-

нять крупное наступление не ранее конца третьей недели сентября. Но к этому времени польская кампания уже закончилась. В середине октября у немцев на Западном фронте стояло 70 дивизий. Кратковременное численное превосходство французов на Западе сходило на нет. В случае наступления французов с их восточной границы они обнажили бы гораздо более важный для себя Северный фронт. Даже если бы французским армиям и удалось добиться успеха вначале, уже через месяц им стало бы чрезвычайно трудно сохранить свои завоевания на востоке, вследствие чего они оказались бы беззащитными в случае мощного немецкого контрудара на севере.

Таков ответ на вопрос: «Почему союзники оставались пассивными, пока не была уничтожена Польша?» Это сражение было заранее проиграно еще за несколько лет до того как оно началось. В 1938 году представлялась отличная возможность победы, пока еще существовала Чехословакия. В 1936 году не могло быть сколько-нибудь серьезного сопротивления. В 1933 году достаточно было рескрипта из Женевы, чтобы добиться бескровного подчинения. Нельзя обвинять одного только генерала Гамелена, что в 1939 году он не пошел на возросший в огромной мере риск после всех предыдущих кризисов, перед которыми в ужасе отшатнулись французское и английское правительства.

Английский комитет начальников штабов подсчитал, что к 18 сентября немцы отмобилизовали не менее 116 дивизий и дислоцировали их следующим образом: 42 дивизии на Западном фронте, 16 дивизий в Центральной Германии и 58 дивизий на Восточном фронте. Ныне из неприятельских документов нам известно, что подсчет этот был почти точен. В общей сложности Германия располагала 108—117 дивизиями. В нападении на Польшу участвовало 58 наиболее боеспособных германских дивизий. Помимо этого было еще 50—60 дивизий разной степени боеспособности. Из этого числа 42 немецкие дивизии (14 дивизий первой линии, 25 резервных и три дивизии ополчения) стояли на Западном фронте — от Ахена до швейцарской границы. Немецкие танковые войска либо были заняты в Польше, либо еще не появились на свет, а громадный поток танков еще едва начинал сходить с конвейеров военных заводов. Английские экспедиционные войска представляли собой не более чем символический вклад. Они могли ввести в бой две дивизии в первую неделю октября и еще две дивизии во вторую неделю. Германское верховное командование, несмотря на огромный рост относительной мощи немцев со времени Мюнхена, с глубочайшей тревогой оценивало свое положение на Западе, пока Польша не была завоевана, и только деспотическая власть, воля и пятикратно оправдавшиеся политические суждения Гитлера, который считал, что Фран-

ция и Англия воевать не хотят, заставили его пуститься на то, что оно считало неоправданным риском.

Гитлер был убежден, что французская политическая система прогнила до основания и заразила французскую армию. Он знал силу коммунистов во Франции, знал, что ее можно будет использовать, чтобы ослабить или парализовать действия, как только Риббентроп и Молотов достигнут соглашения и Москва осудит французское и английское правительства за то, что они вступили в капиталистическую и империалистическую войну[1]. Гитлер был убежден, что Англия — пацифистская и выродившаяся страна. Он считал, что хотя воинственное меньшинство в Англии и заставило Чемберлена и Даладье объявить войну, оба будут вести ее в возможно меньших масштабах и, как только Польша будет раздавлена, оба признают этот свершившийся факт точно так же, как они это сделали годом ранее в отношении Чехословакии. В целом ряде случаев до этого инстинкт Гитлера оказывался правильным, а доводы и опасения его генералов — неправильными. Он, однако, не понимал, какие глубокие сдвиги совершаются в Англии и во всей Британской империи, когда раздается боевой призыв. Не понимал он и того, что те самые люди, которые ревностнее всех ратуют за мир, в мгновение ока превращаются в неутомимых тружеников во имя победы. Он неспособен был оценить умственную и духовную силу нашего островного народа, который при всем своем нерасположении к войне и военным приготовлениям привык на протяжении веков считать, что победа принадлежит ему по праву первородства. Но так или иначе, в начале войны английская армия не могла играть сколько-нибудь существенной роли. В отношении французского народа Гитлер был убежден, что душа его не лежит к войне. И это действительно было так. Гитлер настоял на своем, и приказы его были выполнены.

* * *

Наши офицеры считали, что после разгрома польской армии Германии придется держать в Польше приблизительно 15 дивизий, значительную часть которых составят малобоеспособные соединения. Если у нее были какие-либо сомнения относительно русского пакта, она, возможно, довела бы численность своих войск на Востоке до 30 дивизий. Таким образом, исходя из наименее благоприятных расчетов, Германия смогла бы снять с Восточного фронта более 40 дивизий, доведя

[1] Английская компартия 3 сентября приняла манифест, требовавший от трудящихся всемерной поддержки войны с фашистским агрессором и одновременно борьбы за свержение правительства «умиротворителей» и замены его другим.

численность своих войск на Западе до ста дивизий. К тому времени французы сумели бы отмобилизовать 72 дивизии во Франции в дополнение к гарнизонам крепостей силой до 12—14 дивизий. Кроме того, имелось бы четыре дивизии английских экспедиционных войск. Для охраны итальянской границы потребовалось бы 12 французских дивизий. Следовательно, против Германии удалось бы выставить в общей сложности 76 дивизий. Таким образом, противник имел бы превосходство над союзниками в пропорции 4:3 и, кроме того, вероятно, смог бы сформировать дополнительные дивизии резерва, доведя в скором времени общую численность своих войск до 130 дивизий. Французы, со своей стороны, располагали еще 14 дивизиями в Северной Африке, часть которых можно было перебросить на континент, а также дополнительными силами, которые постепенно могла бы перебросить Великобритания.

Что касается авиации, то наш штабной комитет считал, что после разгрома Польши Германия сможет сосредоточить на Западе более двух тысяч бомбардировщиков против объединенной франко-английской авиации в количестве 950 самолетов[1]. Отсюда было ясно, что, как только Гитлер разделается с Польшей, он и на земле и в воздухе окажется гораздо сильнее англичан и французов, вместе взятых. Следовательно, не могло быть и речи о французском наступлении против Германии. Каковы же были шансы на немецкое наступление против Франции?

Возможны, конечно, были три варианта. Во-первых, вторжение через Швейцарию. В этом случае возможен был обход южного фланга линии Мажино, однако с этим вариантом был сопряжен ряд трудностей географического и стратегического порядка. Во-вторых, вторжение во Францию через франко-германскую границу. Этот вариант казался маловероятным, так как считалось, что немецкая армия была тогда еще недостаточно оснащена или вооружена для мощного наступления на линию Мажино. В-третьих, вторжение во Францию через Голландию и Бельгию. Это означало бы движение в обход линии Мажино и не было сопряжено с такими крупными потерями, которые пришлось бы нести в случае лобовой атаки против долговременных укреплений. Интересы союзников требовали, чтобы противник был по возможности остановлен в Бельгии.

«Насколько нам известно, — писал штабной комитет, — французский план состоит в том, что, если бельгийцы удержатся на линии Мааса, французская и английская армии

[1] В действительности немецкая бомбардировочная авиация в тот момент насчитывала 1546 самолетов. — *Примеч. авт.*

займут линию Живе, Намюр с английскими экспедиционными войсками, действующими на левом фланге. *Мы считаем нецелесообразным принимать этот план без согласования с бельгийцами планов занятия этой линии заблаговременно до немецкого наступления... Если отношение бельгийцев не изменится и не удастся разработать план заблаговременного выхода на линию Живе, Намюр (называемую также линией Маас, Антверпен), мы решительно настаиваем на том, чтобы немецкое наступление было встречено на подготовленных позициях на французской границе».*

Необходимо напомнить последующую историю этого важнейшего вопроса. 20 сентября он был поставлен перед военным кабинетом и после краткого обсуждения передан в верховный военный совет. Через некоторое время верховный военный совет запросил мнение генерала Гамелена. В своем ответе генерал Гамелен ограничился заявлением о том, что вопрос о плане «Д» (то есть плане выхода на линию Маас, Антверпен) уже достаточно освещен в докладе, представленном французской делегацией. Резолютивный раздел этого документа гласил: «В случае своевременного приглашения англо-французские войска вступят на территорию Бельгии, но не для встречного боя. К числу общепризнанных линий обороны относится линия Шельды и линия Маас, Намюр, Антверпен». Так как в октябре не удалось достигнуть практической договоренности с бельгийцами, считалось, что наше продвижение должно ограничиться линией Шельды.

Тем временем генерал Гамелен в ходе секретных переговоров с бельгийцами потребовал, чтобы, во-первых, бельгийская армия сохранила свой полный боевой состав и, во-вторых, чтобы бельгийцы подготовили оборонительный рубеж на более выдвинутой линии Намюр, Лувен. К началу ноября удалось договориться с бельгийцами по этим вопросам, а с 5 по 14 ноября происходил ряд совещаний в Венсене и Лафере. 15 ноября генерал Гамелен издал предписание номер 8, подтверждавшее соглашение от 14 ноября, по которому, «если обстоятельства позволят», бельгийцам будет оказана поддержка посредством выдвижения на линию Маас, Антверпен. 17 ноября в Париже открылось заседание союзного верховного совета. Было принято следующее решение: «Учитывая важность удержания германских войск как можно дальше на Востоке, необходимо принять все меры для удержания линии Маас, Антверпен в случае германского вторжения в Бельгию». На этом заседании Чемберлен и Даладье подчеркивали, что придают этому решению большое значение, и оно предопределило все дальнейшие действия. По су-

ществу это было решение в пользу плана «Д», и оно заменило собой ранее достигнутое соглашение о скромном выдвижении на линию Шельды.

Вскоре после этого в развитие плана «Д» возник вопрос об использовании французской 7-й армии. Впервые идея выхода этой армии на приморский фланг союзных войск возникла в начале ноября 1939 года. Генерал Жиро, который скучал со своей резервной армией в районе Реймса, был назначен командующим 7-й армией. Цель такого расширения плана «Д» заключалась в том, чтобы продвинуться в Голландию через Антверпен для оказания помощи голландцам, а также в том, чтобы оккупировать часть территории голландских островов Валхерен и Бевеланд. Все это было бы отлично, если бы немцев к тому времени уже остановили на линии канала Альберта. Этого требовал генерал Гамелен. Генерал Жорж, со своей стороны, считал, что нам такая операция не под силу, и предлагал, чтобы предназначенные для этой цели войска были поставлены в резерв на центральном участке этого фронта. Мы ничего не знали об этих разногласиях.

В итоге в этом положении мы и провели всю зиму в ожидании весны. В течение полугода, отделявшего нас в тот момент от начала немецкого нападения, ни французский, ни английский штабы, ни их правительства не принимали каких-либо новых принципиальных стратегических решений.

Глава шестая

БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Используя свои успехи, Гитлер предложил союзникам свой план мира. Одним из печальных последствий нашей политики умиротворения и нашей позиции в целом в связи с его приходом к власти было то, что Гитлер уверовал, что ни мы, ни Франция не способны вести войну. Объявление войны Англией и Францией 3 сентября явилось для него неприятной неожиданностью, однако Гитлер твердо верил, что зрелище быстрого и полного разгрома Польши заставит разлагающиеся демократии понять, что дни, когда они еще могли влиять на судьбы Восточной и Центральной Европы, прошли безвозвратно. На том этапе Гитлер не испытывал желания продолжать войну с Францией и Англией. Он был уверен, что правительство его величества охотно примет решение, достигнутое Гитлером в Польше, и что своим предложением мира он поможет Чемберлену и его старым коллегам, спасшим свою честь объявлением войны, выбраться из

свалки, в которой их заставили принять участие воинственные элементы в парламенте. Гитлеру и в голову не пришло, что Чемберлен вместе со всей остальной Британской империей и Содружеством наций отныне решился добиться его гибели или погибнуть в борьбе.

Следующим шагом России после раздела Польши с Германией было заключение трех «пактов о взаимной помощи» с Эстонией, Латвией и Литвой. Эти Прибалтийские государства были самыми ярыми антибольшевистскими странами в Европе. Все они освободились от Советского правительства в период гражданской войны 1918—1920 годов и грубыми методами, свойственными революциям в этих районах, создали общества и правительства, главным принципом которых была враждебность к коммунизму и России[1]. 20 лет отсюда, в частности из Риги, по радио и всевозможным другим каналам на весь мир шел поток острой антибольшевистской пропаганды. Тем не менее эти государства, за исключением Латвии, не связывались с гитлеровской Германией. Немцы охотно пожертвовали ими при заключении сделки с русскими.

* * *

У себя на родине мы укрепляли армию и авиацию и предпринимали все необходимое для усиления военно-морского флота. Я по-прежнему представлял премьер-министру свои предложения и доказывал другим своим коллегам необходимость их осуществления.

[1] Договоры о взаимной помощи СССР и Эстонии (28.9. 1939 г.), Латвии (5. 10. 1939 г.) и Литвы (10. 10. 1939 г.) были заключены в обстановке, когда Европа была охвачена войной, и Прибалтийским странам, сохранявшим нейтралитет, необходимо было остаться вне военной грозы. Советско-германский пакт о ненападении (секретный протокол к нему) исключал Прибалтийские страны из сферы интересов Германии. Это позволило им заключить соглашение с СССР, которое было воспринято тогда общественностью этих стран как наименьшее из зол. В противном случае им пришлось бы связать свою судьбу с фашистской Германией, что грозило им германизацией и участием в войне.

Договоры с СССР позволили Эстонии, Латвии и Литве поддерживать и развивать экономические связи с Советским Союзом, снизить безработицу, поддержать стабильность народного хозяйства в условиях, когда традиционные контакты с Западом были разорваны войной. Советские гарнизоны и базы после ввода ограниченных контингентов Красной Армии в эти страны на внутренние дела не влияли (кроме самого факта их присутствия), политика Советского правительства строилась на невмешательстве во внутренние дела (См.: Полпреды сообщают... М., 1990).

В 1940 г., в связи с ростом угрозы войны против СССР после поражения Франции, интересы безопасности СССР требовали срочных мер по укреплению западных рубежей, в том числе в республиках Прибалтики. Но методы, которыми достигались эти цели (ультимативные ноты, требование изменения состава правительств, ввод новых советских соединений, прибытие сталинских эмиссаров и т. д.), носили противоправный характер. Стратегические приоритеты отодвинули на второй план нормы международного права.

Военно-морской министр — премьер-министру

1 октября 1939 года

«Накануне воскресного отдыха я решил написать Вам о целом ряде важных вопросов.

Несмотря на то что у нас под ружьем около миллиона человек, наш вклад в настоящее время незначителен и останется таким в течение многих предстоящих месяцев. Мы должны сказать французам, что наши нынешние усилия столь же велики, как и в 1918 году, хотя они носят иной характер. Мы должны сказать им, что создаем армию в 55 дивизий, которые будут действовать везде, где необходимо, как только они будут обучены и оснащены, и что при этом надо учитывать тот большой вклад, который вносит наша авиация.

В настоящее время наша регулярная армия готовит четыре или пять дивизий, которые, вероятно, будут самыми лучшими на фронте. Но не думайте, что дивизии нашей территориальной армии после полугодовой подготовки смогут без излишних потерь и неудач выступать против солдат германской регулярной армии, лучше оснащенных и уже находящихся в строю не менее двух лет. Они не смогут тягаться и с французскими солдатами, многие из которых служат в армии уже три года. Единственная возможность быстро увеличить наши войска во Франции — это доставить из Индии профессиональных солдат и использовать их в качестве ядра для формирования воинских частей из территориальных войск и призывников. Этих солдат следует отправить в лагеря на юг Франции, где зима более благоприятна для прохождения подготовки, чем у нас, и где имеется много военных сооружений. Они должны будут стать ядром и костяком восьми или десяти хороших боевых дивизий. К концу весны эти войска по своему составу не уступят тем, против которых или на стороне которых им придется сражаться. Сам факт сосредоточения этих войск во Франции и подготовки их там в зимние месяцы приободрил бы французов и вызвал удовлетворение у них».

Катастрофы, происшедшие в Польше и Прибалтийских государствах, все больше побуждали меня к тому, чтобы не допустить вступления Италии в войну и всеми возможными средствами создать базу для общих с ней интересов. Тем временем война продолжалась, и я был занят многими административными делами.

* * *

В разгар всех этих дел произошло событие, нанесшее нашему морскому министерству удар в самое чувствительное место. В 1 час 30 минут утра 14 октября 1939 года немецкая

подводная лодка, преодолев сильные морские течения, проникла через наши оборонительные линии и потопила стоявший на якоре линкор «Ройал Оук». При первом залпе только одна из торпед попала в носовую часть и вызвала приглушенный взрыв. Адмиралу и капитану, находившимся на борту корабля, возможность взрыва торпеды в защищенной стоянке Скапа-Флоу показалась настолько невероятной, что они решили, что взрыв произошел внутри самого корабля. Прошло двадцать минут, пока немецкая подводная лодка — а это была именно немецкая подводная лодка — перезарядила свои торпедные аппараты и произвела второй залп. Три или четыре торпеды ударили одна за другой в корпус линкора и вырвали дно корабля. Не прошло и двух минут, как корабль перевернулся и затонул. Большая часть экипажа в этот момент находилась на боевой вахте, но из-за быстроты погружения корабля почти никому, кто находился внизу, спастись не удалось. Погибло 786 офицеров и матросов, в том числе контр-адмирал Блэгров. Подводная лодка U-47 тихо проскользнула обратно через узкий проход.

Этот эпизод, который можно с полным основанием рассматривать как воинский подвиг командира немецкой подводной лодки, потряс общественное мнение. Это событие вполне могло оказаться в политическом отношении роковым для любого министра, отвечающего за довоенные меры предосторожности. Как новичок, я был избавлен от подобных упреков в эти первые месяцы пребывания на своем посту. Я обещал провести строжайшее расследование.

Премьер-министр сообщил в связи с этим палате общин также о налете немецкой авиации на Фёрт-оф-Форт 16 октября. Это была первая попытка немцев нанести нашему флоту удар с воздуха. Немцы, летая парами или тройками (в общей сложности двенадцать, а может быть, и больше самолетов), бомбили наши крейсера, базировавшиеся на Фёрт. Незначительные повреждения получили крейсера «Саутгемптон» и «Эдинбург» и эсминец «Мохок». 25 офицеров и матросов были убиты или ранены. Четыре вражеских бомбардировщика были сбиты, из них три — нашими истребителями и один — зенитной артиллерией. Вполне вероятно, что на базу возвратилось менее половины самолетов, участвовавших в налете. Эти потери явились весьма действенным фактором устрашения.

На следующее утро 17 октября был произведен налет на Скапа-Флоу и близкими разрывами поврежден старый корабль «Айрон Дьюк», с которого к тому времени были сняты вооружение и броня и который использовался в качестве плавучей базы. Корабль сел на мель и продолжал служить по назначению всю войну. Во время налета был сбит вражеский самолет.

К счастью, флот в это время не находился там. Эти события показали, насколько важно было обеспечить защиту Скапа-Флоу от любого нападения, прежде чем пользоваться этой базой. Но прошло почти полгода, пока нам удалось воспользоваться огромными преимуществами этой стоянки.

* * *

Нападение на Скапа-Флоу и потеря «Ройал Оук» немедленно побудили адмиралтейство к действиям. 31 октября я вместе с начальником военно-морского штаба отправился в Скапа-Флоу для проведения второго совещания по этим вопросам на флагманском корабле адмирала Форбса. Меры по усилению обороны Скапа-Флоу, о которых мы теперь договорились, предусматривали укрепление боновых заграждений, увеличение количества брандеров в открытых восточных проходах, а также установку управляемых минных полей и других заграждений. Наряду со всеми этими внушительными преградами намечалось увеличить число дозорных судов и установить орудия, которые прикрывали бы все подступы. На случай нападения с воздуха было решено установить 88 тяжелых и 40 легких зенитных орудий, а также много прожекторов и аэростатов воздушного заграждения. Была организована оборона при помощи истребителей, имевших базы на Оркнейских островах и в Уике — на материке. Считали, что все эти мероприятия будут завершены или по крайней мере осуществлены настолько, что к марту 1940 года вполне можно будет вернуть сюда флот. Тем временем Скапа-Флоу можно будет использовать как базу для заправки эсминцев.

* * *

Наша протяженная, но тонкая линия блокады, тянувшаяся от Оркнейских островов на север, преимущественно состоявшая из вооруженных торговых судов, в промежутках между которыми действовали поддерживающие их военные корабли, могла, конечно, в любую минуту подвергнуться внезапному нападению немецких линейных кораблей, в особенности двух самых быстроходных и мощных линейных крейсеров — «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Помешать такому налету мы не смогли и только надеялись, что нам удастся втянуть нападающих в решающую схватку.

К вечеру 23 ноября на вооруженном торговом судне «Равалпинди», находившемся в патрульном плавании между Исландией и Фарерскими островами, увидели вражеский военный корабль, который быстро шел на сближение. Командир «Равалпинди» принял этого незнакомца за карманный линкор

«Дойчланд» и послал соответствующее донесение. Капитан Кеннеди не мог питать никаких иллюзий насчет исхода подобной дуэли. Его корабль представлял собой лишь вооруженный пассажирский лайнер, бортовая артиллерия которого состояла из четырех старых шестидюймовых орудий, в то время как предполагаемый противник был вооружен шестью одиннадцатидюймовыми орудиями, не считая вспомогательного вооружения. Тем не менее он принял вызов, решив биться до конца. Противник открыл огонь с дистанции 10 тысяч ярдов; «Равалпинди» отвечал. Подобная неравная дуэль не могла тянуться долго, однако сражение шло до тех пор, пока «Равалпинди», все орудия которого были выведены из строя, не превратился в пылающий костер. Корабль затонул с наступлением темноты, и вместе с ним погибли капитан и 270 человек его отважной команды. Спаслось только 38 человек, из которых 27 попали в плен к немцам, а остальных 11 подобрало другое английское судно после того как они 36 часов продержались в ледяной воде.

В действительности оказалось, что это был не «Дойчланд», а линейный крейсер «Шарнхорст». Этот корабль за два дня перед этим вместе с «Гнейзенау» вышел из немецких вод для нападения на наши караваны в Атлантике. Однако, встретив и потопив «Равалпинди» и опасаясь последствий разоблачения своего местонахождения, оба корабля прекратили дальнейшее выполнение порученного им задания и тотчас вернулись в Германию. Таким образом, героический подвиг «Равалпинди» не был бесцельным. Крейсер «Ньюкасл», находившийся в патрульном дозоре неподалеку, увидел вспышки выстрелов и тотчас по получении первого сигнала с «Равалпинди» прибыл к месту боя вместе с крейсером «Дели», правда, в тот момент, когда охваченное огнем судно едва держалось на воде. Крейсер «Ньюкасл» пустился преследовать противника и в 6 часов 15 минут вечера сквозь сумрак наступавшей ночи и ливень увидел два корабля. В одном их них признали линейный крейсер, но из-за темноты контакт был утрачен, и противнику удалось скрыться. Ныне мы знаем, что «Шарнхорст» и «Гнейзенау» прошли через линию наших крейсеров близ норвежского побережья утром 26 ноября. Погода была скверная, и противники не заметили друг друга. С помощью современных радиолокационных средств установить присутствие противника удалось бы наверняка, но в ту пору этих средств еще не было.

Общественное мнение было настроено неблагоприятно к военно-морскому министерству. Мы не могли доказать внешнему миру, как безмерно обширны моря и как напряженны усилия флота на морях. Прошло два с лишним месяца войны, было несколько крупных потерь, а нам еще нечего было про-

ставить в противоположной графе. Не могли мы также ответить и на вопрос: «Чем же занимается в конце концов военно-морской флот?»

Глава седьмая

МАГНИТНАЯ МИНА
(Ноябрь—декабрь 1939 г.)

В начале ноября я съездил во Францию, чтобы обсудить с французскими военно-морскими властями наши совместные операции. Мы с адмиралом Паундом отправились во французский военно-морской штаб, находившийся в сорока милях от Парижа, в парке у древнего замка герцога Ноэльского.

Ниже следует мое заявление на этом совещании о положении нашего флота в тот момент:

Заявление военно-морского министра Англии французскому военно-морскому министерству

«1. Только на море война началась со всей интенсивностью. Действия немецких подводных лодок против торгового судоходства, чуть не приведшие в 1917 году к катастрофе, пресекаются теперь англо-французским флотом по борьбе с подводными лодками. Надо ожидать большого увеличения германского подводного флота (возможно, что немцы одолжат лодки у России). Но это не должно вызывать никакой тревоги, если только все намеченные нами контрмеры будут осуществлены быстро и в самых крупных масштабах. Представители военно-морского министерства подробно расскажут о наших обширных программах. Однако полное их развертывание начнется лишь в конце 1940 года. А пока крайне необходимо, чтобы все имеющиеся суда по борьбе с подводными лодками были закончены строительством и вступили в строй.

2. Нет никакого сомнения, что наш прибор «Асдик» — гораздо более эффективное средство, чем все, что было известно в прошлой войне. Он позволяет двум торпедным катерам выполнить такую работу, на которую в 1917—1918 годах потребовалось бы десять лет. Но все это верно, когда речь идет об охоте за подводными лодками. Что же касается конвоирования, то для этого важное значение имеет количество. Считать себя в безопасности можно лишь тогда, когда эскортные корабли снабжены прибором «Асдик». Это относится как к военным кораблям, так и к торговым караванам. Победа над немецкими подводными лодками будет достигнута, когда будет ясно, что любая атака на французские или английские суда будет встречена контратакой с помощью прибора «Асдик».

Английское военно-морское министерство готово оборудовать все французские корабли по борьбе с подводными лодками приборами «Асдик». Стоимость этого невелика, и расчеты могут быть произведены позже. Но каждое французское судно, отправленное в Англию для установки прибора «Асдик», будет немедленно использовано в операциях; мы также договоримся о передаче опыта и о подготовке, которую можно будет пройти в каждом данном случае. Наиболее удобно это будет сделать в Портленде — на родине «Асдика», где имеется все необходимое для этого. Мы предполагаем провести подготовку к оборудованию 50 французских кораблей, если желательно.

3. Мы искренне надеемся, что французское морское министерство умножит количество кораблей, оборудованных прибором «Асдик», и с максимальной быстротой закончит все, что может вступить в строй в 1940 году.

4. В английском военно-морском министерстве мы провели резкую грань между большими кораблями, которые могут быть закончены в 1940 году, и теми, которые могут быть закончены позже. В частности, мы напрягаем все силы, чтобы закончить в 1940 году, если будет возможно, осенью, линкоры «Кинг Георг V» и «Принс оф Уэлс». Это необходимо сделать, ибо появление в океане немецкого «Бисмарка» до того как вступят в строй эти два корабля, было бы величайшим бедствием, так как его нельзя было бы ни перехватить, ни уничтожить и, следовательно, он будет свободно действовать на океанах, нарушая все наши коммуникации. Но и у Франции имеется линкор «Ришелье», который может быть закончен осенью 1940 года, а то и раньше. Поэтому мы надеемся, что будут приняты все меры, чтобы закончить «Ришелье» в самые сжатые сроки.

Что касается английских и французских линкоров, заложенных позже, то о них мы сможем поговорить в апреле или мае будущего года, когда станут более ясными ход и характер войны.

5. Английское военно-морское министерство выражает благодарность французским коллегам и товарищам за их замечательную помощь в общем деле, которую они оказывали с самого начала этой войны. Эта помощь превосходит все обещания или соглашения, заключенные перед войной. Эскортируя на родину конвои судов из Сьерра-Леоне, французские крейсера и эсминцы оказали незаменимую помощь, без которой союзный торговый флот понес бы огромные потери. Крейсера и эсминцы, которые вместе с «Дюнкерком» прикрывали конвои на западных подступах, были в то время единственным средством защиты от немецких рейдеров. Французские подводные лодки, оперирующие у Тринидада, имели исключительно большое значение. Кроме того, два эсминца, которые постоянно сопровождают конвои между Гибралтаром и

Брестом, служат важным подспорьем для наших ресурсов, которые, хотя и велики и непрерывно возрастают, все же напряжены до предела.

6. Рассматривая войну в более широком плане, следует сказать, что неспособность противника построить боевой порядок позволила нам широко расставить на океанах наш военно-морской флот и создать семь или восемь английских отрядов морских охотников плюс два французских, каждый из которых в состоянии перехватить и уничтожить такой корабль, как «Дойчланд». Наш флот теперь плавает в Северной Атлантике, в Южной Атлантике и в Индийском океане. В результате вражеские рейдеры не осмеливаются нанести нашим конвоям такие потери, как мы опасались в наших довоенных расчетах. Тот факт, что один, а может быть, и два корабля типа «Дойчланд», находясь в течение нескольких недель на наших главных атлантических торговых путях, ничего не достигли, дает нам основание меньше бояться этой формы атаки, которую мы раньше считали чрезвычайно опасной.

7. Скоро мы будем доставлять во Францию первые контингенты канадских и австралийских войск, и для этого целесообразно широко расставить все наши группы кораблей-охотников. Многим самым крупным конвоям, которые направятся через Атлантический океан, необходимо будет придать для эскорта линейные корабли. Мы намереваемся поддерживать непрерывную блокаду на севере — от Гренландии до Шотландии, несмотря на все трудности зимы. Для обеспечения этой блокады придется дополнительно использовать 25 вооруженных торговых судов и в поддержку им четыре крейсера по 10 тысяч тонн водоизмещением, вооруженных восьмидюймовыми пушками. Помимо этого мы всегда держим наготове главные боевые силы английского военно-морского флота — новейшие линкоры, а также «Худ» или какой-нибудь другой большой корабль, чтобы в случае прорыва «Шарнхорста» и «Гнейзенау» можно было дать им бой. Учитывая положение на Балтийском море, мы не считаем, что эти два корабля будут использованы. Тем не менее мы постоянно держим наготове такие силы, которые могли бы осилить их».

Французское военно-морское министерство в своем ответе указало, что оно фактически уже заканчивает строительство нескольких кораблей и с удовольствием принимает наше предложение насчет «Асдика». Не только «Ришелье» будет закончен летом 1940 года, к осени будет готов и «Жан Бар».

В сентябре и октябре около десяти торговых судов затонуло у входов в наши порты, несмотря на то, что эти входы были как следует протралены. У военно-морского министерства немедленно возникло подозрение, что применены магнитные мины. Это не было новинкой для нас. Мы даже

начали применять их в небольшом количестве в конце прошлой войны. В 1936 году комитет военно-морского министерства изучал контрмеры против механизмов магнитного действия, но занимался главным образом борьбой с магнитными торпедами и плавучими минами и не учитывал полностью огромных разрушений, которые могли быть причинены крупными донными минами, разбрасываемыми в значительных количествах с судов или самолетов. Не имея образца такой мины, нельзя было найти средство ее обезвреживания. В сентябре и октябре потери судов, главным образом союзных и нейтральных, подорвавшихся на минах, составили 56 тысяч тонн, и в ноябре это побудило Гитлера туманно намекнуть на свое новое «секретное оружие», против которого не было защиты. Однажды вечером, когда я находился в Чартуэлле, ко мне явился сильно озабоченный адмирал Паунд. На подходах к Темзе затонуло шесть судов. Каждый день сотни судов входили и выходили из английских портов, и от их движения зависела наша жизнь. Эксперты Гитлера, должно быть, сказали ему, что этот вид нападения приведет к нашей гибели. К счастью, он начал эти операции в небольших масштабах, с ограниченными запасами и ограниченными возможностями производства таких мин.

Кроме того, судьба благоприятствовала нам. 22 ноября между 9 и 10 часами вечера заметили, что какой-то немецкий самолет сбросил в море близ Шуберинесса крупный предмет на парашюте. В этом районе у берега большие илистые участки, которые обнажаются при отливе, и мы тотчас поняли, что, какой бы это ни был предмет, мы сможем осмотреть и, возможно, даже извлечь его, когда вода спадет. Такой случай нельзя было упускать. В тот же вечер в военно-морское министерство вызвали двух высококвалифицированных офицеров Уври и Льюиса из военно-морской лаборатории на корабле «Вернон», которой была поручена разработка подводного оружия. Адмирал Паунд и я побеседовали с ними и выслушали их планы. В половине второго утра они уже направились на автомашине в Саут-Энд на выполнение опасного задания по вылавливанию этого предмета. Еще до рассвета 23 ноября, в кромешной тьме, они с помощью сигнального фонаря нашли мину в 500 ярдах от высшей линии прилива, но так как в это время прилив уже начался, им удалось лишь осмотреть ее и провести подготовку к тому, чтобы заняться ею во время следующего отлива.

Эта важнейшая операция была предпринята в начале дня, и к этому моменту было установлено, что недалеко от первой мины в иле лежит вторая. Уври вместе со старшиной Болдуином занялись первой миной, в то время как их коллеги Льюис и матрос Вирнкомб ожидали на безопасном расстоянии на слу-

чай неполадок. После каждой заранее намеченной операции Уври сигнализировал Льюису, чтобы тот мог воспользоваться его опытом при обезвреживании второй мины. В конце концов потребовались объединенные усилия всех четырех человек для работы над первой миной. Их искусство и преданность делу были вознаграждены сторицей. В тот же вечер Уври явился со своими людьми в военно-морское министерство и рапортовал, что мина извлечена в целости и находится на пути в Портсмут для детального осмотра. Я принял их восторженно. Собрав восемьдесят или сто офицеров и чиновников в нашем самом большом зале, я заставил Уври рассказать всю историю этой взволнованной аудитории, которая хорошо понимала, что здесь поставлено на карту. С этого момента положение полностью изменилось. Мы тотчас получили возможность применить результаты предыдущих исследований для разработки практических мероприятий по борьбе со специфическими особенностями этой мины.

Все силы военно-морской науки были пущены в ход, и вскоре наши опыты стали давать практические результаты. Координацию всех технических мероприятий возложили на контр-адмирала Уэйк-Уокера. Мы работали сразу по всем направлениям. Сначала были разработаны активные способы борьбы: новые методы траления и детонации запальных приспособлений. Затем — пассивные оборонительные меры для всех судов, движущихся по непротраленным или плохо протраленным каналам. Для этой второй цели была разработана чрезвычайно действенная система размагничивания судов путем опоясывания их электрическим кабелем. Эту систему немедленно применили на судах всех типов. Торговые суда оборудовали этим приспособлением во всех наших главных портах без значительной задержки. Что касается военно-морского флота, здесь процесс облегчался наличием высококвалифицированного технического персонала.

* * *

Серьезные потери продолжались. 21 ноября новый крейсер «Белфаст» подорвался на мине в Фёрт-оф-Форт, а 4 декабря линкор «Нельсон» наткнулся на мину у входа в Лох-Ю. Однако обоим кораблям удалось дойти до порта с доком. В этот же период у восточного побережья затонули два эсминца, а два других и минный заградитель «Адвенчер» получили повреждения. Следует отметить, что благодаря принятым нами мерам вражеская разведка узнала о повреждении «Нельсона» лишь после того как корабль отремонтировали и он снова вступил в строй. Однако в Англии эти факты с самого начала были известны многим тысячам людей.

Вскоре на основе приобретенного нами опыта мы нашли новый и более простой метод размагничивания кораблей. Моральный эффект этого успеха был огромный, но для того чтобы свести на нет усилия противника, нам приходилось полагаться на беззаветную мужественную и настойчивую работу тральщиков и на терпеливый труд специалистов, сконструировавших необходимое оборудование. Начиная с этого времени, несмотря на многие тревожные периоды, мы научились бороться с минами, и постепенно угроза начала уменьшаться.

Первые магнитные мины произвели на меня глубокое впечатление, и помимо всех оборонительных мероприятий, которыми нам приходилось заниматься, я стал искать способы возмездия. Накануне войны я был на Рейне, и мысленно мой взор был обращен на эту главную и жизненно важную немецкую артерию. Еще в сентябре я поднял вопрос в военно-морском министерстве о запуске речных мин в Рейн. Учитывая, что эта река использовалась судами многих нейтральных стран, мы, конечно, не могли приступить к осуществлению этого плана, пока немцы не взяли на себя инициативу этой не разбирающейся в средствах формы войны. Когда это произошло, я решил, что правильным ответом на потопление без всякого разбора судов у входа в английские порты будет аналогичное и, если возможно, более действенное минное наступление на Рейне.

Поэтому 17 ноября я написал несколько служебных записок, и в одной из них, которая приводится ниже, излагается наиболее четко этот план:

Начальнику главного управления военного кораблестроения и ремонта и другим

«1. В качестве меры возмездия нам, возможно, придется сбрасывать в Рейн большое количество плавучих мин. Это можно легко сделать в любой точке между Страсбургом и Лаутером, где левый берег принадлежит Франции. Генерал Гамелен весьма заинтересовался этим планом и просил меня разработать его для него.

2. Следует ясно понимать преследуемую нами цель. По Рейну проходит огромное количество весьма крупных барж, и он представляет собой главную артерию немецкой торговли и жизни. Эти баржи предназначены только для речного транспорта, и у них нет ни двойных килей, ни больших отсеков, разделенных переборками. Эти детали можно легко проверить. Кроме того, за последнее время через Рейн переброшено по крайней мере 12 понтонных мостов, необходимых для немецких армий, сосредоточенных в районе Саарбрюккен, Люксембург.

3. Поэтому нужна небольшая мина, скажем, не больше футбольного мяча. Максимальная скорость течения реки равняется 7 милям в час, а в среднем 3 или 4 милям; это легко проверить. Поэтому мина должна быть снабжена часовым механизмом, благодаря которому она будет становиться опасной, только проплыв определенное расстояние, с тем чтобы она успела выйти за пределы французской территории, а также чтобы она наводила ужас ниже по Рейну до его слияния с Мозелем и дальше. Благодаря этому механизму мина должна тонуть или, еще лучше, взрываться до того, как она достигнет голландской территории».

Этот план понравился военному кабинету. Члены кабинета считали вполне правильным и справедливым, что в условиях, когда немцы пользуются магнитной миной для уничтожения всех судов, будь то союзных или нейтральных, входящих в английские порты, нам следует нанести ответный удар и парализовать все их огромное судоходство по Рейну. Были получены необходимые разрешения и фонды, и подготовка к осуществлению этого проекта развернулась полным ходом. Все это происходило в ноябре, а подготовка могла быть закончена только к марту.

Глава восьмая

БОЙ У РЕКИ ЛА-ПЛАТА

Хотя больше всего мы страдали и подвергались риску из-за угрозы подводного нападения, нападение надводных рейдеров на наши океанские торговые суда в течение сколько-нибудь длительного времени оказалось бы еще более угрожающим. Три немецких карманных линкора, строительство которых разрешалось Версальским договором, были спроектированы с таким расчетом, что им придется главным образом уничтожать торговые суда. Шесть одиннадцатидюймовых орудий, скорость 26 узлов и броня — все это было мастерски втиснуто в дозволенные пределы водоизмещения 10 тысяч тонн. С этими кораблями не мог тягаться ни один английский крейсер. Немецкие крейсера, вооруженные восьмидюймовыми орудиями, были более современного типа, чем наши, и использование их в качестве рейдеров для ударов по торговым путям также представило бы грозную опасность. Кроме того, противник мог бы использовать в этих целях замаскированные торговые суда с тяжелым вооружением.

Накануне новой войны носились слухи и поступали донесения, что один, а может быть, и более карманных линкоров уже отплыли из Германии. Флот метрополии проводил розы-

ски, но ничего не обнаружил. Мы знаем сейчас, что и «Дойчланд» и «Адмирал граф Шпее» покинули Германию между 21 и 24 августа, прошли опасную зону и оказались на свободе в океане до того, как мы организовали блокаду и создали на севере систему патрулей. 3 сентября «Дойчланд», пройдя через Датский пролив, скрылся в водах Гренландии. «Адмирал граф Шпее» незаметно пересек торговые пути в Северной Атлантике и находился уже далеко к югу от Азорских островов. Каждый из этих кораблей сопровождало вспомогательное судно для пополнения горючим и боеприпасами. Оба линкора первоначально не проявляли активности и затерялись в океанских просторах. Они не выполняли своего назначения, если не наносили ударов, но зато до тех пор пока они не наносили ударов, они были вне опасности.

Приказы германского военно-морского командования от 4 августа были хорошо обдуманны и гласили:

«Задача в случае войны

Расстройство и уничтожение вражеской морской торговли всеми доступными средствами... Военно-морские силы противника, даже если они уступают по мощности нашим, должны подвергаться удару только в том случае, если это будет способствовать выполнению основной задачи...

Частое изменение позиций в оперативных районах создаст неуверенность и ограничит морскую торговлю противника, даже если не будет ощутимых результатов. Временный уход в отдаленные районы также породит у противника неуверенность.

Если противник будет прикрывать свои торговые суда превосходящими военно-морскими силами так, что нельзя будет добиться непосредственных успехов, то самый факт ограничения его судоходства будет означать, что мы в значительной степени подорвали его снабжение. Ценные результаты будут также достигнуты, если карманные линкоры останутся в зоне прохождения конвоев».

Даже само английское адмиралтейство с грустью должно было согласиться, что этот приказ был составлен весьма мудро.

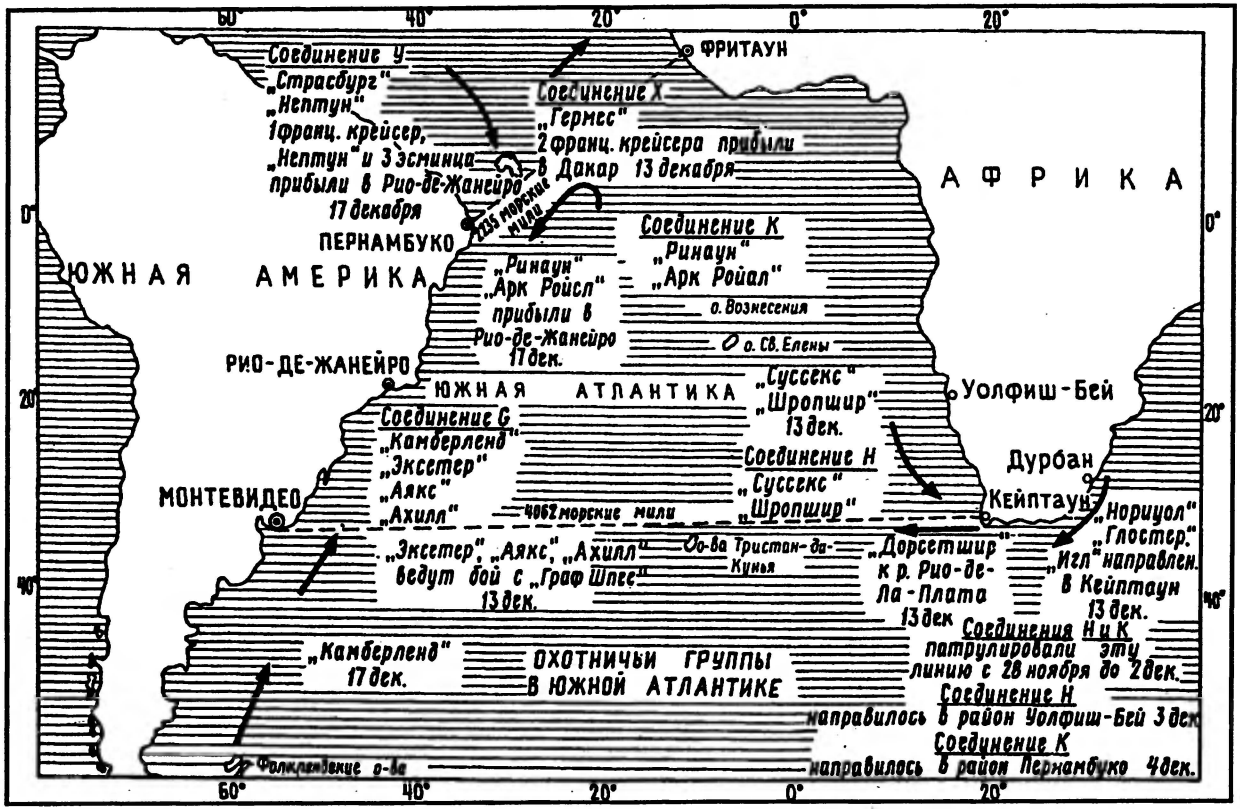
* * *

30 сентября английский пассажирский пароход «Клемент» водоизмещением 5 тысяч тонн, шедший без сопровождения, был потоплен линкором «Адмирал граф Шпее» у Пернамбуко. Известие об этом наэлектризовало адмиралтейство. Это был сигнал, которого мы дожидались. Было немедленно создано несколько охотничьих групп, в состав которых вошли все имевшиеся у нас авианосцы, действовавшие при поддержке

линкоров, линейных крейсеров и крейсеров. Считалось, что каждая такая группа, состоящая из двух или более кораблей, может перехватить и уничтожить карманный линкор.

Всего в течение следующих месяцев для поисков этих двух рейдеров было создано девять охотничьих групп, в состав которых вошли 23 мощных военных корабля. Мы были вынуждены также выделить три линкора и два крейсера в качестве дополнительного эскорта крупных караванов в районе Северной Атлантики. Все эти изъятия нанесли тяжелый урон ресурсам флота метрополии и средиземноморского флота, из которых необходимо было выделить 12 наиболее мощных кораблей, в том числе три авианосца. Действуя с широко разбросанных баз в Атлантическом и Индийском океанах, охотничьи группы могли охватить основные районы пересечения наших морских путей. Чтобы нанести удар по нашей морской торговле, противник должен был находиться поблизости по крайней мере от одного из этих районов.

Основной целью американского правительства в то время было держать войну возможно дальше от своих берегов. 3 октября делегаты 21-й американской республики, собравшись в Панаме, приняли решение объявить американскую зону безопасности, представляющую собой пояс шириной от 300 до 600 миль от побережья Америки. Внутри этой зоны не должно было быть никаких военных действий. Мы горячо стремились оказать всяческую помощь, чтобы не допустить войну в американские воды; в известной степени это давало нам преимущество. Поэтому я поспешил известить президента Рузвельта, что, если Америка обратится к воюющим сторонам с просьбой воздержаться от военных действий в этой зоне, мы немедленно заявим о нашей готовности удовлетворить эту просьбу, конечно, в соответствии с нашими правами, вытекающими из норм международного права. Мы не возражали, чтобы эта зона безопасности заходила далеко на юг при условии ее действенной охраны. Нам было трудно примириться с наличием зоны безопасности, которая охранялась бы только той или иной слабой нейтральной страной. Но если заботу о безопасности этой зоны взял бы на себя военно-морской флот Соединенных Штатов, мы были бы спокойны. Чем больше военных кораблей Соединенных Штатов будет крейсировать вдоль южноамериканского побережья, тем лучше для нас, ибо в таком случае немецкий рейдер, за которым мы охотились, предпочтет покинуть американские воды и направиться в район торговых путей близ Южной Африки, где мы смогли бы справиться с ним. Но если надводный рейдер будет оперировать из американской зоны безопасности или находить там убежище, мы должны либо иметь защиту, либо получить разрешение защитить себя от любого ущерба, который рейдер мог нам причинить.

60°
40°
20°
0°
20°
ФРИТАУН
Соединение У
„Страсбург"
„Нептун"
1 франц. крейсер,
„Нептун" и 3 эсминца
прибыли в Рио-де-Жанейро
17 декабря
Соединение Х
„Гермес"
2 франц. крейсера прибыли
в Дакар 13 декабря
1254 морские мили
ПЕРНАМБУКО
Соединение К
„Ринаун"
„Арк Ройал"
о. Вознесения
о. Св. Елены
„Ринаун"
„Арк Ройл"
прибыли в
Рио-де-Жанейро
17 дек.
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
АФРИКА
РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО
ЮЖНАЯ АТЛАНТИКА
Уолфиш-Бей
„Суссекс"
„Шропшир"
13 дек.
Соединение G
„Камберленд"
„Эксетер"
„Аякс"
„Ахилл"
Соединение Н
„Суссекс"
„Шропшир"
Дурбан
МОНТЕВИДЕО
4062 морские мили
Кейптаун
„Нориуол"
„Глостер"
„Игл" направлен.
в Кейптаун
13 дек.
„Эксетер", „Аякс", „Ахилл"
ведут бой с „Граф Шпее"
13 дек.
Ов-ва Тристан-да-Кунья
„Дорсетшир"
к р. Рио-де-
Ла-Плата
13 дек
Соединения Н и К
патрулировали эту
линию с 28 ноября до 2 дек.
„Камберленд"
17 дек.
ОХОТНИЧЬИ ГРУППЫ
В ЮЖНОЙ АТЛАНТИКЕ
Соединение Н
направилось в район Уолфиш-Бей 3 дек.
Соединение К
направилось в район Пернамбуко 4 дек.
Фолклендские о-ва
60°
40°
20°
0°
20°

В это время мы еще не имели точных сведений о гибели у мыса Доброй Надежды наших трех судов, которые были потоплены в период между 5 и 10 октября. Все эти три судна плыли отдельно и держали курс на Англию. Не было получено никаких сигналов бедствия, и у нас возникло подозрение только после того, как истек срок их прибытия. Лишь через некоторое время можно было предположить, что они стали жертвами рейдера.

Немецкий линкор «Дойчланд», задачей которого было нарушение наших линий снабжения, проходящих через Северо-Западную Атлантику, весьма осторожно толковал полученные им приказы. Ни разу в течение рейда, продолжавшегося два с половиной месяца, он не приблизился к какому-либо конвою. Его стремление избежать встречи с английскими кораблями привело к тому, что он потопил только два судна. Одним из них было небольшое норвежское судно. Второе судно — американский пароход «Сити оф Флинт», шедший с грузом для Англии, — было захвачено, но в конце концов выпущено немцами из норвежского порта. В начале ноября «Дойчланд» вернулся в Германию, снова пройдя воды Арктики. Однако уже само присутствие этого мощного корабля на наших основных торговых путях, как это и входило в его задачу, держало наши эскорты и охотничьи группы в Северной Атлантике в большом напряжении. Вообще говоря, мы предпочитали иметь дело с самим кораблем, нежели с туманной угрозой, которую он воплощал.

«Адмирал граф Шпее» проводил более дерзкие и хитро задуманные операции и вскоре оказался в центре внимания в Южной Атлантике. В этом обширном районе в середине октября в игру вступили мощные союзные силы. Одна группа состояла из авианосца «Арк Ройал» и линейного крейсера «Ринаун», действовавших из Фритауна вместе с французской группой из двух тяжелых крейсеров и английского авианосца «Гермес», базировавшегося в Дакаре. У мыса Доброй Надежды находились два тяжелых крейсера, «Суссекс» и «Шропшир», в то время как у восточного побережья Южной Америки крейсировала группа коммодора Харвуда, прикрывавшая важнейшие линии связи с Ла-Платой и Рио-де-Жанейро и состоявшая из кораблей «Камберленд», «Эксетер», «Ахиллес» и «Аякс». Последний был взят из состава новозеландского флота, и команда его состояла в основном из новозеландцев.

«Шпее» обычно быстро появлялся в том или ином месте, наносил удар и вновь бесследно исчезал в океанских просторах. После своего второго появления еще дальше к югу от мыса Доброй Надежды, где он потопил лишь одно судно, приблизительно месяц о нем не было никаких сведений. За это время наши охотничьи группы обшарили все районы, причем

особо тщательные поиски проводились в Индийском океане. Оказалось, что именно туда направлялся линкор, и 15 ноября он потопил небольшой английский танкер в Мозамбикском проливе между Мадагаскаром и Африканским континентом. Проведя, таким образом, обманный маневр в Индийском океане, чтобы направить поиски в том направлении, командир линкора капитан I ранга Лангсдорф, опытный моряк, быстро повернул обратно и, держась далеко к югу от мыса Доброй Надежды, снова вошел в Атлантический океан. Мы предвидели этот маневр, но нашему намерению перехватить линкор помешала быстрота его ухода. Адмиралтейство, по существу, не знало даже, имеем ли мы дело с одним или двумя рейдерами: поиски проводились и в Индийском океане, и в Атлантическом океане. Мы принимали также «Шпее» за однотипный «Шеер». Несоответствие сил противника и контрмер, которые мы вынуждены были принимать, было особенно досадным. Мы все определенно вздохнули с облегчением, узнав, что «Шпее» вновь появился на пути от мыса Доброй Надежды в Фритаун и потопил два судна 2 декабря и одно 7 декабря.

* * *

С самого начала войны коммодору Харвуду поручили особую задачу охраны английского судоходства у Ла-Платы и у Рио-де-Жанейро. Он был убежден, что рано или поздно «Граф Шпее» подойдет к Ла-Плате, где он мог рассчитывать на крупную добычу. Коммодор Харвуд тщательно разработал тактику на случай такой встречи. Действуя объединенными силами, его вооруженные восьмидюймовыми орудиями крейсера «Камберленд» и «Эксетер» и вооруженные шестидюймовыми орудиями крейсера «Ахиллес» и «Аякс» могли не только настигнуть, но и уничтожить противника. Однако, учитывая необходимость заправки горючим и ремонта, вряд ли можно было предполагать, что все четыре корабля окажутся на месте в нужный момент. Но даже если бы это и было так, исход дела был спорным. Услыхав, что 2 декабря был потоплен пароход «Дорик Стар», Харвуд правильно предугадал дальнейший ход событий. Хотя «Шпее» находился на расстоянии трех тысяч с лишним миль, Харвуд решил, что «Шпее» направится к Ла-Плате. Он рассчитал, что корабль появится здесь около 13 декабря. Поэтому он приказал, чтобы все наличные силы собрались к Ла-Плате к 12 декабря. «Камберленд», увы, стоял на ремонте у Фолклендских островов. Однако утром 13 декабря «Эксетер», «Ахиллес» и «Аякс» встретились у скрещения торговых путей у устья реки. И, действительно, в 6 часов 14 минут утра на востоке был замечен дым. Час долгожданного боя приближался.

Харвуд, находясь на «Ахиллесе», расставил свои силы так, чтобы атаковать карманный линкор с разных сторон и заставить его распылить свой огонь. Небольшая эскадра Харвуда на полной скорости устремилась вперед. Капитану I ранга Лангсдорфу на первый взгляд показалось, что он имеет дело с одним легким крейсером и двумя эсминцами. И он тоже продолжал двигаться вперед на полной скорости. Но прошло несколько секунд, и он увидел, с каким противником столкнулся, и понял, что ему предстоит бой не на жизнь, а на смерть. Противники теперь сближались со скоростью чуть ли не 50 миль в час. Обе стороны начали бой почти одновременно.

Тактика коммодора Харвуда оказалась более выгодной. В самом начале боя «Шпее» был накрыт залпами восьмидюймовых орудий «Эксетера». В то же время крейсера, вооруженные шестидюймовыми орудиями, также наносили крепкие и чувствительные удары. Немецкий линкор оказался с трех сторон под огнем. Английская атака становилась слишком жаркой, и скоро корабль повернул, прикрывшись дымовой завесой, явно направляясь к реке Ла-Плата. Этот бой длился один час двадцать минут. В течение всего остального дня «Шпее» шел в Монтевидео, преследуемый по пятам английскими крейсерами, лишь изредка обмениваясь с ними огнем. Вскоре после полуночи «Шпее» вошел в Монтевидео, бросил там якорь. На корабле занялись устранением повреждений, пополнением запасов, эвакуацией раненых на берег, переводом экипажа на немецкое торговое судно и передачей донесений фюреру. «Ахиллес» и «Аякс» оставались снаружи, твердо решив довести преследование до конца в случае, если «Шпее» решится выйти в море.

16 декабря капитан I ранга Лангсдорф телеграфировал немецкому адмиралтейству:

«Нахожусь у Монтевидео. Помимо крейсеров и эсминцев, «Арк Ройал» и «Ринаун». Плотная блокада по ночам, ускользнуть в открытое море и прорваться в отечественные воды невозможно...

Прошу решить, затопить ли корабль, несмотря на незначительную глубину у устья реки Ла-Плата, или предпочесть интернирование».

На совещании под председательством фюрера с участием Редера и Йодля решили дать следующий ответ:

«Попытайтесь всеми способами продлить пребывание в нейтральных водах... Если возможно, прорвитесь с боем в Буэнос-Айрес. Никакого интернирования в Уругвае. Если придется затопить корабль, попытайтесь основательно разрушить судно».

Когда германский посланник в Монтевидео сообщил, что дальнейшие попытки продлить 72-часовой срок пребывания

«Шпее» в Монтевидео оказались тщетными, германское верховное командование подтвердило этот приказ.

17 декабря во второй половине дня со «Шпее» было переправлено более семисот человек с багажом на немецкое торговое судно, находившееся в порту. Вскоре после этого адмирал Харвуд вспоминал, что «Шпее» в 18 часов 15 минут снялся с якоря, покинул гавань и медленно направился в море, где его нетерпеливо ожидали английские крейсера. В 20 часов 54 минуты, когда солнце уже село, самолет с «Аякса» сообщил: "Граф Шпее" взорвал себя». Линейный крейсер «Ринаун» и авианосец «Арк Ройал» находились все еще в тысяче миль отсюда.

Лангсдорф не мог пережить потери своего корабля. Несмотря на то, что его поступок был полностью санкционирован правительством, 19 декабря он написал следующие строки:

«Теперь только своей смертью я могу доказать, что боевые силы третьей империи готовы умереть за честь своего флага. Я один несу ответственность за потопление карманного линкора "Адмирал граф Шпее". Я счастлив искупить своей жизнью какую-либо тень, падающую на честь флага. Я гляжу в лицо своей судьбе с твердой верой в будущее нации и моего фюрера».

Той же ночью он застрелился. Так закончился первый вызов со стороны надводных кораблей, брошенный английской торговле на океанах. Ни один рейдер не появлялся больше до весны 1940 года, когда была начата новая кампания с использованием замаскированных торговых судов. Такие суда было труднее обнаружить, но, с другой стороны, с ними можно было справиться меньшими силами, чем те, которые были необходимы для уничтожения карманного линкора.

* * *

Исход боя у реки Ла-Плата вызвал ликование в английском народе и повысил наш престиж во всем мире. Зрелище трех более слабых английских кораблей, атаковавших и обративших в бегство противника, обладавшего гораздо более мощными орудиями и броней, вызвало всеобщее восхищение.

Глава девятая

СКАНДИНАВИЯ, ФИНЛЯНДИЯ

Простирающийся от входа в Балтийское море до Полярного круга полуостров длиной в тысячу миль имел огромное стратегическое значение. Спускаясь к океану, норвежские горы

разбиваются на множество островов, окаймляющих берега. В территориальных водах между этими островами и материком пролегает коридор, которым Германия могла пользоваться для выхода в открытое море, с весьма ощутимым ущербом для нашей блокады. Германская военная промышленность зависела главным образом от поставок шведской железной руды, которая летом поступала через шведский порт Лулео, в северной части Ботнического залива, а зимой, когда залив замерзал, — через порт Нарвик, на западном побережье Норвегии. Примириться с наличием такого коридора значило допустить, несмотря на наше превосходство на море, чтобы под прикрытием нейтралитета весь этот грузопоток шел беспрепятственно. Военно-морской штаб был сильно обеспокоен этим важным преимуществом, которое предоставлялось Германии, и я при первой возможности поднял этот вопрос перед кабинетом.

Сперва мои доводы встретили благожелательный отклик. Острота положения произвела большое впечатление на всех моих коллег; однако все мы строго придерживались принципа соблюдения нейтралитета малых государств.

Военно-морской министр — начальнику военно-морского штаба и другим

19 сентября 1939 года

«Сегодня утром я обратил внимание кабинета на то, какое значение имеет прекращение перевозки норвежцами шведской железной руды из Нарвика, которая начнется, как только замерзнет Ботнический залив. Я указал, что в 1918 году мы с одобрения США и при их сотрудничестве установили минные поля в трехмильной зоне норвежских территориальных вод. Я предложил в ближайшее время повторить это мероприятие (как уже было отмечено выше, это было неточное заявление, и мне скоро указали на это). Члены кабинета, в том числе и министр иностранных дел, вполне благосклонно отнеслись к этой акции.

Поэтому необходимо сделать все, чтобы подготовиться к ней:

1. Прежде всего надо начать с норвежцами переговоры с целью зафрахтовать их суда.

2. Министерство торговли должно постараться закупить у шведов железную руду, о которой идет речь, так как мы вовсе не желаем ссориться с ними.

3. Надо ознакомить министерство иностранных дел с нашими предложениями; необходимо подробно изложить историю англо-американской акции 1918 года и выдвинуть обоснованную претензию.

4. Сама операция должна быть изучена соответствующими работниками военно-морского министерства. Министерство

экономической войны следует информировать об этом, когда будет сочтено необходимым.

Прошу все время держать меня в курсе хода выполнения этого плана, имеющего важнейшее значение дли подрыва военной промышленности противника.

Когда все будет готово, потребуется новое решение кабинета».

После того как этот вопрос подробно изучили в военно-морском министерстве, 29 сентября по просьбе моих коллег я написал для членов кабинета докладную записку по этому поводу, а также по тесно связанному с этим вопросу о фрахте судов нейтральных стран.

Военно-морской министр — помощнику начальника военно-морского штаба

29 сентября 1939 года

«Прошу завтра утром, пока заседает кабинет, снова созвать совещание по вопросу о железной руде, которое мы уже проводили в четверг, для рассмотрения разработанного мною проекта предложений. Бесполезно просить кабинет принять предложенные нами решительные меры против нейтральной страны, если результаты не будут иметь первостепенного значения.

Мне сказали, что нет ни одного немецкого или шведского судна, которое пыталось бы взять руду южнее Нарвика. Мне также сообщили, что в связи с наступлением морозов немцы, пользуясь водным путем, накапливают руду в Окселёсунде и, таким образом, смогут в зимние месяцы доставить грузы в Рур по Балтийскому морю через Кильский канал. Верны ли эти сообщения? Было бы крайне неприятно, если бы я приступил к минированию норвежских территориальных вод, а мне бы сказали, что это не достигнет цели».

Когда все уже было согласовано и решено в военно-морском министерстве, я вторично поставил этот вопрос перед кабинетом. Опять все подчеркивали необходимость принять такие меры, однако я не мог получить согласия на то, чтобы приступить к действию. Доводы министерства иностранных дел насчет нейтралитета были вескими, и я не мог противопоставить им более основательных. Как это будет видно далее, я продолжал настаивать на своем всеми средствами и при любом случае. Однако решение, о котором я просил в сентябре 1939 года, было принято лишь в апреле 1940 года. Но уже было слишком поздно.

* * *

Почти в тот же период (как нам теперь известно) взоры немцев были устремлены в том же направлении. 3 октября адмирал

Редер представил Гитлеру проект, озаглавленный «Приобретение баз в Норвегии». Он просил «возможно скорее сообщить фюреру мнение военно-морского штаба о возможности расширении оперативной базы в северном направлении. Нужно выяснить, можно ли добиться получения баз в Норвегии с помощью совместного нажима России и Германии с целью улучшения нашего стратегического и оперативного положения». В связи с этим он составил ряд докладных записок и 10 октября передал их Гитлеру.

«В этих докладных записках, — писал он, — я подчеркивал те невыгоды, с которыми мы столкнулись бы в случае оккупации Норвегии англичанами: контроль над подходами к Балтике, фланговая угроза нашим морским и воздушным операциям против Англии и прекращение нашего давления на Швецию. С другой стороны, я подчеркнул, какие преимущества даст нам оккупация норвежского побережья: выход в Северную Атлантику, невозможность создания англичанами минного барьера по образцу 1917—1918 годов... Фюрер сразу же оценил значение норвежской проблемы, попросил меня оставить ему докладные записки и заявил, что обдумает этот вопрос».

Розенберг, специалист нацистской партии по иностранным делам, ведавший специальным бюро по руководству пропагандой в иностранных государствах, разделял взгляды адмирала. Он мечтал о том, чтобы «убедить Скандинавию воспринять идею нордической общины, охватывающей северные народы под естественным руководством Германии». Еще в начале 1939 года он полагал, что в лице крайне националистической партии Норвегии, возглавляемой бывшим военным министром Видкуном Квислингом, ему удалось найти орудие для проведения этой идеи в жизнь. Был установлен контакт, и через организацию Розенберга и немецкого военно-морского атташе в Осло деятельность Квислинга была увязана с планами немецкого военно-морского штаба.

14 декабря Квислинг со своим помощником Хагелином прибыл в Берлин, где Редер представил их Гитлеру для обсуждения плана нанесения политического удара в Норвегии. Квислинг прибыл с подробным планом. Гитлер, чтобы соблюсти тайну, притворился, будто избегает принятия на себя новых обязательств, и заявил, что предпочел бы, чтобы Скандинавия осталась нейтральной. Тем не менее, как утверждает Редер, в этот же день Гитлер приказал верховному командованию подготовиться к норвежской операции.

Разумеется, мы ничего об этом не знали. Как английское, так и германское военно-морские командования вполне правильно вели расчеты по одним и тем же стратегическим линиям, и одному из них удалось добиться от своего правительства конкретных решений.

* * *

Тем временем Скандинавский полуостров превратился в театр неожиданного столкновения, вызвавшего волну возмущения в Англии и во Франции. Это обстоятельство возымело весьма серьезное влияние на ход обсуждения норвежской проблемы. Как только Германия оказалась втянутой в войну с Англией и Францией, Советская Россия в духе заключенного ею с Германией пакта приступила к блокированию всех линий, ведущих в Советский Союз с запада. Одна из этих линий проходила из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства; вторая — через воды Финского залива; третья — через Финляндию и Карельский перешеек и заканчивалась на финской границе в пункте, отстоявшем от ленинградских пригородов лишь на двадцать миль. Советы не забыли опасностей, которым подвергся Ленинград в 1919 году. Даже белогвардейское правительство Колчака уведомило мирную конференцию в Париже, что базы в Прибалтийских государствах и Финляндии были необходимой защитой для русской столицы. Сталин высказал ту же мысль английской и французской миссиям летом 1939 года. В предыдущих главах мы видели, как естественные опасения этих малых государств служили препятствием англо-французскому союзу с Россией, и проложили путь соглашению Молотова—Риббентропа.

Сталин не терял времени. 24 сентября в Москву был вызван эстонский министр иностранных дел, и спустя четыре дня его правительство подписало пакт о взаимопомощи, по которому русским было предоставлено право разместить свои гарнизоны в ключевых пунктах в Эстонии. 21 октября Красная Армия и военно-воздушные силы уже были на месте. Та же процедура была одновременно применена в Латвии. Советские гарнизоны появились также и в Литве. Таким образом, южный путь на Ленинград и половина береговой линии Финского залива оказались в кратчайший срок блокированными советскими вооруженными силами на случай немецких поползновений. Оставались открытыми подступы только через Финляндию.

В начале октября в Москву отправился Паасикиви, финский государственный деятель, в 1921 году подписавший с Советским Союзом мирный договор. Советские требования были большими: отодвинуть на значительное расстояние финскую границу на Карельском перешейке, чтобы Ленинград не был на расстоянии действия вражеской артиллерии; уступить некоторые финские острова, расположенные в Финском заливе, сдать в аренду полуостров Рыбачий с его единственным финским незамерзающим арктическим портом Петсамо и главное — сдать в аренду порт Ханко у входа в Финский залив

для устройства в нем русской военно-морской и военно-воздушной базы[1]. Финны готовы были уступить по всем пунктам, кроме последнего. Они считали, что с того момента, как ключи от Финского залива окажутся в руках русских, со стратегической и национальной безопасностью Финляндии будет покончено. 13 ноября переговоры были прерваны, и финское правительство приступило к мобилизации и усилению своих войск на карельской границе. 28 ноября Молотов денонсировал пакт о ненападении, заключенный между Финляндией и Россией. Спустя два дня русские перешли в наступление в восьми пунктах, расположенных на тысячемильном финском фронте, причем в то же утро красные военно-воздушные силы бомбили финскую столицу Хельсинки.

Вся тяжесть русского удара была прежде всего направлена против пограничных укреплений финнов на Карельском перешейке. Это был укрепленный район глубиной около двадцати миль, простиравшийся с севера на юг, через лесистую местность, покрытую толстым слоем снега. Укрепления эти были названы линией Маннергейма, по имени финского главнокомандующего, спасшего в 1917 году Финляндию от большевистского владычества. Возмущение, вызванное в Англии, во Франции и в еще более острой форме в Соединенных Штатах при виде неспровоцированного нападения гигантской Советской державы на маленькую, отважную и высокоцивилизованную нацию, вскоре сменилось чувством изумления и облегчения. В первые недели боев советские войска, укомплектованные почти целиком из состава Ленинградского округа, успеха не имели. Финская армия, общий боевой состав которой составлял не более 200 тысяч человек, сражалась отлично. Финны мужественно действовали против русских танков, применив новый тип ручных гранат, которые вскоре получили название «молотовский коктейль».

Возможно, Советское правительство рассчитывало на военную прогулку. Хотя первоначально советские налеты на Хельсинки и другие пункты и не носили особенно интенсивного характера, они были рассчитаны на то, чтобы вселить глубокий страх. Советские войска, начав военные действия, численно намного превосходили противника, но уступали ему в боевых качествах и были плохо подготовлены. Воздушные налеты и вторжение на их землю вызвали у финнов подъем, и они, как один человек, сплотились против агрессора и дрались с предельной решимостью и великолепным искусством. Правда, русской дивизии, наступавшей на Петсамо, не стоило особого труда отбросить семьсот финнов, оборонявших этот район.

[1] Автор не указывает, что взамен предлагалась вдвое большая территория Северной Карелии, которую СССР был готов передать Финляндии.

Однако наступление на «талию» Финляндии оказалось катастрофическим для захватчиков. Местность в этом районе почти вся покрыта сосновым лесом, а почва в ту пору была прикрыта твердым слоем снега. Холода стояли жестокие. Финны были хорошо обеспечены лыжами и теплым обмундированием, в то время как у русских не было ни того ни другого. Кроме того, финны оказались напористыми бойцами, отлично подготовленными для боевых действий в лесу. Тщетно возлагали русские свои надежды на численное превосходство и более тяжелое вооружение. По всему этому фронту финские пограничные части медленно отступали по дорогам, преследуемые русскими колоннами. Но как только последние углублялись приблизительно на тридцать миль, на них со всех сторон набрасывались финны. Колонны эти натыкались на финские оборонительные сооружения в лесах и подвергались днем и ночью ожесточенным фланговым атакам; их коммуникации в тылу перерезались, их уничтожали, а в лучшем случае они уходили восвояси, понеся тяжелые потери. К концу декабря весь русский план наступления через «талию» провалился.

Тем временем не лучше обстояло дело и с наступлением на линию Маннергейма на Карельском перешейке. Обходное движение к северу от Ладожского озера силами двух советских дивизий окончилось так же, как и операция на севере. Против линии Маннергейма был предпринят ряд массированных атак силой около двенадцати дивизий. Атаки начались в первые дни декабря и продолжались весь месяц. Обстрел русской артиллерией оказался недостаточным, у русских были в основном легкие танки, и их фронтальные атаки были отбиты, они понесли тяжелые потери и не добились успеха. К концу года неудача на всем фронте в конце концов убедила Советское правительство, что оно имеет дело с совершенно иным противником, чем предполагало. Тогда Советское правительство решило предпринять более основательные усилия. Поняв, что на севере в лесистой местности одним численным превосходством нельзя преодолеть сопротивление лучше обученных и тактически более гибких финнов, Советское правительство решило сосредоточить силы на прорыве линии Маннергейма по способу осадной войны, которая позволяет в полной мере использовать мощь массированной тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Это потребовало больших приготовлений, поэтому с конца года боевые действия на всем финском фронте затихли.

Финны к тому моменту вышли победителями из схватки со своим могущественным противником. Такой неожиданный поворот событий был воспринят с чувством удовлетворения во всех странах, как воюющих, так и нейтральных. Для Красной Армии это оказалось довольно плохой рекламой. В английских

кругах многие поздравляли себя с тем, что мы не очень рьяно старались привлечь Советы на нашу сторону, и гордились своей дальновидностью. Люди слишком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию и что все это подтверждало органическую гнилость и упадок государственного и общественного строя русских. Этих взглядов придерживались не только в Англии. Можно не сомневаться, что Гитлер со всем своим генералитетом глубоко задумался над финским уроком и что это сыграло большую роль в формировании его намерений.

Чувство негодования против Советского правительства, вызванное в то время пактом Риббентропа—Молотова, ныне, под влиянием грубого запугивания и агрессии, разгорелось ярким пламенем. К этому примешивалось презрение по поводу неспособности советских войск и восторженное отношение к доблестным финнам.

Несмотря на уже начавшуюся всемирную войну, повсюду проявлялось большое желание помочь финнам авиацией и другими ценными военными материалами, а также добровольцами из Англии, Соединенных Штатов и в особенности из Франции. Но для доставки военного снаряжении и добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобрел новое моральное, если не стратегическое значение. Использование Нарвика для снабжения финских войск затрагивало нейтралитет Норвегии и Швеции. Оба эти государства, в равной степени страшившиеся Германии и России, хотели только одного — не быть втянутыми в войны, которые уже начинали разгораться вокруг и готовы были поглотить и их. Нейтралитет казался им единственным средством самосохранения. Английское правительство не хотело, конечно, совершить даже формальное нарушение норвежских территориальных вод, минировав норвежский коридор для обеспечения себе преимущества перед Германией. Но, подчиняясь более благородному побуждению, лишь косвенно связанному с нашими военными интересами, оно предъявило Норвегии и Швеции гораздо более серьезное требование свободного пропуска людей и поставок для Финляндии.

Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу. Я был рад этим новым и благоприятным настроениям, считая, что они помогут нам добиться крупного стратегического преимущества перед Германией, которая, таким образом, оказалась бы отрезанной от важных для нее источников железной руды. Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору в Германию.

Если бы удалось урегулировать вопрос с норвежцами и шведами, то более значительные меры потребовали бы меньше усилий. Внимание военно-морского министерства в тот момент было приковано к большому и мощному русскому ледоколу, который отправился из Мурманска в Германию якобы для ремонта, а вероятнее всего — для расчистки фарватера, затянутого сейчас льдом балтийского порта Лулео, на предмет приема немецких кораблей, приходивших за рудой. Я снова предпринял попытку добиться согласия на простейшую и бескровную операцию минирования норвежского коридора, тем более что прецедент был установлен в первую мировую войну. Поскольку этот вопрос имеет и моральную сторону, я считаю нужным изложить его в той окончательной форме, в какой я его представил после длительных размышлений и обсуждения.

Норвегия. Перевозка железной руды

Замечания военно-морского министра 16 декабря 1939 года

«1. Действенное прекращение перевозки железной руды из Норвегии в Германию было бы равносильно крупной наступательной военной операции. В течение многих предстоящих месяцев у нас не повторится такая прекрасная возможность уменьшить ущерб и разрушения, причиняемые войной, или даже, возможно, ослабить то ужасное кровопролитие, которое начнется, когда столкнутся главные силы армий.

2. Перевозка железной руды из Лулео (в Балтийском море) уже приостановилась из-за льда, и надо не допустить, чтобы его сломал советский ледокол, если он попытается это сделать. Доставку руды из Нарвика нужно прекратить, установив в двух или трех соответствующих пунктах в территориальных водах Норвегии ряд небольших минных полей, которые заставят суда с железной рудой для Германии покинуть территориальные воды и выйти в открытое море, где они будут захвачены, если это будут немецкие суда, или подвергнуты осмотру, если это будут нейтральные суда. Надо также помешать отправке руды из главного незамерзающего порта на Балтике Окселёсунда такими методами, которые не будут ни дипломатическими, ни военными. Против всех этих трех портов надо принять различные меры и как можно скорее. <...>

4. Если мы добьемся того, что к маю германские металлургические и военные предприятия будут испытывать острый недостаток в руде, тогда недопущение открытия вновь порта в Лулео может стать главной задачей нашего флота. Создание около Лулео минного поля, включая магнитные мины, английскими подводными лодками — это один путь, но есть и другие пути. Если бы можно было теперь отрезать Германию

от шведской руды вплоть до конца 1940 года, это был бы такой удар по ее военному производству, который равнялся бы первоклассной победе на суше или в воздухе, и при этом без серьезных людских потерь. Это могло бы дать немедленно решающие результаты. <...>

6. Симпатии Норвегии на нашей стороне, и ее будущая независимость от германского владычества связана с победой союзников.

7. Германия, несомненно, применит к ней грубую силу, независимо от нашего образа действий, если только она сочтет, что ее интересы требуют установления насильственного господства над Скандинавским полуостровом. В таком случае война распространится на Норвегию и Швецию, и поскольку мы господствуем на море, то почему бы французским и английским войскам не встретить германских захватчиков на скандинавской земле. Во всяком случае мы, безусловно, можем занять и удержать любые острова или любые угодные нам пункты на норвежском побережье. Тогда наша блокада Германии на севере станет полной. Мы можем, например, оккупировать Нарвик и Берген, использовать их для нашей торговли и в то же время полностью закрыть их для Германии. Едва ли нужно особо подчеркивать, что установление английского контроля над побережьем Норвегии является стратегической задачей первостепенной важности».

* * *

22 декабря мой меморандум обсуждался кабинетом, и я выступил с горячей речью в его защиту. Мне, однако, не удалось добиться решения, которое предоставило бы возможность действий. Согласились на том, что можно заявить Норвегии дипломатический протест по поводу злоупотребления Германией ее территориальными водами, и на том, чтобы начальники штабов разобрались в военных последствиях каких-либо будущих действий на скандинавской территории. Начальникам штабов поручили разработать план десантной операции в Нарвике для оказания помощи Финляндии, а также обсудить военное значение оккупации Южной Норвегии Германией. Но морскому министерству не было дано никаких оперативных приказов.

Глава десятая

МРАЧНЫЙ НОВЫЙ ГОД

Война в конце 1939 года все еще находилась в состоянии зловещего транса. Тишину на Западном фронте нарушал лишь случайный пушечный выстрел или разведывательный патруль.

Армии изумленно смотрели друг на друга из-за своих укреплений через никем не оспариваемую ничейную землю.

«Есть некоторое сходство, — писал я Паунду в Рождество, — между нынешним положением и концом 1914 года. Завершился переход от мира к войне. Внешние моря, по крайней мере на данное время, свободны от вражеских надводных кораблей. Линия фронта во Франции неподвижна. Но, кроме того, мы отразили на море первую атаку немецких подводных лодок, тогда как в ту войну она началась лишь в феврале 1915 года, и научились плавать среди новых магнитных мин. Затем, линия фронта во Франции проходит по государственной границе, тогда как в 1914 году шесть или семь французских провинций и Бельгия находились в руках противника. Таким образом, я считаю нынешнее положение лучшим, чем в 1914 году. Кроме того, мне кажется (но это впечатление может в любой момент измениться), что кайзеровская Германия была более трудным противником, чем нацистская Германия.

Вот самое приятное, что я могу сообщить в Рождество в наше тяжелое время».

* * *

Пока ни один союзник не поддержал наше дело. Соединенные Штаты были сдержаннее, чем когда бы то ни было. Я упорно продолжал переписываться с президентом, но не встречал большого отклика. Министр финансов жаловался на истощение наших долларовых ресурсов. Мы уже подписали пакт о взаимопомощи с Турцией и рассматривали вопрос, какую помощь мы можем оказать ей из наших ограниченных средств. Напряженность, вызванная финской войной, ухудшила и без того плохие отношения с Советами. Любые действия, предпринятые нами для помощи финнам, могли привести к войне с Россией. Коренной антагонизм между Советским правительством и нацистской Германией не помешал Кремлю активно помогать материалами и услугами усилению мощи Гитлера. Коммунисты во Франции и те, какие были в Англии, осуждали «капиталистическо-империалистическую» войну и делали все возможное, чтобы тормозить работу на военных заводах. Они, несомненно, оказывали пагубное и разлагающее влияние на французскую армию, уже и без того уставшую от бездействия. Мы продолжали искать расположения Италии, оказывая ей любезности и заключая выгодные для нее контракты, но не могли быть спокойны и не видели никакого прогресса на пути к установлению дружбы. Граф Чиано был любезен с нашим послом, Муссолини держался отчужденно.

Итальянский диктатор, однако, сам испытывал опасения. 3 января он написал Гитлеру откровенное письмо, выражав-

шее его сильнейшее неодобрение соглашения Германии с Россией.

«Никто не знает лучше, чем я, с моим сорокалетним политическим опытом, что политика, в особенности революционная политика, предъявляет свои тактические требования. В 1924 году я признал Советы. В 1934 году я подписал с ними договор о торговле и дружбе. Поэтому я понимал, *в особенности учитывая, что предсказание Риббентропа о невмешательстве Великобритании и Франции не оправдалось, что Вы вынуждены избегать второго фронта.* За это Вам пришлось заплатить тем, что Россия, не нанеся ни единого удара, получила в Польше и в Прибалтике большой выигрыш от войны.

Но я, родившийся революционером и не изменивший своей революционности, говорю Вам, что Вы не можете постоянно подчинять принципы Вашей революции тактическим нуждам данного момента... Считаю своим долгом добавить, что любой дальнейший шаг в отношениях с Москвой вызвал бы катастрофические последствия в Италии, где антибольшевистские чувства являются всеобщими, абсолютными, твердыми как гранит и нерушимыми. Разрешите думать, что этого не случится. Только в России, и нигде больше, Вы найдете решение вопроса о вашем жизненном пространстве... В тот день, когда мы уничтожим большевизм, мы выполним свой долг перед нашими обеими революциями. Тогда наступит черед великих демократий, которые не могут справиться с гложущим их раком...»

Весь январь финны держались стойко, и в конце месяца численно увеличившиеся русские армии еще стояли на своих позициях. Красная авиация продолжала бомбить Хельсинки и Вийпури, и финское правительство стало настойчивей взывать о присылке самолетов и военных материалов. По мере того как короче становились арктические ночи, налеты советской авиации усилились не только на финские города, но и на коммуникации финской армии. Пока что Финляндия получила лишь ничтожное количество военных материалов и всего лишь несколько тысяч добровольцев из Скандинавских стран. В Лондоне в январе открылось вербовочное бюро, и в Финляндию отправили несколько десятков английских самолетов; часть из них прямо по воздуху. Но ничего действительно полезного сделано не было.

Проволочки в вопросе о Нарвике продолжались бесконечно. Хотя английский кабинет был готов оказать нажим на Норвегию и Швецию с целью получить согласие на транспортировку через их территорию материалов, посылаемых в Фин-

ляндию, он возражал против менее важного мероприятия — минирования норвежских вод. Первая задача была благородной, вторая — чисто тактической. Кроме того, каждому было ясно, что Норвегия и Швеция откажутся разрешить доставлять Финляндии материалы через их территорию, так что все равно из этого проекта ничего не вышло бы.

После одного заседания военного кабинета с чувством досады и раздражения я писал своему коллеге:

15 января 1940 года

«Мое беспокойство объяснялось главным образом теми ужасными трудностями, которые ставит на пути конкретных действий наш аппарат ведения войны. Я вижу такую огромную стену помех, уже воздвигнутую или воздвигаемую, что сомневаюсь, может ли какой-либо план одолеть ее. Посмотрите, какие препятствия приходилось преодолевать в течение семи недель, когда мы обсуждали операцию в Нарвике. Во-первых, возражения экономических министерств: снабжения, торговли и т. д. Во-вторых, возражения объединенной плановой комиссии. В-третьих, возражения комитета начальников штабов. В-четвертых, коварный довод «не портите большого плана ради малого», когда в действительности было очень мало шансов на решительное осуществление большого плана. В-пятых, возражения юридического и морального порядка, которые постепенно были преодолены. В-шестых, позиция нейтральных стран, и прежде всего Соединенных Штатов. В-седьмых, сам кабинет с его многочисленными аспектами критики. В-восьмых, когда все было урегулировано, пришлось консультироваться с французами. Наконец, надо было согласовать вопрос с доминионами, где общественное мнение не изменилось в такой же степени, как в Англии, поскольку доминионы не испытали того, что испытали мы. Все это заставляет меня думать, что при нынешнем положении дел мы будем вынуждены просто ждать страшных атак врага, к которым мы не в состоянии подготовиться одновременно везде, без того чтобы пагубно не распылять наши силы.

Я продвигаю два или три проекта, но все они, я боюсь, рухнут под колоссальным натиском негативных доводов и сил. Извините меня, если Вам покажется, что я высказал свою озабоченность в такой раздраженной манере. Одно абсолютно несомненно: победы никогда не обеспечишь, идя по линии наименьшего сопротивления.

Однако сейчас вся эта нарвикская история пока откладывается вследствие угрозы Бельгии и Голландии. Если она осуществится, положение придется рассматривать в свете совершенно новых событий... Если в Бельгии и Голландии разыграется крупное сражение, это, возможно, окажет решающее

влияние на Норвегию и Швецию. Даже если битва закончится только вничью, они смогут почувствовать себя гораздо более свободными, а для нас диверсия может стать даже еще более необходимой».

* * *

Были и другие причины для беспокойства. Перевод нашей промышленности на военные рельсы не осуществлялся необходимыми темпами. Выступая 27 января с речью в Манчестере, я подчеркнул важное значение увеличения числа рабочих и вовлечения в промышленность большого числа женщин, чтобы заменить мужчин, призванных на военную службу, и сделать нас более сильными.

Однако делалось очень немногое, и, по-видимому, отсутствовало сознание чрезвычайной важности положения. Среди лейбористов и тех, кто руководил производством, а также среди руководителей военных операций господствовало настроение апатии.

10 января опасения по поводу Западного фронта получили подтверждение. Майору из штаба германской 7-й авиационной дивизии приказали доставить некоторые документы в штаб-квартиру в Кёльне. Желая выгадать время для личных целей, он решил лететь через лежащую на пути бельгийскую территорию. Самолет сделал вынужденную посадку, и бельгийская полиция арестовала его, забрав документы, которые он отчаянно пытался уничтожить. Эти документы содержали полный и конкретный план вторжения в Бельгию, Голландию и Францию, которое Гитлер решил предпринять. Французскому и английскому правительствам передали копии этих документов, а немецкого майора отпустили, предоставив ему объясняться со своими начальниками. Меня информировали обо всем этом тотчас же, и мне казалось невероятным, чтобы бельгийцы не разработали плана, предлагающего нам ввести наши войска в Бельгию. Но они ничего не предприняли. Во всех трех странах, которых это затрагивало, высказывалось предположение, что это, вероятно, ловушка. Но такое казалось неправдоподобным. Немцам не было никакого смысла пытаться заставить бельгийцев поверить, что они собираются напасть на них в недалеком будущем. Это могло бы побудить бельгийцев сделать то, чего немцы меньше всего желали, — разработать вместе с французами и англичанами план, предусматривающий, что в одну прекрасную ночь французские и английские войска быстро и тайно вступят на территорию Бельгии. Я верил в предстоящее нападение. Но бельгийский король не раздумывал над этим. Он и его военачальники просто выжидали, надеясь, что все обойдется.

Несмотря на документы, найденные у немецкого майора, ни союзники, ни государства, которым угрожала опасность, не предприняли никаких новых действий. Гитлер же, как мы теперь знаем, вызвал Геринга и, узнав, что захваченные документы действительно представляли собой полные планы вторжения, излив свой гнев, приказал подготовить новые варианты.

Таким образом, в начале 1940 года стало ясно, что Гитлер имел детальный план вторжения во Францию с захватом Бельгии и Голландии. Если бы вторжение началось, немедленно вступил бы в действие разработанный генералом Гамеленом план «Д», который предусматривал движение 7-й французской армии и британской армии. План «Д» был детально разработан и по первому слову мог быть приведен в исполнение. Этот курс действий, против которого в начале войны возражали начальники штабов британских вооруженных сил, был официально и определенно подтвержден в Париже 17 ноября 1939 года. Основываясь на этом плане, союзники ожидали предстоящего удара, а Гитлер — наступления подходящего времени для военного похода, погода для которого могла быть весьма благоприятной, начиная с апреля.

Зимой и весной британские экспедиционные войска приводили себя в порядок и укрепляли свои позиции, готовясь к войне наступательной или оборонительной. Все, от высших до нижних чинов, напряженно трудились, и тот факт, что впоследствии они оказались на высоте, в значительной степени объяснялся тем, что они полностью использовали возможности, представившиеся им зимой. К концу «сумерек войны» состояние английской армии значительно улучшилось. Кроме того, она возросла и численно. В марте 1940 года прибыли 42-я и 44-я дивизии, которые во второй половине апреля были отправлены на фронт. В том же месяце прибыли 12-я, 23-я и 46-я дивизии. Они были посланы во Францию, чтобы закончить военную подготовку и обеспечить дополнительную рабочую силу для всяких текущих работ. У них не хватало даже оружия и снаряжения, какое бывает в каждой части, и у них не было артиллерии. Тем не менее эти дивизии неминуемо были вовлечены в бой, когда начались сражения, и хорошо проявили себя.

Ужасным пробелом в нашей довоенной подготовке было *отсутствие у английских экспедиционных войск бронетанковых дивизий*. Великобритания, родина танков всех видов, в период между двумя войнами слишком мало внимания обращала на производство этого рода оружия, которое скоро стало господствующим на поле боя. Спустя восемь месяцев после объявления войны, наша небольшая, но хорошая армия, когда настал час испытания, имела только 1-ю армейскую танковую

бригаду, насчитывавшую семнадцать легких танков и сто «пехотных» танков. Только двадцать три из этих танков имели на вооружении 42-мм пушки, остальные танки имели только пулеметы. Было также семь территориальных танковых полков, имевших транспортеры и легкие танки. Эти полки были сведены в две легкие танковые бригады. Если не считать недостатка в танках, боеспособность британских экспедиционных войск заметно возросла.

* * *

События на французском фронте были менее удовлетворительными. Если вы имеете большую национальную армию, состоящую из призывников, настроение народа отражается на этой армии, в особенности если она дислоцирована на родине и имеет тесный контакт с населением. Отнюдь нельзя сказать, что в 1939—1940 годы Франция смотрела на войну с воодушевлением или хотя бы с большой надеждой. Беспокойная внутренняя политика последнего десятилетия породила разобщенность и недовольство. Реагируя на рост коммунизма, значительные элементы во Франции повернули к фашизму. Эти люди охотно слушали искусную пропаганду Геббельса и передавали ее дальше в виде сплетен и слухов. Точно так же и в армии сказывалось разлагающее влияние коммунизма и фашизма[1], а долгие зимние месяцы ожидания предоставили время и возможности для действия яда.

Для создания в армии здорового морального духа имеют значение очень многие факторы. Один из самых важных — это занятость людей полезной и интересной работой. Безделие порождает всякое зло. Зимой было много дел, которыми следовало заниматься: надо было продолжать военное обучение; укрепления либо не были закончены, либо находились в неудовлетворительном состоянии; даже на линии Мажино не хватало многих вспомогательных полевых укреплений. Солдаты становятся физически крепкими, если они занимаются физическим трудом. Однако тех, кто посещал французский фронт, часто поражала атмосфера спокойного безразличия, о котором свидетельствовало, по-видимому, плохое качество выполняемых работ, отсутствие активности. На дорогах в тылу фран-

[1] В тот период коммунисты во Франции и Англии находились в сложном положении. Сталинское правительство оправдывало войну Германии против западных демократий, всячески выражало свою солидарность с «Третьим рейхом». Установки компартий этих стран требовали борьбы коммунистов как против фашистских агрессоров, так и против своих империалистических правительств, возглавлявшихся Чемберленом и Даладье, которые своей близорукой политикой не смогли предотвратить вторую мировую войну, а осенью 1939—зимой 1940 гг. вели «странную войну», вызывавшую недовольство широких кругов общественности Франции и Англии.

цузских войск царила тишина, тогда как на дорогах в тылу английских войск, занимавших определенный участок фронта, наблюдалось непрерывное движение. Боеспособность французской армии, вне всякого сомнения, снизилась в течение зимы. Несомненно также, что осенью французские войска сражались бы лучше, чем весной. Вскоре они были ошеломлены быстротой и яростной силой германского натиска. Только на последней стадии этой короткой кампании полностью проявились подлинные боевые качества французского солдата, поднявшегося на защиту своей страны против извечного врага. Но было уже слишком поздно.

* * *

Между тем продолжалась разработка германских планов прямого нападения на Норвегию и молниеносной оккупации Дании. 27 января 1940 года фельдмаршал Кейтель составил по этому вопросу следующий меморандум:

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами хочет, чтобы продолжалась работа над проектом «N» под моим непосредственным и личным руководством и в полном соответствии с общей военной политикой. С этой целью фюрер уполномочил меня взять на себя руководство дальнейшей подготовкой».

Детальное планирование этой операции осуществлялось через обычные каналы.

* * *

В начале февраля, когда премьер-министр собирался в Париж на заседание союзнического верховного военного совета, он впервые пригласил меня с собой. Чемберлен просил меня встретиться с ним на Даунинг-стрит после обеда.

Главной темой, обсуждавшейся 5 февраля, была «помощь Финляндии». Были одобрены планы отправки в Норвегию трех или четырех дивизий, чтобы убедить Швецию разрешить нам посылать материалы и подкрепления финнам и, кстати, добиться контроля над железными рудниками в Елливаре. Как и следовало ожидать, шведы не согласились, и, хотя была проведена большая подготовка, весь проект провалился. Чемберлен сам выступал от имени нашей страны, а различные английские министры, присутствовавшие на заседании, вставляли лишь незначительные замечания. Протокол свидетельствует, что я не сказал ни слова.

На следующий день, когда мы пересекали Ла-Манш, произошел забавный инцидент. Мы заметили плавучую мину. Я сказал командиру корабля: «Взорвем ее орудийным огнем».

Мина взорвалась с сильным грохотом, и большой осколок прилетел к нам. В какое-то мгновение показалось, что он упадет на мостик, где собрались все политические деятели и некоторые другие видные лица. Однако осколок упал на полубак, где, к счастью, никого не оказалось, и никто не был ранен. Таким образом, все сошло благополучно. С этого времени премьер-министр всегда приглашал меня сопровождать его наряду с другими на заседания верховного военного совета. Но я не мог каждый раз доставлять ему подобное развлечение.

* * *

Совет решил, что очень важно, чтобы Финляндия была спасена, что без подкреплений в количестве от тридцати до сорока тысяч обученных солдат она не сможет продержаться дольше весны, что одного нынешнего притока разнородных добровольцев недостаточно и что гибель Финляндии была бы серьезным поражением для союзников. Поэтому необходимо было послать союзные войска либо через Петсамо, либо через Нарвик, либо через другие норвежские порты. Операции через Нарвик было отдано предпочтение, так как она позволила бы союзникам «одним выстрелом убить двух зайцев» (то есть помочь Финляндии и отрезать немцам доступ к железным рудникам). Две английские дивизии, предназначенные к отправке в феврале во Францию, теперь оставались в Англии и готовились к военным действиям в Норвегии. Тем временем должны были быть приложены все усилия, чтобы обеспечить согласие и, если возможно, сотрудничество норвежцев и шведов. Вопрос, что предпринять, если Норвегия и Швеция откажутся, что казалось вероятным, никогда не ставился.

Решение Гитлера предпринять вторжение в Норвегию было принято, как мы знаем, 14 декабря, и штабная работа начала осуществляться под руководством Кейтеля. По предложению Кейтеля 20 февраля Гитлер срочно вызвал в Берлин генерала Фалькенхорста, который в то время командовал армейским корпусом в Кобленце. Фалькенхорст участвовал в германской кампании в Финляндии в 1918 году, и с этой темы у него с фюрером началась беседа. Генерал описал этот разговор на Нюрнбергском процессе:

«Гитлер напомнил мне о моем опыте в Финляндии и сказал: "Сядьте и расскажите, что вы там делали". Через минуту фюрер прервал меня. Он подвел меня к столу, покрытому картами, и сказал: "Я имею в виду нечто похожее — оккупацию Норвегии; так как меня информировали о том, что англичане намерены высадиться там, я хочу опередить их".

Затем, расхаживая взад и вперед, он изложил мне свои доводы: "Оккупация Норвегии англичанами была бы страте-

гическим обходным движением, которое привело бы англичан в Балтийское море, где мы не имеем ни войск, ни береговых укреплений. Наши успехи на Востоке, как и успехи, которых мы собираемся достигнуть на Западе, были бы ликвидированы, так как противник оказался бы в состоянии наступать на Берлин и подорвать опору наших двух фронтов. Во-вторых и в-третьих, завоевание Норвегии обеспечило бы нашему флоту свободу движения в Гельголандской бухте и защиту наших судов, вывозящих шведскую руду"... Наконец, он сказал мне: "Я назначаю вас командующим этой экспедицией"».

В тот же вечер Фалькенхорста снова вызвали в имперскую канцелярию, чтобы обсудить с Гитлером, Кейтелем и Йодлем детали оперативных планов норвежской экспедиции. Вопрос, какая операция будет предпринята в первую очередь, имел важнейшее значение. Предпримет ли Гитлер операцию в Норвегии до или после операции «Гельб» — нападение на Францию? 1 марта он принял решение: сначала операция в Норвегии. Запись в дневнике Йодля 3 марта гласила: «Фюрер решает осуществить "Везер юбунг" раньше "Гельб" с интервалом в несколько дней».

* * *

Незадолго до этого начались неприятные налеты авиации на наши суда вдоль всего восточного побережья. Помимо океанских судов, направлявшихся в крупные порты, ежедневно в море или в портах на побережьях находилось около трехсот двадцати судов водоизмещением от пятисот до двух тысяч тонн каждое, причем многие суда перевозили уголь в Лондон и на юг страны. Только некоторые из этих небольших судов имели зенитные пушки, и поэтому вражеские самолеты сосредоточили свои действия на этой легкой добыче. Они атаковали даже плавучие маяки. Эти суда — верные слуги моряков, стоящие на якорях в открытых местах близ отмелей у наших берегов, были полезны для всех, в том числе даже для мародерствующих немецких подводных лодок, и ни в одну предыдущую войну их никто никогда не трогал. Теперь же несколько плавучих маяков потопили или повредили, причем хуже всего пришлось плавучему маяку у устья реки Хамбер, где яростным пулеметным огнем были убиты восемь из девяти членов команды судна.

Система конвоирования оказалась столь же эффективной защитой от нападения самолетов, как и от подводных лодок. Однако делалось все возможное, чтобы найти какое-нибудь вооружение для каждого судна. Поскольку зенитных пушек не хватало, использовались все средства, какие были под рукой. Однажды немецкий воздушный пират был сбит сигналь-

ной ракетой. Флот метрополии смог выделить для английских и союзных торговых судов на восточном побережье некоторое количество пулеметов с расчетами. Эти моряки с их оружием переходили с одного судна на другое, сопровождая их в каждый рейс через опасную зону. К концу февраля смогла оказать помощь и армия, и, таким образом, была создана организация, позднее ставшая известной под названием «морская королевская артиллерия».

Не весь горизонт был мрачен. Во внешних морях после уничтожения «Адмирала графа Шпее» в декабре действий вражеских рейдеров уже более не наблюдалось и продолжалась работа по очищению этих морей от германских судов. В течение февраля шесть немецких судов вышли из Испании, пытаясь добраться до Германии. Но удалось это только одному из них. Из остальных пяти судов три были захвачены, одно затоплено самой командой и одно потерпело крушение в Норвегии. Семь других немецких судов, пытавшихся в течение февраля и марта прорвать блокаду, перехватили наши сторожевые корабли. Все они, кроме одного, были затоплены по приказу их капитанов. Всего к началу апреля 1940 года было захвачено нами или затоплено самими немцами семьдесят одно немецкое судно общим водоизмещением 340 тысяч тонн; двести пятнадцать немецких судов оставались запертыми в нейтральных портах. Увидев, что наши торговые суда вооружены, немецкие подводные лодки отказались от применения пушек и стали использовать торпеды. Затем они перешли от торпед к самому недостойному средству ведения войны — скрыто поставленным минам. Я уже говорил, как мы реагировали на применение магнитных мин и как преодолели эту опасность. Тем не менее больше половины наших потерь в январе произошло из-за этих мин и больше двух третей всех потерь составили суда нейтральных стран.

Глава одиннадцатая

ПЕРЕД БУРЕЙ
(Март 1940 г.)

12 марта было долгожданным днем, когда флот метрополии смог вновь занять Скапа-Флоу в качестве своей главной базы.

Более полугода постоянной напряженной и спешной работы возместили пробелы, вызванные беспечностью мирного времени. Три главных входа в залив были защищены бонами и минами, и в Кирк-Саунде, через который проникла подводная лодка Прина, потопившая «Ройал Оук», были расставлены три

дополнительных брандера. Число брандеров должно было еще больше увеличиться. База охранялась крупным гарнизоном и зенитными батареями, число которых продолжало расти. Предполагалось сосредоточить здесь свыше 120 зенитных орудий с множеством прожекторов и аэростаты заграждения, чтобы держать под своим контролем воздух над якорной стоянкой флота. Не все эти меры были завершены, но противовоздушная оборона тем не менее стала мощной. На подходах к Скапа-Флоу непрерывно патрулировало много мелких судов, а на случай появления в дневное или ночное время вражеских самолетов на аэродромах в Кейтнессе находились две или три эскадрильи «харрикейнов», которые можно было направить на врага с помощью одной из самых лучших радарных установок, какие тогда существовали. Наконец-то флот метрополии имел свою базу. Это была знаменитая база, откуда в предыдущую войну королевский военно-морской флот правил морями.

* * *

Хотя, как нам теперь известно, вторжение во Францию, Бельгию и Голландию было назначено на 10 мая, Гитлер еще не установил точной даты более ранней операции — нападения на Норвегию. Многое должно было предшествовать этой операции. 14 марта Йодль записал в своем дневнике:

«Англичане ведут наблюдение за Северным морем с помощью пятнадцати или шестнадцати подводных лодок; неясно, какова их цель — обеспечить ли защиту их собственных операций или предотвратить операции немцев. Фюрер еще не решил, чем мотивировать "Везер юбунг"».

В планирующих отделах германской военной машины шла кипучая работа. Одновременно и эффективно осуществлялась подготовка к нападению на Норвегию и к вторжению во Францию. 20 марта Фалькенхорст сообщил, что он со своей стороны готов к осуществлению плана «Везер». Во второй половине 16 марта фюрер созвал военное совещание, на котором была предварительно установлена дата дня «Д», по-видимому, 9 апреля. Адмирал Редер доложил на этом совещании:

«...По-моему, сейчас уже нет большой опасности, что англичане высадятся в Норвегии... На вопрос, что будут делать англичане на севере в ближайшем будущем, можно ответить так: они будут предпринимать новые попытки нарушать германскую торговлю в нейтральных водах и вызывать инциденты, чтобы, возможно, создать предлог для действий против Норвегии. Их целью было и остается отрезать германский импорт из Нарвика. Однако этот импорт все равно будет, хотя бы на некоторое время, отрезан, даже если будет осуществлена операция "Везер".

Рано или поздно перед Германией возникнет необходимость осуществить операцию "Везер". Поэтому лучше сделать это как можно раньше, самое позднее к 15 апреля, так как потом ночи будут слишком короткими. 7 апреля начнется новолуние. Если операцию "Везер" отложить на более поздний срок, возможности действий военно-морского флота будут слишком ограничены. Подводные лодки могут оставаться на своих позициях только в течение еще двух-трех недель. Для операции "Везер" нет необходимости ждать погоды, какая была бы благоприятной для операции "Гельб". Для операции "Везер" наиболее подходит пасмурная, туманная погода. Общее состояние подготовки личного состава флота и кораблей сейчас хорошее».

* * *

С начала года Советы всей своей мощью ударили по финнам. Они удвоили свои усилия с целью прорвать линию Маннергейма до оттепели. Увы, в том году весна и оттепель, на которую финны, оказавшиеся в тяжелом положении, возлагали надежды, запоздала почти на шесть недель. Большое советское наступление на Карельском перешейке, которое продлилось сорок два дня, началось 1 февраля и сопровождалось интенсивными авиационными бомбардировками складов и железнодорожных узлов в тылу. Общему наступлению пехоты предшествовал десятидневный интенсивный обстрел из советских орудий, стоявших вплотную друг к другу. После двухнедельных боев линия Маннергейма была прорвана. Воздушные налеты на ключевой форт и базу Вийпури стали еще интенсивнее. К концу месяца система обороны на линии Маннергейма была дезорганизована, и русские смогли сосредоточить свои усилия на подступах к Вийпури. Финнам не хватало боеприпасов, и их войска были истощены.

Пресловутая корректность, которая лишала нас всякой стратегической инициативы, в равной степени препятствовала всяким эффективным мерам по отправке вооружения Финляндии. До сих пор мы сумели послать финнам из наших скудных запасов лишь незначительное количество материалов. Во Франции, однако, к финнам проявлялось более теплое и глубокое чувство, которое энергично поддерживал Даладье. 2 марта, не проконсультировавшись с английским правительством, он согласился послать Финляндии пятьдесят тысяч добровольцев и сто бомбардировщиков. Мы, конечно, не могли оказать помощь в таком же масштабе. Это было гораздо больше, чем позволяло благоразумие, принимая во внимание документы, которые были найдены у немецкого майора в Бельгии, и непрекращающиеся донесения разведки о непрерывном увеличе-

нии германских войск на Западном фронте. Однако решили послать пятьдесят английских бомбардировщиков. 12 марта кабинет решил снова пересмотреть планы десантных операций в Нарвике и Тронхейме, за которыми должна была последовать высадка войск в Ставангере и Бергене как часть плана оказания более широкой помощи Финляндии, в которую нас вовлекли французы. Эти планы должны были быть готовы к исполнению 20 марта, хотя необходимое разрешение от Норвегии и Швеции не было получено. Между тем 7 марта Паасикиви снова отправился в Москву, на этот раз для обсуждения условий перемирия. 12 марта финны приняли русские условия. Все наши планы десантных операций снова были положены под сукно, и войска, которые сосредоточивались для этих операций, были частично рассредоточены. Тем двум дивизиям, которые были задержаны в Англии, теперь разрешили отправиться во Францию, и ударные силы, которые мы собирались использовать для операций в Норвегии, уменьшились до одиннадцати батальонов.

* * *

Тем временем была подготовлена операция «Ройал Мэрин»[1]. Интенсивные усилия в течение пяти месяцев, когда приоритет оказывался нуждам военно-морского министерства, привели к тому, что операция была подготовлена точно в срок.

В верховьях Рейна были размещены готовые нанести удар, как только будет получено разрешение, обученные подразделения морской пехоты с морскими офицерами адмирала Фитцджеральда, причем каждый солдат был воодушевлен идеей нанесения первого удара в войне. В марте вся подготовка закончилась, и я наконец обратился по этому поводу к моим коллегам и французам. Военный кабинет был весьма склонен разрешить мне приступить к осуществлению тщательно подготовленного плана наступления и предоставить мне при поддержке министерства иностранных дел договориться с французами, как я сумею. В течение всей моей жизни я был связан с французами в их войнах и бедах и считал, что они сделают для меня не меньше, чем для любого другого иностранца. Но на данном этапе «сумерек войны» я не мог сдвинуть их с места. Когда я слишком сильно нажимал, они прибегали к методу отказа, которого я не встречал ни раньше, ни впоследствии. Даладье заявил мне с сугубо официальным видом, что «сам президент республики вмешался» и что «не должно быть никаких агрессивных действий, которые могут лишь вызвать репрессии против Франции». Эта идея — не

[1] Постановка плавучих мин на Рейне.

раздражать врага — мне не нравилась. Гитлер делал все, что в его силах, чтобы задушить нашу торговлю, минируя без всякого разбора наши порты. Мы же били его только оборонительным оружием. По-видимому, хорошие, порядочные, цивилизованные люди могут сами наносить удары только после того как им нанесут смертельный удар. В эти дни страшный германский вулкан и его подземный огонь был близок к извержению. Но притворная война продолжалась еще несколько месяцев. На одной стороне — бесконечное обсуждение мелких вопросов, отсутствие каких-либо решений, а если решения и принимались, то они потом отменялись, и действовало правило «нельзя быть нелюбезным с врагом, вы только рассердите его». На другой стороне — роковая подготовка, движущаяся с грохотом огромная машина, готовая обрушиться на нас!

* * *

Военное поражение Финляндии вызвало новые последствия.

18 марта Гитлер встретился с Муссолини на перевале Бреннер. Гитлер умышленно создал у Муссолини, гостем которого он был, впечатление, что немцы не собираются предпринять на Западе наступление на суше. 19 марта Чемберлен выступил в палате общин. Ввиду усилившейся критики действий правительства в отношении Финляндии он довольно детально напомнил всю историю оказания Великобританией помощи финнам. Он совершенно правильно подчеркнул, что нашим главным мотивом было стремление уважать нейтралитет Норвегии и Швеции, и защищал позицию правительства, не спешившего предпринять такие попытки оказания помощи финнам, которые имели мало шансов на успех. Поражение финнов погубило правительство Даладье, глава которого оказал Финляндии столь заметную, хотя и запоздалую, помощь и которое придавало такое значение нашему беспокойству на этот счет.

21 марта было сформировано новое правительство во главе с Рейно, которое обязалось вести войну более энергично.

Мои отношения с Рейно имели под собой иную почву, нежели с Даладье. Рейно, Мандель и я одинаково относились к Мюнхену. Даладье стоял на другой точке зрения. Поэтому я приветствовал смену французского правительства и надеялся, что теперь будет больше шансов получить согласие на мои речные мины.

28 марта французские министры приехали в Лондон на заседание союзнического верховного военного совета. Чемберлен в своем выступлении нарисовал исчерпывающую и ясную характеристику положения, как оно ему представлялось. К моему большому удовлетворению, он заявил, что его первое

предложение состоит в немедленном проведении операции, известной под названием «Ройал Мэрин». Он рассказал, как этот проект будет осуществлен, и заявил, что накоплены запасы материалов для длительного и эффективного осуществления этой операции. Она будет совершенно неожиданной. Операция будет проведена в той части Рейна, которая используется почти исключительно для военных целей. Никогда подобной операции не проводилось и никогда прежде не создавалось такое вооружение, при использовании которого можно было добиться в условиях рек желаемого результата и эффективно действовать против заграждений и судов, какие могут встретиться на реках. Наконец, благодаря конструктивным особенностям этого оружия нейтральные воды не будут затронуты. Англичане рассчитывают, что это нападение вызовет крайнее замешательство и оцепенение противника. Хорошо известно, что ни один народ не осуществляет столь тщательно подготовку и планирование, как немцы, но в равной степени никакой другой народ не оказывается столь растерянным, когда его планы проваливаются. Они не умеют импровизировать. Далее, к началу войны железнодорожный транспорт Германии оказался перегруженным, и поэтому увеличилась зависимость от внутренних водных путей. Помимо речных мин предполагалось сбрасывать с самолетов на территории Германии в каналы, где не было течения, и другие типы снарядов. Чемберлен подчеркнул, что внезапность зависит от быстроты. Промедление могло поставить под угрозу секретность. Условия на реках в ближайшее время будут особенно благоприятными. Что касается ответных действий Германии, то она, если сочтет целесообразным бомбить французские или английские города, не станет ждать предлога. Все готово, надо только, чтобы французское верховное командование отдало приказ.

Затем Чемберлен заявил, что у Германии есть два уязвимых места: снабжение железной рудой и нефтью. Главные источники снабжения этими материалами расположены на противоположных концах Европы. Железную руду привозят с севера. Чемберлен детально изложил доводы в пользу того, чтобы воспрепятствовать доставке железной руды из Швеции в Германию. Он остановился также на вопросе о нефтепромыслах в Румынии и Баку; надо лишить Германию возможности, сказал он, получать их продукцию, если можно, с помощью дипломатии. Я слушал эти веские доводы с возрастающим удовлетворением. Я не представлял себе, насколько мы с Чемберленом единодушны.

Рейно заявил, что во Франции многие задают вопрос: «Каким образом союзники могут выиграть войну?» Несмотря на усилия англичан, число дивизий все же увеличивается быстрее у немцев, чем у нас. Когда же можем мы надеяться обеспечить

то превосходство в живой силе, которое необходимо для успешных действий на Западе? Касаясь операции «Ройал Мэрин», Рейно заявил, что, хотя сама по себе это и хорошая операция, она не может иметь решающего значения и любые репрессии падут на Францию. Его вывод был таков: союзники должны ставить мины в территориальных водах вдоль побережья Норвегии, а позднее препятствовать с помощью такого же мероприятия доставке руды в Германию из порта Лулео. Он подчеркнул, как важно сейчас помешать Германии получать румынскую нефть.

Наконец-то было решено, что после того как Норвегии и Швеции будут направлены послания, составленные в общих выражениях, мы расставим 5 апреля в норвежских территориальных водах минные поля и что, *при согласии французского военного комитета*, должна начаться операция «Ройал Мэрин» сбрасыванием с самолетов речных мин в воды Рейна 4 апреля и в германские каналы — 15 апреля. Было решено также, что, если Германия вторгнется в Бельгию, союзные войска должны немедленно вступить на территорию этой страны, не дожидаясь официального приглашения; а если Германия вторгнется в Голландию и Бельгия не придет к ней на помощь, союзники будут считать себя вправе вступить в Бельгию в целях оказания помощи Голландии.

Наконец, в коммюнике говорилось как о чем-то совершенно бесспорном, что английское и французское правительства торжественно заявляют, что *«в течение нынешней войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора без взаимного согласия»*.

Позднее это соглашение приобрело важное значение.

* * *

3 апреля английский кабинет выполнил решение верховного военного совета, и военно-морскому министерству разрешили минировать 8 апреля норвежские воды. Я назвал эту операцию «Уилфред», потому что сама по себе она была такой маленькой и невинной. Поскольку минирование нами норвежских вод могло вызвать ответные действия Германии, было решено также, что в Нарвик следует послать английскую бригаду и французские войска, чтобы очистить порт и продвинуться к шведской границе. В Ставангер, Берген и Тронхейм тоже должны были быть посланы войска, чтобы не дать противнику возможности захватить эти базы. После всех напрасных остановок, колебаний, изменений политики, бесконечных споров между порядочными и достойными людьми мы пришли к тому же простому выводу, которого требовали семь месяцев назад. Но во время войны семь месяцев — большой срок. Те-

перь Гитлер был готов, и у него был гораздо более обширный и хорошо подготовленный план. Трудно найти более яркий пример бессилия и бестолкового руководства войной комитетом или скорее группой комитетов.

* * *

Пожалуй, сейчас уместно изложить здесь различные предложения о наступательных действиях и различные проекты, которые я, будучи лицом подчиненным, выдвигал в течение «сумерек войны».

Первое предложение предусматривало наше вступление в Балтийское море и установление там нашего господства. Это был превосходный план, если бы его можно было осуществить. Но от этого плана пришлось отказаться вследствие усиления действий авиации противника. Второй проект предусматривал создание эскадры «морских черепах» ближнего боя, для которых авиационные бомбы или торпеды были бы не очень страшны. Такие суда должны были создаваться путем реконструкции линкоров типа «Ройал Соверен». Этот проект не осуществился вследствие хода войны и предпочтения, которое должно было оказываться строительству авианосцев. Третий проект предусматривал простую тактическую операцию расстановки мин в норвежских территориальных водах, чтобы отрезать снабжение Германии необходимой для нее железной рудой.

Еще одним проектом была операция «Ройал Мэрин», целью которой было парализовать движение судов на Рейне путем сбрасывания с самолетов и взрывания речных мин. Эта операция сыграла свою ограниченную роль и доказала свою целесообразность уже в самом начале, как только она была разрешена. Однако она прекратилась в общем крахе французского Сопротивления. Во всяком случае, для того чтобы причинить противнику большой ущерб, ее надо было применять длительное время.

Итак, подытожим: в войне армий на суше я должен был подчиниться идее использования лишь средств обороны. На море я упорно боролся во вверенной мне области, чтобы завладеть инициативой в борьбе с врагом для облегчения ужасного положения, когда наши торговые суда представляли собой колоссальный объект для нападения противника. Но в результате длительного транса «сумерек», или «мнимой» войны, как ее обычно называли в Соединенных Штатах, ни Франция, ни Великобритания не в состоянии были отразить мстительный германский натиск. Только после того как Франция была раздавлена, у Великобритании благодаря преимуществу ее островного положения родилась из мук поражения и угрозы уничтожения национальная решимость, равная решимости Германии.

* * *

Начали поступать зловещие известия разной степени вероятности. На заседании военного кабинета 3 апрели военный министр сообщил нам о полученном в военном министерстве известии, что немцы сосредоточивают в Ростоке крупные силы, намереваясь занять, если потребуется, Скандинавию. Министр иностранных дел заявил, что известия из Стокгольма, по-видимому, подтверждают это сообщение. По сведениям шведской дипломатической миссии в Берлине, в Штеттине и Свинемюнде сосредоточено большое число немецких судов общим водоизмещением 200 тысяч тонн, имеющих на борту войска, численность которых, по слухам, достигает 400 тысяч человек. Высказывалось предположение, что эти войска готовы нанести контрудар в ответ на наше возможное нападение на Нарвик или другие норвежские порты, по поводу чего немцы, как заявлялось, продолжали нервничать.

Вскоре мы узнали, что французский военный комитет не соглашается на операцию «Ройал Мэрин». Комитет одобрил минирование норвежских вод, но возражал против каких-либо действий, которые могли бы навлечь на Францию возмездие.

В то время премьер-министр попросил меня поехать в Париж и попытаться убедить Даладье, из-за которого, по-видимому, тормозилось все дело.

Я посетил Даладье в доме на улице Сен-Доминик в полдень 5 апреля и имел с ним серьезную беседу. Даладье утверждал, что через три месяца французские воздушные силы настолько возрастут, что можно будет принять необходимые меры, чтобы ответить на реакцию немцев на «Ройал Мэрин». Он был готов указать в письменной форме точную дату. Даладье упирал на то, что французские заводы беззащитны. Наконец, он заверил меня, что период политических кризисов во Франции кончился и что он будет работать с Рейно в тесной гармонии. На этом мы расстались.

В пятницу 5 апреля 1940 года премьер-министр выступил в центральном совете национального союза местных консервативных ассоциаций с речью, проникнутой необычайным оптимизмом:

«После семи месяцев войны я в десять раз больше уверен в победе, чем в начале войны... Я считаю, что в течение этих семи месяцев наше положение сравнительно с положением противника стало значительно более сильным... Когда война вспыхнула, Германия оказалась значительно лучше подготовленной, чем мы, и было естественным ожидать, что противник воспользуется своим первоначальным превосходством, чтобы постараться одолеть нас и Францию, прежде чем у нас будет время исправить наши дефекты. Не удивительно ли, что такой

попытки не было предпринято? Какова бы ни была причина этого — то ли Гитлер думал, что он может довольствоваться тем, что получил без борьбы, то ли подготовка оказалась все-таки недостаточной, — как бы то ни было, одно несомненно — Гитлер упустил возможность.

Таким образом, семь месяцев, которые были в нашем распоряжении, позволили нам ликвидировать и устранить пробелы, укрепить свои силы, привести в состояние готовности все оружие — наступательное и оборонительное — и настолько увеличить нашу военную мощь, что теперь мы можем смотреть в будущее со спокойствием и уверенностью, что бы оно нам ни принесло».

Это суждение было ошибочным. Его главный аргумент, что мы и Франция сейчас относительно сильнее, чем в начале войны, не был правильным. Как я уже говорил раньше, немцы уже четвертый год энергично производили вооружения, тогда как мы находились на более ранней стадии, которую по результатам, пожалуй, можно было сравнить со вторым годом подготовки. Кроме того, с каждым месяцем теперь уже четырехлетняя германская армия превращалась в более зрелую и совершенную боевую силу, а прежнее преимущество французской армии в уровне подготовки и спаянности постепенно исчезало. Премьер-министр не высказал предположения, что мы накануне великих событий, тогда как мне казалось почти несомненным, что война на суше должна начаться. И главное, выражение «Гитлер упустил возможность» было неудачным.

Все оставалось неопределенным. Различные мелкие проекты, которые я смог предложить, были приняты, но ни одна сторона не предпринимала крупных действий. Наши тогдашние планы основывались на осуществлении блокады путем минирования норвежского коридора на севере и на том, чтобы препятствовать Германии получать нефть с юго-востока. В германском тылу царили полная неподвижность и молчание. И вдруг пассивная политика, или политика малых действий, союзников была сметена водопадом величайших неожиданностей. Нам предстояло узнать, что такое тотальная война.

Глава двенадцатая

СТОЛКНОВЕНИЕ НА МОРЕ
(Апрель 1940 г.)

Прежде чем продолжить повествование, я должен указать на изменения в моем положении, происшедшие в апреле 1940 года.

Пост министра координации обороны, который занимал лорд Чэтфилд, стал ненужным, и 3 апреля Чемберлен принял

его отставку, на которую тот охотно согласился. 4 апреля Даунинг-стрит, 10 опубликовало заявление, что на этот вакантный пост не предполагается никаких назначений, но что достигнута договоренность, чтобы на заседаниях военного координационного комитета председательствовал военно-морской министр как старший из военных министров. Таким образом, я стал председательствовать на заседаниях этого комитета, которые происходили ежедневно с 8 по 15 апреля, причем иногда даже дважды в день. Итак, на мне лежала очень большая ответственность, но у меня не было никаких прав, необходимых для эффективного руководства. Среди других военных министров, тоже являющихся членами военного кабинета, я был «первым среди равных». Но я не имел права ни принимать решений, ни проводить их в жизнь. Меня должны были поддерживать как другие военные министры, так и их начальники штабов. Таким образом, многие достойные и способные люди имели как право, так и обязанность излагать свое мнение относительно быстро сменяющихся этапов битвы, а то, что сейчас началось, было именно битвой.

Начальники штабов собирались на заседания ежедневно после того, как каждый из них обсуждал положение в целом со своим министром. Затем они принимали свои решения, которые в то время, конечно, приобрели важнейшее значение.

Комитет обороны военного кабинета заседал почти ежедневно, обсуждая доклады военного координационного комитета и доклады начальников штабов. Его выводы или расхождения во мнениях передавались на рассмотрение часто заседавшего кабинета. Приходилось все снова и снова объяснять, а к тому времени, как весь этот процесс завершался, ситуация зачастую изменялась. В военно-морском министерстве, которое в силу необходимости в военное время являлось боевым штабом, решения, касающиеся флота, принимались немедленно и только в самых серьезных случаях передавались на рассмотрение премьер-министра, который каждый раз поддерживал нас. Когда же предпринимались действия, касавшиеся других военных министерств, процедура принятия решений была столь сложной, что решения, конечно, не могли приниматься своевременно. Однако в начале норвежской кампании военно-морское министерство в силу характера этой кампании принимало три четверти всех решений.

Я отнюдь не стану утверждать, что, независимо от моих полномочий, я мог принимать лучшие решения и хорошо разрешать проблемы, которые теперь встали перед нами. События, к описанию которых я сейчас перейду, были столь бурными, а наша система была столь хаотичной, что я скоро понял, что для того чтобы руководить военным координационным комитетом, нужен авторитет премьер-министра. Поэ-

тому 15 апреля я попросил Чемберлена занять место председателя, и он председательствовал фактически на всех последующих заседаниях комитета в течение норвежской кампании. Между нами по-прежнему было тесное согласие, и он своим высшим авторитетом поддерживал мнения, которые я высказывал. Я был самым тесным образом связан с осуществлением неудачных попыток спасти Норвегию, когда уже было слишком поздно.

* * *

Вечером в пятницу 5 апреля германский посланник в Осло пригласил видных гостей, в том числе членов правительства, на просмотр кинофильма в здании дипломатической миссии. Фильм показывал завоевание Польши Германией и заканчивался страшными сценами бомбардировки Варшавы германской авиацией и надписью: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Гости разошлись в молчании и унынии. Но норвежское правительство было больше всего обеспокоено действиями англичан. 8 апреля между 4 часами 30 минутами и 5 часами утра четыре английских эсминца расставили минное поле у входа в Вест-фиорд — залив, ведущий к порту Нарвик. В 5 часов об этом передало радио Лондона, а в 5 часов 30 минут норвежскому министру иностранных дел была вручена нота правительства его величества. В Осло все утро составлялись протесты Лондону. Но после полудня военно-морское министерство информировало норвежскую дипломатическую миссию в Лондоне, что у побережья Норвегии замечены германские военные корабли, двигавшиеся на север и, по-видимому, направлявшиеся в Нарвик. Примерно в то же время в норвежской столице были получены сообщения, что у южного побережья Норвегии польской подводной лодкой «Ожел» потоплен немецкий транспорт «Рио-де-Жанейро», на борту которого находились войска, что значительное число немецких солдат спасено местными рыбаками и что, по их словам, они направлялись в Берген, чтобы помочь норвежцам защитить их страну от англичан и французов. Затем произошли новые события. Германия вторглась в Данию, но Норвегия узнала об этом только после того как сама подверглась вторжению. Таким образом, Норвегия не получила никакого предупреждения. Дания без труда была захвачена после формального сопротивления, во время которого было убито несколько солдат из гвардии датского короля.

В ту же ночь германские военные корабли подошли к Осло. Береговые батареи открыли огонь. Норвежские суда, оборонявшие порт, состояли из минного заградителя «Олав Трюгвасон» и двух минных тральщиков. На рассвете в устье фиорда вошли

два германских минных тральщика, чтобы высадить войска недалеко от береговых батарей. «Олав Трюгтвасон» потопил один из этих минных тральщиков, но германские войска все же высадились и захватили батареи. Однако отважный минный заградитель задержал в устье фиорда два немецких эсминца и нанес повреждения крейсеру «Эмден». В бой с захватчиками немедленно вступило без всякого специального приказа вооруженное норвежское китобойное судно, имевшее одну пушку. Его орудие было разбито; у капитана оторвало обе ноги. Чтобы не лишить твердости духа свой экипаж, он скатился за борт и погиб благородной смертью. В фиорд уже вошли главные германские силы во главе с тяжелым крейсером «Блюхер», направляясь в узкую часть пролива, защищаемую крепостью Оскарборг. Норвежские батареи открыли огонь, и две торпеды, выпущенные с берега на дистанцию пятьсот ярдов, метко попали в цель. «Блюхер» быстро затонул с находившимися на нем старшими офицерами германской военной администрации и отрядов гестапо. Другие германские корабли, в том числе «Лютцов», отошли. Поврежденный «Эмден» не принимал больше участия в морском сражении. Порт Осло был в конце концов взят не с моря, а с суши отрядами авиадесантных войск и войсками, высаженными с судов в фиорде.

Немедленно пришел в действие весь план Гитлера. В Кристиансанне, Ставангере, а также на севере в Бергене и Тронхейме высадились германские войска. Но самый дерзкий удар был нанесен в Нарвике. В течение недели по фиордам, ведущим к Нарвику, двигались под прикрытием норвежского нейтралитета якобы порожние немецкие суда, возвращаясь в обратный рейс после доставки руды; на самом же деле они были нагружены военными материалами и боеприпасами. За несколько дней до этого из Германии отплыли десять немецких эсминцев, имея каждый на борту двести солдат. Их поддерживали «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Эти корабли достигли Нарвика рано утром 9 апреля. В фиорде стояли два норвежских военных корабля: «Норге» и «Эйдсволд». Они приготовились к сражению. На рассвете заметили, что к порту приближаются с большой скоростью эсминцы, но из-за снежной бури невозможно было распознать их национальную принадлежность. Вскоре на моторном катере приблизился немецкий офицер и потребовал сдачи «Эйдсволда». Получив от командира короткий ответ: «Я атакую», немецкий офицер отъехал, и тотчас же норвежский корабль был уничтожен почти со всем экипажем градом торпед. Между тем «Норге» открыл огонь, но через несколько минут тоже был торпедирован и немедленно затонул.

В результате отважного, но безнадежного акта сопротивления на двух кораблях погибло двести восемьдесят семь нор-

вежских моряков, а спаслось менее ста. Теперь уже захватить Нарвик было легко. Это был стратегический ключевой пункт, которого мы лишались навсегда.

* * *

Внезапность, безжалостность и точность — вот что характеризовало нападение немцев на ни в чем не повинную и беззащитную Норвегию. Ни в одном пункте первые десантные отряды не превышали двух тысяч человек. Было использовано семь армейских дивизий, прибывших в основном из Гамбурга и Бремена; войска, прибывшие в дальнейшем, погружались на суда в Штеттине и Данциге. В штурме участвовали три дивизии; четыре дивизии поддерживали их через Осло и Тронхейм. Характерной и важной особенностью этой операции было использование 800 боевых и 250—300 транспортных самолетов. В течение сорока восьми часов все главные порты Норвегии оказались в руках немцев.

* * *

В воскресенье 7 апреля вечером наша воздушная разведка сообщила, что накануне замечена эскадра германских кораблей в составе линейного крейсера, двух легких крейсеров, четырнадцати эсминцев и еще одного судна, вероятно, транспортного, державших курс на оконечность полуострова через устье Скагеррака. В военно-морском министерстве мы считали невероятным, чтобы эта эскадра направлялась в Нарвик. Несмотря на сообщение из Копенгагена, что Гитлер намеревается захватить Нарвик, штаб наших военно-морских сил полагал, что германские корабли и суда, вероятно, повернут обратно в Скагеррак. Тем не менее немедленно последовал приказ о следующем передвижении. Флот метрополии в составе линкоров «Родней», «Рипалс», «Вэлиант», двух крейсеров и десяти эсминцев уже был в пути, выйдя из Скапа-Флоу 7 апреля в 8 часов 30 минут вечера, а позже, в 10 часов, из Росайта вышла 2-я эскадра крейсеров в составе двух крейсеров и пятнадцати эсминцев. 1-я эскадра крейсеров, которая производила погрузку войск в Росайте на случай возможной оккупации норвежских портов, получила приказ высадить солдат на берег даже без снаряжения и как можно скорее присоединиться к флоту в море. Крейсеру «Орора» и шести эсминцам, производившим погрузку войск в устье реки Клайд, приказали направиться в Скапа-Флоу. Все эти важные мероприятия были согласованы с главнокомандующим флотом. Одновременно продолжалась операция по расстановке мин в фиордах в районе Нарвика. Эту операцию осуществляли четыре эсминца под

прикрытием линейного крейсера «Ринаун», крейсера «Бирмингем» и восьми эсминцев. Немцы знали, что наш флот в море, так как мы подслушали, как одна немецкая подводная лодка, находившаяся в районе Оркнейских островов, передавала длинное сообщение, когда наш флот покидал Скапа-Флоу. Между тем 2-я эскадра крейсеров, находившаяся у Абердина и державшая курс на север, сообщила, что ее выслеживает вражеский самолет и что, вероятно, около полудня ее атакуют. Военно-морской флот и королевские воздушные силы принимали все меры, чтобы иметь в этом районе истребители. В нашем распоряжении не было авианосцев, но у нас были летающие лодки. Местами стоял густой туман, но мы полагали, что на севере видимость лучше и что погода улучшится.

Военный кабинет учел мое заявление и предложил мне передать норвежским военно-морским властям полученные нами сведения о передвижении германских военных кораблей. Общее мнение было, что цель Гитлера — захват Нарвика.

9 апреля Чемберлен вызвал нас в 8 часов 30 минут утра на заседание военного кабинета для обсуждения германского вторжения в Норвегию и Данию в той мере, в какой факты нам были тогда известны. Военный кабинет решил, что я должен уполномочить главнокомандующего флотом метрополии принять все возможные меры, чтобы очистить Берген и Тронхейм от вражеских сил, и что начальники штабов должны осуществить подготовку к отправке экспедиционных войск, чтобы захватить эти два порта и оккупировать Нарвик. Однако войска не подлежали отправке, пока не выяснится ситуация на море. Во вторник 9 апреля шторм, сильный ветер и снежная буря на море высоко вздымали волны. На рассвете «Ринаун» заметил в море примерно в пятидесяти милях от Вест-фиорда два корабля, шедших без огней. Это были «Шарнхорст» и «Гнейзенау», которые только что выполнили свою задачу конвоирования десантных войск, доставленных в Нарвик. «Ринаун» открыл огонь сперва на дистанции восемнадцать тысяч ярдов и скоро попал в «Гнейзенау», выведя из строя приборы управления артиллерийским огнем орудий главного калибра и вынудив его на некоторое время прекратить огонь. Второй германский корабль прикрыл его дымовой завесой, и оба они повернули затем на север. Хотя «Ринаун» напрягал все силы, пытаясь догнать германские корабли, они в конце концов скрылись из виду в северном направлении.

* * *

9 апреля утром адмирал Форбс с главным флотом вышел на траверз Бергена. В 6 часов 20 минут утра он запросил у военно-морского министерства сведения о численности герман-

ских сил в этом порту, поскольку намеревался послать туда соединение крейсеров и эсминцев под командованием вице-адмирала Лейтона, чтобы атаковать любые германские корабли, какие там будут обнаружены.

Вечером того же дня флот и главным образом корабли вице-адмирала Лейтона подверглись мощным налетам авиации. Эсминец «Гурка» был потоплен, а крейсера «Саутгемптон» и «Глазго» повреждены бомбами, упавшими неподалеку. Кроме того, прямое попадание получил и флагманский корабль «Родней», но его мощная броневая палуба предотвратила серьезные повреждения.

Атака крейсеров на Берген была отменена. Адмирал Форбс предложил с наступлением сумерек 10 апреля бросить в атаку самолеты-торпедоносцы, базирующиеся на авианосце «Фьюри». Военно-морское министерство согласилось с этим планом и распорядилось также, чтобы вечером 9 апреля предприняли налеты бомбардировщики королевских воздушных сил, а утром 10 апреля — самолеты морской авиации, базирующиеся в Хатстоне (Оркнейские острова). Между тем наши крейсера и эсминцы продолжали блокировать подходы к Бергену. Воздушные налеты оказались успешными, и тремя бомбами, сброшенными с самолетов морской авиации, был потоплен крейсер «Кёнигсберг». «Фьюри» был затем направлен в Тронхейм.

Тем временем в проливах Скагеррак и Каттегат действовали наши подводные лодки. 8 апреля ночью они заметили и атаковали, но безуспешно, вражеские суда, направлявшиеся из Балтийского моря на север. Однако 9 апреля подводная лодка «Труант» потопила в районе Кристиансана германский крейсер «Карлсруэ», а на следующую ночь подводная лодка «Спирфиш» торпедировала карманный линкор «Лютцов», возвращавшийся из Осло. Кроме того, подводные лодки потопили в течение первой недели данной кампании по меньшей мере девять вражеских транспортов с войсками или боевым снаряжением, нанеся противнику большие потери в живой силе. Наши потери тоже были велики; в апреле на хорошо защищенных подступах в Балтийское море немцы потопили три английские подводные лодки.

* * *

9 апреля утром положение в Нарвике было неясным. Надеясь предупредить захват немцами этого порта, главнокомандующий флотом приказал капитану Уорбэртон-Ли, командовавшему нашими эсминцами, войти в фиорд и помешать любой высадке.

В соответствии с этим капитан Уорбэртон-Ли с пятью эсминцами из своей флотилии, «Харди», «Хантер», «Хэвок», «Хотспёр» и «Хостайл», вошел в Вест-фиорд.

10 апреля, в туман и снежную бурю, пять английских эсминцев прошли по фиорду и на рассвете стали напротив Нарвика. В порту находилось пять вражеских эсминцев. В первой же атаке «Харди» торпедировал корабль, на котором развевался вымпел германского командира, причем сам командир был убит. Другой эсминец был потоплен двумя торпедами, а остальные три подверглись такому сильному орудийному обстрелу, что не могли оказать эффективного сопротивления.

Возвращаясь после третьей атаки, капитан Уорбэртон-Ли заметил, что из Херьянгс-фиорда приближаются три корабля. Это были немецкие эсминцы, которые раньше стояли на якоре в Балланген-фиорде. Вскоре заговорили тяжелые орудия на германских кораблях. Мостик на «Харди» был разрушен, Уорбэртон-Ли смертельно ранен.

Между тем «Хантер» был потоплен, а «Хотспёр» и «Хостайл», получившие повреждения, направились вместе с «Хэвоком» в открытое море. Противник, который преграждал им путь, к этому времени уже не был в состоянии остановить их.

* * *

9 апреля Рейно и Даладье вместе с адмиралом Дарланом вылетели в Лондон, и во второй половине дня состоялось заседание союзнического верховного военного совета, чтобы обсудить то, что министры назвали «действиями Германии, явившимися следствием установки мин в норвежских территориальных водах». Чемберлен сразу же указал, что действия противника, несомненно, были запланированы заранее, совершенно независимо от осуществляемых нами мероприятий. Это было очевидно даже в то время. Рейно информировал нас, что французский военный комитет под председательством президента утром в принципе решил ввести войска в Бельгию, если немцы совершат нападение. Добавление к этим войскам, заявил он, восемнадцати—двадцати бельгийских дивизий плюс укорачивание линии фронта фактически ликвидирует перевес сил немцев на Западе. Франция будет готова связать эту операцию со сбрасыванием речных мин в Рейн. Рейно добавил, что полученные им сведения из Бельгии и Голландии свидетельствуют об угрозе нападения Германии на эти страны, которое, по одним сообщениям, должно произойти через несколько дней, а по другим — через несколько часов.

Английский военный министр, касаясь вопроса об отправке в Норвегию экспедиционных войск, напомнил совету, что две английские дивизии, первоначально укомплектованные для по-

мощи финнам, были затем посланы во Францию. В Соединенном Королевстве сейчас имеется только одиннадцать батальонов. Два батальона отплывают в тот же день вечером. Остальные по различным причинам не будут готовы к отплытию еще три-четыре дня.

Совет решил, что в порты на норвежском побережье, где только возможно, должны быть посланы крупные контингенты войск и разработаны совместные планы. Французской альпийской дивизии приказали погрузиться на корабли через два-три дня. Мы заявили, что сможем отправить в этот же вечер два английских батальона, еще пять батальонов — в ближайшие три дня и еще четыре батальона — через две недели, всего одиннадцать батальонов. Любые дополнительные английские войска для Скандинавии пришлось бы брать из Франции. Должны быть приняты соответствующие меры для оккупации Фарерских островов, и Исландии будут даны заверения, что ей окажут защиту. Были согласованы мероприятия, касающиеся действий военно-морских флотов на Средиземном море в случае вмешательства Италии. Было решено также, что бельгийскому правительству должны быть срочно сделаны представления, предлагающие ему пригласить союзные войска на территорию Бельгии. Наконец, было подтверждено, что, если Германия начнет наступление на западе или вступит в Бельгию, будет осуществлена операция «Ройал Мэрин».

* * *

Я отнюдь не был удовлетворен тем, что до сих пор произошло в Норвегии. Я писал адмиралу Паунду:

10 апреля 1940 года

«Немцам удалось занять все порты на норвежском побережье, кроме Нарвика, и, чтобы изгнать их из любого из этих портов, потребуются операции крупного масштаба. Нейтралитет Норвегии и наше уважение к этому нейтралитету помешали нам воспрепятствовать этому жестокому нападению. Теперь необходимо занять иную позицию. Нам придется мириться с тем, что наши северные базы будут подвергаться налетам с более близких дистанций. Мы должны будем запереть вход в Берген с помощью наблюдаемых минных полей и сосредоточить усилия на захвате Нарвика, что потребует длительной и суровой борьбы.

Мы должны немедленно обеспечить себе на норвежском побережье одну или две базы для заправки горючим. За Нарвик надо бороться. Хотя нас полностью перехитрили, нет никаких оснований полагать, что длительная и серьезная

борьба в этом районе не истощит силы противника в большей степени, чем наши».

В течение трех дней нашу страну наводняли сообщения и слухи из нейтральных государств. К ним прибавились торжествующие заявления немцев о потерях, которые они причинили английскому военно-морскому флоту, и об их мастерски осуществленной операции по захвату Норвегии, несмотря на превосходящую мощь английского флота. Было очевидно, что Великобританию опередили, застигли врасплох и, как я писал начальнику военно-морского штаба, перехитрили. Страну охватило возмущение, и весь гнев обрушился на военно-морское министерство. В четверг 11 апреля я предстал перед взволнованной и возмущенной палатой общин. Я прибег к методу, который всегда находил наиболее действенным в подобных случаях: спокойно, не торопясь, я изложил события в их последовательности, подчеркнув все неприятные истины. Я впервые публично объяснил, в каком невыгодном положении мы оказались с самого начала войны, вследствие того что Германия злоупотребляла норвежским коридором, иначе говоря «безопасным путем», и как мы наконец преодолели нашу щепетильность, которая, «делая нам честь, в то же время причиняла вред».

«Совершенно бесполезно порицать союзников за то, что они не сумели оказать нейтральным странам существенную помощь и защиту, если нас держали на почтительном расстоянии до тех пор, пока Германия фактически не напала на эти нейтральные страны в соответствии с научно подготовленным планом. Строгое соблюдение Норвегией нейтралитета в значительной степени явилось причиной страданий, на которые она сейчас обречена, и ограниченности помощи, которую мы можем ей оказать. Я надеюсь, что над этим фактом поразмыслят другие страны, которые, возможно, завтра или через неделю, или через месяц окажутся жертвами столь же тщательно разработанного германским штабом плана их разгрома и порабощения».

Палата слушала все с бо́льшим одобрением мой рассказ о событиях, о которых я только что получил известия: о происшедшем во вторник сражении между «Ринауном» и вражескими кораблями, о налете авиации на британский флот у Бергена и в особенности о рейде капитана Уорбэртон-Ли в порт Нарвик и о его действиях там.

Через полтора часа палата, по-видимому, уже была настроена значительно менее недоброжелательно. Через некоторое время ей можно было бы сообщить о новых событиях.

Утром 10 апреля к флоту, шедшему к Нарвику, присоединился линкор «Уорспайт». Узнав об атаке, предпринятой на

рассвете капитаном Уорбэртон-Ли, мы решили снова попытаться проникнуть в порт. На следующий день (12 апреля) пикирующие бомбардировщики с авианосца «Фьюри» предприняли налет на вражеские корабли в порту Нарвик. Налет совершался при ужасной погоде и плохой видимости. Были отмечены четыре попадания в эсминцы, мы потеряли два самолета. Мы не могли удовлетвориться этими мерами. Нарвик был очень необходим нам, и мы решили по крайней мере очистить этот порт от германских кораблей. Наступил кульминационный момент борьбы.

Дорогостоящий «Ринаун» в этом сражении не участвовал. Адмирал Уитворт перенес свой флаг на «Уорспайт», и в полдень 13 апреля его корабль вошел в фиорд под эскортом девяти эсминцев и пикирующих бомбардировщиков «фьюри». Минных полей в фиорде не было, но эсминцы отогнали одну вражескую подводную лодку; вторая подводная лодка была потоплена корабельным самолетом «суордфиш» с «Уорспайта». Этот самолет обнаружил также один германский эсминец, который прятался в небольшом фиорде, чтобы из засады выпустить свои торпеды в линкор. Этот эсминец быстро потопили. В 1 час 30 минут пополудни, когда наши корабли прошли через узкую часть залива и находились в двенадцати милях от Нарвика, впереди в дымке показались пять вражеских эсминцев. Немедленно началось ожесточенное сражение. В этом втором морском сражении у Нарвика были потоплены или сильно повреждены восемь вражеских эсминцев, которые уцелели после атаки кораблей капитана Уорбэртон-Ли. Мы не потеряли ни одного корабля. На следующий день рано утром «Уорспайт» ушел, взяв на борт раненых с наших эсминцев. «У меня сложилось впечатление, — заявил адмирал Уитворт, — что в результате сегодняшнего сражения вражеские войска в Нарвике сильно напуганы. Поэтому я рекомендую незамедлительно занять город главными десантными войсками». У входа в порт остались два эсминца, чтобы наблюдать за событиями.

Глава тринадцатая

НАРВИК

На протяжении жизни многих поколений Норвегия с ее скромным и суровым населением, занятым торговлей, судоходством, рыболовством и земледелием, стояла в стороне от треволнений мировой политики. В далекое прошлое отошли дни, когда викинги предпринимали походы с целью покорить и разорить значительную часть известного тогда мира. Столетняя война, Тридцатилетняя война, войны Вильгельма III и Маль-

боро, потрясения времен Наполеона и более поздние конфликты оставили Норвегию нетронутой и невредимой. Значительная часть народа думала до сих пор о нейтралитете, и только о нейтралитете. Крохотная армия и население, желавшее лишь одного — мирно жить в своей гористой и полуарктической стране стали теперь жертвой новой германской агрессии.

Многие годы Германия выражала свою искреннюю симпатию и дружеские чувства к Норвегии. После предыдущей войны несколько тысяч немецких детей нашли пищу и кров в Норвегии. Теперь, живя в Германии, они стали взрослыми, и многие из них превратились в ярых нацистов. Был и майор Квислинг, который с горсткой молодежи скопировал фашистское движение и воспроизвел его в незначительных масштабах в Норвегии. В последние годы в Германии устраивались нордические собрания, на которые приглашалось много норвежцев. Норвегию посещали немецкие лекторы, артисты, певцы и ученые в целях содействия развитию общей культуры. Все это было тесно сплетено с гитлеровским военным планом, и таким образом был создан широко разветвленный внутренний прогерманский заговор. В нем каждый сотрудник немецкой дипломатической и консульской службы, каждый немецкий торговый агент выполнял свою роль в соответствии с указаниями немецкой дипломатической миссии в Осло. Совершившееся ныне подлое и преступное деяние можно сравнить с «Сицилийской вечерней» и Варфоломеевской ночью.

Председатель норвежского парламента Карл Хамбро писал: «Нападению на Польшу и позже на Голландию и Бельгию предшествовал обмен нотами, были предъявлены ультиматумы. В Норвегии же немцы под маской дружбы пытались уничтожить государство за одну темную ночь, молча, вероломно, без объявления войны, без всякого предупреждения. Норвежцы были поражены не столько самим актом агрессии, сколько сознанием, что великая держава, многие годы твердившая о своих дружеских чувствах, вдруг оказалась смертельным врагом, что мужчины и женщины, с которыми они когда-то имели дружеские или деловые отношения, которых они сердечно принимали у себя на родине, оказались шпионами и вредителями. Народ Норвегии был больше изумлен тем, что уже много лет их немецкие друзья разрабатывали подробнейшие планы вторжения и последующего порабощении его страны, чем нарушением Германией договоров и всех международных обязательств».

Король, правительство, армия и народ, как только они осознали, что происходит, воспылали лютой ненавистью. Но было слишком поздно. Проникновение немцев и развернутая ими пропаганда до сих пор мешали норвежцам видеть события в истинном свете, а теперь ослабили их способность к сопро-

тивлению. Майор Квислинг, выступая по радио, находившемуся в руках немцев, представил себя как прогерманского правителя покоренной страны.

Почти все норвежские должностные лица отказались служить ему. Армия была мобилизована и под командованием генерала Руге немедленно начала бои с захватчиками, продвигавшимися из Осло на север. Патриоты, которые сумели достать оружие, уходили в горы и леса. Король, правительство и парламент выехали сначала в Хамар, в ста милях от Осло. Немецкие бронемашины настойчиво преследовали их, и были предприняты отчаянные попытки уничтожить их бомбами и пулеметным огнем с самолетов. Они тем не менее продолжали призывать страну к упорному сопротивлению. Остальное население было подавлено и кровавым террором доведено до угрюмой покорности. Норвежский полуостров простирается почти на тысячу миль. Плотность населения низкая, а шоссейных и железных дорог мало, особенно на севере. Быстрота, с которой Гитлер установил господство над Норвегией, явилась значительным достижением войны и политики и убедительным примером немецкой напористости, коварства и жестокости.

Норвежское правительство, до сих пор холодно относившееся к нам из-за страха перед Германией, теперь отчаянно взывало о помощи. С самого начала стало очевидно, что мы не можем спасти Южную Норвегию. Почти все наши обученные войска и многие лишь частично обученные находились во Франции. Наши небольшие, но все более укрепляющиеся военно-воздушные силы были полностью заняты оказанием поддержки британским экспедиционным войскам, обороной страны и усиленным обучением. Для охраны уязвимых объектов, имевших чрезвычайно важное значение, требовалось в десять раз больше зенитных орудий, чем мы имели. Тем не менее мы считали себя обязанными сделать все, что было в наших силах, для оказания помощи норвежцам, даже в ущерб нашим собственным планам и интересам. Казалось вполне возможным захватить Нарвик и оборонять в интересах всех союзников. Здесь *король* Норвегии смог бы поднять свое знамя, не боясь покорения. Можно было бы бороться за Тронхейм, задержать продвижение захватчиков на север, пока Нарвик не будет снова захвачен и превращен в базу армии. Представлялось возможным предпринять эту операцию с моря силами, превосходящими все, что противник мог противопоставить нам после того, как они пройдут расстояние в пятьсот миль по горной местности. Кабинет охотно одобрил все возможные меры спасения и обороны Нарвика и Тронхейма. Войска, высвободившиеся от финского проекта, и ядро войск, находившееся под рукой для Нарвика, могли быть в скором времени готовы к действиям. Им не хватало самолетов, зенитных и противо-

танковых орудий, танков, транспорта и боевой подготовки. Вся Северная Норвегия была покрыта таким глубоким снегом, какого наши солдаты никогда не видели, по какому им никогда не доводилось ходить и какого они не могли себе представить. У них не было ни снегоступов, ни лыж. Но мы должны были сделать все, что могли. Так началась эта кампания, предвещавшая мало хорошего.

Нетрудно было снова быстро собрать для нарвикской экспедиции немногочисленные силы, которые были рассредоточены несколько дней назад. Немедленно началась погрузка одной английской бригады и ее вспомогательных частей, и первый конвой судов отплыл в Нарвик 12 апреля. За ними должны были последовать через неделю два-три батальона альпийских стрелков и другие французские части. Севернее Нарвика находились также норвежские войска, которые оказали бы нам содействие при высадке. 5 апреля генерал-майора Макэзи назначили командующим любой экспедицией, которая могла быть послана в Нарвик. Его инструкции были составлены в форме, подобающей при обращении с дружественной нейтральной державой. В основном содержание инструкций было таково:

«Правительство его величества и правительство Французской Республики решили послать полевые войска для операций против Германии и Северной Норвегии. Задача этих войск — выбить немцев из района Нарвика и захватить сам Нарвик... Ваша первая задача будет заключаться в том, чтобы закрепиться в Харстаде, заручиться поддержкой норвежских войск, которые могут оказаться там, и раздобыть информацию, необходимую для планирования ваших дальнейших операций. Ваша высадка в случае сопротивления не предполагается. Вам, однако, возможно, придется натолкнуться на сопротивление из-за ошибочного определения вашей национальной принадлежности; в таком случае, прежде чем отказаться от попытки совершить высадку, вы предпримете шаги, необходимые для установления национальной принадлежности наших войск. Решение о высадке принимается старшим морским офицером после консультации с вами. Если в Харстаде высадка невозможна, следует попытаться осуществить ее в каком-нибудь другом подходящем месте. Высадку следует предпринять, когда вы будете располагать войсками достаточной численности».

Одновременно генералу Макэзи вручили личное письмо начальника имперского генерального штаба генерала Айронсайда, в котором содержалось, в частности, следующее замечание: «Вам может представиться возможность воспользоваться пре-

имуществом военных операций на море. Не упускайте ее. Нужно дерзать». Это замечание звучало несколько иначе, чем официальная инструкция. Адмирал Паунд и я, подходя к вопросу с несколько различных точек зрения, сходились в мнении, что лорд Корк должен командовать военно-морскими силами в этих комбинированных операциях на севере. Мы оба призывали его, если нужно, не колеблясь, идти на риск и предпринять самые решительные действия для захвата Нарвика. Поскольку между нами не было разногласий и мы могли еще все обсудить между собой, мы предоставили лорду Корку исключительную свободу действий и не вручали ему никаких письменных приказов. Он точно знал, что мы хотим.

Ночью 12 апреля лорд Корк спешно отплыл из Росайта на «Ороре». Он предполагал встретиться с генералом Макэзи в Харстаде — небольшом порту на острове Хиннои, в Вагс-фиорде. Этот порт был выбран в качестве морской базы, хотя он расположен в 120 милях от Нарвика. Однако 14 апреля он получил сообщение от адмирала Уитворта с линкора «Уорспайт», уничтожившего накануне все германские эсминцы и суда, доставлявшие продовольствие и снаряжение. В сообщении говорилось: «Я убежден, что сейчас Нарвик можно захватить прямым штурмом, не опасаясь встретить при высадке серьезное сопротивление. Я считаю, что для этой операции не потребуется крупных сил...» Лорд Корк поэтому направил «Орору» в Скьель-фиорд на Лофотенских островах, обходя с фланга подступы к Нарвику. Он направил «Саутгемптону» приказ присоединиться к нему в Скьель-фиорде. Он намеревался собрать силы для немедленного штурма. Они должны были состоять из двух рот шотландских гвардейцев, находившихся на борту «Саутгемптона», из отрядов моряков и морской пехоты с «Уорспайта» и с других судов, находившихся в Скьель-фиорде. Однако он сумел связаться с «Саутгемптоном» через военно-морское министерство и то лишь после некоторой задержки.

Лорд Корк настаивал перед генералом Макэзи на необходимости воспользоваться ликвидацией всех германских военно-морских сил и как можно скорее предпринять прямой штурм Нарвика. Однако генерал ответил, что гавань сильно укреплена. Он также указал, что его транспортные суда подготовлены не к штурму, а лишь к беспрепятственной высадке. Он разместил свой штаб в гостинице в Харстаде, и его войска начали высадку поблизости. На следующий день он заявил, что, судя по информации, которой он располагает, высадка в Нарвике невозможна и что даже обстрел с моря не поможет делу. Лорд Корк считал, что при поддержке шквального артиллерийского огня войска могли бы высадиться в Нарвике с незначительными потерями, но генерал не соглашался, и он

мог найти частичное оправдание в полученных им инструкциях. Мы в министерстве настаивали на немедленном штурме.

Между тем в Нарвике наши все увеличивавшиеся войска вынуждены были оставаться в заливе из-за пулеметного огня немцев. Это было серьезное и неожиданное препятствие.

* * *

Большинство дел нашей импровизированной кампании прошло через мои руки, и я предпочитаю, насколько возможно, при изложении их придерживаться того, что я говорил в то время. Премьер-министр испытывал сильное желание, разделяемое военным кабинетом, захватить как Тронхейм, так и Нарвик.

Военный кабинет решил попытаться осуществить обе операции — и в Нарвике, и в Тронхейме. Военный министр предусмотрительно предостерег нас, что, возможно, нам придется скоро перебросить в Норвегию подкрепления из нашей армии во Франции, и предложил нам сообщить об этом французскому командованию в ближайшие же дни.

Я согласился с этим, но считал преждевременным обращаться к французам в ближайшие два дня. Это было принято. Военный кабинет одобрил предложение информировать правительства Швеции и Норвегии о нашем намерении захватить и Тронхейм, и Нарвик и о том, что мы понимаем чрезвычайно важное значение Тронхейма как стратегического центра, но Нарвик важно захватить и как военно-морскую базу. Мы добавили, что наши войска не намерены переходить шведскую границу. Одновременно мы решили просить французское правительство предоставить нам право использовать части альпийских стрелков для операций не только в Нарвике и сообщить ему то, о чем мы информировали правительства Норвегии и Швеции.

* * *

В ночь на 17 апреля из Нарвика поступили разочаровывающие вести. Генерал Макэзи, видимо, не собирался сделать попытку захватить город немедленным штурмом при поддержке артиллерийского обстрела с моря; и лорд Корк ничего не мог с ним сделать. Я изложил положение моему комитету так, как оно мне тогда казалось.

17 апреля 1940 года

«Из телеграммы лорда Корка видно, что генерал Макэзи предлагает захватить две незанятые позиции на подступах к Нарвику и удерживать их, пока не растает снег, возможно,

до конца месяца. Генерал рассчитывает, что ему будет послана первая половина бригады альпийских стрелков, что, разумеется, не будет сделано. Такая тактика означает, что мы задержимся под Нарвиком на несколько недель. Следует рассмотреть вопрос о посылке лорду Корку и генералу Макэзи телеграммы следующего содержания:

"Ваши предложения могут создать в Нарвике пагубную ситуацию и повлечь бездействие одной из лучших наших бригад. Мы не можем послать Вам альпийских стрелков. "Уорспайт" понадобится в другом месте дня через два-три. Следовательно, Вам надлежит тщательно обдумать возможность штурма Нарвика под прикрытием огня с "Уорспайта" и эсминцев, которые могут также действовать в Румбакс-фиорде. Захват порта и города ознаменовал бы собой серьезный успех. Нам хотелось бы, чтобы Вы сообщили нам доводы, почему эта операция невозможна, и Ваши предположения о возможном сопротивлении, с которым придется встретиться в порту. Дело весьма срочное"».

Комитет одобрил текст телеграммы, которая была затем послана. Она не возымела никакого действия. Мы можем теперь только высказывать различные мнения относительно того, было бы такое нападение успешным или нет. Оно не потребовало бы никакого перехода по снегу.

Но, с другой стороны, оно означало высадку с открытых лодок под пулеметным огнем как в Нарвике, так и в Румбакс-фиорде. Я рассчитывал на результаты обстрела с близкой дистанции из огромных судовых орудий, которые разрушили бы порт, окутали дымом и засыпали снегом и землей все пулеметные гнезда немцев. Подходящие осколочно-фугасные снаряды были выделены морским министерством как для линкора, так и для эсминцев. Конечно, лорд Корк, находясь на месте и имея возможность судить о характере обстрела, был решительно за эту попытку. В нашем распоряжении было более четырех тысяч лучших солдат нашей кадровой армии, включая гвардейскую бригаду и части морской пехоты. Вступив на берег, они немедленно ввяжутся в бой с обороняющимися немцами, численность регулярных войск которых, не считая команд, спасенных с потопленных эсминцев, по нашим подсчетам, правильным, как нам теперь известно, не достигала и половины этого числа. Во время предыдущей войны такое соотношение сил считалось бы благоприятным, а теперь ведь не действуют какие-либо новые факторы. На более поздних стадиях этой войны совершались десятки таких штурмов, и часто успешно. Более того, приказы, посланные командующим, имели столь ясный и непреложный характер и столь очевидно предусматривали возможность тяжелых потерь, что они подлежали выполнению. Ответственность за большие по-

тери легла бы на соответствующие власти в Англии и самым непосредственным образом на меня. Я понимал, что так и должно быть; но что бы я, мои коллеги и лорд Корк ни делали и ни говорили — все это не производило никакого впечатления на генерала. Он был преисполнен решимости ждать, пока не растает снег. Что касалось обстрела, то он мог сослаться на параграф в его инструкциях, запрещающий обстрел, могущий подвергнуть опасности гражданское население. Когда мы сравниваем эти настроения с той отчаянной игрой жизнью, кораблями и почти лихорадочной энергией, основанной на продуманном и тщательном расчете, обеспечившем немцам их блестящие успехи, невыгоды нашего положения в этой кампании становятся очевидными.

Глава четырнадцатая

ТРОНХЕЙМ

Захват Тронхейма, будь он нам под силу, несомненно послужил бы ключом к любым серьезным операциям в Центральной Норвегии. Его захват означал овладение безопасной гаванью с причалом для судов и доками. В этой гавани можно было и базировать армию в 50 тысяч человек и больше. Поблизости находился аэродром, с которого могло действовать несколько эскадрилий истребителей. Обладание Тронхеймом открывало прямую железнодорожную связь со Швецией и сильно увеличивало шансы на шведское вмешательство или взаимную помощь в случае, если сама Швеция подвергнется нападению. Только из Тронхейма можно было наверняка остановить продвижение немецких войск на север из Осло. Исходя из общих принципов политики и стратегии, союзникам было выгодно вести бои с Гитлером в наиболее крупных масштабах в Центральной Норвегии, если он намеревался добраться до этих районов. Можно было легко взять штурмом находящийся далеко на севере Нарвик или принудить его к сдаче, и его можно было бы удержать. Мы господствовали на море. Что же касается воздушных операций, то если бы мы сумели твердо укрепиться на норвежских аэродромах, мы, не колеблясь, вели бы с германской авиацией бои в масштабах, какие позволяли условия, ограничивающие действия обеих сторон.

Все эти доводы оказались убедительными как для французского военного совета, так и для английского военного кабинета и большинства их советников. Английский и французский премьер-министры были единодушны. Генерал Гамелен изъявил готовность направлять в Норвегию француз-

ские дивизии или английские дивизии для переброски из Франции в Норвегию в таких же масштабах, в каких немцы перебрасывали свои войска. Он считал, что следует вести длительные сражения крупных масштабов южнее Тронхейма, где почти всюду условия местности благоприятны для обороны. Казалось, что мы сумеем доставить войска и снаряжение в район военных действий по открытому морю через Тронхейм гораздо быстрее, чем немцы смогут пробить себе путь по единственному шоссе и железной дороге из Осло. Причем обе эти дороги можно было перерезать бомбардировкой или действиями авиадесанта позади них. Оставался один лишь вопрос: сможем ли мы вовремя захватить Тронхейм? Сможем ли мы добраться туда до прибытия главных сил противника с юга, и сумеем ли мы с этой целью получить хотя бы временную передышку от господства противника в воздухе, которому сейчас нечего противопоставить? 13 апреля военно-морское министерство официально уведомило главнокомандующего о решении верховного совета выделить войска для захвата Тронхейма.

«Считаете ли вы, — говорилось в радиограмме, — что можно уничтожить или подавить до такой степени береговые батареи, чтобы транспортные суда получили возможность войти в залив? Если да, то сколько судов и какого типа вы можете предложить?»

В ответ адмирал Форбс запросил детальную информацию об обороне Тронхейма. Он согласился, что линкоры днем могут уничтожить или подавить береговые батареи при наличии соответствующих снарядов. Но в то время на кораблях флота метрополии таких снарядов не было. Первая и самая главная задача, указывал он, защитить десантные суда от сильных воздушных налетов во время перехода по узкому коридору протяженностью в тридцать миль, а вторая задача — осуществить, преодолевая сопротивление, высадку, о которой уже достаточно известно. При упомянутых обстоятельствах он не считал операцию возможной.

Военно-морской штаб настаивал на своей точке зрения, и адмиралтейство с моего искреннего согласия направило 15 апреля следующий ответ:

«Мы по-прежнему считаем, что следует снова изучить возможность проведения описанной операции. Она состоится не раньше чем через семь дней, которые должны уйти на тщательную подготовку. Опасность воздушных атак бывает приблизительно одинаковой всюду, где крупные десантные суда попадают в опасную зону. Наш план состоит в том, чтобы,

помимо бомбардировки аэродрома в Ставангере самолетами королевских военно-воздушных сил, на рассвете начался обстрел с «Суффолка» фугасными снарядами, с расчетом вывести аэродром из строя. Аэродром в Тронхейме может быть выведен из строя действиями бомбардировщиков военно-морской авиации и последующим обстрелом. Дан приказ о доставке в Росайт фугасных снарядов для пятнадцатидюймовых орудий. Для выполнения этой операции потребовались бы «фьюри» и 1-я эскадра крейсеров. Исходя из этого, убедительно просим вас еще раз рассмотреть этот важный проект».

Адмирал Форбс, хотя не вполне убежденный в обоснованности плана, на этот раз отнесся к нему более благосклонно. В своем ответе он заявил, что не предполагает больших трудностей с военно-морской стороны, если не считать, что он не сможет обеспечить противовоздушную защиту транспортов во время высадки. Для осуществления операции потребуются «Вэлиант» и «Ринаун» — для защиты «Глориес» от нападения с воздуха, «Уорспайт» — для обстрела, а также по крайней мере четыре крейсера с зенитной артиллерией и около двадцати эсминцев.

* * *

В то время как полным ходом шла разработка плана фронтального штурма Тронхейма, с моря уже осуществлялись две дополнительные десантные операции для охвата города с суши. Первая из них проводилась в ста милях к северу — в Намсусе, где генерал-майор Картон де Виарт был назначен командующим войсками и получил приказ «захватить район Тронхейма». Его информировали, что военно-морской флот предварительно высадит отряд численностью в триста человек с целью захвата и удержания пунктов до высадки основных сил. План сводился к тому, чтобы две пехотные бригады и легкая дивизия альпийских стрелков высадились в этом районе одновременно с главной атакой флота на Тронхейм — операция «Хаммер». С этой целью из-под Нарвика отозвали 146-ю бригаду и альпийских стрелков. Картон де Виарт вылетел на летающей лодке и достиг Намсуса 15 апреля вечером, подвергшись ожесточенным воздушным атакам. Вторая высадка намечалась в Ондальснесе, на расстоянии примерно 150 миль по шоссе к юго-западу от Тронхейма. Здесь также подразделениями военных моряков был захвачен плацдарм, и 18 апреля сюда прибыл с войсками бригадный генерал Морган и принял на себя командование. Главнокомандующим всеми войсками, участвовавшими в операциях в Центральной Норвегии, был назначен генерал-лейтенант Масси. Этот офицер вынужден

был осуществлять командование из военного министерства, поскольку разместить его ставку в Норвегии пока что не представлялось возможным.

* * *

15 апреля я доложил, что все планы осуществляются, но встречаются серьезные затруднения. В Намсусе толщина снежного покрова достигла четырех футов, и никакой защиты от атак с воздуха не было. В воздухе полностью господствовала авиация противника, и у нас не было ни зенитных орудий, ни аэродрома, с которого наши эскадрильи могли совершать вылеты. Адмирал Форбс, добавил я, сначала не проявлял большого желания пробиться в Тронхейм ввиду опасности воздушных атак. Конечно, было крайне важно, чтобы королевские воздушные силы продолжали налеты на аэродром в Ставангере, через который вражеские самолеты совершали путь на север. 17 апреля «Суффолк» должен будет обстрелять этот аэродром из своих восьмидюймовых пушек. Это было одобрено, и обстрел произвели, как намечалось. На аэродроме были произведены некоторые разрушения, но, когда «Суффолк» отправился в обратный путь, он в течение семи часов подвергался непрерывной бомбардировке. На следующий день корабль прибыл в Скапа-Флоу. Он сильно пострадал, ют был разрушен.

Теперь военному министру надлежало назначить командующего Тронхеймской операцией. Сначала его выбор пал на генерал-майора Хотблэка, которого высоко ценили, и 17 апреля на заседании начальников штабов, состоявшемся в военно-морском министерстве, его ознакомили с поставленными задачами. Но в половине первого ночи с ним случился припадок на ступенях дворца герцога Йоркского, и через некоторое время его подобрали в бессознательном состоянии. К счастью, он оставил все бумаги в штабе, где над ними работали. На следующее утро вместо Хотблэка был назначен бригадный генерал Берни-Фиклин. Он также получил соответствующие инструкции и выехал поездом в Эдинбург. 19 апреля он и его штаб вылетели в Скапа-Флоу. Их самолет разбился на аэродроме в Корнуолле. Пилот и один из членов экипажа погибли, остальные были серьезно ранены. А у нас каждый день был на счету.

* * *

17 апреля я в общих чертах ознакомил военный кабинет с планом главной десантной операции в Тронхейме, который разрабатывался штабами. В наличии была одна регулярная

бригада из Франции (2500 человек), 1000 канадцев и около 1000 человек из бригады территориальной армии в качестве резерва. Военному координационному комитету заявили, что имеющихся сил достаточно и что риск, хотя и очень большой, вполне оправдан. Операция будет проведена при поддержке всего флота. Кроме того, могут быть использованы два авианосца примерно с сотней самолетов, в том числе сорок пять истребителей. Дата высадки была ориентировочно назначена на 22 апреля. Вторая полубригада альпийских стрелков прибудет в Тронхейм не раньше 25 апреля, когда, как мы надеялись, она сможет высадиться в Тронхейме. Военный кабинет одобрил этот план. Я сделал все, что мог, чтобы добиться его выполнения. Адмирал Форбс активно готовился к этому удару, и, казалось, не было никаких причин откладывать операцию, намеченную на 22 апреля. Я с нетерпением ожидал этой волнующей операции, которую благословили столь многие осмотрительные и осторожные министры и которая, как казалось, находила большую поддержку в нашем штабе и у всех наших экспертов. Такова была обстановка на 17 апреля.

* * *

18 апреля произошла разительная перемена во взглядах начальников штабов и военно-морского министерства. Эта перемена была вызвана, во-первых, тем, что они все больше осознавали огромную опасность, грозящую нашему флоту из-за риска, на который должны были идти многие из наших лучших линейных кораблей, и, во-вторых, утверждениями военного министерства, что, даже если нашему флоту удастся войти в залив и выйти из него, высадка войск при наличии превосходства немцев в воздухе была бы рискованной. С другой стороны, с точки зрения этих военных руководителей, десантные операции, уже успешно проведенные к северу и югу от Тронхейма, открывали менее опасное решение. Мы захватили места для высадки в Намсусе и Ондальснесе и закрепились на побережье; из достоверных источников стало известно, что немцы укрепляют оборону Тронхейма; кроме того, в прессе появились сообщения о нашем намерении высадиться в Тронхейме. Пересмотрев первоначальный план в свете этих новых факторов, начальники штабов рекомендовали изменить его.

Вместо фронтального штурма они призывали нас воспользоваться преимуществами нашего неожиданного успеха при высадке войск в Намсусе и Ондальснесе и постараться взять Тронхейм в клещи с севера и юга. Таким образом, утверждали они, мы могли бы превратить крайне рискованное предприятие

в операцию, которая могла бы дать те же результаты при меньшем риске. Начальники штабов указывали, что такая охватывающая операция в отличие от прямого штурма высвободит много ценных кораблей для операций в других районах, в частности в районе Нарвика.

Узнав об этом крутом повороте, я был возмущен и упорно опрашивал всех офицеров, имевших к этому касательство. Вскоре мне стало ясно, что все военные руководители против операции, которую они сами поддерживали всего несколько дней назад.

В связи с этим я примирился с отказом от операции «Хаммер». Я изложил все факты премьер-министру 18 апреля во второй половине дня, и хотя он был страшно огорчен, так же, как и я, он не имел выбора и должен был принять новую позицию. В войне, как и в жизни, часто приходится после провала какого-нибудь взлелеянного плана выбирать лучшую альтернативу, но, сделав выбор, было бы безумием не содействовать новому варианту всеми силами.

На следующий день я объяснил военному кабинету обстоятельства, которые послужили причиной отказа от прямого нападения на Тронхейм, и заявил, что новый план, одобренный премьер-министром, сводится главным образом к тому, чтобы послать всю 1-ю легкую дивизию альпийских стрелков в распоряжение генерала Картона де Виарта для атаки в районе Тронхейма с севера, и к тому, чтобы послать регулярные бригады из Франции в качестве подкрепления бригадному генералу Моргану, который высадился в Ондальснесе и двинул свои войска, чтобы удержать Домбос. Другая бригада территориальной армии будет послана на южную линию фронта. Может представиться возможность двинуть дальше часть этих войск для подкрепления норвежцев в районе Осло. Нам удалось без потерь высадить все наши войска на берег (не считая потерю судна, на которое были погружены все средства передвижения, имевшиеся в распоряжении бригадного генерала Моргана). Новые планы предусматривают высадку 25 тысяч человек к концу первой недели мая. Французы предложили нам еще две легкие дивизии. Самое главное, в чем мы испытывали затруднение, — это обеспечение линий коммуникаций и необходимых баз снабжения наших войск. Эти базы могли подвергаться сильным налетам авиации.

Военный министр тогда заявил, что новый план немногим безопаснее, чем план прямого нападения на Тронхейм. До тех пор пока мы не захватим аэродром в Тронхейме, мало что можно сделать для отражения крупных атак авиации противника. Эта критика плана была убедительной. Однако генерал Айронсайд решительно поддерживал новый план, выражая надежду, что генерал Картон де Виарт, который после получения

подкрепления от французов имел бы, по его словам, довольно крупные силы, причем значительная часть их обладала бы большой мобильностью, сможет оседлать железную дорогу, ведущую из Тронхейма в Швецию. Войска, уже находившиеся в Домбосе, не имели ни орудий, ни транспортных средств. Однако они должны были быть в состоянии удерживать оборонительные позиции. Всем нам было ясно, что у нас не было приятного выбора, но надо было действовать. Военный кабинет одобрил пересмотренный план действий против Тронхейма.

Теперь я переключился на Нарвик, захват которого казался и более важным, и более возможным после того как мы отказались от нападения на Тронхейм.

Нельзя лучше охарактеризовать общую обстановку того момента, чем это сделано в резюме генерала Исмея 21 апреля:

«Цель операции в Нарвике — захватить город и овладеть железной дорогой, ведущей к шведской границе. Тогда мы в случае необходимости могли бы направить свои войска на железные рудники в Елливаре, овладение которыми является основной целью всех операций в Скандинавии.

Как только лед растает в Лулео — а это произойдет приблизительно через месяц, — нужно ждать, что немцы угрозами или силой добьются беспрепятственного продвижения своих войск с целью захвата Елливара и, возможно, продвижения вперед и подкрепления своих войск в Нарвике. Следовательно, нужно покончить с Нарвиком приблизительно в течение месяца.

Цель операции в районе Тронхейма — захват Тронхейма и получение, таким образом, базы для дальнейших операций в Центральной Норвегии и, если нужно, то и в Швеции. Десантные операции осуществлены в Намсусе, к северу от Тронхейма, и в Ондальснесе — к югу. План таков, что наши войска в Намсусе оседлают железную дорогу, ведущую из Тронхейма к востоку, окружая, таким образом, с востока и северо-востока немцев, находящихся в городе. Первая задача войск, высадившихся в Ондальснесе, — занять оборонительные позиции во взаимодействии с норвежцами в Лиллехаммере, с тем чтобы не допустить доставки в Тронхейм подкрепления из числа германских войск, высадившихся в Осло. Шоссейная и железная дороги между Осло и Тронхеймом должны быть защищены. Когда эта задача будет выполнена, часть наших войск будет продвигаться к северу и перейдет в наступление на Тронхейм с юга.

В настоящий момент наше внимание обращено прежде всего на район Тронхейма. Необходимо оказать поддержку норвежцам и не допустить переброски немцами подкреплений в Тронхейм. В данный момент захват Нарвика не является неотложной задачей, но это станет более необходимым, как толь-

ко начнет таять лед в Ботническом заливе. Если Швеция вступит в войну, Нарвик станет жизненно важным объектом.

Операции, которые сейчас проводятся в Центральной Норвегии, носят исключительно опасный характер, и мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Во-первых, настоятельная необходимость без промедления прийти на помощь норвежцам заставила нас поспешно высадить на берег не подготовленные к этому войска, используя все, что можно было быстро мобилизовать. Во-вторых, мы должны высаживать войска на территории Норвегии, используя базы, не приспособленные для снабжения крупных воинских формирований.

Единственная признанная база в этом районе — Тронхейм — находится в руках противника. Мы используем Намсус и Ондальснес, которые являются портами лишь второстепенного значения и не имеют почти никаких приспособлений для разгрузки военных материалов, а линии коммуникаций, связывающие их с внутренними районами страны, плохие. Следовательно, разгрузка механического транспорта, артиллерии, провианта и бензина (ничего нельзя достать на месте) — трудное дело, даже если бы при этом нам никто и ничто не мешало. Таким образом, численность войск, которые мы можем держать в Норвегии, будет строго ограничена до тех пор, пока нам не удастся захватить Тронхейм».

Конечно, можно утверждать, что все операции в Норвегии, в которых мы принимали бы участие, независимо от их местного успеха были бы сведены на нет той страшной битвой во Франции, которая была столь близка. В течение месяца главные армии союзников были разбиты или сброшены в море. Нужно было бросить в эту борьбу за жизнь все, что мы имели. Следовательно, наше счастье, что нам не удалось сосредоточить большой армии и военно-воздушных сил в районе Тронхейма. Завеса будущего приподнимается постепенно, и смертные должны жить сегодняшним днем. Основываясь на сведениях, которыми мы располагали в середине апреля, я и сейчас придерживаюсь мнения, что, раз уж мы зашли так далеко, нам следовало настаивать на проведении операции «Хаммер» и наступления на Тронхейм с трех сторон, с чем все были согласны. Но я принимаю на себя всю ответственность за то, что не убедил в этой необходимости наших опытных советников в момент, когда они столь решительно выступили против этого плана, выдвинув серьезные возражения. Однако в таком случае лучше было бы отказаться от операции против Тронхейма и сосредоточить все силы на захвате Нарвика. Но для этого уже было слишком поздно. Много наших войск находилось на берегу, и норвежцы взывали о помощи.

Глава пятнадцатая

НЕУДАЧИ В НОРВЕГИИ

20 апреля я добился согласия на назначение лорда Корка единым командующим военно-морскими, сухопутными и военно-воздушными силами в районе Нарвика, поставив тем самым генерала Макэзи непосредственно под его начало. Мы надеялись, что, освободив генерала Макэзи от непосредственной ответственности, мы дадим ему почувствовать, что он может свободнее принимать смелые тактические решения. Результат не оправдал этих надежд. Он продолжал приводить всяческие доводы, а в них у него не было недостатка, чтобы предотвратить решительные действия.

За неделю, которая прошла с тех пор как была отклонена идея внезапного нападения на город Нарвик, обстановка изменилась не в нашу пользу. Две тысячи немецких солдат, конечно, работали день и ночь на своих оборонительных укреплениях, которые, равно как и город, были укрыты под снежным покровом. К этому времени противник уже, несомненно, имел две или три тысячи моряков, спасшихся с затонувших эсминцев. Меры, которые он принимал для использования авиации, день ото дня становились все успешнее, и наши корабли, равно как и сухопутные войска, подвергались все более усиленной бомбежке.

Лорд Корк решил произвести разведку боем под прикрытием огня корабельной артиллерии, но здесь вмешался генерал Макэзи. Он заявил, что, прежде чем начнутся предполагаемые действия против Нарвика, он считает своим долгом сообщить, что под его командованием нет такого солдата или офицера, который не почувствовал бы стыда за самого себя и за свою страну, если бы тысячи норвежских мужчин, женщин и детей, находящихся в Нарвике, стали жертвами намечаемого обстрела. Лорд Корк ограничился тем, что переслал это заявление без комментариев. Ни премьер-министр, ни я не могли присутствовать 22 апреля на заседании комитета обороны, так как в этот день мы должны были быть на заседании верховного военного совета в Париже. Перед отъездом я составил ответ, одобренный моими коллегами.

«Я полагаю, что лорд Корк знаком с инструкциями о бомбардировке, данными в начале войны. Если он найдет нужным пойти дальше этих инструкций, поскольку противник использует городские здания, чтобы удержаться в Нарвике, он, возможно, сочтет разумным сделать за шесть часов заблаговременное предупреждение, использовав все средства, имеющиеся в его распоряжении».

* * *

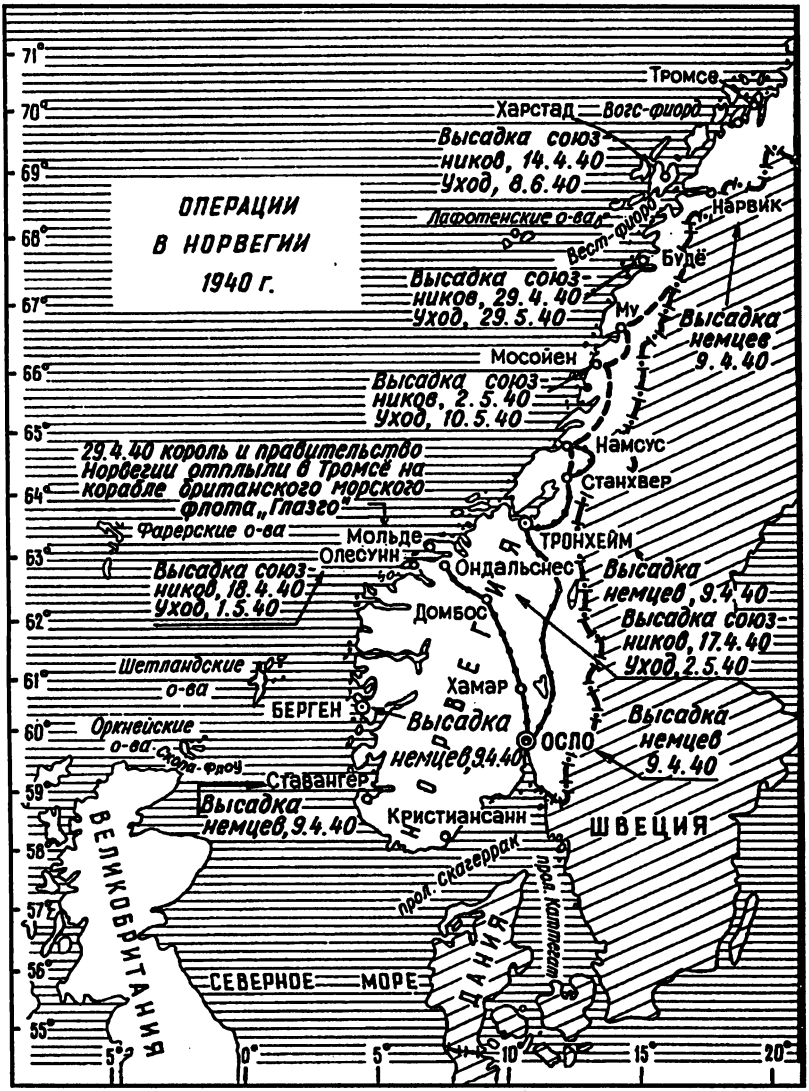
Мы прибыли в Париж, удрученные тревожными событиями сумбурной кампании в Норвегии, которой руководили англичане. Но Рейно, приветствовав нас, начал заседание с заявления об общем военном положении, которое было столь серьезно, что по сравнению с ним наши скандинавские операции казались ничтожными. «География, — сказал он, — дает Германии постоянные преимущества. Она имеет 190 дивизий, из которых 150 могут быть использованы на Западном фронте. Союзники же имеют 100 дивизий, из которых 10 английские. В Германии сейчас 80 миллионов населения, из которых она может сформировать, скажем, 300 дивизий. Франция вряд ли может ожидать, что на Западе к концу года будет 20 английских дивизий. Поэтому мы должны противостоять крупным и все время возрастающим силам противника, превосходящим нас в соотношении 3:2, которое теперь должно увеличиться до 2:1. Что касается оснащения, то Германия имеет преимущества как в области авиации и авиационного вооружения, так и в области артиллерии и запаса боеприпасов». Так говорил Рейно.

Вот к чему мы пришли по сравнению с временами оккупации Рейнской области в 1936 году, когда было бы достаточно действий одной лишь полиции; или с периодом Мюнхена, когда Германия, занятая чехословацкой проблемой, могла выделить лишь 13 дивизий для Западного фронта; или даже с сентябрем 1939 года, когда, пока продолжалось сопротивление Польши, на Западе были только 42 германские дивизии. Все это устрашающее превосходство явилось результатом того, что некогда победоносные союзники, даже когда они были всемогущими, ни разу не осмелились сделать решительного шага, чтобы оказать сопротивление неоднократным агрессиям Гитлера и нарушению договоров.

* * *

После этого мрачного обзора происшедших событий, серьезность которых все хорошо сознавали, мы вернулись к скандинавской проблеме. Премьер-министр ясно охарактеризовал положение. Мы высадили без потерь 13 тысяч солдат в Намсусе и Ондальснесе. Наши силы продвинулись вперед дальше, чем мы ожидали. Рейно заявил, что будут посланы четыре французские легкие дивизии.

Теперь заговорил я, впервые на заседаниях этого органа, указав на трудности, связанные с высадкой войск и выгрузкой различного войскового снаряжения на виду у самолетов и подводных лодок противника. Хотя к этому времени уже удалось

ОПЕРАЦИИ
В НОРВЕГИИ
1940 г.
Тромсё
Харстад
Вогс-фиорд
Высадка союзников, 14.4.40
Уход, 8.6.40
Нарвик
Лофотенские о-ва
Вест-фиорд
Будё
Высадка союзников, 29.4.40
Уход, 29.5.40
Му
Высадка немцев 9.4.40
Мосойен
Высадка союзников, 2.5.40
Уход, 10.5.40
Намсус
Станхвер
29.4.40 король и правительство Норвегии отплыли в Тромсё на корабле британского морского флота „Глазго"
Фарерские о-ва
Мольде
Олесунн
Тронхейм
Высадка союзников, 18.4.40
Уход, 1.5.40
Ондальснес
Высадка немцев, 9.4.40
Домбос
Высадка союзников, 17.4.40
Уход, 2.5.40
Шетландские о-ва
Хамар
НОРВЕГИЯ
БЕРГЕН
Высадка немцев, 9.4.40
Оркнейские о-ва
Скапа-Флоу
ОСЛО
Ставангер
Высадка немцев, 9.4.40
Кристиансанн
ШВЕЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
прол. Скагеррак
прол. Каттегат
ДАНИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
71°
70°
69°
68°
67°
66°
65°
64°
63°
62°
61°
60°
59°
58°
57°
56°
55°
5°
0°
5°
10°
15°
20°

благополучно высадить 13 тысяч человек, союзники еще не создали баз и действовали на суше, располагая ненадежными линиями коммуникаций и практически без артиллерии и без авиационной поддержки. Таким было положение в Центральной Норвегии.

В Нарвике немцы были менее сильны. Порт меньше подвержен опасности воздушных налетов, и как только порт оказался бы в безопасности, можно было производить высадку значительно быстрее. Те силы, которые не смогли бы высадиться в портах, расположенных южнее, должны были бы отправиться в Нарвик. Среди частей, выделенных для Нарвикской операции, да фактически и в самой Великобритании, не было ни одной, способной продвигаться по местности, покрытой толстым снежным покровом. В Нарвике задача состояла бы не только в освобождении порта и города и даже не в очищении всего района от немцев, а в продвижении по железной дороге до шведской границы.

Мы все отчетливо понимали всю безотрадность нашего тяжелого положения и сознавали, что в настоящий момент почти ничего нельзя сделать для его улучшения. Союзнический верховный военный совет постановил, что непосредственными военными целями являются: а) захват Тронхейма и б) захват Нарвика и сосредоточение достаточного количества союзных войск на шведской границе.

На следующий день мы говорили об опасностях, грозящих голландцам и бельгийцам, и об их отказе принять какие-либо меры совместно с нами. Мы прекрасно понимали, что Италия могла в любой момент объявить нам войну. Адмиралы Паунд и Дарлан должны были согласовать различные военно-морские мероприятия в Средиземном море. На это заседание был приглашен также генерал Сикорский. Он заявил, что может через несколько месяцев сформировать войска численностью в 100 тысяч человек. Принимались также решительные меры для сформирования польской дивизии в Соединенных Штатах.

На этом заседании решили также, что если Германия вторгнется в Голландию, союзные армии немедленно двинутся в Бельгию, не обращаясь более к бельгийскому правительству, и что королевские военно-воздушные силы могут бомбардировать немецкие сортировочные станции и нефтеочистительные заводы в Руре.

* * *

По возвращении я был настолько озабочен, и не только полным провалом наших попыток сокрушить противника, но и несостоятельностью нашего метода руководства войной, что написал следующее письмо премьер-министру:

«Стремясь всячески поддержать Вас, я должен предупредить, что в Норвегии Вы приближаетесь к страшной катастрофе.

Я весьма благодарен Вам, что Вы по моей просьбе взяли на себя повседневное руководство военным координационным комитетом и т. д. Однако я думаю, что следует сказать Вам, что я не захочу снова взять на себя эти обязанности без необходимых полномочий. Сейчас никто не имеет полномочий. В комитет входят шесть начальников (и заместителей начальников) штабов, три министра и генерал Исмей. Все они имеют право голоса при принятии решений о норвежских операциях (помимо Нарвика). Но никто из них, за исключением Вас, не несет ответственности за разработку военной политики и руководство ею. Если Вы считаете себя в силах нести это бремя, то можете рассчитывать на мою безграничную преданность как военно-морского министра. Если Вы чувствуете, что не можете нести это бремя, учитывая все Ваши другие обязанности, Вам следовало бы передать Ваши полномочия заместителю, который сможет согласовывать и осуществлять общее руководство нашими военными действиями и будет иметь Вашу поддержку, равно как и поддержку военного кабинета, если только по каким-либо очень веским причинам это не окажется невозможным».

Я еще не успел отправить это письмо, когда получил послание от премьер-министра, писавшего, что он взвесил положение в Скандинавии и пришел к выводу, что оно неудовлетворительно. Он попросил меня навестить его вечером, после обеда на Даунинг-стрит, чтобы обсудить наедине всю ситуацию.

Я не записал нашей беседы, которая носила самый дружественный характер. Я уверен, что изложил основные доводы в моем неотосланном письме и что премьер-министр согласился с их вескостью и справедливостью. Он очень хотел предоставить мне те полномочия для руководства, о которых я просил его, и лично между нами не было никаких затруднений. Однако он должен был проконсультироваться с некоторыми видными деятелями и убедить их. Лишь 1 мая он сумел уведомить кабинет и тех, кого это касалось, о следующем:

1 мая 1940 года

«Я изучил, консультируясь с военными министрами, существующий порядок рассмотрения военных вопросов и решений их и рассылаю для сведения моих коллег меморандум, излагающий некоторые изменения, которые решено немедленно внести отныне в существующий порядок. С этими изменениями согласны три военных министра. С одобрения военно-морского министра генерал-майор Г. Л. Исмей, кавалер ордена Бани и кавалер ордена «За боевое отличие», назначается начальником центрального штаба, который, как указывается в

меморандуме, будет предоставлен в распоряжение военно-морского министра. Генерал-майор Исмей, который будет выполнять эти обязанности, назначается в то же время членом комитета начальников штабов.

Невилл Чемберлен.

Организация обороны

В целях большей централизации руководства войной в ныне существующую систему вносятся следующие изменения.

Военно-морской министр будет и впредь председательствовать на всех заседаниях военного координационного комитета, на которых не председательствует сам премьер-министр, и в отсутствие последнего будет действовать как его заместитель на этих заседаниях при решении всех вопросов, переданных на рассмотрение комитета военным кабинетом.

Он будет нести ответственность от имени комитета за указания и директивы, которые даются комитету начальников штабов, и с этой целью он будет иметь право созывать комитет для личных консультаций с ним в любой момент, когда сочтет это необходимым.

Начальники штабов по-прежнему сохраняют за собой обязанность излагать правительству свои согласованные взгляды и вместе со своими соответствующими штабами разрабатывать планы достижения любых целей, указанных им морским министром от имени военного координационного комитета, сопровождая свои планы такими комментариями, какие они сочтут необходимыми.

Начальники штабов, которые каждый в отдельности будут по-прежнему нести ответственность перед своими соответствующими министрами, должны будут постоянно информировать министерство о всех своих выводах.

Чтобы облегчить осуществление общего плана, изложенного выше, и обеспечить удобные средства для поддержания тесного контакта между военно-морским министром и начальниками штабов, военно-морскому министру будет помогать соответствующий центральный штаб (в отличие от штаба военно-морского министерства), возглавляемый старшим штабным офицером, который будет в то же время членом комитета начальников штабов».

Я согласился с такой системой, которая казалась мне заметным улучшением. Я мог теперь созывать заседания и председательствовать на заседаниях комитета начальников штабов, без которых ничего нельзя было предпринять, и я становился теперь официально ответственным за «указания и директивы»,

которые даются им. Генерал Исмей — старший штабной офицер, возглавляющий центральный штаб — предоставлялся в мое распоряжение в качестве штабного офицера и представителя и в этой должности становился полноправным членом комитета начальников штабов. Мои личные и официальные отношения с генералом Исмеем и его связь с комитетом начальников штабов продолжались, не прерываясь и не ослабевая, с 1 мая 1940 года по 27 июля 1945 года, когда я сложил с себя полномочия.

* * *

Теперь необходимо напомнить ход боев за Тронхейм. Наш северный отряд из Намсуса находился в 80 милях от города; наш южный отряд из Ондальснеса — в 150 милях. От центрального удара через фиорд (операция «Хаммер») пришлось отказаться, частично из-за опасений, что это повлечет большие жертвы, частично в надежде на обходный маневр. Но оба эти маневра потерпели полный провал. Отряд из Намсуса под командованием Картона де Виарта поспешил вперед в соответствии с инструкциями, невзирая на норвежский снег и германскую авиацию. 19 апреля бригада достигла Вердаля, в 50 милях от Тронхейма, расположенного в северной части фиорда. Мне было ясно, и я предупредил штабы, что немцы могут за одну ночь перебросить морем из Тронхейма более крупные силы, чтобы нанести нашим войскам сокрушительный удар. Так и произошло два дня спустя. Наши войска вынуждены были отступить на несколько миль туда, где они могли сдерживать противника.

В конце концов почти все, измученные, продрогшие и негодующие, вернулись в Намсус, где оставалась бригада французских альпийских стрелков, а Картон де Виарт, с мнением которого в подобных случаях считались, заявил, что теперь не остается ничего, кроме эвакуации. Войска были погружены ночью 3 мая и уже находились далеко в открытом море, когда на заре их заметили германские разведывательные самолеты. С 8 часов утра до 3 часов дня вражеские бомбардировщики, волна за волной, атаковали военные корабли и транспорты. К счастью, не было попаданий ни в один из транспортов, хотя английские самолеты не могли защитить конвой. Французский эсминец «Бизон» и английский эсминец «Афридн», на которых находились наши арьергардные части, «были потоплены, сражаясь до конца».

* * *

Иные невзгоды выпали на долю наших войск, высадившихся в Ондальснесе; но здесь мы по крайней мере нанесли урон

противнику. В ответ на настойчивые призывы норвежского главнокомандующего генерала Руге 148-я пехотная бригада бригадного генерала Моргана поспешно продвинулась вперед, вплоть до самого Лиллехаммера. Здесь она соединилась с измученными, потрепанными норвежскими войсками, которых немцы превосходящими силами трех полностью укомплектованных дивизий гнали перед собой по шоссе и железной дороге из Осло к Домбосу и Тронхейму. Завязались бои. Судно, на котором находились транспортные средства бригадного генерала Моргана, а также вся артиллерия и минометы, было потоплено. Но молодые солдаты его территориальных войск с их винтовками и пулеметами прекрасно сражались против германских авангардов, вооруженных не только гаубицами калибра 5,9 дюйма, но также многочисленными тяжелыми минометами и несколькими танками. 24 апреля головной батальон 15-й бригады, прибывший из Франции, достиг развалившегося фронта. Генерал Паже, командовавший этими регулярными войсками, узнал от генерала Руге, что норвежские войска истощены и не могут больше вести боевые действия, пока не отдохнут как следует и не перевооружатся. Поэтому он принял на себя командование, ввел остальную часть бригады в действие, как только она прибыла, и решительно завязал бои с немцами. Умело используя железную дорогу, которая, к счастью, осталась неповрежденной, он вывел из боя свои части, бригаду Моргана, потерявшую семьсот человек, и некоторые норвежские подразделения.

После пяти арьергардных сражений, во время которых немцы понесли значительные потери, и пройдя с боями более ста миль, эти войска снова достигли моря у Ондальснеса. Это небольшое местечко, подобно Намсусу, бомбардировкой было стерто с лица земли; но ночью 1 мая 15-я бригада с остатками 148-й бригады Моргана была принята на борт английскими крейсерами и эсминцами и прибыла на родину без дальнейших помех.

Чтобы возможно дольше задержать продвижение противника на север к Нарвику, мы посылали теперь в Мосойен на сто миль севернее по побережью специальные роты, сформированные по образцу частей, которые впоследствии получили название «коммандос». Ими командовал инициативный офицер полковник Габбинс. Я очень хотел, чтобы небольшая часть отряда из Намсуса на автомашинах отправилась дальше по прибрежной дороге в Гронг. Даже двухсот солдат было бы достаточно для небольших арьергардных боев. Из Гронга они могли бы пройти пешком в Мосойен. Я надеялся таким образом выиграть время, дав тем самым Габбинсу возможность закрепиться, чтобы сдержать те небольшие силы, которые противник мог пока что послать туда. Меня неоднократно заве-

ряли, что дорога непроходима. Генерал Масси посылал из Лондона настойчивые запросы. Ему отвечали, что даже небольшая группа французских альпийских стрелков не могла бы на лыжах пройти этим маршрутом. «Было очевидным, — писал несколько дней спустя генерал Масси в своем донесении, — что, если французские альпийские стрелки не могли отступить по этой дороге, немцы не смогут наступать по ней... Это оказалось ошибкой, поскольку с тех пор немцы всячески использовали ее и продвигались по ней так быстро, что у наших войск в Мосойене даже не оказалось времени должным образом закрепиться, и, вероятнее всего, мы не сможем удержать этот пункт». Это оказалось верно. Эсминец «Джэнес» доставил туда кружным путем по морю сто альпийских стрелков и две легкие зенитные пушки, но они снова оставили его еще до прибытия немцев.

* * *

Мы уже проследили развитие норвежской кампании до того момента, когда ее оттеснили на задний план колоссальные события. Превосходство немцев в замысле, руководстве и энергии было несомненным. Они неуклонно выполняли тщательно разработанный план действий. Они блестяще постигли широкое и всестороннее применение авиации. Кроме того, их индивидуальные качества были несомненно выше, в особенности когда они действовали небольшими группами. В Нарвике поспешно сформированный германский отряд, едва насчитывавший шесть тысяч человек, шесть недель сдерживал в бухте около 20 тысяч солдат союзников и, даже будучи вытесненным из города, дождался их ухода. Штурм Нарвика, столь блестяще начатый военно-морским флотом, был парализован отказом армейского командующего пойти на явно отчаянный риск. Распыление наших сил между Нарвиком и Тронхеймом повредило обоим планам. Отказ от фронтальной атаки Тронхейма свидетельствовал о нерешительности английского высшего командования; за это ответственны не только специалисты, но и политические руководители, с такой легкостью уступившие их совету. В Намсусе мы бессмысленно топтались на месте. Лишь в Ондальснесе мы нанесли удар. Немцы прошли за семь дней дорогу из Намсуса в Мосойен, которую англичане и французы объявили непроходимой. В Будё и Мо, во время отступления отряда Габбинса на север, мы приходили слишком поздно, и противник, хотя он должен был преодолеть сотни миль по пересеченной, занесенной снегом местности, теснил нас назад, несмотря на ряд эпизодических успешных боев.

Нас, которые имели превосходство на море и могли высадиться в любом месте на незащищенном побережье, превзошел

противник, преодолевавший по суше большие расстояния, невзирая ни на какие препятствия. В этой норвежской схватке наши превосходные войска — шотландская и ирландская гвардия — были разбиты гитлеровской молодежью благодаря ее энергии, инициативе и военной подготовке.

Повинуясь долгу, мы, не щадя сил, старались закрепиться в Норвегии.

Мы считали, что судьба очень жестоко обошлась с нами. Теперь мы видим, что дело было вовсе не в этом. А пока нам оставалось утешаться лишь рядом успешных эвакуаций. Неудача в Тронхейме! Тупик в Нарвике! Таковы были в первую неделю мая единственные результаты, которые могли видеть английский народ, наши союзники и весь нейтральный — дружественный и враждебный — мир. Учитывая видную роль, которую я играл в этих событиях, и невозможность разъяснить погубившие нас трудности или же недостатки нашей штабной и правительственной организации, равно как и наших методов ведения войны, было поистине чудом, что я удержался и сохранил уважение общественности и доверие парламента. Это объяснялось тем, что в течение шести-семи лет я правильно предсказывал ход событий и выступал с бесконечными, оставленными тогда без внимания предостережениями, о которых сейчас вспомнили.

* * *

Нападением Гитлера на Норвегию закончились «сумерки войны».

Она разгорелась ослепительным пламенем такого страшного военного взрыва, какого еще не знало человечество. Я охарактеризовал состояние транса, в котором пребывали восемь месяцев Франция и Англия, когда весь мир недоумевал. Эта фаза оказалась самой вредной для союзников. Моральное состояние Франции, ее солдат и народа стало теперь, в мае, определенно хуже, чем в начале войны.

Ничего подобного не произошло в Англии. Тем не менее мы все еще оставались однопартийным правительством, возглавлявшимся премьер-министром, от которого оппозиция была враждебно отдалена и которое не получало активной и позитивной помощи тред-юнионов.

Невозмутимый, искренний, но косный характер правительства не мог вызвать тех энергичных усилий ни в правительственных кругах, ни на военных заводах, которые были жизненной необходимостью. Нужен был удар катастрофы и приближение опасности, чтобы дремлющие силы английского народа пробудились. Набат должен был вот-вот грянуть.

Глава шестнадцатая

НОРВЕГИЯ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФАЗА

В нарушение хронологии имеет смысл рассказать, как закончился норвежский эпизод.

После 16 апреля лорд Корк был вынужден отказаться от немедленного штурма Нарвика. Трехчасовой обстрел, предпринятый 24 апреля линкором «Уорспайт» и тремя крейсерами, не смог выбить гарнизон из города. Я попросил начальника военно-морского штаба договориться о замене «Уорспайта» менее ценным, но не менее полезным для обстрела линкором «Резолюшн». Тем временем прибытие французских и польских войск и, в еще большей мере, начавшаяся оттепель побудили лорда Корка поторопиться со штурмом города. Новый план состоял в том, чтобы высадиться в северной части фиорда за Нарвиком, а затем атаковать Нарвик через Румбакс-фиорд. 24-я гвардейская бригада была оттянута, чтобы сдержать наступление немцев из Тронхейма; но к началу мая в наличии имелось три батальона альпийских стрелков, два батальона французского иностранного легиона, четыре польских батальона и норвежский отряд, численностью примерно в три с половиной тысячи человек. Противник, со своей стороны, получил подкрепления от 3-й горной дивизии, которые были либо переброшены на самолетах из Южной Норвегии, либо перевезены тайком по железной дороге из Швеции.

Первая высадка была произведена под руководством генерала Макэзи в Бьерквике в ночь на 13 мая с очень небольшими потерями. Генерал Окинлек, которого я направил командовать всеми войсками в Северной Норвегии, присутствовал при высадке и принял командование на следующий день. Он получил инструкции не допустить поставки немцам железной руды и оборонять опорный пункт в Норвегии. Новый английский командующий, естественно, попросил очень больших подкреплений, чтобы довести численность своих войск до 17 батальонов, 200 тяжелых и легких зенитных орудий и четырех авиаэскадрилий. Но его требования можно было пообещать удовлетворить лишь наполовину.

С этого времени главенствующую роль стали играть события колоссального значения. 24 мая в обстановке кризиса, вызванного сокрушительным поражением, было почти единогласно решено, что мы должны сосредоточить во Франции и у себя на родине все, что имеем. Однако Нарвик нужно было захватить, чтобы разрушить порт и прикрыть наш отход. Главный удар на Нарвик через Румбакс-фиорд начался 27 мая. В нем участвовало два батальона иностранного легиона и один норвежский батальон под руководством опытного генерала Бе-

туара. Операция увенчалась полным успехом. Высадка прошла практически без потерь, а контратака противника была отбита. 28 мая Нарвик был взят. Немцы, столь долго сопротивлявшиеся силам, превосходившим их в четыре раза, отступили в горы, оставив в наших руках четыреста пленных.

Теперь же приходилось отказаться от всего, чего мы достигли ценой столь тяжких усилий. Отступление было само по себе значительной операцией, возлагавшей тяжелую задачу на флот, силы которого и так были полностью напряжены сражениями в Норвегии, в Ла-Манше и Ирландском море. Над нами нависла угроза Дюнкерка, и все наличные легкие силы были оттянуты на юг. Линейный флот следовало держать в состоянии готовности для сопротивления вторжению. Многие крейсера и эсминцы уже были посланы на юг, чтобы предотвратить вторжение. В Скапа-Флоу главнокомандующий имел в своем распоряжении крупные линейные корабли: «Родней», «Вэлиент», «Ринаун» и «Рипалс». Они находились здесь на случай возникновения непредвиденных обстоятельств.

В Нарвике эвакуация шла полным ходом, и к 8 июня все войска — французские и английские, — насчитывавшие 24 тысячи человек, вместе с большим количеством воинского снаряжения и вооружения были погружены и отчалили тремя конвоями, не встретив никаких препятствий со стороны противника, войска которого на побережье составляли теперь несколько тысяч солдат, рассеянных, дезорганизованных, но победоносных. В эти последние дни надежную защиту от германской авиации обеспечивали не только военно-морская авиация, но и базировавшаяся на береговых базах эскадрилья «харрикейнов». Конвои, вышедшие из Нарвика, благополучно прибыли к месту назначения, и английская кампания в Норвегии закончилась.

* * *

Из всех этих катастроф и замешательства вытекал один важный факт, потенциально затрагивавший весь дальнейший ход войны. В отчаянной схватке с английским военно-морским флотом немцы уничтожили собственный флот, который был им нужен для предстоящих решающих столкновений. Во всех морских сражениях у побережья Норвегии союзники потеряли один авианосец, два крейсера, один корвет и девять эсминцев. Шесть крейсеров, два корвета и восемь эсминцев были выведены из строя, но их можно было отремонтировать. С другой стороны, к концу июня 1940 года — знаменательная дата — действующий германский флот имел не более *одного крейсера, вооруженного восьмидюймовыми орудиями, два легких крейсера и четыре эсминца.* Хотя многие из их поврежден-

ных кораблей можно было, подобно нашим, отремонтировать, германский военно-морской флот уже не был фактором в решении важнейшей задачи — задачи вторжения в Англию.

Глава семнадцатая

ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Многочисленные разочарования и бедствия, постигшие нас за время непродолжительной кампании в Норвегии, вызвали сильное смятение в самой Англии, и страсти бушевали даже в сердцах тех, кто в предвоенные годы отличался крайней апатией и слепотой. Оппозиция требовала прений о военном положении, и они были назначены на 7 мая. Палата общин была заполнена депутатами, находившимися в состоянии крайнего раздражения и уныния. Вступительное заявление Чемберлена не смогло сдержать враждебности. Его насмешливо прерывали и напоминали о его речи 5 апреля, когда в совершенно иной связи он неосторожно сказал: «Гитлер упустил возможность». Он охарактеризовал мое новое положение и мои взаимоотношения с начальниками штабов. Отвечая Герберту Моррисону, он разъяснил, что я не располагал этими полномочиями в период норвежских операций. Один оратор за другим с обеих сторон палаты с небывалым ожесточением и горячностью под аплодисменты, раздававшиеся отовсюду, нападали на правительство и в особенности на его главу.

На второй день, 8 мая, прения продолжались, несмотря на решение прекратить их, и приняли характер выражения недоверия. Герберт Моррисон от имени оппозиции потребовал голосования. Премьер-министр снова поднялся, принял вызов и весьма неубедительно призвал своих друзей поддержать его. Он имел право на это, так как эти друзья поддерживали его действия, равно как и бездействие, а следовательно, разделяли ответственность с ним в предвоенные годы. Но сейчас они сидели смущенные и молчаливые, и некоторые из них примкнули к враждебной демонстрации. Этот день был днем последнего решительного выступления Ллойд Джорджа в палате общин. В речи, длившейся не более двадцати минут, он нанес сокрушительный удар главе правительства. Он пытался выгородить меня: «Я не думаю, чтобы военно-морской министр был целиком и полностью виновен во всем происшедшем в Норвегии». Я немедленно возразил: «Я беру на себя полную ответственность за все действия военно-морского министерства и всецело готов разделить бремя». Предупредив меня, что не следует позволять, чтобы меня превращали в своего рода бомбоубежище для защиты моих коллег от осколков, Ллойд

Джордж ополчился на Чемберлена: «Дело не в том, кто друзья премьер-министра. Дело значительно серьезнее». Он призывал к жертвам. Страна готова на любые жертвы, пока она имеет руководство, пока правительство ясно показывает, какова его цель, и пока страна уверена в том, что те, кто руководят ею, делают все необходимое, не щадя сил. «Я торжественно заявляю, — сказал он в заключение, — что премьер-министр должен подать пример самопожертвования, ибо ничто другое не будет больше способствовать победе в этой войне, как его уход с поста премьер-министра».

Как министры, мы все были единодушны. Военный министр и министр авиации уже выступали. Я добровольно вызвался выступить в заключение прений, что было лишь моим долгом не только из лояльности к руководителю, под началом которого я служил, но также ввиду той исключительно важной роли, которую я сыграл в использовании наших недостаточных сил во время отчаянной попытки прийти на помощь Норвегии. Я сделал все, чтобы вернуть правительству контроль над палатой, несмотря на непрерывные реплики, раздававшиеся главным образом со скамей лейбористской оппозиции. Я сделал это с легким сердцем, помня об их ошибочном и опасном пацифизме в былые годы и о том, как лишь за четыре месяца до начала войны они сплоченно голосовали против воинской повинности. Я считал, что я и немногие поддержавшие меня друзья, но отнюдь не лейбористы, имели право на такую критику. Когда они обрушились на меня, я парировал их удар и бросил им вызов. Порой поднимался такой шум, что моих слов даже не было слышно. И все же все время было ясно, что их гнев направлен не против меня, а против премьер-министра, которого я защищал всеми силами, не считаясь ни с какими другими соображениями. В 11 часов, когда я сел на место, палата проголосовала. Правительство получило большинство в 81 голос, но более 50 консерваторов голосовали вместе с лейбористской и либеральной оппозициями. И можно было не сомневаться, что по существу, если не формально, и прения, и голосование были яркой демонстрацией отсутствия доверия к Чемберлену и его правительству.

По окончании прений он попросил меня зайти к нему, и я тотчас же понял, что он очень серьезно воспринял отношение палаты к нему. Он считал, что так продолжаться не может. Должно быть создано национальное правительство. Одной партии не под силу нести бремя. Кто-то должен сформировать такое правительство, в котором были бы представлены все партии, ибо в противном случае мы не справимся с нашими задачами. Взволнованный враждебным характером прений и будучи уверен в правильности моих действий в прошлом в поставленных на карту вопросах, я твердо решил продолжать

борьбу. «Это были трудные прения, но вы получили значительное большинство. Не принимайте это близко к сердцу. В отношении Норвегии у нас больше оправданий, чем это можно было сообщить палате. Укрепляйте ваше правительство представителями всех партий, и будем действовать дальше, пока наше большинство не покинет нас». Так я говорил. Но это не убедило и не утешило Чемберлена, и я покинул его около полуночи, уверенный, что он будет упорствовать в своей решимости принести себя в жертву, если нет другого пути, но не станет пытаться продолжать войну при наличии однопартийного правительства.

Я не помню точно, как развивались события утром 9 мая, но произошло следующее. Министр авиации сэр Кингсли Вуд был очень близок с премьер-министром как коллега и друг. Они долго работали вместе и полностью доверяли друг другу. От него я узнал что Чемберлен решился на сформирование национального правительства и, если он не сможет сам возглавить его, он уступит свой пост любому, пользующемуся его доверием и способному это сделать. Итак, днем я уже знал, что, возможно, мне предложат возглавить правительство. Эта перспектива не взволновала и не встревожила меня. Я считал это во многих отношениях наилучшим вариантом. Я предоставил события своему течению. Во второй половине дня премьер-министр вызвал меня на Даунинг-стрит, где я застал лорда Галифакса. После того как мы обсудили общее положение, нам сказали, что Эттли и Гринвуд прибудут через несколько минут на консультацию.

Когда они пришли, мы, трое министров, сели по одну сторону стола, а лидеры оппозиции — по другую. Чемберлен заявил, что настоятельно необходимо сформировать национальное правительство, и хотел бы знать, согласится ли лейбористская партия стать под руководство Чемберлена. В это время в Борнемуте проходила конференция лейбористской партии. Беседа шла в самом вежливом тоне, но было ясно, что лейбористские лидеры не дадут никаких обязательств, не проконсультировавшись со своими, и они недвусмысленно намекнули, что, по их мнению, ответ будет неблагоприятным. Затем они ушли. Был яркий, солнечный день, и мы с лордом Галифаксом посидели некоторое время на скамейке в саду дома номер 10, не говоря ни о чем определенном. Затем я вернулся в военно-морское министерство, где был очень занят весь вечер и большую часть ночи.

* * *

Наступило утро 10 мая, а вместе с ним пришли важнейшие известия. Из военного министерства, военно-морского мини-

стерства и министерства иностранных дел сыпались пачки телеграмм. Немцы нанесли давно ожидавшийся удар. Голландия и Бельгия подверглись вторжению. Противник пересек их границы во многих местах. Началось вторжение германской армии во Францию.

Примерно в 10 часов утра меня навестил сэр Кингсли Вуд, прибывший прямо от премьер-министра. Он сказал мне, что Чемберлен склонен считать, что настигшая нас великая битва заставляет его оставаться на своем посту. Кингсли Вуд сказал ему, напротив, что новый кризис усиливает необходимость сформирования национального правительства, ибо только оно одно могло бы противостоять кризису. Чемберлен, добавил он, согласился с этим. В 11 часов премьер-министр снова вызвал меня на Даунинг-стрит. Там я опять встретил лорда Галифакса. Мы сели за стол напротив Чемберлена. Он сказал нам, что, по его мнению, он не в силах сформировать национальное правительство. Ответ, который он получил от лейбористских лидеров, не оставил у него сомнений на этот счет. Поэтому встал вопрос, кого он должен рекомендовать королю после того, как будет принята его отставка. Он держался хладнокровно, невозмутимо и как бы вполне отрешившись от личной стороны дела.

За годы моей общественной деятельности у меня бывало немало важных свиданий, но это было, несомненно, самым важным. Обычно я много говорю, но на этот раз я молчал. Чемберлен явно имел в виду бурную сцену, разыгравшуюся в палате общин за два дня до этого, когда я, кажется, вступил в столь горячий спор с лейбористской партией. Хотя я сделал это, чтобы поддержать и защитить его, он тем не менее понимал, что это может помешать лейбористам поддержать меня при данных условиях. Я не помню точно его слов, но именно таков был их смысл. Его биограф Фейлинг определенно заявляет, что он предпочитал лорда Галифакса. Поскольку я продолжал молчать, последовала длительная пауза. Она, несомненно, показалась мне более долгой, чем двухминутное молчание во время празднования дня перемирия. Затем заговорил Галифакс. Он сказал, что, по его мнению, положение пэра и не члена палаты общин затруднит ему выполнение обязанностей премьер-министра в такой войне, как эта. Он нес бы ответственность за все, но не имел бы возможности руководить парламентом, от доверия которого зависит каждое правительство. Он говорил в таком духе несколько минут, и к концу стало ясно, что этот жребий выпадет и уже фактически выпал — мне. Тут я впервые заговорил. Я сказал, что не буду вступать в переговоры ни с одной из оппозиционных партий, пока король не поручит мне сформировать правительство. На этом важная беседа закончилась, и мы вновь обрели

обычные и простые манеры близких людей, которые много лет проработали вместе и чья жизнь на служебном поприще и вне его отмечена дружелюбием, присущим английской политике. Затем я вернулся в военно-морское министерство, где, как вполне можно себе представить, меня ждало много дел.

В моем кабинете находились голландские министры. Осунувшиеся и измученные, с выражением ужаса в глазах, они только что прилетели из Амстердама. Их страна подверглась нападению без малейшего предлога или предостережения. Лавина огня и стали ринулась через границы, и, когда вспыхнуло сопротивление и голландские пограничники открыли огонь, был произведен сокрушительный авиационный налет. Вся страна была охвачена страшным смятением. Был пущен в ход давно подготовленный план обороны; были открыты плотины, и вода хлынула по всем направлениям. Но немцы уже пересекли внешние линии и устремились через дамбу Зюйдерзее. Не можем ли мы что-либо сделать, чтобы помешать этому? К счастью, неподалеку находилась наша флотилия, получившая немедленный приказ открыть огонь по дамбе и нанести возможно больший урон наступавшим захватчикам. Королева все еще находилась в Голландии, но вряд ли она могла оставаться там долго.

В результате этих переговоров военно-морское министерство отдало много приказов всем нашим кораблям, находившимся по соседству, и были установлены тесные отношения с голландским королевским военно-морским флотом. Даже имея перед глазами пример недавно захваченных Норвегии и Дании, голландские министры, казалось, не в состоянии были понять, каким образом великая германская нация, которая еще за день до этого не говорила ни о чем, кроме дружбы, и была обязана в силу договора уважать нейтралитет Голландии, который так строго соблюдался, внезапно совершила это ужасное и зверское нападение. В этих разговорах и других делах прошли час или два. Множество телеграмм поступало со всех границ, затронутых продвижением германских армий. Казалось, что осуществление современного варианта старого плана Шлиффена, расширенного за счет включения голландской операции, было в полном разгаре. В 1914 году правый фланг германского вторжения ударил по Бельгии, но остановился неподалеку от Голландии. Тогда было хорошо известно, что, если бы эта война была оттянута на три-четыре года, была бы создана немцами еще одна группа армий и приспособлены железнодорожные станции и коммуникации для движения через Голландию. Теперь же это знаменитое движение началось при наличии всех упомянутых условий и всех атрибутов внезапного, предательского наступления. Но впереди были другие события. Решающий удар противника мыслился не в форме

обходных движений с фланга, а в форме прорыва главного фронта.

Этого не предвидел никто из нас и никто из французов, занимавших ответственные командные посты. В начале года в опубликованном интервью я предостерегал эти нейтральные страны о судьбе, которая грозила постигнуть их, о чем свидетельствовало расположение войск и строительство шоссе и железных дорог, а также захваченные германские планы. Мои слова вызвали лишь недовольство.

На фоне этой колоссальной сокрушительной битвы поблекли и отступили на задний план спокойные беседы, которые мы вели на Даунинг-стрит. Однако я вспоминаю, как мне сказали, что Чемберлен пошел или собирается пойти к королю, и этого, естественно, следовало ожидать. Затем меня вызвали во дворец к шести часам. От военно-морского министерства до дворца всего две минуты езды. Хотя, как я и предполагал, вечерние газеты были полны ужасающих известий с континента, о правительственном кризисе не упоминалось. Народ еще не успел осознать, что происходит за границей и в нашей стране, а поэтому у дворцовых ворот еще не было толпы.

Меня немедленно провели к королю. Его величество принял меня весьма любезно и пригласил сесть. Несколько мгновений он смотрел на меня испытующе и лукаво, а затем сказал: «Полагаю, вам не известно, зачем я послал за вами?» Применяясь к его тону, я ответил: «Сир, я просто ума не приложу зачем». Он засмеялся и сказал: «Я хочу просить вас сформировать правительство». Я ответил, что, конечно, сделаю это.

Король не поставил никаких условий относительно того, должно ли правительство быть национальным по своему характеру, и я понял, что официально никак не связан в этом вопросе. Но ввиду всего происшедшего и событий, приведших к отставке Чемберлена, положение явно требовало сформирования национального правительства. Если окажется невозможным прийти к соглашению с оппозиционными партиями, конституционно не было препятствий к созданию возможно более сильного правительства из всех, кто готов поддержать страну в час опасности при условии, что такое правительство сможет завоевать большинство в палате общин. Я сказал королю, что немедленно пошлю за лидерами лейбористской и либеральной партий, что предполагаю создать военный кабинет из пяти или шести министров и надеюсь сообщить ему до полуночи по крайней мере пять имен. На этом моя аудиенция закончилась, и я возвратился в военно-морское министерство.

Между семью и восемью часами меня посетил по моей просьбе Эттли. Он привел с собой Гринвуда. Я сказал ему, что мне поручено сформировать правительство, и спросил,

присоединится ли лейбористская партия. Они ответили утвердительно. Я предложил им несколько больше трети мест, два места из пяти или, быть может, из шести в военном кабинете и попросил Эттли представить мне список, чтобы мы могли немедленно обсудить распределение конкретных постов. Я упомянул о Бевине, Александере, Моррисоне и Дальтоне как о людях, чьи услуги требовались незамедлительно на высоких постах. Я, конечно, с давних пор знал Эттли и Гринвуда по палате общин. В течение одиннадцати лет до войны, занимая более или менее независимую позицию, я гораздо чаще приходил в столкновение с консервативными и национальными правительствами, чем с лейбористской и либеральной оппозициями. Мы приятно побеседовали некоторое время, и они ушли, чтобы связаться по телефону со своими друзьями и сторонниками в Борнемуте, с которыми они, несомненно, поддерживали тесный контакт в предшествующие 48 часов.

Я предложил Чемберлену возглавить палату общин в роли лорда—председателя совета. Он ответил по телефону, что принимает предложение, и сообщил, что в тот же вечер, в 9 часов, выступит по радио с заявлением о своей отставке и с призывом поддержать его преемника и помочь ему. Все это он сказал в самых великодушных выражениях. Я попросил лорда Галифакса стать членом военного кабинета, сохраняя одновременно пост министра иностранных дел. Примерно в 10 часов я послал королю список пяти фамилий, как обещал. Было крайне необходимо назначить трех военных министров. Я уже решил, кого назначить. Иден должен бы получить военное министерство; Александер — военно-морское министерство и лидер либеральной партии Арчибальд Синклер — министерство авиации. В то же время я брал себе портфель министра обороны, не пытаясь, однако, определить масштабы его полномочий.

Таким образом, вечером 10 мая в начале этой колоссальной битвы я был облечен величайшей властью в государстве, которым я с тех пор и управлял во все большей мере в течение пяти лет и трех месяцев, пока шла мировая война. В конце войны, когда все наши враги безоговорочно капитулировали или собирались это сделать, я был немедленно отстранен английскими избирателями от всякого дальнейшего ведения их дел.

В эти последние, насыщенные событиями дни политического кризиса мой пульс бился все так же ровно. Я воспринимал все события такими, какими они были. Но я не могу скрыть от читателя этого правдивого рассказа, что, когда я около трех часов утра улегся в постель, я испытал чувство большого облегчения. Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником

судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию. Одиннадцать лет политической жизни, когда я был не у дел, избавили меня от обычного партийного антагонизма. Мои предостережения на протяжении последних шести лет были столь многочисленны, столь подробны и так ужасно подтвердились, что теперь никто не мог возразить мне. Меня нельзя было упрекнуть ни в развязывании войны, ни в нежелании подготовить все необходимое на случай войны. Я считал, что знаю очень много обо всем, и был уверен, что не провалюсь. Поэтому, с нетерпением ожидая утра, я тем не менее спал спокойным, глубоким сном и не нуждался в ободряющих сновидениях. Действительность лучше сновидений.

Абернон 185
Айронсайд 218, 297, 306
Александер А. В. 327
Андерсон 201
Барту 65
Бевин 81, 327
Бек 159, 164
Бела Кун 17
Бенеш 135—136, 143, 145, 147, 151, 185
Берни-Фиклин 304
Бетуар 320
Бисмарк 10
Бломберг 51, 120
Блэгров 240
Блюм 106, 132
Болдуин 20, 39, 41, 48, 58—59, 63, 66—67, 75, 81, 83—85, 87, 89, 99—101, 103—104, 109, 201, 246
Боннэ 132, 139—140, 142
Брюнинг 39
Буллит К. 95
Бухарин 136
Вайцзекер 171, 172
Ванситтарт 112
Вейган 185
Виарт 303, 306, 315
Вильсон Вудро 9, 15—16
Вильсон Горас 146—147
Ворошилов 186—187, 216, 217
Вуд 184, 201, 323—324
Вышинский 136
Габбинс 316—317
Галифакс 103, 113—114, 118, 129, 137—139, 148—149, 159, 201, 323—324, 327
Гальдер 132, 156
Гамелен 182, 217, 233, 236—237, 248, 270, 301
Ганфштенгль 45
Гаусс 188
Гаха 155
Геббельс 40, 52, 173, 271
Гендерсон 133
Генлейн 133, 137, 140—141
Георг V 89
Георг VI 99, 136
Геринг 34, 40, 52—53, 66, 113, 125, 132, 137, 165—166, 173, 191, 270
Гесс 34
Гиммлер 51, 55, 135, 173
Гинденбург 14, 20—21, 37—40, 52, 55
Гитлер (по всей книге)
Голль Шарль де 230
Гранди 110, 118
Гринвуд 195, 323, 326—327
Гугенберг 40
Гудолл 224
Даладье 105—107, 132, 136, 140, 142, 147—148, 234, 236, 271, 277—279, 283, 291
Дальтон 327
Дарлан 291, 312
Даудинг 76
Делькассе 10
Джонс Мейкиг 207
Дольфус 48—50, 54—56, 95, 121
Дрэкс 186
Думенк 186
Жиро 237
Зейсс-Инкварт 118, 123, 125
Зиновьев 136
Иден 51, 61, 63—64, 67, 79, 86, 89—90, 94, 109—114, 116, 118, 133, 160, 167, 177, 185, 194, 201, 327
Инскип 38, 103—104, 161
Исмей 307, 313—315
Йодль 123, 156, 166, 255, 274, 276
Кадоган 127
Канлифф 62, 75
Кар 53
Квислинг 259, 295—296
Кейтель 149—150, 164, 272—274
Кеннеди 242
Клемансо 15
Корк 224, 298—301, 309, 319
Купер Альфред Дафф 153
Кутшеба 214
Лаваль 56, 64—66, 81, 84—86, 89
Лангсдорф 254—256
Лейтон 290
Ленин 260
Лессинг 21
Линдеман 73, 184, 226
Линдсей 115
Литвинов 138—139, 144, 169, 172—174
Ллойд Джордж 14—15, 20—21, 27, 111—112, 114, 177, 220, 321
Лондондерри 61—62, 75
Лотиан 93
Лоу Бонар 20
Людендорф 34
Майский 138, 145, 185
Макдональд Рамсей 20, 39, 41, 43—44, 48, 58, 62—63, 66
Макэзи 297—300, 309, 319
Мандель 279
Маннергейм 261
Маркс 21
Мартини 76

Масси 303, 317
Мерекалов 172
Миклас 54, 125
Молотов 66, 173—175, 181, 187, 216, 234, 260—261, 262
Монтгомери 183
Морган 303, 306, 316
Моррисон Герберт 321, 327
Муссолини 17, 39, 47—50, 55—56, 64—65, 69, 78—81, 83—86, 88, 94, 98, 110—111, 120—122, 124—125, 133, 147—149, 159, 164—166, 266, 279
Наполеон I Бонапарт 96, 121, 177, 295
Нейрат 89—90, 95, 99, 120
Нельсон 3
Нивель 230
Окинлек 319
Паасикиви 260, 278
Папен 39—40, 53, 55, 121, 123
Паунд 197, 224, 243, 246, 266, 292, 298, 312
Пилсудский 66, 169, 185
Пуанкаре 15
Рабенау 28—29
Радек 136
Ратенау 31
Редер 68, 255, 259, 276
Рейно 279—281, 283, 291, 310
Рейт 175
Рем 34, 50—53, 145
Ренсимен 137, 141—142
Риббентроп 101—102, 114, 123, 127, 159, 169, 173, 180, 187—189, 234, 260, 263, 267
Ринтелен 54
Рит 55
Розенберг 34, 259
Руге 296, 316
Рузвельт 3, 8, 115—117, 162, 166, 178, 185, 211, 251
Саймон 39, 44, 61, 63—64, 66, 141, 201
Санхурхо 98
Сарро 90—91
Сект 28—30, 71, 73
Сикорский 312
Синклер Арчибальд 103, 194, 327
Сноуден 39
Солсбери 103
Спирс 182
Сталин 3, 64, 66, 135—136, 145, 171—175, 185—189, 216, 260
Стрэнг 185—187
Сувич 49, 64
Сыровы 145
Тельман 21
Тисо 159
Томпсон 193
Тухачевский 135, 136
Уитворт 294, 298
Уорбэртон 290—291, 293—294
Уотсон-Уотт 75
Уэйк-Уокер 247
Фалькенхорст 273—274, 276
Фейлинг 118, 129, 141, 166, 324
Фиппс 139
Фланден 64, 89—92, 106
Форбс 241, 289—290, 302—305
Фош 11—12, 14—15, 17
Франко 98, 129
Франсуа-Понсе 147
Френч 228
Фрич 120, 126
Хагелин 259
Хамбро 295
Харвуд 253—256
Хор 67, 77, 80, 84—86, 201, 219
Хор-Белиша 201
Хорти 152
Хотблэк 304
Хэнки 201
Чемберлен Остин 39, 94, 103—104, 271
Черчилль Рандольф 138
Чиано 50, 159, 165, 180, 266
Чэтфилд 77, 112, 201, 284
Шамбр 108
Шаронов 216
Шахт 71
Шлейхер 40, 52—53
Шлиффен 325
Шмидт 122—123
Штаремберг 55
Штрассер 50, 52—53
Шуленбург 174, 187, 216
Шушниг 55, 118, 122—125
Эберт 20
Эмери 195
Эрнст 52—53
Эррио 22
Эттли 3, 59, 103, 323, 326—327

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абердин 289
Абиссиния *56*, 63, *65*, 69, 78—88, 110—111, 116, 133
Австрия 47—49, *55—56*, *65*, 78, *95*, 97, 107, 113 117—119, 121—128, 131—132, 134, 136, 153, 159, 162, 168—169, 177
Австро-Венгрия 128
Аддис-Абеба *56*
Адриатика 164
Азия 16
Азорские острова 250
Аксбридж 76
Албания 164—165, 177
Александрия 82
Альберт, канал 237
Амстердам *325*
Антверпен 232, 236—237
Аргентина *65*
Арденны, горы 230
Арктика 253
Атлантический океан (Атлантика) 16, 90, 117, 200, 204, 210, 225, 242, 245, 250—251, 253—254, 259
Аустерлиц 121
Африка *56*, *65*, *235*, *254*
Ахен 233
Бавария 34, 47, *54—55*, 86
Баварские озера *52*
Баку 280
Балканский полуостров (Балканы) 164—165, 219
Балланген-фиорд 291
Балтийское море 199, 210—211, 224, *245*, 256, 258, 264, 274, 282, 290
Балтика *65*, 69, 159, 172, 199, 224—*225*, *259*, 264
Бевеланд, остров 237
Белоруссия 101, 119
Белосток 211
Бельгия 22, 90, 94, 96, 158, 179—180, 182, 222, 229—232, 235—236, 266, 268—270, 276—277, 281, 291—292, 295, 312, 324—*325*
Берген *265*, 278, 281, 286—287, 289—290, 292—293
Берлин 29, 39, 41, 51—*53*, 61, 63—64, 70, 88—90, 98—99, 114, 130, 132—133, 141, 146—147, 159, 162, 165, 174, 180, 185, 191, 199, 259, 273—274, 283
Берхтесгаден 113, 122, 124, 141—142, 146
Бессарабия 221
Бзура, река 214
Бирмингем 99, 161
Бискайский залив 210
Богемия 130, 160, *165*
Боркум, остров 224
Борнемут 323, 327
Ботнический залив *257*, 308
Бремен *52—53*, 288
Бреннер, перевал *55*, 279
Брест 227 245
Брест-Литовск 214—*215*
Британская империя *58*, 97, 101, 200, 234, 238
Британские острова 192, 207
Британское Содружество 7, 101
Будапешт 145
Будё 317
Буковина 145
Бухарест 145
Буэнос-Айрес *255*
Бьерквик 319
Вагс-фиорд 298
Валхерен, остров 237
Варшава 16, 159, 169, 185, 211—*215*, 218, 286
Вашингтон 115—116
Везель 183
Веймар 14
Вена 13, 32, 47, *54—55*, 122, 125—128, 159
Венгрия 16, 49, 145, 152, *155—156*, 163, 221
Венеция 49, *55*, 121
Венсен 236
Вердаль *315*
Верден 10
Версаль 9, 23, 30, 249
Верхняя Силезия 23
Вест-фиорд 286, 289, 291
Вийпури 267, 277
Вильнюс *215*, 217
Висзее *52—53*
Висла, река 188 212—213, *215—216*
Восточная Европа 101, 119, 163, *165*, 167, 169—170, 172, 176, 178, 180—181
Восточная Пруссия 211, 260
Гавр 229
Галифакс *205*
Гамбург 128, 288
Гдыня 210
Гельголанд, остров 31
Гельголандская бухта 199, 274
Германия (по всей книге)
Германская империя 10, 20, 96, 216
Герника 99
Гибралтар 80, *205*, 244

Годесберг 52, 145—146
Голландия 44, 65, 94, 96, 158, 179—180, 231, 235, 237, 268—270, 276, 281, 291, 295, 312, 324—325
Гренландия 245, 250
Греция 165
Гронг 316
Дакар 210, 253
Дальний Восток 46, 116
Данакиль, область 86
Дания 65, 179, 272, 286, 289, 325
Данциг (Гданьск) 23, 57, 113 159, 180, 182, 191, 288
Данцигский коридор 101, 212
Дарданеллы, пролив 224
Датский пролив 250
Дебрецен 145
Джибути 56
Динан 232
Доброй Надежды, мыс 253—254
Домбос 306—307, 316
Дрезден 70
Дувр 75
Дунай, река 44, 128
Дьеп 229
Елливар 272, 307
Женева 42, 72, 79—80, 85, 87, 89, 109, 112, 128, 144, 233
Живе 232, 236
Жэхэ, провинция 46
Закарпатская Украина 160
Зальцбург 47, 123, 125, 159
Западная Белоруссия 216
Западная Украина 216
Зюйдерзее, дамба 325
Индийский океан 245, 251, 254
Индия 239, 254
Инсбрук 48
Ирландское море 205, 320
Исландия 210, 241, 292
Испания 65, 96, 98, 110—111, 118, 122, 129, 133, 203, 275
Италия 86
Итальянское Сомали 56
Йоркшир, графство 93
Канн 111
Карельский перешеек 260—262, 277
Карлсбад 133, 141
Карпаты, горы 145
Кассель 70
Каттегат, пролив 290
Кейтнесс 276
Кельн 269
Кент, графство 8
Киль 258
Кильский канал 199, 258
Кирк-Саунд 275
Китай 46
Клайд, река 288
Кобленц 44, 273
Комин 32
Комо 180
Копенгаген 288
Корнуолл 304
Краков 66, 212
Кристиансанн 287
Лаваль 227
Ла-Манш, пролив 205, 272, 320
Ла-Плата, река 253—256
Ладожское озеро 262
Латвия 172, 181, 186, 188, 238, 260
Лаутер 248
Лафер 236
Ле-Ман 227
Ленинград 260
Ливерпуль 205
Ливия 56
Лиллехаммер 307, 316
Лилль 227
Линц 126, 132
Литва 172, 188, 238, 260
Локарно 22—23, 88
Лофотенские острова 298
Лох-Ю 247
Лувен 232, 236, 257, 264, 281, 307
Львов 212, 215, 217
Люксембург 96, 248
Маас, река 230, 232, 235—236
Мадагаскар, остров 254
Мальта, остров 200
Манчестер 167, 269
Марна, река 12
Марракеш 135
Мексика 65
Мемель (Клайпеда) 159
Мец 228
Милфорд-Хейвен 205
Мо 24, 74, 186, 255, 317
Модлин 215—216
Мозамбикский пролив 254
Мозель, река 228, 249
Монтевидео 255—256
Моравия 165
Москва 64, 66, 89, 95, 138, 169, 172—174, 178, 181, 185—189, 234, 260, 267, 278
Мосойен 316—317
Мукден 46
Мурманск 264
Мюнхен 17, 32—33, 44, 52—53, 117, 125, 131, 141, 147—150, 153, 155, 158, 167, 173, 185—186, 233, 279, 310
Намсус 303—305, 307—308, 310, 315—317
Намюр 232, 236

Нант 228
Нарвик 257—258, 263—265, 267—268, 273, 276, 278, 281, 283, 286—294, 296—301, 303, 306—309, 312—313, 316—320
Нарев, река 188, 213, 216
Нидерланды 44
Нион 112
Ницца 111
Нор 259, 263—265, 272—273
Норвегия 65, 224, 257, 259, 263—265, 267—269, 273—276, 278—279, 281, 286, 288—289, 291—297, 299, 301—302, 304, 308, 310, 313, 318—323, 325
Нюрнберг 131, 140, 191, 273
Огаден, провинция 86
Окселёсунд 258, 264
Оксфордшир, графство 114
Ондальснес 303, 305—308, 310, 315—317
Оркнейские острова 241, 289—290
Осло 259, 286—288, 290, 295—296, 301—302, 306—307, 316
Панама 251
Париж 9—10, 84, 91, 118, 129, 132, 139, 146, 182, 194, 236, 243, 260, 270, 272, 283, 309—310
Пашендейль 132, 230
Пашендейльские болота 183
Пернамбуко 250
Петсамо 260—261, 273
Плимут 205
Польский коридор 23, 191
Польша 16—17, 22—23, 65, 91, 101, 119, 130, 138, 152, 155, 158—160, 162—166, 169—170, 172, 176, 178, 180—183, 185—186, 188—192, 194—195, 202, 210—213, 215, 216 217—219, 221—222, 233—235, 237—239, 267, 286, 295, 310
Полярный круг 256
Померания 32, 211
Портленд 77, 244
Портсмут 77, 247
Португалия 65
Потсдам 40
Прага 130, 133, 135, 137, 141—143, 146, 150, 155, 160, 185
Прибалтийские государства 36, 91, 170, 172, 181, 186, 188—189, 238—239, 260
Пруссия 11, 39—40
Радом 213—214
Реймс 237
Рейн, река 9, 11, 14, 16, 22, 27, 44, 72, 89, 163, 182—183, 248—249, 278—282, 291
Рейнская область 23, 89—95, 97—98, 108, 120, 122, 134, 145, 162, 310
Ривьера 80, 164
Рига 238
Рим 39, 47, 56, 88, 98, 118, 124—125, 149, 162, 165—166
Рио-де-Жанейро 253—254, 286
Росайт 205, 288, 298, 303
Россия 9, 11, 13, 16—17, 23, 36, 88, 99, 101, 110, 115, 131, 134—136, 138—139, 142, 148, 150, 158, 162—164, 169—174, 177—181, 185—186, 189, 217—219, 221, 224, 238, 243, 259—261, 263, 266—267
Росток 283
Румбакс-фиорд 300, 319
Румыния 91, 138—139, 145, 163—164, 167, 169—170, 176, 178, 180—181, 186, 221, 280
Рур 15, 34, 163, 232, 258, 312
Рыбачий, полуостров 260
Саарбрюккен 248
Саарская область 56—57
Сан, река 188 214, 216
Саут-Энд 246
Саутгемптон 298
Свинемюнде 283
Северная Африка 56
Северо-Восточная Европа 165
Северо-Западная Атлантика 253
Сен-Назер 227
Сена, река 229
Сибирь 145
Скагеррак, пролив 288, 290
Скандинавия 199, 224, 259, 283, 292, 307, 313
Скандинавские страны 65, 69, 260, 267
Скапа-Флоу 17, 77, 197, 205—206, 240—241, 275—276, 288—289, 304, 320
Скьель-фиорд 298
Словакия 155, 159—161, 166
Сомали 56
Сомма, река 12 132, 183, 229—230
Ставангер 278, 281, 287, 303—304
Стокгольм 283
Страсбург 183, 248
Стрез 63—64, 79
Судетская область 133, 141—142, 147—148
Суэцкий канал 79, 82
Сьерра-Леоне 244
Таллинн 210
Темза, река 205, 246

Тешин, район 151—152, 155
Тигре, провинция 86
Тринидад, остров 244
Тронхейм 278, 281, 287—290, 296, 299, 301—308, 312, 315—319
Тулон 10
Тунис 56
Турция 65, 167, 266
Уал-Уал, колодец 56
Уик 206, 241
Украина 101
Уругвай 255
Усун, залив 46
Фарерские острова 241, 292
Фекан 229
Финляндия 164, 170, 181, 186, 188, 260—263, 265, 267—268, 272—273, 277—279
Финский залив 260—261
Фолклендские острова 254
Форт 205, 247
Французская империя 96
Фризские острова 224
Фритаун 205, 253—254
Фёрт-оф-Форт 240
Халхин-Гол, река 188
Хамар 296
Хамбер, Хамбер, река 274
Ханко, полуостров 260
Харстад 297—298
Хатстон 290
Хельсинки 261, 267
Херьянгс-фиорд 291
Хестон 149, 168
Хиннои, остров 298
Хиросима 19
Центральная Германия 233
Центральная Европа 9, 17, 78, 95, 101, 130, 133, 157, 164, 170, 181
Центральная Норвегия 301, 303, 307—308, 311—312
Чартуэлл 8, 118, 137, 185, 246
Черновцы 145
Черное море 143, 172, 218, 221
Чехословакия 17, 22, 65, 91—92, 95, 113 121, 128—139, 141—145, 147—163, 165, 168—169, 171, 179, 185—187, 233—234
Чили 65
Шанхай 46
Швейцария 84, 179, 183, 235
Швеция 65, 224, 259, 263, 265, 267—269, 272—273, 278—281, 299, 301, 307—308, 319
Шельда, река 232, 236—237
Шербур 227
Шотландия 205, 207, 210, 245
Штеттин 283, 288
Эдинбург 304
Эмден 208
Эна, река 246
Эппинг, округ 84
Эр 81
Эстония 172, 181, 186, 188, 238, 260
Эфиопия 78, 82, 85, 88
Эфиопская империя 56
Юго-Восточная Европа 13, 47, 56, 78, 121, 128, 218
Югославия 91, 113, 128, 165
Южная Америка 253
Южная Атлантика 245, 253
Южная Африка 251
Южная Норвегия 265, 296, 319
Япония 16, 46—47, 83, 115—116, 175, 180, 224

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 7

Часть первая
ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ (1919—1939 гг.)

Глава первая. Безрассудство победителей 9
Глава вторая. Мир в своем зените (1922—1931 гг.) 20
Глава третья. Подстерегающая опасность 24
Глава четвертая. Адольф Гитлер 32
Глава пятая. Годы нашествия саранчи (1931—1935 гг.) 38
Глава шестая. Атмосфера сгущается (1934 г.) 47
Глава седьмая. Равенство в воздухе утрачено (1934—1935 гг.) 57
Глава восьмая. Вызов и реакция на него (1935 г.) 62
Глава девятая. Воздушные и морские проблемы (1935—1939 гг.) . . . 73
Глава десятая. Санкции против Италии (1935 г.) 78
Глава одиннадцатая. Гитлер наносит удар (1936 г.) 87
Глава двенадцатая. Напряженная пауза — Испания (1936—1937 гг.) . 96
Глава тринадцатая. Вооруженная Германия (1936—1938 гг.) 102
Глава четырнадцатая. Иден в министерстве иностранных дел. Его отставка 109
Глава пятнадцатая. Захват Австрии (Февраль 1938 г.) 119
Глава шестнадцатая. Чехословакия 131
Глава семнадцатая. Мюнхенская трагедия 140
Глава восемнадцатая. Мюнхенская зима 151
Глава девятнадцатая. Прага, Албания и польская гарантия (Январь—апрель 1939 г.) г.) 158
Глава двадцатая. Советская загадка 167
Глава двадцать первая. Накануне 182

Часть вторая
СУМЕРКИ ВОЙНЫ
(3 сентября 1939 года — 10 мая 1940 года)

Глава первая. Война 194
Глава вторая. Задача военно-морского министерства 202
Глава третья. Гибель Польши 211
Глава четвертая. Проблемы военного кабинета 218
Глава пятая. Французский фронт 227
Глава шестая. Борьба обостряется 237
Глава седьмая. Магнитная мина (Ноябрь—декабрь 1939 г.) 243
Глава восьмая. Бой у реки Ла-Плата 249
Глава девятая. Скандинавия, Финляндия 256
Глава десятая. Мрачный Новый год 265
Глава одиннадцатая. Перед бурей (Март 1940 г.) 275
Глава двенадцатая. Столкновение на море (Апрель 1940 г.) 284
Глава тринадцатая. Нарвик 294
Глава четырнадцатая. Тронхейм 301
Глава пятнадцатая. Неудачи в Норвегии 309
Глава шестнадцатая. Норвегия. Заключительная фаза 319
Глава семнадцатая. Падение правительства 321

Указатель имен 329
Указатель географических названий 331

Уинстон Спенсер Черчилль

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В шести томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

Редактор *В. Третьякова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г. Подписано в печать 04.12.97 г. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,85. Цена 22 000 р. (С 01.01.98 г. цена 22 р.). Цена для членов клуба 20 000 р. (С 01.01.98 г. цена для членов клуба 20 р.).

Издательский центр «ТЕРРА». 113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет». 141700, Московская обл., г. Долгопрудный, ул. Первомайская, 21.

WINSTON CHURCHILL

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) – государственный, политический и военный деятель Великобритании, лидер консервативной партии в 1940 -1955 годах.

В 1911 -1915 годах–первый лорд адмиралтейства (военно -морской министр).

В 1917-1919 годах –министр военного снабжения.

В 1919 -1921годах – военный министр и министр авиации. Был одним из организаторов антисоветской интервенции.

В 1921-1922 годах–министр колоний.

В 1924-1929 годах–канцлер казначейства (министр финансов).

В 30-е годы активно выступал против внешней политики С.Болдуина и Н.Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров.

С сентября 1939 до мая 1940 года – военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 года – премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны.

С мая 1940 по февраль 1942 – лидер палаты общин.

В 1951-1955 годах – вновь премьер-министр и первый лорд казначейства.

Лауреат Нобелевской премии по литературе.

THE SECOND WORLD WAR

ISBN 5-300-01537-7

9 785300 015374

«ТЕРРА» — «TERRA»